

ПОЭТЫ
ГРУППЫ «ОБЭРИУ»

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА МАКСИМОМ ГОРЬКИМ В 1931 ГОДУ

БОЛЬШАЯ СЕРИЯ

ИЗДАНИЕ

ТРЕТЬЕ

С О В Е Т С К И Й П И С А Т Е Л Ъ

ЛБ 67
ЛБ 67

ПОЭТЫ ГРУППЫ «ОБЭРИУ»

А. С. Пушкин (1799-1837)
Е. М. Акулиничев (1901-1937)
А. В. Вагнер (1899-1937) М. М. Далецкий
А. М. Ремизов (1877-1937)

Воспоминания о поэте

М. М. ДАЛЕЦКИЙ

Воспоминания о поэте

М. М. ДАЛЕЦКИЙ

Воспоминания о поэте

М. М. ДАЛЕЦКИЙ

Воспоминания о поэте

М. М. ДАЛЕЦКИЙ

Воспоминания о поэте

М. М. ДАЛЕЦКИЙ

Воспоминания о поэте

М. М. ДАЛЕЦКИЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СОЮЗДЕТКНИЗДАТ»

ЛЕНИН-ГРАДСКАЯ ОБЛАСТЬ

С-ПЕТЕРБУРГСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ · 1994

© 1994 г. Издательство «С.-Петербургское отделение»
Ленинградская область, г. Санкт-Петербург, ул. ...
Тел. ...

Редакционная коллегия

А. С. Куншер (главный редактор)

К. М. Азидовский, М. Л. Гаспаров,

А. В. Лаинов, Д. С. Лихачев, Ю. М. Лотман,

А. М. Панченко, И. Н. Сухих

Вступительная статья

М. Б. МЕЙЛАХА

*Биографические справки, составление,
подготовка текста и примечания*

М. Б. МЕЙЛАХА, Т. Л. НИКОЛЬСКОЙ,

А. Н. ОЛЕЙНИКОВА, В. И. ЭРЛЯ

Под общей редакцией

М. Б. МЕЙЛАХА

Издание подготовлено при содействии
фонда «Культурная инициатива»

Редактор Л. Г. Чащина

П 4702010202 — 002
083(02) — 94

ISBN 5-265-02520-0

- © И. В. Бахтерев, 1994.
- © М. Б. Мейлах: вступ. статья, составление, примечания, подготовка текста, биогр. справки, 1994.
- © Т. Л. Никольская: примечания, биогр. справка, 1994.
- © А. Н. Олейников: составление, примечания, подготовка текста, биогр. справка, 1994.
- © В. И. Эрль: составление, примечания, подготовка текста, 1994.

«Я ИСПЫТЫВАЛ СЛОВО НА ОГНЕ И НА СТУЖЕ...»

В послевоенные годы мало кто помнил о поэзии обэриутов. Успевшая потускнеть за прошедшие десятилетия память о странных ленинградских поэтах, за которыми прочно закрепилось это выразительное название¹, поддерживалась главным образом несколькими разрозненными страницами из «Случаев» Даниила Хармса и десятком стихотворений Николая Олейникова (который, кстати, «кадровым» обэриутом никогда не был). Эти вещи воспринимались по большей части как курьезы вздумавших поразвлечься детских писателей-профессионалов. Серьезных стихов Александра Введенского или Хармса среди них не попадалось, да и «детские» их сочинения помнили в шестидесятые годы те, кто были детьми в тридцатые. Имя Игоря Бахтерева связывалось главным образом с патриотической пьесой «Полководец Суворов». Ни Николая Заболоцкого, в тридцатых годах обратившегося к иной поэтической манере, ни Константина Вагинова, чья роль в ОБЭРИУ была скорее второстепенной, никто в послевоенное время с обэриутами не связывал.

О «взрослых» их произведениях все же кое-кто помнил: назовем имена Н. Асеева, который в начале тридцатых годов публично осудил обэриутов, а в 1938-м подарил одному из них свои «Высокогорные стихи» с надписью: «Александр Введенскому, детскому и недетскому», и В. Каверина, вспоминавшего об их выступлениях в Институте истории искусств. «Элегию» Введенского знала Анна Ахматова, которой Н. И. Харджиев восторженно читал ее накануне войны. Дневники Л. К. Чуковской сохранили рассказ Ахматовой о встрече в 1940 году с Хармсом, сказавшим ей, что гений, по его представлениям, должен обладать ясновидением, властностью и толковостью². Едва ли, однако, даже те, кто по-

¹ От ОБЭРИУ—Объединение реального искусства.

² См.: Чуковская Л. Записки об Анне Ахматовой. Париж, 1984. Т. 1. С. 99. (То же: «Нева». 1989, № 6. С. 44).

мнил обэриутов, отдавали себе отчет в том, что имена эти связаны с одной из ярких страниц русской поэзии двадцатого века.

1

Союз нескольких поэтов, ставших в конце 1927 года обэриутами, имеет достаточно долую предысторию. На протяжении по крайней мере трех предшествующих лет Введенский, Хармс, Борис Левин и Игорь Бахтерев (в 1926 году к ним присоединяются Заболоцкий и Вагинов) были объединены поисками новых путей в искусстве. Первым реализовал свои радикальные поэтические устремления Введенский, который работал под руководством поэта-футуриста Игоря Терентьева¹ в отделе фонологии при Институте художественной культуры², возглавляемом Казимиром Малевичем. Введенский и Терентьев читали работавшим при ГИНХУКе художникам³ заумные «ряды слов», стараясь установить соответствия между текстами и их живописным выражением⁴.

С Хармсом, который очень скоро становится его ближайшим другом и творческим сотоварищем, Введенский впервые встречается летом 1925 года. Тогда же с Хармсом знакомится гимназический товарищ Введенского — Я. С. Друскин, который, оставаясь всегда в тени, не только сыграл огромную роль в формировании мироощущения обоих поэтов, но после их гибели сохранил архивы, без которых они были бы обречены на окончательное забвение⁵.

¹ И. Г. Терентьев (1892—1937) в конце 1910-х годов входил вместе с Алексеем Крученых и Ильей Зданевичем в группу тифлисских футуристов-заумников «41». С середины двадцатых годов выступал как театральный режиссер и драматург.

² Институт художественной культуры (ГИНХУК) существовал в Петрограде-Ленинграде с 1923 по 1926 год; о работе Терентьева в фонологической лаборатории при ГИНХУКе — в его письмах А. Крученых и И. Зданевичу. См.: Терентьев И. Собр. соч. в 1-м т. / Под ред. М. Марцадури и Т. Никольской. Болонья, 1988. С. 400—404 и комментарий к ним.

³ Среди этих художников, наряду с М. В. Матюшиным, П. А. Мансуровым, Б. В. Эндером (который сам, отметим, писал заумные стихи и иллюстрировал книгу заумника Туфанова), были ученики Малевича Л. А. Юдин и Н. М. Суетин.

⁴ Более всех к подобным экспериментам могла быть расположена В. Ермолаева, верная соратница Малевича, связанная в десятые годы с И. Зданевичем. Непосредственное отношение к этому имеет, по-видимому, несколько более поздняя запись в записной книжке Даниила Хармса: «Писали вещь — ряды».

⁵ См.: Друскин Я. С. Чинари // «Аврора». 1989, № 6. С. 103—115. Автор этих строк хотел бы выразить бесконечную признательность Я. С. Друскину (1902—1980) за долгие годы общения, в процессе которого изучались собственные сочинения Друскина и наследие его погибших друзей — Хармса, Введенского и Липавского, шла работа над подготовкой их изданий и формировалось понимание их творчества, которым автор в огромной мере обязан Я. С. Друскину.

Введенский и Друскин принимают Хармса в свой круг, куда, кроме них, входил еще один их гимназический товарищ — Л. С. Липавский¹. Во второй половине двадцатых годов к дружескому сообществу примкнули поэты Н. Олейников и Н. Заболоцкий². Союз этот просуществовал до тех пор, пока аресты, смерти и война не разметали его участников.

Буквально с первых дней знакомства Введенский и Хармс были объединены участием в разнообразных организациях и группах, в различных сборниках. Оба они вступают в ленинградский Союз поэтов и в 1926 — 1927 годах печатают свои стихи в выпущенных союзом антологиях — «Собрание стихотворений» и «Костер»³; печатаются они и в изданиях для детей, куда их пригласил Олейников, организовавший вместе с Житковым Ассоциацию писателей детской литературы. В середине двадцатых годов расширяется круг их литературных знакомств. Они часто бывают у Николая Клюева, посещают Михаила Кузмина, считавшего Введенского эпохальным поэтом⁴.

Особо следует остановиться на нескольких левых группировках, в которых сотрудничали наши поэты. Первой из них была возглавлявшаяся Александром Туфановым группа поэтов-заумников⁵.

Хотя творчество Туфанова имеет отношение лишь к предистории ОБЭРИУ, сказать несколько слов о его теории зауми, повлиявшей на поэтику и философское мироосмысление Введенского и Хармса, необходимо. В начале двадцатых годов Туфанов увлекся фонологией зауми. В трактате «Заумие», вошедшем в его

¹ О Л. С. Липавском (1904—1941) см. во вступительной заметке Ж.-Ф. Жаккара «Страшная бесконечность Леонида Липавского» к публикуемому им философскому трактату последнего «Исследование ужаса» // Wiener Slawistischer Almanach. Bd. 27. 1991. S. 229—232.

² В середине тридцатых годов Заболоцкий отошел от этого круга.

³ До 1967 года эти публикации оставались, помимо произведений для детей, их единственными напечатанными текстами.

⁴ Его имя постоянно упоминается в кузминских дневниках двадцатых годов; он запечатлен на фотографии, снятой на праздновании в 1925 году пятидесятилетнего юбилея Кузмина, а в 1927 году Хармс в своих записных книжках упоминает о чтении Введенским стихов в доме Кузмина.

⁵ Полное название — «Орден заумников DSO». См.: [Н и к о л ь с к а я Т.] Орден заумников // Russian Literature. XXII. 1987, № 1. P. 85—96; Т у ф а н о в А. Ушкуйники / Сост. Ж.-Ф. Жаккар и Т. Никольская. Беркли, 1991 (см. там же обширные приложения, статьи и комментарии составителей); Ж а к к а р Ж.-Ф., У с т и н о в А. Заумник Даниил Хармс: Начало пути // Wiener Slawistischer Almanach. Bd. 27. 1991. S. 159—183. Интересные воспоминания о Туфанове оставил Л. Гумилевский. См.: Гумилевский Л. Судьба и жизнь // «Волга». 1988, № 7.

книгу «К зауми. Стихи и исследования согласных фонем» (Пг., 1924), он изучает «фонетические и музыкальные функции согласных», перенося на поэзию принцип «расширенного смотрения», «затылочного зрения», разработанный художником М. Матюшиным. Кроме того, Туфанов подчеркивает национальный характер зауми, образец которой дан в поэме «Ушкуйники» (1927). В предисловии и декларации, предворяющих поэму, Туфанов повторяет основные положения трактата «Заумие» и призывает своих последователей брать «фонемы, морфемы и фразы в самой стихии языка». По-видимому, вариант этой декларации был оглашен Туфановым под названием «Манифест» на вечере заумников с участием Хармса и Введенского, который состоялся в октябре 1925 года. Сохранившийся в бумагах Хармса анонимный отчет о вечере любопытен, прежде всего, прояснением упоминающейся в декларации мировоззренческой «классификации поэтов по кругу», опирающейся на «расширенное восприятие мира и непосредственное восприятие времени» в традиции «зоркого ведания» (*зорвед*) Матюшина и его группы, шире — русского футуризма (вопрос этот имеет особое значение с точки зрения истоков трактовки Введенским проблемы времени — важнейшей проблемы его поэзии). Что касается самой классификации, то она существенна утверждением категорий «искажения» и «преображения» мира в творчестве воспринимающих его под углом 180—360° поэтов-заумников.

Участие Введенского и Хармса в группе Туфанова не было долгим. По воспоминаниям И. Бахтерева, оба «чинаря»¹ выступают за переориентацию «Ордена заумников» в группу «Левый фланг» — инициатива, окончившаяся неудачей вследствие мало-перспективного состава ее членов².

Новая консолидация сил происходит осенью 1926 года в русле работы над постановкой пьесы «Моя мама вся в часах», составленной из произведений Хармса и Введенского и получившей название по одной из ледошедших вещей последнего. В работе «Радикса» участвуют писатели и артисты, с которыми Введенский и Хармс сотрудничают на протяжении нескольких лет вплоть до разгрома ОБЭРИУ. Именно тогда к ним примыкает Николай За-

¹ Под именами чинарей Хармс и Введенский начинают фигурировать с начала 1926 года: Хармс — «чинарь-взиральник», Введенский — «чинарь авто-ритет бессмыслицы». По мысли Я. С. Друскина, эти имена обозначают их участие в интимном поэтическом союзе, шире — в небольшом сообществе друзей-единомышленников.

² Это последнее название снова возникает несколько позже и применительно к иному составу участников. Туфанов, впрочем, в 1927 году издает своих «Ушкуйников» под грифом: «Левый фланг Л. О. ВСП (то есть — Ленинградское отделение Всероссийского союза поэтов. — М. М.), Новгород, 1471» (!).

болоцкий, с которым они были в этот период поэтически наиболее тесно связаны. В постановке принимают участие и другие будущие обэриуты — Игорь Бахтерев¹, Борис (Дойвбер) Левин, Константин Вагинов. На основе «Радикса» происходит сближение его инициаторов с Казимиром Малевичем, предоставившим им для репетиций помещение — Белый зал ГИНХУКа, в котором между 18 октября и 10 ноября состоялось семь репетиций, после чего театральная деятельность «Радикса» прекратилась. Причина заключалась, скорее всего, в обстоятельствах, связанных с затруднениями, которые испытывал ГИНХУК накануне своего закрытия. Прекратив свое существование как театральный коллектив, группа «Радикс» стремится создать союз, который объединил бы все лучшие силы Ленинграда. Участие Малевича и его группы в таком союзе «чинари» не могли не придавать первостепенного значения. Вместе со своими товарищами по «Радиксу» Хармс ведет с Малевичем переговоры и в конце декабря 1926 года получает у него, как сказано в записных книжках, «абсолютное согласие на вступление в нашу организацию»². «Чинари» — участники «Радикса» — намеревались составить «основной стержень» объединенного союза с «верховой властью» в лице Малевича, Введенского и Бахтерева. При обсуждении имени организации фигурировало название основанного Малевичем в 1920 году в Витебске УНОВИСА (Утвердители нового искусства), ставшее символом супрематизма. Странный результат переговоров составили заумные фразы, которыми обменялись участники («сколько очков под Зайцем» — «граммофон плавает некрасиво») ³. Как вещественная память отношений обэриутов с Малевичем осталась его примечательная надпись на книге «Бог не скипует» (Витебск: УНОВИС, 1922), подаренной им

¹ Игорь Бахтерев — единственный ныне здравствующий обэриут, который, будучи на четыре года моложе Введенского и Хармса и на пять — Заболоцкого, прошел с ними весь путь от «Радикса» до ОБЭРИУ. Его «невдуманый рассказ» — «Когда мы были молодыми», не раз цитируемый на этих страницах, — служит бесценным источником по предыстории и истории ОБЭРИУ.

² Обширный документальный материал о «Радиксе» приводится в издании: В в е д е н с к и й А. Полн. собр. произведений в 2-х т. М., 1992. Т. 2. Приложение VI. См. также: Б а х т е р е в И. Когда мы были молодыми // Воспоминания о Н. Заболоцком. М., 1984. С. 57—100; М е й л а х М. Малевич и обэриуты (в печати).

³ Переговоры поэтов с Малевичем велись на фоне кампании, развернутой против него после публикации в «Ленинградской правде» 10 июня 1926 года статьи Г. Серого «Монастырь на госснабжении», в которой «юродивые обитатели» этого «монастыря» обвинялись в «художественном рукоблудии и контрреволюционной пропаганде». Кампания завершилась в декабре 1926 года закрытием ГИНХУКа.

Хармсу 16 февраля 1927 года: «Идите и останавливайте прогресс». В свою очередь, Хармс посвятил Малевичу стихотворение «Искушение», датированное двумя днями позже и несущее, по-видимому, отпечаток идей этого философического очерка Малевича, их последней встречи и размышлений о его творчестве, поэтической репризой которого представляются строки: «Четыре девки в перспективе: Наши руки многогранны...» и т. д. Здесь мы не имеем возможности углубляться в сопоставительный анализ поэтических установок членов ОБЭРИУ (различных у разных поэтов и в разные периоды) с живописными методами Малевича и философией супрематизма. Заметим лишь, что тех и другого объединяла прежде всего радикальность как в критике различных направлений в искусстве, основанных на предметных связях, так и в поисках новых путей, «абсолютных смыслов», и стоящая за этими поисками «предельная бытийная устремленность».

Стремление к инкорпорации «всех левых сил» прослеживается и в зафиксированном Хармсом в марте 1927 года проекте первого сборника «Радикса». Если «творческий», то есть поэтический, раздел сборника включает имена тех же «чинарей» — участников «Радикса», а также Заболоцкого, Вагинова и Туфанова (сюда же включено имя Хлебникова!), то отдел «теоретический» составили произведения и других авторов. Здесь должны были быть сообщения Л. Липавского о «чинарях» и В. Ключкова о «Радиксе», которому, кроме того, посвящены доклады его режиссера Кох-Боота (псевдоним Г. Кацмана) и С. Л. Цимбала. Однако наряду с этими материалами отдел должен был включать «западные корреспонденции» Малевича «Об искусстве», информацию о московском ЛЕФе А. Островского, а также статьи формалистов во главе с В. Б. Шкловским (о Хлебникове), Б. Я. Бухштаба (о Вагинове), Л. Я. Гинзбург, В. А. Гофмана и Н. Л. Степанова¹. Проект сборника включает, наконец, материалы по живописи (в том числе учеников Малевича из ГИНХУКа) и графике, которая должна была быть представлена Филоновым и Заболоцким. Тем временем Малевич пишет К. И. Рождественскому из Варшавы (приводим с его любезного согласия): «Дорогой Рождественский, необходимо Вам найти чинарей и сказать им, чтобы они собрали свои стихотворения. Я хочу связать их с польскими поэтами...»²

Реальное объединение кристаллизуется, однако, на более локальной основе. В декабре 1926 года, еще до беседы с Малевичем, в записных книжках Хармса появляется название будущего «Фланга левых», среди предполагаемых членов которого названы

¹ Позже, в 1929 году, формалисты были приглашены в готовившийся обэриутами сборник «Ванна Архимеда».

² Собрание К. И. Рождественского.

Бахтерев и Заболоцкий, а также участники туфановской группы знаменников; перечислены также Малевич, В. Дмитриев и С. Цимбл. «Фланг левых» переформируется в «Левый фланг» — это последнее название употребляется в проекте сборника «Радикса». Согласно воспоминаниям И. Бахтерева, Заболоцкий и Введенским была разработана декларация, прочитанная на диспуте после вечера Маяковского в 1927 году в Ленинградской капелле, когда на сцену вышли Введенский, Хармс, Бахтерев и Левин (там же присутствовавший Олейников, партийный со времен гражданской войны, присоединиться отказался, поскольку в зале находились «его ребята из райкома»). Подошедший к ним после этого Виктор Шкловский сказал как будто такую фразу: «Эх вы, даже скандала устроить не умеете». По словам Бахтерева, Маяковский, с которым после диспута они несколько минут смогли поговорить в артистической, предложил написать статью о «Левом фланге» для журнала «Новый ЛЕФ»¹. Эта статья, написанная с помощью Бахтерева и Заболоцкого журналистом В. Клейковым, не была, однако, опубликована. Возможно, что стихи Введенского и Хармса, хранившиеся в так называемой «корзине ЛЕФа» (архиве произведений, не представлявших для редакции непосредственного интереса), были приложены авторами именно к этой статье.

Попытки найти название для союза, состав которого к этому времени можно считать более или менее уже установившимся², прослеживаются как некая навязчивая идея по записным книжкам Хармса и его черновикам. «„Академия левых классиков“ — так назывались мы с пятницы 25 марта 1927 года, — записывает Хармс. — Пришло оно у Кацманов, мы были там, чтобы писать декларацию, и вот нас осенило название». Вскоре после этого, 28 марта, во время выступления группы на собрании литературного кружка Высших курсов искусствования при Институте истории искусств, разразился скандал, послуживший поводом для разгромной статьи в газете «Смена»³, в свою очередь явившейся основанием для коллективного доноса в «Союз поэтов». В объяс-

¹ Искаженное изложение этих обстоятельств дано в очерке Дымшица «С Маяковским». См.: Дымшица А. Звенья памяти: Портреты и зарисовки. М., 1975. С. 11—29.

² Немного позже к нему примкнул только совсем молодой Ю. Д. Владимиров (1908—1931) — талантливый поэт, рано умерший от туберкулеза. Из его сочинений, помимо опубликованных «детских» вещей, сохранилась лишь рукопись раннего рассказа «Физкультура».

³ См.: Иоффе И., Железов Л. Дела литературные (О «чинарях») // «Смена». 1927, 3 апр.

нительной записке, подписанной «чинарями» Введенским и Хармсом, указывалось, что сакраментальная фраза Хармса «Товарищи, имейте в виду, что я ни в конюшнях, ни в бардаках не выступаю», после которой он покинул собрание, относилась к хулигански настроенной аудитории, свистками и криками мешавшей начать выступление¹. Из «Союза» оба поэта были, однако, «вычищены» лишь спустя два с половиной года — за неуплату членских взносов (кстати, одновременно с Осипом Мандельштамом).

В последний раз проблема «названия» возникает осенью 1927 года, когда симпатизировавший левому искусству директор Дома печати Н. П. Баскаков предложил группе войти в состав творческих секций Дома печати и согласился на проведение в ее рамках большого вечера-выступления². В 1927 году слово «левый» звучало уже одиозно, и, принимая группу под свою опеку, Баскаков поставил условием, чтобы слово это было исключено из ее наименования. Тогда и возникло новое название: Объединение Реального искусства, первоначально — ОБЕРИО³. Чтобы затушевать, по объяснению Бахтерева, стоявшие за сокращением слова, а также, как нам кажется, для придания ему большей экзотичности, Хармс настоял на замене «е» на «э», а «о» на «у». Именно это название, от которого было образовано наименование участников группы — «обэриуты», и стало отождествляться с именами бывших «чинарей». Такое отождествление является суживающим по двум причинам. Прежде всего, сама группа ОБЭРИУ, просуществовавшая всего около двух с половиной лет, была лишь заключительным звеном в серии трансформировавшихся одно в другое творческих объединений: «Левый фланг» (заумников) — «Радикс» — «Фланг левых» — «Левый фланг» (условно — «Союза поэтов») — «Академия левых классиков» и, наконец, ОБЭРИУ. Кроме того, активность Введенского, Хармса и Заболоцкого в рамках этих объединений все же никак не исчерпывает полноты их творчества, не замкнутого эпохой ОБЭРИУ даже хронологически. Творчество поэтов-обэриутов, при всех сходствах и различиях, перерастает и теоретические положения «Декларации Ордена

¹ См.: Ж а к к а р Ж.-Ф., У с т и н о в А. Указ. соч. С. 169—170.

² См.: Б а х т е р е в И. Указ. соч. С. 84. Из заметки Д. Толмачева в «Жизни искусства» следует, что декларация группы читалась в Доме печати незадолго до 1 ноября 1927 года; упоминается также, что обэриуты заявляют в этой декларации «о своей общественной значимости». См.: Т о л м а ч е в Д. Дадаисты в Ленинграде // «Жизнь искусства». 1927, 1 нояб. С. 14.

³ Эта форма (на «О») дважды зафиксирована в календаре «Афиш Дома печати»: 1928, № 1. С. 9, 16.

шумников» Туфанова и декларации, или манифеста, обэриутов, напечатанной в «Афишах Дома печати» (1928, № 2. С. 11—12).

Декларация состояла из четырех глав: «Общественное лицо ОБЭРИУ», «Поэзия обэриутов» (написаны Н. А. Заболоцким), «На путях к новому кино» (написана А. В. Разумовским) и «Театр ОБЭРИУ» (написана И. В. Бахтеревым и Дойвбером Левиным). В поэтической своей части манифест провозглашает обэриутов творцами «нового поэтического языка и нового ощущения жизни и ее предметов». Как когда-то в футуристических декларациях, в манифесте много говорится об очищении «конкретного предмета» от «литературной и обиходной шелухи», «от ветхой литературной позолоты», от «мусора стародавних истлевших культур». Перспективным в контексте творчества поэтов-обэриутов явился противопоставленный зауми тезис об «углублении и расширении смысла предмета и слова» за счет «столкновения словесных смыслов». Как бы то ни было, едва ли стоит абсолютизировать значение этого текста, за последние годы много раз переиздававшегося и переводившегося.

Деятельность членов ОБЭРИУ протекала в русле традиций «Радикса» и в большой мере заключалась в проведении театрализованных выступлений-концертов, не прекращавшихся, впрочем, ни в эпоху «Левого фланга», ни в эпоху «Академии левых классиков». В зале развешивались плакаты со знаменитыми надписями: «Искусство это шкап», «Мы не пироги» и т. п.; в концертах продолжали участвовать актеры «Радикса», в том числе фокусник Алексей Пастухов, балерина Милица Попова. Наиболее эпатажными оказывались обычно стихи всегда готового к скандалам Введенского. Выступления группы, проходившие в самых разнообразных местах — в «Кружке друзей камерной музыки»¹, в воинской части, где служил Заболоцкий, в клубах и театрах, даже в тюрьме, частично описаны в мемуарах. В качестве примера приведем переписанную в записных книжках Хармса программу «вечера в трех покусах» под названием «Василий Обэриутов», который должен был состояться в Институте истории искусств «12 Деркаребаря 1928 года». Наряду с неперменным «центральным шкапом», придуманным Введенским «антрактом-катарактом» и «разными пуговицами» после диспута, программа вечера включала следующие номера:

«...Дойвбер Левин	— эвкалическая проза.
Даниил Хармс	— „Предметы и фигуры“.
Алексей Пастухов	— то же.
Игорь Бахтерев	— „Вилки и стихи“.
Александр Введенский	— „Самонаблюдение над стеной“.

¹ См.: Театры и зрелища, № 1 («Жизнь искусства». 1927, № 1. — Приложение). С. 2, 13—14.

Однако обозначение даты эпатировало дирекцию, и вечер был отменен.

Апофеозом театрализованных выступлений группы явились, несомненно, «Три левых часа», состоявшиеся 24 января 1928 года на сцене Дома печати. Программа была дважды (из них один раз «вверх ногами») объявлена в вечерней «Красной газете» и включена в «Афиши Дома печати», а также выпущена отдельным анонсом для расклейки. В течение первого — поэтического — часа, вслед за оглашением Заболоцким «Декларации», поэты читали стихи вокруг знаменитых обэриутских шкафов, оставшихся на сцене после на шумевшей постановки терентьевского «Ревизора» и служивших манифестацией их скандально известного, восходящего к чеховскому «глубокоулажаемому шкафу», лозунга «Искусство это шкаф»¹.

Гвоздем же программы «Три левых часа» была, по всей видимости, постановка пьесы Хармса «Елизавета Бам», осуществленная Бахтеревым, Левиным и самим Хармсом (Г. Кацман в апреле 1927 года был арестован). Сохранившийся у Н. И. Харджиева постановочный сценарий пьесы с пометами Хармса, отсылающими к различным вариантам «Радикса» (например, «Ритмический „Радикс“», «Торжественная мелодрама, подчеркнутая „Радиксом“» и другие) указывает на прямую преемственность этого спектакля по отношению к «Радиксу»².

Несмотря на отрицательный, хотя и выдержанный еще в сравнительно беззлобных тонах отзыв о вечере официальной критики (поэзия Введенского и Хармса противопоставлялась здесь «очень понятным и весьма ямбического происхождения стихам Заболоцкого» соответственно как «жуткая заумь, отзывающаяся белибердой», и «откровенный до цинизма сумбур, в котором никто ничего не понял»)³, обэриуты продолжали устраивать театрализованные вечера в течение еще двух лет. Давались вечера для студентов — в ноябре 1927 года Хармс записывает, что Клюев пригласил его и Введенского «читать стихи у каких-то студентов, но, не в пример прочим, довольно культурным». О вечере, состоявшемся весной 1930 года в общежитии студентов Университета, дает некоторос представление напечатанная в «Смене» погромная статья Л. Нильвича с названием не менее злоеющим, чем ее содержание, — «Реакционное жонглерство (Об одной вылазке литературных хулиганов)»⁴; статьей этой был положен конец концертной деятельности обэриутов. По этому образцу проработочной критики, утвердившейся в печати на последующую четверть века, можно судить, насколько изменилась за два года общественная обстановка. Если в статье «Ытуеребо» обэриуты трактуются хотя

¹ См., в частности, воспоминания: Семенов Б. Далекое рядом // «Нева». 1979, № 9. С. 180—185.

² См. попытку реконструкции этой постановки в статье М. Мейлаха в журнале «Театр»: 1992, № 11.

³ Лесная Л. Ытуеребо // «Красная газета». Веч. вып. 1928, 25 янв.

⁴ См.: «Смена». 1930, 9 апр.

и без какого бы то ни было понимания, но все же с известной терпимостью, то статья «Реакционное жонглерство» содержит полный набор роковых формул — от обвинения «группки» обэриутов в «литературном хулиганстве» и «заумном словоблудии» до объявления их поэзии контрреволюционной, а их самих — классовыми врагами. Примерно в то же время в журнале «Ленинград» появляется еще одна статья, в которой о поэзии обэриутов говорится как о «явно враждебном нашему социалистическому строительству и нашей советской революционной литературе течении»¹.

Между тем «шатания в партии» (если воспользоваться тем же языком) наметились и внутри самого ОБЭРИУ: об этом говорит хотя бы красноречивая запись Хармса в октябре 1928 года, сужающая число «действительных членов ОБЭРИУ» до четырех участников, с замечанием: «Лучше три человека, вполне связанных между собой, нежели больше, да постоянно несогласных». Однако в записных книжках отражена и противоположная линия — расширительная, идущая со времен «Радикса», когда казалось еще возможным объединение «всех левых сил в искусстве». Весной 1929 года задумывается не увидевший света сборник «Ванна Архимеда»², обширное оглавление которого, зафиксированное в записных книжках Хармса, включает, вместе с обэриутами, имена формалистов (Шкловский, Эйхенбаум, Бухштаб, Гинзбург и другие), а также прозаиков Каверина, Добычина, Олеси, Тынянова и Шкловского; ответственный «по стихам» в этом сборнике — Введенский. Связь обэриутов с формалистами отразилась впоследствии в характерном названии книги стихов Вагинова «Опыты соединения слов посредством ритма» (1931).

Спустя примерно полтора года после появления статьи «Реакционное жонглерство» на Заболоцкого, Введенского и Хармса в своем докладе на поэтической дискуссии в Союзе писателей нападает Н. Асеев. При соблюдении внешне академического стиля в этой программной речи, прочитанной 16 декабря 1931 года и вскоре опубликованной под названием «Сегодняшний день советской поэзии», он упрекает эту группу поэтов в том, что ее «поэтическая практика далека от проблем соцстроительства»³. К этому времени почти все поэты-обэриуты были уже арестованы. Введенский был 10 декабря снят с поезда, на котором ехал на юг (говорили, что его местонахождение указал властям тогдашний директор Госиздата). Одновременно арестован был Хармс — это произошло на квартире его знакомого, преподавателя П. П. Калашникова, у которого был найден дневник 1920 года, содержащий критические высказывания по поводу советской власти и

¹ См.: С л е п н е в Н. На переломе // «Ленинград». 1930, № 1 (май). С. 1—4.

² Одноименный сборник произведений обэриутов (Л.: Художественная литература, 1991), чрезвычайно небрежно составленный и изобилующий всевозможными неточностями и ошибками, к оригинальному проекту не имеет никакого отношения.

³ См.: «Красная новь». 1932, № 2. С. 159—172.

личности Ленина, а незадолго до этого на квартире у Хармса был арестован директор Дома печати Н. П. Баскаков¹. Аресту подверглись также И. В. Бахтерев, И. Л. Андроников, А. В. Туфанов (потом, после мордовских лагерей, он был сослан в Орел, затем в Новгород, где стал заведовать историческим кабинетом в Педагогическом институте) и несколько их знакомых. Отвлекаясь от академического тона, замечу, что, поразительным образом, до самого последнего времени основным источником сведений о «деле детских писателей» являлась выписка, приобретенная к собственному делу автора этих строк, когда в 1983 году ему было предъявлено обвинение в «антисоветской агитации и пропаганде»: КГБ, видимо, решил продемонстрировать, какими плохими писателями он занимался. Лишь тогда выяснилось, что Введенскому и Хармсу были предъявлены обвинения в контрреволюционной деятельности по статье 58-10, в частности во вредительстве в области детской литературы; им инкриминировалось, что они отвлекают людей от задач строительства своими «заумными стихами». В весьма же кучей справке, выданной КГБ в марте 1991 года (в полной мере ознакомиться с делами поэтов КГБ не предоставил нам возможности и по сей день), говорится:

«Следствием было установлено, что группа, в которую входили Ювачев-Хармс Д. И. и Введенский А. И., организовалась в 1926 году на основе контрреволюционных монархических убеждений ее участников и вступила на путь активной контрреволюционной деятельности. Первоначально она оформилась в нелегальный орден „ДСО“ или „Самовщина“. В 1928 году из состава „ордена“ выделилась группа литераторов в составе Ювачева-Хармса Д. И., Введенского А. И. и других, активизировавшая свою подрывную работу путем использования советской литературы в контрреволюционной деятельности среди гуманитарной интеллигенции (преимущественно литераторов и художников)». В справке же, приложенной к делу Введенского 1941 года при его пересмотре в 1964 году (это дело получить удалось), содержится пересказ обвинительного заключения, согласно которому поэт, «будучи монархистом по убеждению и являясь членом руководящего ядра антисоветской группы литераторов, сочинял и протаскивал в детскую литературу политически враждебные идеи и установки, культивировал и распространял поэтическую форму „зауми“ как способ зашифровки антисоветской агитации, сочинял и нелегально распространял антисоветские литературные произведения». Аналогичные действия инкриминировались и другим участникам «группы».

Как видим, нить тянется к 1925 году, когда Введенский и Хармс принимали участие в туфановском «Ордене заумников ДСО». Квалификация же зауми как способа зашифровки антисоветской агитации может быть связана с показаниями Терентьева,

¹ Социальные предпосылки этого дела исследуются в пронизательной статье, содержащей попытку его реконструкции. См.: У с т и н о в А. Дело Детского сектора Госиздата 1932 г. // Михаил Кузмин и русская культура XX века. Л., 1990. С. 125—136.

арестованного в Днепропетровске 24 января 1931 года. Согласно этим показаниям, «„беспредметничество“, которое лежало в основе всех этих групп, начиная от Малевича, Мансурова, Филонова, Матюшина с их учениками и кончая обэриутами во главе с Введенским и Хармсом, представляло собой, с одной стороны, способ шифрованной передачи за границу сведений о Советском Союзе <...>; с другой стороны, то же „беспредметничество“ представляло собой идеологическую и техническую базу для контрреволюционной работы всех видов формализма (sic! — М. М.), стремившегося извращать советскую тематику <...>».

21 марта 1932 года выездная сессия Коллегии ОГПУ постановила: «Введенского А. И. — из-под стражи освободить, лишив права проживания в 16 пунктах СССР и погранокругах сроком на три года». Освобожден был и Бахтерев; Хармс же оставался под стражей еще три месяца. Обвинение по их делу было подписано В. Р. Домбровским — мужем той самой Г. Д. Левитиной, к которой обращено стихотворение Олейникова «Я влюблен в Генриетту Даныдовну...» (№ 157) и в чьем доме, не ведая, кто ее супруг, бывали обэриуты.

По рассказу Я. С. Друскина, следователь, который сам был впоследствии репрессирован и расстрелян, обвинил Введенского в том, что его стихи — это «литературная литургия» (не тематика ли — «время, смерть и Бог», приверженцем которой Введенский провозгласил себя еще в двадцатые годы, — вызвала в его сознании ассоциации с церковью и ее словарем?). Но скорее всего, акция эта одной из своих сторон была репетицией той чистки в области детской литературы, которая завершилась в 1937 году травлей С. Я. Маршака и разгромом его редакции, в чем принял участие писатель Лев Успенский. Такое предположение подтверждают лишь недавно опубликованные (и существенно расширяющие наши представления о процессе) фрагменты из протоколов допросов А. Введенского, в которых следователь настоятельно добивался «компромата» на Маршака, а также отрывки из обвинительного заключения, в котором, в частности, говорится: «С 1928 г. руководящее ядро распавшегося „Ордена ДСО“ во главе с Хармсом организовалось в антисоветскую группу детских литераторов, ведущую антисоветскую деятельность в детском секторе ЛЕНОТТИЗа и, позже, издательства „Молодая гвардия“ <...>»¹.

¹ Протоколы допросов А. Введенского, Д. Хармса, А. Туфанова, И. Андроникова вместе с фрагментами обвинительного заключения по делу 4246—32 опубликованы И. С. Мальским в специальном выпуске газеты «Санкт-Петербургский университет» (1991, 1 ноября). В этом же номере напечатан и хранящийся в архиве КГБ «Сборник контрреволюционных произведений нелегальной антисоветской группы детских писателей. Выпуск 1-й», составленный сотрудниками ОГПУ и включающий тексты Д. Хармса, А. Введенского, И. Бахтерева, А. Туфанова и П. Калашникова. См. также: Мальский И. Разгром ОБЭРИУ: Материалы следственного дела // «Октябрь». 1992, № 11. С. 166—191.

Наказание обоим поэтам было, однако, смягчено, и после недолгой ссылки в провинциальные города — Курск, Вологду, Борисоглебск, сначала Хармс (в ноябре 1932 года), а за ним и Введенский (в январе 1933-го) возвращаются домой. В 1933—1934 годах Л. Липавский пишет «Разговоры» — род дневника, в котором сделана попытка зафиксировать разговоры четырех поэтов и двух философов — Введенского, Хармса, Олейникова, Заболоцкого, Друскина и самого Липавского, — составивших, как сказано выше, узкий круг единомышленников. Однако старые претензии Заболоцкого к Введенскому вспыхивают с новой силой, и он с ним ссорится окончательно, хотя с Хармсом продолжает изредка встречаться. Постепенно Заболоцкий все более отдаляется от своих бывших товарищей по ОБЭРИУ.

Несмотря на некоторое охлаждение между Введенским и Хармсом после совместной жизни в курской ссылке и на небольшие расхождения внутри круга, эти люди, из числа которых был изъят арестованный и расстрелянный в 1937 году Олейников¹, до самого конца сохранили теснейшую связь. В 1933 году Хармс отзывается о Введенском как о наиболее «демоничном» из всего круга (в гётевском смысле, связанном с торжеством положительной энергии, выражающей себя, в частности, в особой одаренности) и в том же году — как об одном из «великих писателей» (среди них Хармс называет Блейка, Гоголя, Толстого, Хлебникова), которые все «имели свою идею и считали ее выше своих художественных произведений <...>».

Вскоре после начала войны Введенский и Хармс — один в Харькове, другой в Ленинграде — были повторно арестованы и погибли — первый на этапе, второй в тюремной «психушке». Липавского ждала другая смерть — он погиб в ополчении под Ленинградом.

Остается сказать, что память о Введенском и Хармсе умерла бы вместе с их немногими уцелевшими знакомыми, если бы Я. С. Друскин, будучи уже в состоянии дистрофии, не отправился через весь блокадный Ленинград на квартиру Хармса, чтобы спасти его бумаги. Здесь он встретился с женой Хармса М. В. Малич, которая жила в «писательской надстройке» на канале Грибоедова: в их дом попала бомба — стекла были выбиты, да и оставаться в квартире после ареста мужа было небезопасно. М. В. Малич дала Друскину чемодан, в котором он унес рукописи и с которым не расставался даже в эвакуации. Благодаря этому оказались спасены бумаги не только Хармса, но и Введенского, входившие в архив Хармса. В течение пятнадцати лет Я. С. Друскин, все еще надеясь на возвращение своих друзей, не прикасался к архиву, и только в 1950-х годах, когда никаких надежд уже не оставалось, начал его разбирать. Спустя еще десятилетие в данной работе к нему присоединился автор этих строк.

¹ См.: Л у н и н Е. Дело Николая Олейникова // «Аврора». 1991, № 7. С. 140—146.

На протяжении последней четверти века произведения обэриутов стали понемногу издаваться — главным образом за рубежом, а в последние годы и на их родине. Не будет, однако, преувеличением сказать, что их поэтика все еще остается областью весьма мало изученной¹. Именно этот упрек делает в своей статье, содержащей пронизательный реальный комментарий к стихотворению Хармса «I разрушение», Л. Флейшман, говоря о «неприложимости выработанных в последние годы (даже на базе авангардисткой поэтики) научных средств для описания определенной части обэриутского творчества»². Однако содержание самого понятия «обэриутское творчество» представляется весьма расплывчатым. Помимо глубоких различий между поэзией, с одной стороны, скажем, Хармса, Введенского и Бахтерева, с другой — Заболоцкого, Олейникова и стоящего особняком Вагинова, надо еще раз подчеркнуть, что собственно обэриутский период (1927—1930) всего их творчества, как уже отмечалось, отнюдь не исчерпывает. Если свои лучшие стихи Заболоцкий действительно написал, будучи обэриутом, то наиболее значительные произведения Введенского и Хармса относятся, напротив, к тридцатым годам. Вместе с тем термин «поэзия обэриутов» не является бессодержательным: общие черты поэтики Введенского, Хармса и Заболоцкого, в дальнейшем разработавших собственные пути в искусстве, формировались именно в обэриутский период.

Поэзия и Введенского, и Хармса, в силу известной своей эзотеричности, пользовалась до сих пор несравненно меньшим вниманием исследователей³, чем, например, хармсовская проза, которой посвящено несколько диссертаций, сборник статей и множество отдельных работ. Сравнительно меньшее внимание уделено поэзии Хармса и в новейшей, заслуживающей всякого внимания

¹ Например, в содержательной статье А. Герасимовой (Обэриу // «Вопросы литературы». 1988, № 4. С. 48—79) сохраняется принцип интерпретации творчества каждого из обэриутов в отдельности, суженной к тому же до «проблемы смешного».

² См.: Флейшман Л. Об одном загадочном стихотворении Даниила Хармса // *Stanford Slavic Studies*. Vol. I. 1987. P. 247—258. Однако предлагаемый автором метод поиска исторического подтекста может оказаться плодотворным применительно лишь к немногим текстам Хармса и в гораздо меньшей степени применим, например, к Введенскому.

³ «Введением в творчество Даниила Хармса и Александра Введенского» назвала, впрочем, свою книгу, где значительное внимание уделено поэзии обоих авторов, А. Стоун-Нахимовская. См.: *Stoyn Nakhimovskiy A. Laughter in the Void: An Introduction...* // *Wiener Slawistischer Almanach*. Sonderband 5. 1982. См. также проблемную рецензию на нее пионера западного обэриутоведения Р. Милнер-Гулланда в журнале: *Essays in Poetics: Journal of the British New-Formalist School*. 1984. IX. 1. P. 16—37.

монографии Ж.-Ф. Жаккара, который отправляется главным образом от философских сочинений поэта и его окружения, рассматриваемых на широком фоне европейского авангарда¹. Точно так же в сборнике статей «Даниил Хармс и поэтика абсурда» поэзии Хармса посвящена единственная статья — Н. Перлиной². Немногие существующие специальные исследования творчества Введенского, прежде всего важнейшие работы Я. С. Друскина, остаются неизданными, как и книга автора этих строк, из которой опубликованы лишь фрагменты³.

Заметим, наконец, что принадлежащие Заболоцкому характеристики обэриутов и в знаменитой «Декларации» ОБЭРИУ (см. Приложение, № 266), и в его полемическом открытом письме Введенскому⁴ хотя и говорят о «столкновении словесных смыслов» как основной черте обэриутской поэтики, тем не менее чересчур импрессионистичны и субъективны, чтобы служить каким-либо ориентиром в этой весьма сложной области.

Поэтическое становление Введенского и Хармса проходило в русле русского заумного футуризма, однако в разных его филиациях. Введенский, сотрудничавший с Терентьевым в его фонетической лаборатории в стенах ГИНХУКА, через него соприкасался, как уже говорилось, с классической футуристической традицией. Ранние поэтические опыты Введенского (единственный пример которых — «Парша на отмени» — приводится в Приложении) могут быть определены как эксперименты в русле, условно говоря, некоего постфутуризма. Они характеризуются бессюжетностью, известной семантической неупорядоченностью, умеренным обращением к зауми в футуристической традиции⁵. Речь идет о «фонетическом» написании, шрифтовых экспериментах (сводящихся у Введенского, впрочем, к использованию заглавных букв) в духе

¹ J a c c a r d J.-Ph. Daniil Harms et la fin de l'avant-garde russe. Bern, 1991 (Slavica Helvetica, vol. 39).

² P e r l i n a N. Daniil Kharm's Poetic System: Text, Context, Intertext // Daniil Kharm's and the Poetics of the Absurd: Essays and Materials. Ed. by N. Cornwell. London, 1991. P. 175—191. См. также послесловие Р. Миллер-Гуланда, с. 243—267.

³ См. «Звезду бессмыслицы» Я. С. Друскина и многочисленные комментарии, его и Т. А. Липавской, статьи Б. Улановской, Б. Ванталова, П. Неслухова; М. М е й л а х. Шкап и колпак: Фрагмент обэриутской поэтики // Тыняновский сборник: Четвертые Тыняновские чтения. Рига, 1990. С. 181—193; Mythopoeisis obegitiana: Заметки к построению обэриутской (мифо)поэтики // Пятые Тыняновские чтения: Тезисы докладов и материалы. Рига, 1990. С. 36—38; «Четыре описания» Александра Введенского: Заметки к построению обэриутской онтологии // Вестник новой литературы. № 4, 1992. С. 190—192; и другие.

⁴ См.: В в е д е н с к и й А. Указ. изд. Т. 2. Приложение IX. 1.

⁵ См. подробнее: М е й л а х М. Обэриуты и заумь // Заумный футуризм и дадаизм в русской культуре / Под ред. Л. Магаротто, М. Марцадури, Д. Рицци. Берн; Вена, 1991. С. 361—375.

книг поэтов-футуристов десятых годов. В группе стихотворений Введенского 1925—1926 годов и его поэме 1926 года «Минин и Пожарский» указанные элементы зауми и графики постепенно уступают место четкой ориентации на семантический эксперимент, который вскоре станет определяющим для поэтики и Введенского, и Хармса. Один из опытов в этом направлении — переход словесных рядов от осмысленности к бессмыслице. В одних случаях слова нормативного языка переходят в заумь, например «зубр арбр урбр хлрпр крпр трпр», в других — переходит в бессмыслицу набор значимых слов типа «КУМА ФОМА петРА попА», «туман тимпан веспасиан». Организующую роль в эволюции подобных рядов к бессмыслице может играть аллитерация, рифма, параллелизм любого рода и т. п. У Введенского можно найти множество примеров таких моделей, иллюстрацией которых в позднейшем его творчестве может служить пример из «Четырех описаний» (№ 23):

Я сидел в своей гостиной,
я сидел в своей пустынной,
я сидел в своей картинной,
я сидел в своей старинной,
я сидел в своей недлинной
за столом.

Чаще всего первые члены таких рядов являются осмысленными, последующие же переходят в абсурд. Такие модели, в предельных случаях приводящие к семантическому распаду, имеют в поэзии Введенского концептуальное значение, дискредитируя устойчивые механизмы языка и обусловленного им сознания. Важнейшим объектом критики Введенского являются сами свойства языка. Представляется, что, подвергая сомнению языковые механизмы, Введенский ставит опыт, призванный исследовать возможности детерминированного сознания. Он стремится не столько к восстановлению его нормальных функций, сколько к изучению их состоятельности в более глубоком плане. С помощью разрабатываемого им поэтического языка Введенский создает собственный мир, в котором время (и все, что во времени) предстало бы «освобожденным от оков языка». Однако если в его ранних произведениях бессмыслица ощущается как нарушение привычных семантических связей, то в более поздних она воспринимается уже как способ фиксации более глубокого и точного смысла. Характерным образом Я. С. Друскин приводит высказывание Введенского, считавшего себя в поэзии «предтечей», о том, что применительно к искусству следует говорить не «красиво — некрасиво», а «правильно — неправильно». Некоторый свет на поэтическую функцию причудливых смысловых связей в стихах Введенского бросают его высказывания в «Разговорах» Липавского о том, что он «посягнул на понятия», на «исходные обобщения»: «Я усумнился, что, например, дом, дача и башня связываются и объединя-

ются понятием здание. Может быть, плечо надо связывать с четыре... И я убедился в ложности прежних связей, но не могу сказать, какие должны быть новые»¹. Подобным образом в письме Хармсу из курской ссылки Введенский пишет: «Получил твое умное, в том смысле что глупое, письмо. Потом вот еще какой ты неграмотный — разве слово „непрерменно“ — пишется так, как ты его пишешь. Ты его пишешь так: „вчера я гулял“, — ну что в этом общего со словом „непрерменно“. Слово „непрерменно“ пишется так: однажды; потом семерка, потом река...»².

Ранние поэтические опыты Хармса обусловлены прежде всего влиянием Александра Туфанова, которое Хармс испытывал, принимая участие в возглавлявшемся им «Ордене заумников». Речь идет о группе лишь недавно полностью опубликованных стихотворений 1925—начала 1926 года³ (из них мы приводим в Приложении один из наиболее характерных текстов — «Землю, говорят, изобрели конюхи»). Как, однако, справедливо отмечают публикаторы, при сравнении этих стихотворений с произведениями самого Туфанова приходится говорить скорее о различии, чем о сходстве в воплощении провозглашавшихся Туфановым принципов заумного творчества. Хармс, продолжают они, при установке на ритмику (в противовес музыкальности Туфанова, опиравшегося на многоязычную заумную фонетическую систему) видел в зауми явление, замкнутое скорее национальными рамками. Здесь могло сказываться влияние Н. Клюева, с которым Хармс поддерживал дружеские отношения, а одно из его стихотворений этого времени даже посвящено памяти Есенина. Наряду с чистой заумью поэзии Хармса этого периода свойственен примитивизм, ориентация на детскую речь.

Как уже отмечалось выше, в начале 1926 года Хармс и Введенский объединяются в «школу чинарей». Хармс, до того причислявший себя к направлению «взирь зауми», становится «чинарем-взиральником», Введенский именуется «чинарь авто-ритет бессмыслицы». Именно это последнее понятие определяет дальнейшие поэтические эксперименты обоих поэтов. Хармс, считавший Введенского своим учителем⁴, по-видимому, под его влиянием отходит от зауми и вместе с ним обращается к семантическому экспериментированию. Отрицательное отношение к зауми, столь резко высказанное в «Декларации» ОБЭРИУ⁵, все же лежит, однако, на совести Заболоцкого, автора поэтической части обэриутского

¹ Л и п а в с к и й Л. Разговоры. (Архив М. Б. Мейлаха).

² Письмо от 1 июня 1932 года. (Архив М. Б. Мейлаха).

³ См.: Ж а к к а р Ж.-Ф., У с т и н о в А. Указ. соч. С. 184—217.

⁴ «Учителями своими считаю Хлебникова, Введенского и Маршак» (Записная книжка № 19). См.: В е д е н с к и й А. Указ. изд. Т. 2. Приложение VII. 32.

⁵ «Нет школы, более враждебной нам, чем заумь» // «Афиши Дома печати». 1928, № 2. С. 11.

манифеста. Если для позднейшего творчества остальных обэриутов заумь действительно не характерна, то Хармс продолжает писать чисто заумные стихотворения вплоть до 1930 года, а заумные фрагменты пронизывают вообще весь корпус произведений — и его, и Бахтерева.

Собственно говоря, заумным (хотя и представляющим собой аббревиатуру) является само слово *ОБЭРИУ* с его производным — *обэриуты*. Достаточно заумно, при всех попытках его этимологизации, звучит и псевдоним Хармс¹, а тем более его варианты: Чармс, Шардам, Ххоермс и т. д. Чисто заумные фрагменты встречаются в пьесе Хармса «Елизавета Бам», в «Лапе», «Мести» (1930), где заумь выступает в различных функциях — от острашения языка Бога и апостолов до заклинания, в котором она восстанавливает свое древнейшее сакральное значение. Интересен чисто хармсовский прием заумной модификации гласных: одно из стихотворений строится на оппозиции частицы *вот* — ее модификации *вут* («Третья цисфинитная логика бесконечного небытия»). Подобный прием, словно заимствованный из семитских языков, применяется в «Мести», где в речи Апостолов *спят* заменяется на *спут* («выше спут Господни Власти» и т. д.), а в речи Фауста (с рефреном «Кур. Кир. Кар») *жар* и *холод* — на *жир* и *хлод*, с соседствующим заумным *чирки*. Еще более выразительный пример той же модели — речь Писателей:

Мы уходим, мы ухидем,
мы укудим, мы ухедим,
мы укыдем, мы укадем,
но тебе, бородатый колдун, здорово нагадим!

Интересная деграмматизация порождаемого заумного ряда — в их же словах:

Мы писали, сочиняли,
рифмовали, кормовали,
пермадули, гармадели,
фоифари, могигири,
магафори и трясли.

(Фауст на это отвечает заумью чистой, с вкраплением обесмысленных контекстом слов *кони* и *мыс*).

Подобно тому как бессмысленные ряды у Введенского часто поддержаны грамматическим параллелизмом, доходящие до зауми организованные серии Хармса поддержаны рифмой, что создает

¹ Очевидно, от английского *harm* — «беда, скорбь, печаль», в контаминации с *charm(s)* — чары, заклинания. См.: К о б р и н с к и й А., М е й л а х М. Неудачный спектакль // «Литературное обозрение». 1990, № 9. С. 82.

сильный острающий эффект (*выбор — котыр — «Выбор дней»* и *«Ряд вопросов проносился...»; пятками — фятками — «Вода и Хню»*).

Особую область составляют элементы зауми в произведениях Хармса, имеющих ориентальную окраску. Эти элементы выступают в роли воображаемых заимствований из несуществующих наречий и представлены в окружении столь же воображаемых синтаксических калек архаических восточных языков: «Дочь дочери дочерей дочери Пе...» — «Вечерняя песнь к именим моим существующей». «Пе»¹, а также «Трр» («Трр ухо волос моих») из этого текста воспроизводятся в повторяющихся фрагментах стихотворения «На смерть Казимира Малевича» (1935):

Пе — чернильница слов твоих.

Трр — желание твое.

Агалтон — тощая память твоя.

В той же «Мести» Фауст изгоняет ненавистных писателей заумной формулой: «А вы, писатели, урхекад сейче! Растворитесь!» Еще одним магическим трансформатором является слово *фан* в стихотворении «Окнов и Козлов», которое сопровождает «поражение кочержгой» одного из героев. Чрезвычайно интересны лингвистические эксперименты Хармса в первой редакции этого стихотворения — переосмысляющее рассечение слова *секунда*, от которой цыпленок «топориком своего клюва» отсекает «унду», и особенно навеянные стихами Вагинова фрагменты, описывающие гласные *о* и *а*, и специфически «обэриутские» э и у (в вариантах стихотворения упоминаются также «восемь согласных»). Как видим, школа Туфанова не прошла для Хармса даром.

Другой прием, характерный для Хармса, — остранение, достигаемое за счет изменения буквы или части слова. Узнаваемость слова при такой модификации сохраняется: таковы его «скавка» (сказка) или «кокус» (фокус). В одном из своих мистических стихотворений («На сиянии дня месяца июля...») он пользуется как бы титлованными формами *тким* (таким), *драми* (дарами), *дыханию* (дыханию). Аналогичную острающую функцию часто выполняет неожиданное введение фрагментов зауми в незаумный текст, например *чибу-чибу* и *чибирей* в стихотворении «А ну-ка покажи мне руку...». Впрочем, *чибу-чибу* в одном из бесконечных фантастических списков Хармса (как подзывать различных животных) имеет значение обращения к жеребенку. А *пиф-наф-пуф*, заключающие каждую строку стихотворения «Все все все деревья пиф...», которое завершается стихом «Вся вся вся Россия пуф», хотя и имеют значение звукоподражания, связанное с выстрелом, поддаются характерной семагизации не в меньшей степени, чем классическое

¹ Ср. «Пэ» в «Песни звездного языка» в «Зангези» Хлебникова.

дыр бул щыл Крученных, давшее возможность Зинаиде Гиппиус сказать: «Это то, что случилось с Россией».

Верным зауми остался и Игорь Бахтерев, единственный из здравствующих ныне обэриутов. Заумь приобретает в его стихах концептуальное значение и характерную «бахтеревскую» окраску. В своем творчестве он развивает поэтическую линию «Радикса», которую можно определить как «поэтику нанизывания». Лицо его поэзии определяет нанизывание зарисовок-натюрмортов (такова «Натюреля»), пейзажей и жанровых сцен. Автометаописанием его поэтического творчества в известном смысле может служить строка «мазков бесцельное собрание» в стихотворении «Знакомый художник» (1935), которое отталкивается от супрематической живописи Малевича и его учеников.

Стихотворение это, по-видимому, отчасти навеяно «крестьянскими» холстами Малевича начала 1910-х годов, задающими сквозной мотив «грубости», «шершавости» — того, что упоминаемый в стихотворении ученик художника В. В. Стерлигов называл «шершавой эстетикой». Садовника, изображенного на холсте, *создал сундук* («младший брат» обэриутского шкафа — слово, со времен хармсовского «пейте кашу и сундук» также весьма употребительное у обэриутов), что можно понимать как метафору расширенного художественного пространства «на плоскости утраченной квадрата», то есть холста, на котором художник создает трехмерное (или многомерное) изображение. Координаты поэзии Бахтерева — преимущественно пространственные.

Садовник из этого стихотворения заставляет вспомнить по крайней мере две позднейшие картины Малевича — «Дачник» и «Плотник»¹; вторая из них (впрочем, дачник тоже наделен пилой и топором) вводит мотив «деревянного»: тут и *обструганный бревенчатый Малевич*, и *подрамники*, которые, как науку, грызут его ученики, подобно тому как «календарь науки» жует садовник. Точно так же, как садовник создан *сундуком*, женщину, гуляющую над поэтом (еще одна пространственная координата), создал петух, которого можно видеть на картине «Дачник». Но предельные смыслы стихотворения, в том числе связанные с временем, отданы зауми: «Ах уж эти времена, / с такими большими и честными — ди, поменьше — дж, / еще меньше — дв, / совсем крошечными и уморительными дрь и дзя». С похожей функцией зауми мы уже встречались у Хармса. Как и Хармс, Бахтерев вкладывает ее в уста потусторонних персонажей (ведьмы в «Опасном путешествии», «Потусторонний разговор»). Всегда узнаваемая чисто «бахтеревская» ритмизованная заумь сохраняется у поэта и в более поздних стихотворениях («Рыба пык или колб колопень и щеса...», 1945,

¹ До 1936 года находились в семье художника, ныне — в Русском музее (Петербург).

и другие). Последующая ориентация Введенского и Хармса на семантический эксперимент, на оперирование смыслами, оказалась чужда ему. Возможно, определенную роль в этом сыграл собственный художественный опыт молодого Бахтерева, который начинал свой путь в искусстве как рисовальщик.

Подобно фигурирующим в самых невероятных контекстах историческим персонажам ранних произведений Введенского и Хармса («Минин и Пожарский», «Комедия города Петербурга»), история Аракчеева и Мишкиной служит абсурдным примером «построения чувств» в бахтеревском одноименном стихотворении. Переиначенные строки из «Элегии» Бахтерева, которую он посвятил в 1927 году семье режиссера «Радикса» Георгия Кацмана, Введенский в 1940 году взял эпиграфом к своей знаменитой «Элегии». Подобно «воздержанию от суждения» в последнем произведении Введенского «Где. Когда», не только от ответа, но и от объяснения, почему он не отвечает, отказывается таинственный вестник из «Потустороннего разговора».

Близко к группе логико-философских стихотворений Хармса — метафизическое «Утверждение» (1930):

Ты желаешь его,
он желает ее.
Она желает меня,
ее желает сноп.

Дальнейшее построение текста определено выражением *сноп света*, разложенным на элементы, которые, в свою очередь, обрастают ассоциативными связями, создающими диапазон значений от «духовного» (Психея) до «плотского» и «бытового» (удовлетворенная Психея, звон разбитой тарелки).

Верность обэриутской музе Бахтерев, не перестававший писать стихи и в самые темные дни истории своего поколения, пронес через всю свою долгую жизнь.

Обратимся к зрелому творчеству Введенского, началом которого можно считать его стихотворения 1929—1930 годов. В них происходит оформление его поэтического универсума, намечавшееся еще в заумных произведениях. Этот универсум, имеющий космическую протяженность в звездах и небесах, заключает всю землю с ее морями, реками, горами, покрытую травами, кустарниками и деревьями и населенную животными (среди них, в частности, насекомыми, значимыми и у других поэтов крута Введенского — Заболоцкого, с его «Школой жуков», Олейникова, с его знаменитым «Тараканом»; прослеживаются связи этих мотивов с поэзией капитана Лебядкина у Достоевского).

Один из постоянных мотивов Введенского — выяснение значения мира и его феноменов. Мотивы установления значения, вы-

яснения смысла, понимания — непонимания, пронизывающие такие стихотворения этого периода, как «Две птички...» и «Значенье моря», в позднейшем произведении «Потец» приобретают сюжетобразующую роль — оно целиком строится на выяснении значения этого слова¹. Человек

ищет мысли в голове,
чтоб все понять и объяснить...

(«Зеркало и музыкант», 1929)

Но мир, который существует во времени, и сам есть время, непостижим с помощью мысли, ибо, как утверждает Введенский в несовершенном трактате, условно названном «Серая тетрадь»: «Наша человеческая логика и наш язык не соответствуют времени ни в каком, ни в элементарном, ни в сложном его понимании. Наша логика и наш язык скользят по поверхности времени»². По Введенскому, непонимание времени и, как следствие, всего существующего есть шаг к некоторому его пониманию. Это проясняет гносеологическую функцию бессмыслицы у Введенского: с одной стороны, бессмыслица дискредитирует «нашу человеческую логику и наш язык», с другой — является шагом в «широкое непонимание», позволяющее взглянуть на мир необусловленным взглядом вне детерминированных механизмов сознания.

Категории понимания, установления значения через мысль противостоит загадочное понятие превращения слова — орудия мысли — в предмет:

и слово племя тяжелеет
и превращается в предмет,

(«Две птички...», 1929)

что таинственным образом связывается с категорией окончательного превращения предметов — эсхатологического конца мира, в котором происходит его воссоединение с Богом. В этом взгляде проясняется значение для Введенского смерти как наиболее окончательного (и потому единственно реального) из всех событий:

здесь окончательно
Бог наступил
хмуру и тщательно
всех потопил.

(«Факт, теория и Бог», 1930)

¹ Толкования словаря — у Введенского пример нелепости: «и время стало как словарь / нелепо толковать...».

² Введенский А. Указ. изд. Т. 2. Приложение I (№ 34).

Эсхатологические концовки определяют большинство произведений этого периода, причем они начинают связываться уже не непосредственно с самой смертью, а с неким засмертным существованием («Человек веселый Франц»). Такая «двуступенчатая эсхатологическая ситуация» четко оформляется в поэме «Кругом возможно Бог», обезглавленный герой которой в конце своего посмертного странствия становится свидетелем и участником «огненного превращения» мира.

Поэтику Введенского здесь по-прежнему определяет отношение к формам мышления, выражающим себя в языковых моделях обусловленного сознания. Неукладываемость действительности в рамки таких моделей порождает пресловутый эффект бессмыслицы, одна из функций которой у Введенского состоит в дискредитации и разрушении этих рамок. Так, объяснение смерти через тавтологическую фигуру «смерть это смерти еж» лишь обнаруживает невозможность самого ее объяснения в границах дискурсивного мышления. Генезис бессмыслицы в поэме хорошо прослеживается в ее фрагментах, связанных с трактовкой времени — начиная от первого на эту тему диалога Эф с Девушкой («Да знаешь ли ты, что значит время?..»). Даже часы, которые пытается отравлять Фомин, отвечают ему волшебными разговорами, один из смыслов которых заключается именно в их «непонятности». «Поэтика бессмыслицы» Введенского реально обнаруживает «неукладываемость мира» в рамки обусловленного сознания, и в этом, наряду с деструктивной функцией, ее главное «послание».

Поэма «Кругом возможно Бог» — своего рода путеводитель по моделям бессмыслицы поэтического языка Введенского. Эффект бессмыслицы здесь, как и раньше, возникает обычно за счет сочетания категориально различных поэтических элементов. В самом простом случае несочетаемость определяется содержанием целого с позиций здравого смысла (Эф отрубает голову *веревочным топором*). Однако семантический универсум Введенского обладает, как уже отмечено, известной независимостью, и критерий порождающей бессмыслицу семантической несоединимости чаще всего не является чисто логическим, как в сочетании типа «ходи говорю шепотом» или «двухоконная рука». В других случаях Введенский создает модели бессмыслицы методом подстановок, как во фразе типа «Буду пальму накрывать», где слово «пальма» очевидным образом подставлено вместо слова «стол». В более общем плане по этому методу строятся многочисленные модели бессмыслицы, структурно организованные по таким формальным признакам, как перечисление (например, семантически разнородные «звери чины и болезни / плавают как линии в бездне...»), рифма (например, ответ «здравствуй, море» на «здравствуй, Боря» или ответ «нет, Стиркобреев, это я. Паралич» на вопрос «Кто это? Петр Ильич?») и т. д. Точно так же к осмысленному элементу высказывания добавляется бессмысленный, дискредитирующий все

высказывание в целом: «Я приходил в огонь и ярость / на приближающуюся старость...» Тот же прием употребляется и в больших фрагментах, например между двумя «осмысленными» предложениями — «Как? Как ты посмел. / Я тебе отомщу...» и «Он думал: не спущу / я Стирkobрееву обиды...» — вставляется бессмысленное добавление: «В его ногах валялся мел...» В других случаях Введенский добивается эффекта бессмыслицы за счет лишь небольшого семантического сдвига в сочетаниях типа *баснословный полет* (летающей Девушки), *бесценная толпа* — в обращении к ней царя, ср. его же обращение к палачу — *бонжур палач*, или в словах Софьи Михайловны: «Я вас люблю до дна...» (с их эротической подоплекой). Во всех этих примерах на месте семантически отмеченных элементов ожидалось бы их семантически нейтральные эквиваленты. Еще один прием — обесмысливание через конкретизацию путем приведения неподходящих деталей: так, нищий жалуется, что голоден и не одет, следующими словами: «Нет моркови, нет и репы. / Износился фрак...» Точно так же, восхваляя ум Софьи Михайловны, Фомин ей говорит, что ее речи — «это книжки писателя Анатоля Франса». Наконец, обесмысливание может достигаться за счет введения разного рода частиц, служебных слов и т. п., как, например, в обращенных к Софье Михайловне словах Фомина: «Вот как я счастлив...» При этом не будем забывать, что, идя в критике языковых механизмов по пути семантического эксперимента, Введенский добивается необычайной выразительности поэтического языка, конструирует через него свой уникальный поэтический универсум — свою собственную инкатегориальную поэтическую реальность.

Стихотворения, написанные в период между 1930 и 1934 годами (а скорее всего между возвращением из ссылки в 1932 году и 1934 годом), принадлежат к жемчужинам лирики Введенского. Это, прежде всего, полилогический «Мир» со знаменитым абсурдирующим эпилогом: «На обоях человек, / а на блюдечке четверг» и, по-видимому, следующий за ним магический «Гость на коне» с его таинственным образом апокалипсического всадника, появляющегося во многих произведениях Введенского. В этом стихотворении, пронизанном мотивами «перевернутости», «обратности», «зеркальности», образ всадника, с его традиционной семантикой посредника между двумя мирами, выглядит, помимо прочего, необъяснимым предвосхищением физических гипотез позднейшего времени — зеркальной симметрии микромира, существования антимиров. Мотивы зеркальности, в метафизическом осмыслении разрабатывавшиеся в новом искусстве от Льюиса Кэрролла до Кокто, положены в основу «Зеркала и музыканта» Введенского и пронизывают эсхатологическую концовку поэмы «Кругом возможно Бог»: «Мы бедняк, мы бедняк / в зеркало глядим...» и особенно «грохочет зеркало на обороте...». Мотивы обратности, имеющие глубокие корни в чинарско-обэриутском мироощуще-

нии, а в поэзии Введенского — концептуальные следствия, под-ключают тему времени (главную тему его творчества) к мифоло-геме «вечного возвращения». Мотивы эти вербально выражены в нескольких более ранних или того же времени произведениях:

я вижу ночь идет обратно

(«Факт, теория и Бог», 1930),

чтобы было все понятно
надо жить начать обратно

(«Значенье моря», 1930)¹,

мы видим лес шагающий обратно
стоит вчера сегодняшнего дня вокруг

(«Приглашение меня подумать»).

О глядящем, как эхо, с медалью на спине всаднике в «Госте на коне» сказано:

Он обратной рукою
показал мне — над рекою
рыба бегала во мгле,
отражаясь на стекле.

.....
Ко мне вернулся день вчерашний...

Интересно, что на уровне «поэзии грамматики» мотив обратности вводится здесь фразой «Боль мою пронзила / кость...» с возможной инверсией при невыраженном дополнении. В более широком плане мотивы перевернутости, обратности, инвертированности представлены у Введенского на самых разнообразных уровнях — укажем хотя бы мотив *орла* из «Ковра-Гортензии» (1934), «которому на ум взбрел / человек, наблюдающий аршины...»; на уровне порождения текста мотив обратности реализуется в характерных для многих произведений окаймляющих повторах (например, «Мне жалко что я не зверь...», «Сутки», «Потец»). Мотивы обратности интимно переплетаются у Введенского с эсхатологической категорией превращения предметов, которой заканчивается поэма «Кругом возможно Бог», — категорией, представленной у Введенского повсеместно (отошлем хотя бы к трансформации в стихо-

¹ Мотив «жить наоборот» встречается, применительно к самому Введенскому, в обращенных к нему стихах Заболоцкого «Раздражение против В.»: «Ты что же это, дьявол, / живешь как готтентот, / ужель не знаешь правил, / как жить наоборот?» См.: Заболоцкий И. Собр. соч. в 2-х т. М., 1983. Т.1. С.455.

творении «Больной, который стал волной...», резюмированной стихом «и всё вообще переменялось...». Особого внимания среди этих превращений заслуживает категория превращения слова в предмет — пишывающаяся, в широком контексте, в эстетику авангарда, декларированную в 1913 году и футуристами, с их антиэстетикой «слова как такового»¹, и акмеистами, с пресловутой розой, которая у них «опять стала хороша сама по себе своими лепестками, запахом и цветом»², а впоследствии — и обэриутами, советовавшими: «Посмотрите на предмет голыми глазами, и вы увидите его впервые очищенным от ветхой литературной позолоты»³. Впервые категория превращения слова в предмет эксплицирована у Введенского в стихотворении 1929 года «Две птички, горе, лев и ночь», где птичка пытается понять значение игры барыни со словом «племя» (эта игра происходит в стакане, который держит тушканчик, носящийся по волнам моря):

...слово племя тяжелеет
и превращается в предмет, —

причем происходит это в связи с появлением в стакане ночи, то есть в связи с категорией времени, вводящей эсхатологическую мотивировку, завершающую стихотворение. В менее явной форме категория превращения слова в предмет присутствует в стихотворении 1934 года «Мне жалко, что я не зверь...», о котором Введенский говорил, что это стихотворение — философский трактат:

и тут, за кончик буквы взяв,
я поднимаю слово шкаф,
тсперь я ставлю шкаф на место,
он вещества крутое тесто.

Надо отметить среди прочего особое метапоэтическое значение этого отрывка: *шкаф* — ключевое слово обэриутских лозунгов («искусство это шкаф»), материализованное в знаменитом «центральном шкапе», на котором во время обэриутского вечера в Доме печати сидел Хармс и из которого выходил на сцену Введенский; наконец, в записи Хармса 1930 года упоминается статья «Шкап и нуль» или «Ноль и шкап» — возможно, первоначальное название его трактата «Нуль и Ноль» (записная книжка № 18). Шкаф присутствует среди трансформируемых предметов и в «Госе на коне»:

¹ См.: Крученых А. Декларация слова как такового. СПб. 1913.

² Гордецки С. Некоторые течения в современной русской поэзии // «Аполлон». 1913, № 1, С. 49.

³ См.: «Афиши Дома печати». 1928, № 2. С. 11.

Я услышал, дверь и шкаф
сказали ясно:
конский храп.

Однако в этом тексте, с его доминирующим мотивом зеркальной отраженности, в обратном отражении выступает и мотив на этот раз не превращения слова в предмет, а опыт

превращения предмета
из железа в слово, в ропот,
в сон, в несчастье, в каплю света,

то есть последовательной и радикальной дематериализации предмета, вписывающейся в общую эсхатологическую установку произведения.

В связи с трансформациями, постигающими слово *шкаф*, хотелось бы коснуться еще одного «чинарского» слова с его фонетической и этимологической отмеченностью как тюркоязычного заимствования, а именно — слова *колпак*, которое встречается у Введенского в одном из наиболее заумных отрывков пьесы «Потец» (1936—1937):

Куклы все туша колпак,
Я челнок челнок челнак.

Употребление этого слова превосходно согласуется с карнавализующей — хочется сказать: переворачивающей — стихией в текстах и «литературном быту» чинарей-обэриутов. Укажем, прежде всего, опять-таки запись Хармса, сделанную осенью 1928 года в числе заметок к одному из предполагаемых вечеров ОБЭРИУ, участники которого должны были быть «в пиджаках или в колпаках» (записная книжка № 14). Интересно, что в «пестрые колпаки» одевает И. Бахтерев действующих лиц (рабов) своей «Древнегреческой размолвки» (1948; размолвка — между трагиком Лутоном и поэтом Фивием, которого первый убивает): в тексте водевиля они появляются «в полосатых тогах и, в каких положено, колпаках». Рядом со словом *чинарь* слово *колпак* встречается в строфе обращенного к Введенскому стихотворения Хармса:

Но со мной чинарь Введенский
схал тоже как дурак
видя деву снял я шляпу
и Введенский снял колпак.

(«Я в трамвае видел деву...», 1930)

Интимная связь этого слова с обэриутской поэтикой просматривается в приведенной строфе Введенского (которого Хармс, как уже говорилось, называл одним из своих учителей) и в строках

«Эй душа колпак стихов» и «вижу я стихов колпак» из стихотворения Хармса «Разговоры за самоваром» (1930); в еще большей степени значимо это слово в романе К. Вагинова «Козлиная песнь», где Неизвестный поэт говорит о заумниках (членах туфановской группы), которые «из-под колпачков слов новый смысл вытягивают», а его собеседник Асфоделиев, в свою очередь, отзывается о них как о «зеленых юношах в парчовых колпачках с кисточками, носящих странные фамилии»¹. Таким образом, за словом *колпак* просматривается глубинная перспектива, уводящая, как и в случае слова *шкаф*, в мир чинарско-обэриутской образности.

Николай Заболоцкий — единственный из поэтов-обэриутов, который, несмотря на гонения официозной критики, упрекавшей его в «зловном гаерстве» и «издевательстве над социализмом», и восемь лет лагерей и ссылок, все же печатался на протяжении почти всей своей жизни². Почти чудом вышедшие в 1929 году «Столбцы» сразу принесли ему известность в кругах и ценителей, и хулителей подлинной поэзии. Впоследствии, на протяжении тридцатых годов, его проталкивал в печать Н. Тихонов — один из немногих, кто в какой-то мере во благо использовал свое литературное генеральство. Во вполне обэриутском вкусе, Заболоцкий был арестован в 1938 году по обвинению в принадлежности к террористической организации, якобы возглавляемой Тихоновым, а Тихонов — награжден орденом.

Начиная с эпохи «Радикса» Заболоцкий был, несомненно, одним из наиболее активных участников литературного движения, реализовавшегося в 1927 году в формах ОБЭРИУ: недаром в записных книжках Хармса 1926 года содержится запись: «Два человека — Введенский и Заболоцкий, мнения которых мне дороги. Но кто прав — не знаю. Возможно, что стихотворение, одобренное и тем и другим, есть наиболее правильное». В 1929 году Введенский посвящает Заболоцкому стихотворения «Всё» и «Зеркало и музыкант»; несколько стихотворений к нему обращает Хармс; в

¹ См.: Вагинов К. Козлиная песнь: Романы. М., 1991. С. 82.

² Серию фундаментальных посмертных изданий Заболоцкого можно сегодня считать исчерпывающей. Творчеству Заболоцкого посвящены монографии А. Туркова, А. Македонова, Ф. Бьерлинг, Дж. Ф. Петерса, И. Ростовцевой и бесконечное множество статей. Воспоминания о Заболоцком составили обширный сборник, вышедший двумя изданиями. Подобно тому как мы оказываем при лимитированном объеме настоящего собрания приоритетное внимание текстам, до этого в нашей стране не издававшимся, жертвуя многими замечательными произведениями Заболоцкого, легко доступными читателю, — точно так же в данной статье мы ограничимся лишь немногими соображениями о его творчестве.

поэзии всех троих можно найти немало переключек. Именно Заболоцкий, как уже указывалось, был автором поэтического раздела обзорной «Декларации», провозгласившей, как и подобает, приход поэтов «нового мироощущения и нового искусства», творцов «не только нового поэтического языка, но и нового ощущения жизни и ее предметов». Однако в эти многообещающие слова Заболоцкий вкладывал несколько иное содержание, чем другие обзриуты. Еще в ноябре 1926 года, через десять дней после того как театр «Радикс» прекратил свое существование, Заболоцкий обратился к Введенскому открытое письмо с принципиальными возражениями против его поэтики¹. Из письма видно, что понятие бессмыслицы, которое Заболоцкий подменяет понятием метафоры, ему не менее чуждо, чем понятие зауми, а его представления о композиции и тематизме стихотворения достаточно традиционны. Неприемлемы были для Заболоцкого и эпатажные моменты игрового обзриутского поведения, которые в особенности культивировал Хармс и в которых ему отчасти следовал Введенский. Эти и другие противоречия, наложившись на полное несходство темпераментов того и другого поэта, углубляются и в 1931 году приводят к их разрыву. Однако в 1933—1934 годах Заболоцкий — еще полноправный участник перегруппировавшегося союза, один из активных участников «Разговоров» Липавского.

Знаменитые «Столбцы» представлены в книге тремя стихотворениями в оригинальных редакциях. Первое из них — «Офорт» — является как бы вариацией на тему известной строки А. К. Толстого — «Князь Курбский от царского гнева бежал...»². Название стихотворения, как бы «описывающего» некий рисунок в духе Шагала, отсылает нас к обширной теме «Заболоцкий и изобразительное искусство»³: поэзия Заболоцкого обнаруживает влияние различных художественных школ, прежде всего любимых им Филонова и Брейгеля. Столь же живописно и изображение бегущего коня с удвоенным числом ног («Движение»), что напоминает картины Бурлюка, запечатлевающего серию последовательных изменений персонажа в пространстве («Жница»). Любопытно, что и в своих теоретических построениях, вошедших в обзорную «Декларацию», Заболоцкий пользуется художественной терминологией,

¹ См.: Введенский А. Указ. изд. Т. 2. Приложение IX. 1.

² Подобные измененные цитаты из классической русской поэзии, примеры которых отмечены в примечаниях, чрезвычайно характерны для всех обзриутов — достаточно указать на «Попрощина» того же Заболоцкого, где для стихотворного рассказа о безумном персонаже гоголевских «Записок сумасшедшего» заимствованы метрика и синтаксис «Ночного смотра» Жуковского.

³ См., например: Альфонсов В. Заболоцкий и живопись // Альфонсов В. Слова и краски. М.; Л., 1966. С. 91—142.

обычно применяемой по отношению к кубистической живописи или к филоновскому аналитизму: так, он говорит о разбрасывании Введенским предмета — на части, действия — на свои составные, а о его лирике — как средстве «сдвинуть предмет в поле нового художественного восприятия». В особенности же это относится к его автометаописанию: «Н. Заболоцкий — поэт голых конкретных фигур, придвинутых вплотную к глазам зрителя. Слушать и читать его следует более глазами и пальцами, нежели ушами»¹.

Еще одно характернейшее стихотворение сборника — «Новый быт», значение которого сужают обычно до «обличения мещанства», интересно, среди прочего, нанизыванием остранных до абсурда деталей. Стихотворение о бессмертной жизни kota-вишельника, которую автор продолжает своею собственной жизнью («Бессмертие»), вызвало погромную отповедь критика Селивановского, озаглавленную «Система кошек»². С серией произведений Введенского, написанных в том же 1929 году на тот же сюжет — «смерть и воскресение девицы» («Всё», «Снег лежит...»), перекликается «Искушение» Заболоцкого, где гиньольное изображение молодой покойницы сменяется картиной ее трансформации в дерево, сказочность которой подчеркнута завершающей колыбельной. Слова Смерти — «Не грусти, что будет яма, / Что с тобой умрет паука» — подхвачены речью Франца (« — всё равно жива паука» —) перед лицом той же Смерти в стихотворении Введенского «Человек веселый Франц...», написанном годом позже. В 1930 году и Заболоцкий («Вопросы к морю»), и Введенский («Значенье моря», «Кончина моря») создают произведения, посвященные как бы выяснению значения морской стихии. Ту же обзорскую проблему значения феноменов природы ставит стихотворение Заболоцкого «Искусство» (1930), по форме напоминающее некоторые произведения Хармса того времени. По Заболоцкому, объяснение мира возможно с помощью слова, которое составляет материал искусства и, как у Введенского, само способно становиться предметом, однако в этом стихотворении уже можно видеть ростки будущего натурфилософского рационализма Заболоцкого, стремящегося объяснить частное через общее: «Но определенье леса неточно, / если указать на одно формальное строенье...» (то есть дерево). Ростки эти получают преимущественное развитие в позднейшей лирике поэта, отчуждая его от бывших товарищей по ОБЭРИУ.

¹ См.: «Афиши Дома печати». 1928, № 2. С. 12.

² См.: На литературном посту. 1929, № 15. Вторя Селивановскому, П. Незнамов назвал свою статью «Система девок». См.: Печать и революция. 1930, № 4.

Возвратимся к поэзии Хармса конца 1920-х годов. Если отличительной чертой Введенского в обэриутской «Декларации» названо «столкновение словесных смыслов», то поэзию Хармса та же «Декларация» характеризует как сосредоточенную «на столкновении ряда предметов, на их взаимоотношениях»¹. «Борьба со смыслами» — одно из важнейших понятий поэтики Хармса. Ей посвящена заключительная часть драматической поэмы «Месть», в которой Фауст оценивает стихи писателей, где «смыслов бродят сонные стада»:

Слова сложились как дрова
в них смыслы ходят как огонь.

А в стихотворении «Молитва перед сном» (1931) Хармс так обращается к Господу:

Разбуди меня сильного к битве со смыслами,
быстрого к управлению слов
и прилежного к восхвалению Бога
во веки веков.

Первое из опубликованных стихотворений Хармса «Случай на железной дороге» (1926) открывается знаменитыми строками:

Как-то бабушка махнула
и тот час же паровоз
детям подал и сказал:
пейте кашу и сундук.

Подобная многомерная абсурдизация, возникающая в результате столкновения нескольких ассоциативных линий, во многом определяет поэтическое лицо Хармса в конце 1920-х годов. В приведенном четверостишии можно выделить линии: *бабушка — сундук — дети; дети — махание (паровозу) — каша; паровоз — махание — подача*; подача паровоза соотносится с подачей пищи. Линии эти скрещиваются столь причудливым образом, что значения составляющих компонентов образуют собственный семантический универсум. Это достигается, в частности, путем переворачивания привычных связей (махут не *дети*, а *бабушка*; *паровоз* не подается, а *подает*), а также за счет обесмысливающих подстановок («пейте кашу») и добавлений («и сундук»), характерных для поэзии Введенского. Вместе с тем в стихотворении Хармса даже

¹ Далее в «Декларации» о Хармсе говорится: «В момент действия предмет принимает новые конкретные очертания, полные действительного смысла. Действие, перелицованное на новый лад, хранит в себе „классический отпечаток“ и в то же время представляет широкий размах обэриутского мироощущения» («Афиши Дома печати». 1928, № 2. С. 12).

этого времени уже ощутима остранный классицистическая ориентация. Примером может служить «Пророк с Аничкина моста» (1926), с его одическим зачином, высокой лексикой и характерными риторическими обращениями и вопросами.

Интересные параллели с авангардной живописью прослеживаются в посвященном К. С. Малевичу стихотворении «Искушение» (1927), героини которого, напоминающие крестьянок великого художника и наделенные «многогранными руками», существуют «в перспективе», точнее в нескольких измерениях, в одном из которых, периодически исчезая, они передвигаются в пограничном пространстве между интерьером и улицей. Рефрен «Ты взойди на холмик круглый, / скинь рубашку с голых плеч» перекликается со строками из «Зангези» Хлебникова, в 1923 году поставленной Татлиным в Петрограде. В стихотворении «Осса» (1928) обживание сюрреалистического интерьера, на этот раз в духе, скорее, шагаловской живописи (со свиньей на косяке, столетним Каратыгиным на печке, стреляющим себе в ухо, солдатом в сундучке, растущими Михайлами, перешедшими сюда из ранних заумных стихов Хармса), представляет собой метапоэтическое действие, описываемое *зеленым карандашом* в предвидении «конца вещей» и смерти.

Особую группу произведений, отчасти смыкающихся с прозаическими трактатами Хармса, образуют стихотворения «Звонить-лететь», «Третья цисфинитная логика бесконечного небытия»¹, «Нéгеперь» (1930).

В этих стихотворениях Хармс, заимствуя простейшие термины философии Друскина — *это* и *то* как обозначения имманентного и трансцендентного и добавляя к ним уже обсуждавшиеся выше «*вот*» и «*вут*», оперирует ими в абсурдирующих логико-синтаксических конструкциях, нагнетание которых создает определенный поэтический эффект. Тема «науки — мудрости княгини» и принципиальной недостаточности научного мышления, волновавшая Введенского, Заболоцкого и Олейникова, прослеживается у Хармса на протяжении всего его творчества («А ну-ка покажи мне руку...», «Окно», «От знаков миг» и другие). Свое кредо Хармс выражает в монологе Окнова из стихотворения «Окнов и Козлов» (1931):

Материя, по-моему, дура,
ее однообразная архитектура
сама собой не может колебаться.
Лишь только дух ее затронет робко —
прочь отлетает движения пробка,
из темных бездн плывут акулы,
в испуге мчатся молекулы,
с безумным треском разбивается яйцо,
и мы, встав на колени, видим Бога лицо.

¹ Слово «цисфинитный» — латинский неологизм Хармса со значением «посюсторонне-конечный».

Другой знаменательный пассаж, утверждающий большую, чем на то имеет право наука, власть художника над миром, содержится в стихотворении «Скажу тебе по совести...» (1931):

Ученые наблюдают из года в год
пути и влияния циклонов,
до сих пор не смея угадать, будет ли к вечеру дождь,
и я полагаю, что даже Павел Николаевич Филонов
имеет больше власти над тучами...

В этот период стих Хармса заметно раскрепощается — на смену излюбленным обэриутами хореическим размерам приходят более свободные формы и даже верлибр.

Социальная тема, насыщающая прозу Хармса, в меньшей степени проявляется в его поэзии, где, преломленная сквозь призму обэриутской поэтики, принимает, однако, еще более причудливые очертания:

Чтоб шар уселся у Кремля
поляна круглая готова
до самых пят она кругла
вокруг темно. О ночь китова!

(1929)

(Строки эти перекликаются с мандельштамовским: «На Красной площади всего круглей земля»). Л. Флейшман убедительно установил сюжет стихотворения «I разрушение» (1929) — попытку введения коммунистической единой пятидневной недели (см. примеч. № 57). Уже цитировавшееся стихотворение «Окнов и Козлов» построено как диалог идеалиста Окнова (в первоначальных редакциях его место занимал сам Хармс) с антирелигиозно настроенным пролетарием, которого Окнов в конце концов «поражает кочергой». «Хамское» начало «советской действительности» 1930-х годов, столь остро ощущаемое Хармсом, замечательно выражено им в «Хорошей песенке про Фефюлю» (1935):

Эх, ремонт, ремонт, ремонт!
Первакокин и кинёб.

Та же «советская действительность» опознаваема в стихотворении «Баня» (1934) и, несомненно, стоит за серией «жестоких» стихотворений — «Некий Пантелей ударил пяткой Ивана...», «Одна девочка сказала: „гвя“...», «Ведите меня с завязанными глазами...». Зловещий «дворник с черными усами», который «стоит всю ночь под воротами / и чешет грязными руками / под грязной шапкой свой затылок», представляется устойчивым символом инфильтрации в повседневность агрессивной власти, — кажется, он только и ждет, чтобы присутствовать при очередном обыске и аресте.

Историческими и отчасти социальными мотивами пронизана монументальная, к сожалению целиком до нас не дошедшая, «Комедия города Петербурга», которую Хармс писал с конца 1926 по май 1927 года и к которой впоследствии возвращался. Действие «Комедии» происходит в ирреальном, иллюзорном, продуваемом непрерывными сквозняками «Летербурге» (мотив города на устье «Леты — Невы» — постоянный в поэзии Ахматовой). Подобный образ города, имеющий глубокие корни в русской литературе, но приобретший существенно новые обертоны после нанесенного революцией опустошения, теснейшим образом связан с историческим сознанием Хармса. Как считает Б. М. Констриктор, «историческое время и городское пространство образуют здесь нерасторжимое единство того inferнального сознания современников, которое с олимпийским безразличием позволяет облечь наблюдаемый ими феномен как в трагическую, так и в комическую упаковку названия»¹; по мнению же В. Эрля, Летербург Хармса — город мертвых, и все действующие лица пьесы — мертвецы. Особняком по отношению к обеим группам действующих лиц «Комедии», среди которых, с одной стороны, Петр I и Николай II (герой, кстати, еще нескольких драматических отрывков Хармса), князь Мещерский, грибоедовский Фамусов, с другой — комсомолец Вертунов и Ваня Щепкин, стоит таинственный, демонический персонаж Кирилл Давыдович Обернибесов, поэт и творец мира, влюбленный в дочь князя — Марию; к нему в Летербург она прилетает в конце пьесы — из плена у разбойников или с того света — на этот, а по существу тоже тот свет.

В начале 1930-х годов Хармс пишет серию коротких стихотворных драматических сцен — «Он и мельница», «Окно», «Архитектор», «Вода и Хню». Этот последний персонаж переходит в несколько последующих стихотворений — «Хню — друг лампы» и «Хню», объединенных общей для всех обэриутов тематикой, которую можно условно определить как «натурфилософскую». Хню — странный персонаж женского пола — исследует вселенную, космос и природу, с которой она нерасторжимо связана (в том числе лес, населенный жуками и бабочками), подводя своего спутника к таинственному выводу:

всегда наивысшая чистота категорий
пребывает в полном неведении окружающего.

Та же категория чистоты обсуждается Хармсом в его письме к актрисе Пугачевой, которой он пишет: «Это та самая чистота, которая пронизывает все искусства. Когда я пишу стихи, то самым главным кажется мне не идея, не содержание, и не форма, и не туманное понятие „качества“, а нечто, еще более туманное и непонятное рационалистическому уму, но понятное мне и, надеюсь, Вам, милая Клавдия Васильевна, это — ч и с т о т а п о р я —

¹ К о н с т р и к т о р Б. Открытие Летербурга // Михаил Кузмин и русская культура XX века. Указ. изд. С. 108.

д к а. Эта чистота одна и та же в солнце, траве, человеке и стихах. Истинное искусство стоит в ряду первой реальности, оно создает мир и является его первым отражением. Оно обязательно реально»¹. А в одной из записей Хармса говорится, что путь, которым достигается чистота в поэзии, «начинается буквально с азбуки, то есть с букв».

Еще одна философская категория, таящая в себе некоторый поэтический ключ к творчеству Хармса, — это «некоторое равновесие с небольшой погрешностью» — формула, заимствованная из философии Я. С. Друскина; формулу эту Хармс избрал для названия созданного им ордена, куда принимал своих друзей. Эта медитативная формула как нельзя лучше выражает поэтические устремления Хармса, искавшего в диссонансе некую таинственную гармонию нового искусства.

В середине 1930-х годов Хармс испытывает глубокий внутренний кризис, который сопровождается поисками неоклассической формы. Он пишет серию «УКР» — «Упражнений в классических размерах»; к «классицизму» тяготеют его стихотворения «Неизвестной Наташе» и «Олейникову» (1935), а также знаменитая «Подруга», по поводу которой он писал актрисе К. В. Пугачевой почти то же, что Введенский говорил Т. Н. Глебовой по поводу своей «Элегии»: «Я не знаю, кто она. Может быть, как это ни смешно в наше время, это Муза. <...> „Подруга“ не похожа на мои обычные стихи, как и я сам теперь не похож на самого себя»².

С 1934 года Хармс занимается преимущественно прозой. Последнее из его немногочисленных стихотворений этого периода датировано мартом 1939 года.

В середине 1930-х годов Введенский пишет крупное стихотворное произведение «Очевидец и крыса». Слово «очевидец» обозначает наблюдателя, выступающего по ходу действия с «монологическим диалогом» на правах своего рода ведущего. Наблюдатель высказывает универсальное сомнение в категориях жизни и смерти. В конце произведений у очевидца, как у балаганного персонажа, отваливается голова, что знаменует невозможность рассудочного постижения этих категорий. Этот персонаж — поэт («Дверь в поэзию открыта...»), он же, очевидно, *лежебока, бедный всадник* — образ, перекликающийся с последней строкой знаменитой «Элегии» Введенского: «Певец и всадник бедный...».

Главный женский персонаж «Очевидца и крысы» носит сразу два «романтических» имени — Лиза и Маргарита (те же имена — у героинь двух «классицизирующих» произведений Хармса того же времени: «Месь» и «Гвидон»). В «Сцене на шестом этаже» она меняет романтическое имя на бытовое и становится Катей, подо-

¹ Хармс Д. Письмо К. В. Пугачевой от 16 октября 1933 г. // «Новый мир». 1988, № 4. С. 137.

² Там же. С. 135.

бно тому как *Он* предстает в облике Фонтанова. Ее самоубийству предшествует приобретающее космическую значимость убийство дворцовым Грудецким некоего Степанова-Пескова. Смерть, по Введенскому, — это единственно реальное событие, прерывающее время, а вместе со временем и постижение мира в категориях обусловленного временем сознания.

«Очевидец и крыса», больше чем какое-либо другое произведение Введенского, насыщено фигурами остранения, которые играют роль авторской отсылки к некоему тексту: «Тут нигде не сказано, что она прыгнула в окно, но она прыгнула в окно». — «Перед ним вставали его будущие слова, которые он тем временем произносил». Такова же материализация метафоры — *картины* — в сцене убийства: «Все вбежали в постороннюю комнату и увидели следующую картину. Поперек третьего стола стояла следующая картина. Представьте себе стол и на нем следующую картину:

Возрясь на картину
Грудецкий держал
в руке как картину
кровавый кинжал».

Подобные приемы остранения создают дополнительное поэтическое измерение, открывают дверь в поэзию, о которой говорит центральный персонаж произведения.

В группе стихотворений, примыкающих к «Очевидцу и крысе» и другому крупному стихотворному произведению — «Четыре описания», та же поэтическая проблематика исследуется средствами достигающего здесь своего апогея лиризма. Это — насыщенное мотивами музыки, взаимопересекающихся временных и пространственных категорий «Приглашение меня подумать», с характерным мотивом «расстояния между предметами и словами», и близкие к нему по образности, построенные по принципу окаймляющих повторов стихотворения «Мне жалко, что я не зверь...» и «Сутки». Сугубая архитектурность «Сутки», вообще характерная для произведений Введенского этого времени, приобретающих все более выраженную структурированность, все большую прозрачность построения, дополняется здесь введением двухголосной полифонии в системе повторяющихся *Вопросов* и *Ответов*. Предельной, кажется, становится здесь сосредоточенность на проблеме времени, введенной самим заглавием произведения, которое ограничивает его классицистическим единством *сутки*, продолженной остраивающе-переосмысленным признанием ласточки себя «часовщиком»; выраженной в описании чередования ночи, утра, дня, снова ночи, и также в дважды повторяющихся «*Вопросах*» — «*Ответах*»: «Проходит час времени. — Проходит час времени»; точно так же, как в словах «зимой», «года», «миг», менее явно — в глаголах движения и становления («вбегает ласточка», «сбегает ночь», «звезда опускается», «упавшую звезду», «стал небосклон пустым» и т. п.); заложеной в глубинных, связанных со временем мотивах воды, ас-

тральных тел, растительных произрастаний, животных. Пульсация мира, начинающего расти с наступлением дня и гаснущего с приходом ночи, имеет слабую эсхатологическую окрашенность, приближающую «Сутки» к «Приглашению меня подумать». Однако в медитативной лирике Введенского этого времени картина угасания мира лишена той огненной катастрофичности, которая свойственна эсхатологическим описаниям его более ранних произведений. Угасание это представлено скорее как некоторое его опустошение (ср. «Стал небосклон пустым и чистым...», «Пустые числа...», «Смотри с пустынного места...») с далеко идущими параллелями в восточной и западной метафизике, в «Сутках» завершающееся молитвой.

Категория повторения многообразно определяет и поэтику первого из трех драматизованных произведений «харьковского периода» — пьесу «Потец» — от трехчастного ее построения со сквозными репризами в каждой части и до вербального выражения этой темы в словах: «Им хочется все повторить...» — о сыновьях, глядящих *в увядающие очи* умирающего отца. Фабула предельно проста: три сына добиваются у отца ответа на странный вопрос: «Что такое есть Потец?..» За этой абсурдной, внешне бессмысленной «простотой» фабулы скрывается, однако, целый метаязыковый мир.

Само слово «потец» — созданный Введенским неологизм, оно не зафиксировано ни в одном словаре. В этом слове, вынесенном в название, заложено парадоксальное несоответствие между глубинным содержанием произведения и снижающим суффиксом (ец). С помощью этого парадокса, а также организации бессмысленных поэтических рядов, как включающих это слово («Потец... отец... свинец... венец...» и т. п.), так и существующих по аналогии («Я челнок челнок челнак»), Введенский дискредитирует самую возможность определения слова *потец* с его выявляющимся «запредельным» значением («холодный пот, выступающий на лбу умершего»).

Между тем «на свой незавидный и дикий, внушительный вопрос» сыновья хотят получить словесный ответ (*обнарудуй, скажи-ка, расскажите, ответь, отвечай, давай ответ, объяснит ли...*), однако ответ они получают практически — в форме отцовской смерти, составляющей, очевидно, тот самый не прямой ответ, который они «уже знали заранее».

Сохранившееся наследие Введенского замыкается ставшей хрестоматийной «Элегией», о которой поэт говорил, что она отличается от всех прежних его вещей, и которая вместе с тем ретинирует огромные пласты его традиционной образности, и пьесой «Где. Когда». Память о несравненной «Элегии» (первом из изданных в шестидесятые годы в небольшом сборнике материалов студенческой конференции (Тарту) стихотворении Введенского) сохранялась с сороковых годов. Как и в следующем — последнем — произведении, написанном в предвидении надвигаю-

щейся гибели, здесь, более чем где-либо в творчестве поэта, ощущается остраненная личная нота:

На смерть, на смерть держи равненье,
певец и всадник бедный.

Пьесе «Где. Когда» Я. С. Друскин, пользуясь термином Л. Липанского, называет «„свидетельский показанием“ последних месяцев, может быть, даже дней его жизни в ожидании момента смерти, когда, по словам самого Введенского, возможно чудо, — „оно возможно потому, что смерть есть остановка времени“». Биографический фон произведения заставляет осмысливать названия его частей — «Где» и «Когда» — не столько в знакомом значении рывка, разрыва, разрываемого смертью детерминированного пространственно-временного континуума, сколько в связи с абсолютной конкретностью экзистенциально переживаемого здесь и сейчас, в котором смерти нет. Близкий, несомненно, «чинарскому» мироощущению (отразившемуся, в частности, в философских произведениях того времени Я. С. Друскина) дух опустошения, воздержания от суждения, намечившийся в «Сутках» и предшествующей лирике, в последних вещах Введенского совершенно особым образом окрашивает давно, казалось бы, дискредитированную им категорию понимания: «Он ничего не понял, но он воздержался...» — открывая таинственный путь в то «широкое непонимание», о котором Введенский говорит в «Серой тетради» и которое сквозит за поэтикой его последних вещей. Основной обесмысливающей фигурой в них становится эллипс, употребление которого распространяется на широкий спектр случаев: от простого опущения слов и частей предложений — «Где он стоял опершись на статую...», «Она прощалась так, что. Вот так...» и т. д. до метаописания с помощью последовательного развертывания этого приема — «Тут тень всеобщего отвращения лежала на всем. Тут тень всеобщего лежала на всем. Тут тень лежала на всем...» Эта последняя модель, которая могла бы служить поэтической иллюстрацией к понятию трансцендентальной редукции в философии Гуссерля, получает особое значение в связи со следующей далее фразой: «Он ничего не понял, но он воздержался». Категория «воздержания от суждения» разрабатывалась в конце 1920-х — в 1930-е годы в философских произведениях Я. С. Друскина (независимо от Гуссерля). Отсюда — таинственное «молчание и умолчание и отсутствие звука», производящее, однако, действительное внушение. Нарочитая как бы оговорка, прорывающаяся в прямую речь: «Я забыл попрощаться с прочим, т. е. он забыл попрощаться с прочим», — вместе с неожиданным здесь упоминанием Пушкина — придает этой вещи пронзительно-лирическое звучание. Герой «Где. Когда» ничего не сообщает деревьям, ничего не возражает камням, ничего не говорит рыбам и дубам, — он *цепенеет, леденеет, каменеет*, сам обращается в статую. Из глубины самоопустошения, молчания человека, задумавшегося «о своем условно прочном существовании», рождается молитва:

Спи. Прощай. Пришел конец.
За тобой пришел гонец.
Он пришел последний час.
Господи помилуй нас.
Господи помилуй нас.
Господи помилуй нас.

Этой чистой и ясной нотой и завершается творчество Введенского, в котором высшего выражения достигает предельная линия обэриутского мироощущения.

К середине тридцатых годов в отношениях Заболоцкого с его старыми соратниками по ОБЭРИУ назревает кризис (с Введенским, как уже говорилось, он порвал несколькими годами раньше). Им была чужда его склонность к политическому и литературному конформизму — никто из них не мог бы ни при каких обстоятельствах написать стихотворение на смерть Кирова (кстати сказать, земляка поэта) или «Горийскую симфонию», а потом указывать в автобиографии, что эти стихи были «хорошо встречены критикой», — той самой, которая только что обрушила на поэта статью «Юродствующая поэзия и поэзия миллионов»¹. Но еще более, чем подобные компромиссы, должны были отчуждать Заболоцкого от старых товарищей его подлинные социальные предрассудки: часто повторяющиеся в книге А. Македонова высказывания о том, что «после „Торжества Земледелия“ Заболоцкий продолжает намеченную в поэме тему преобразования, просветления стихийных и слепых сил природы <...> разумным творчеством человека, освобожденным и направленным социалистической революцией»; или о том, что «все эти глубокие вопросы (то есть затронутые в той же поэме. — М. М.) Заболоцкий хотел поэтически поставить и осветить с позиций передового советского человека»², к сожалению, не лишены оснований. «Только вера в успешность своего дела приносит счастье. Сейчас должен быть счастлив Заболоцкий», — не без горечи записывает в своих «записных книжках» Хармс в 1936 году. Решающую же роль в углублении раскола между Заболоцким и бывшими обэриутами — раскола, дошедшего до распада отношений, — играл его постепенный отказ от обэриутской поэтики в пользу глубоко рациональной, рассудочно-взвешенной натурфилософской лирики, которую Заболоцкий культивировал с середины тридцатых годов.

В 1933 году Заболоцкий пишет два — еще вполне «обэриутских» — стихотворения, в которых, однако, отчетливо ощущается названная тенденция к поэзии рассудочной. В уникальном, напоминающем некоторые средневековые поэтические опыты стихотворении «Битва слонов» трансформация «слов» в «слонов» позво-

¹ Статья В. Ермилова под этим названием была напечатана в «Правде» 21 июля 1933 г.

² Македонов А. Николай Заболоцкий. Л., 1987. С. 142, 153.

ляет создать грандиозное в своем роде батальное полотно — сцену «грамматического сражения», в результате которого рассудочный «меч силлогизма» уже как будто повержен ради «неуклюжей красоты» нового сознания; однако в последней строфе опять-таки похищается мотив рассудка, который снова начинает «приручать слонесного слона»:

и Слон, рассудком приручаем,
ест пироги и запивает чаем!

Более серьезным, чем может показаться на первый взгляд, представляется стихотворение «Время», в котором Заболоцкий изобразил своих друзей, размышляющих над категорией времени. Их пародийным выкладкам о времени как «легком токе из чаши А в чашу Б» призван противостоять заглядывающий в окно мир природы, с удивлением наблюдающий «могилу разума людей», расстрелявших часы. В 1952 году, спустя двадцать лет, принесших гибель этим друзьям, а ему самому — бесчисленные бедствия, Заболоцкий обратил к ним стихотворение «Прощание с друзьями», заканчивающееся строфами:

Теперь вам сестры — цветики гвоздик,
Соски сирени, щепочки, цыплята...
И уж не в силах вспомнить ваш язык
Там наверху оставленного брата.

Ему еще не место в тех краях,
Где вы исчезли, легкие, как тени,
В широких шляпах, длинных пиджаках,
С тетрадами своих стихотворений.

Поэзию Н. Олейникова сближает с обэриутской столкновение смысловых пластов. Связанный с поэтами-обэриутами не только годами теснейшего общения, но и поэтическими установками, он, однако, членом ОБЭРИУ не стал¹. Возможно, этому помешали его партийность² и официальное положение редактора советского детского журнала, а может быть, всеобъемлющий скептицизм в сочетании с застенчивостью провинциала, для которого неприемлемы были эпатирующие игровые модели обэриутского поведения. Единственный из поэтов этого круга, чьи стихи широко распространялись в списках и после гибели, Олейников тем не менее

¹ По рассказу Игоря Бахтерева, он был формально принят в объединение и даже как будто подписал какой-то «документ», но дальше этого дело не пошло.

² По поводу партийности Олейникова, восходящей к эпохе гражданской войны, можно сослаться на красноречивый эпизод, который приводил в своих устных воспоминаниях Я. С. Друскин, рассказывавший, как он и его друзья, пародируя уголовные обычаи, играли в своем кругу в шахматы «на вождей»: Олейников, несколько вождей спокойно проигравший, когда дошло до Кирова, дальше играть отказался...

оказался не понят читателями, отводившими ему роль «домашнего», шуточного версификатора.

Истоки поэзии Олейникова восходят к традиции Мятлева и Козьмы Пруткива, чьим внуком Олейников себя величал¹, скрещенной с такими чертами хлебниковской традиции, как инфантилизм и примитивизм². Среди других слагаемых поэзии Олейникова следует выделить любительскую поэзию с ее наивностью, «красотами» и формальной беспомощностью. С образцами такой поэзии Олейников часто сталкивался, работая редактором, и, по свидетельству очевидцев, был ее собирателем. Возможным источником влияния была и живопись художников-примитивистов — «непрофессиональных» (вывески, работы Пиросманишвили и Руссо) и профессиональных (Гончарова, Ларионов), в творчестве которых с большей наглядностью, чем в литературе, предстал мир, увиденный глазами инфантильного наблюдателя, свободный от пародии, иронии и даже улыбки³.

Собственная поэтическая система Олейникова, характеризующаяся такими признаками, как «умышленный примитивизм», «одноплановый синтаксис при многоплановой семантике», «гротескные несовпадения между лексической и стилистической окраской слова и его логическим содержанием»⁴, выражает себя в многоуровневой системе масок, среди которых выделяется маска мудреца-натурфилософа, глубокомысленно размышляющего об устройстве мироздания — от кухонной посуды до анатомии насекомых. В числе средств, создающих ту «бурлескную неадекватность», при которой стилистические уровни не совпадают с ценностной окраской, Л. Я. Гинзбург называет употребление «галантерейного языка» — «высокого» стиля речи, характерного для нового, советского, мещанства. Она разбирает стихотворение «Татьяне Николаевне Глебовой» (1931), открывающееся одическим зачином:

Глебова Татьяна Николаевна! Вы
Не выходите у нас из головы.

(Кстати, в эту «одическую рамку», тут же сниженную бытовым *не выходите у нас из головы*, Олейников успешно вставлял имена, отчества и фамилии других адресатов). В следующих строках выражения, свойственные «галантерейному языку» («Ваша маленькая

¹ К этой же традиции относится поэзия А. К. Толстого, поэтов «Искры» и «Сатирикона», а также стихи капитана Лебядкина. Эту связь подробно устанавливает Л. Я. Гинзбург в своих работах об Олейникове. См.: Г и н з б у р г Л. Я. 1) Н. М. Олейников // «Юность». 1988, № 1; 2) Николай Олейников // Николай Олейников. Пучина страстей. Л., 1990. С. 5—25.

² Приоритет хлебниковской традиции в творчестве Олейникова подчеркивает С. В. Полякова. См.: П о л я к о в а С. В. Поэзия Олейникова: Опыт интерпретации // Михаил Кузмин и русская культура XX века. Указ. изд. С. 112.

³ Там же. С. 112.

⁴ Г и н з б у р г Л. Я. Николай Олейников. Указ. изд. С. 8.

ручка» — и тут же несурзное «и Ваш глаз»; «Вы такая интересная»), перебиваются абсурдно-высокопарным величием героини «действительной статской советницей», «почетельницей Харьковского округа» и канцеляризмами: *ручка* и *глаз* — «на различные поступки побуждают нас»; «пусть протянется от Вас ко мне взаимоотношений лестница». По утверждению автора, «согласятся даже птицы / Целовать твои различные частицы». Герой же готов эти «частицы» и «с чаем пить». Стихотворение заканчивается пародией на советскую производственно-любовную лирику в духе Вельяминова:

Для кого Вы — дамочка, для меня — завод,
Потому что обаяния от Вас дымок идет.

Именно такое столкновение смысловых пластов сближает поэтику Олейникова с обзиритской, хотя применительно к его поэзии точнее было бы говорить, вслед за Л. Я. Гинзбург, о пластах стилевых. Объектами языковой критики Олейникова могут быть и язык обывательский, и условно-поэтический язык постсимволистской эпохи, против которого были направлены усилия всех модернистов — от футуристов до акмеистов. Однако эта стилистическая двуплановость и многоплановость служит для того, чтобы зазвучало то «единственно нужное слово», которое для Олейникова лишено содержания, дискредитировано его традиционным употреблением. «Сквозь искривленные маски, буффонаду, галантерейный язык, с его духовным убожеством, пробивалось очищенное от „тары“ слово о любви и смерти, о жалости и жестокости»¹.

Характерную окраску придает поэзии Олейникова ее особая ироничность по отношению к советской действительности. Социальный подтекст звучит, в частности, в популярных стихах Олейникова о животных, рыбах и насекомых, часто восходящих к бабьей традиции и животному эпосу. С. В. Полякова в своих работах об Олейникове выявила этот подтекст на примере анализа стихотворения «Таракан». Помимо острой эмоциональности и гуманистического духа этого произведения, она отметила издевательство поэта над санкционированным властью учением Павлова о высшей нервной деятельности, отрицающим существование разума и души у животных и насаждающим жестокие вивисекционные эксперименты². Элементы пародирования и издевательства над советской действительностью Полякова увидела и в стихотворениях «Хвала изобретателям» и «Служение науке» с их прославлением бытовых мелочей, дефицитных в период индустриализации³.

¹ Г и н з б у р г Л. Я. Николай Олейников. Указ. изд. С. 25.

² С е р а ф и м а П о л я н и н а [Полякова С. В.]. Две заметки о поэзии Олейникова // Neue Russische Literatur. № 2/3. Wien, 1979/1980. S. 223—226.

³ См.: П о л я к о в а С. В. Творчество Олейникова // Russian Literature Triquarterly. № 23. Ann Arbor, 1990. P. 327—355.

Отличительной чертой поэзии Олейникова является и пародирование самого «обэриутства». Так, «Случаям» Хармса соответствует пародийно воскрешаемый Олейниковым жанр «стихов на случай», трагизму Хармса — гедонизм технорука, а его эротизму — олейниковские мадригалы и любовные романсы. Пародируется и противоположный обэриутский фланг — натурфилософия Заболоцкого (в абсурдированном, остранинном или метафизическом вариантах разрабатывавшаяся, впрочем, всеми обэриутами)¹.

Особое место занимал в кругу поэтов-обэриутов и Константин Вагинов², который с ними был связан еще со времен «Левого фланга». Можно предполагать, что, помимо отношения к слову, с обэриутами его объединяла, условно говоря, некоторая его собственная «странность», а также интерес ко всевозможным «странностям» и «странным людям», который он в полной мере разделял с Хармсом. Сам же Вагинов, по его собственным словам, «состоял почти во всех поэтических объединениях Петербурга», часто враждебных друг другу. Свое участие в обэриутском вечере «Три левых часа», как и сам вечер, Вагинов в сатирическом ключе описывает в романе «Труды и дни Свистонова», где изображает себя под именем Марии Степановны³.

¹ См.: Флейшман Л. Маргиналии к истории русского авангарда (Олейников, обэриуты) // Н. М. Олейников. Стихотворения. Времен, 1975. Л. Флейшман первым справедливо указал на всеобъемлющую и демонстративную пародийность творчества Олейникова. С чересчур далеко уводящими доводами Л. Флейшмана (например, о пародировании современных поэту литературоведческих теорий) спорит Л. Лосев, считающий, что, «обращая в разные стороны гротескную маску „технорука Макара Свирепого“, автор следует своему высокому призванию: маска технорука в этом отношении неотличима от рубища пушкинского или лермонтовского пророка... Он — пророк, обличитель, взыватель к совести» (Лосев Л. Ухмылка Олейникова // Николай Олейников. Иронические стихи. Нью-Йорк, 1982. С. 10).

² Раздел о Вагинове написан совместно с Т. Л. Никольской.

³ «Свистонов вошел в Дом печати. Был литературный вечер. Молодая писательница выступала. После семи лет своей литературной деятельности, действительно славной, приковавшей к ее деятельности и к ней самой сердца лучшей части общества, она выкинула трюк, настолько непозволительный и циничный, что все как-то опустили глаза и почувствовали неприятную душевную пустоту. Сначала вышел мужчина, ведя за собой игрушечную лошадку, затем прошелся какой-то юноша колесом, затем тот же юноша в одних трусах проехался по зрительному залу на детском зеленом трехколесном велосипеде, — за ним появилась Марья Степановна.

— Стыдно вам, Марья Степановна! — кричали ей из первых рядов. — Что вы с нами делаете? (Продолж. на след. стр.)

До знакомства с Введенским и Хармсом Вагинов успел пройти поэтическую школу в студии Гумилева, литературный патронаж Кузмина и выпустить две поэтические книги — «Путешествие в Хаос» (1921) и «Стихотворения» (1926)¹. (Сборник «Петербургские почвы», готовившийся к печати в 1922 году, не был издан за недостатком средств.) Прежде чем попытаться определить почву, на которой стало возможно сближение Вагинова с обэриутами, проследим вкратце эволюцию его творчества.

За пятнадцать лет, в течение которых Вагинов участвовал в литературном процессе, его поэзия прошла путь от романтической ностальгии «Путешествия в Хаос» и «Петербургских ночей» к условленной многозначности сборников «Стихотворения» и «Опыты соединения слов посредством ритма», а затем пришла к некоей квазиклассической — обманчивой, впрочем, — ясности и прозрачности. Несмотря на все изменения творческой манеры, постоянными оставались темы вагиновского творчества — судьбы культуры в период мировых катаклизмов, место поэта в переломный период истории, взаимоотношение искусства и жизни.

«Вращен искусством я от колыбели», — признавался впоследствии Вагинов в своих стихах. Его любимыми книгами были «Метаморфозы» Овидия, рассказы Э. По, стихи Ш. Бодлера, под влиянием которых он в старших классах гимназии начал пробовать свои силы в поэзии. Увлекался Вагинов и коллекционированием старинных монет, археологией, античностью. В обширной домашней библиотеке он обнаружил многотомное исследование английского историка Э. Гиббона «История упадка и разрушения Римской империи», в котором подробно описывалось крушение старой римской цивилизации под натиском новой, христианской, сопровождавшееся разрушением храмов античных богов, гибелью языческой культуры. Эта книга произвела на будущего поэта неизгладимое впечатление. Интерес к пограничному периоду двух культур — умирающей старой и зарождающейся новой — сохранился у Вагинова на всю жизнь и, наложившись на судьбу его родного Петербурга, стал одним из лейтмотивов его творчества.

Первый сборник Вагинова — «Путешествие в Хаос» — объединен образом Хаоса: «арапа с больших окраин», заявляющего о себе завыванием бури, сметающей все на своем пути. Вихревая стихия хаоса уподобляется поэтом табуны диких коней. Однако напрашивающиеся ассоциации со «Скифами» Блока при ближайшем рассмотрении оказываются поверхностными. Вагинов не воспевает

Не зная, зачем, собственно, она выступает, Марья Степановна ровным голосом, как будто ничего не произошло, прочла свои стихи» (Вагинов К. Козлиная песнь: Романы. М., 1991. С. 176).

¹ Сборник 1926 года с энтузиазмом приветствовал Мандельштам. См. подробнее: Гинзбург Л. Я. Записи 1920—1930-х годов // Гинзбург Л. Я. Человек за письменным столом. Л., 1989. С. 9.

азиатскую стихию России, а пытается осмыслить в контексте мировой истории смену культур, сопровождающуюся бурными потрясениями. В свое время христианство, став государственной религией, разрушало храмы языческих богов — теперь разрушаются христианские святыни, и жена Иосифа качает над сумеречным миром пустую колыбель. В культурологической концепции Вагинова ощутимо знакомство не только с «Историей упадка и разрушения Римской империи» Э. Гиббона, но и с работами Н. Данилевского и О. Шпенглера о кризисе европейской цивилизации.

Стихи «Путешествия в Хаос» имеют подчеркнута вневременной характер. Если сравнить печатный текст с черновиками, можно заметить, как Вагинов сознательно исключал из окончательного варианта приметы времени и конкретные реалии.

Новым этапом в творчестве Вагинова стал сборник «Петербургские ночи», большинство стихотворений которого печаталось в периодике начала 1920-х годов. Сам поэт назвал эту книгу «романтической и фантастической». Лирический герой «Петербургских ночей» продолжает «путешествие в Хаос», без погружения в который, по авторской мысли, невозможно постигнуть искусство. Возвратившись из путешествия на край ночи, герой, подобно человеку, оправившемуся от тяжелой, мучительной болезни, радостно приемлет земное существование, чувствует себя в гармонии с природой, благодарит богов за счастье бытия.

Чтобы понять истоки необычной, близкой к сюрреализму образности стихов «Петербургских ночей», нужно вспомнить облик Петрограда периода военного коммунизма: «Трава покрыла более незащищенные площади и улицы. Воздух стал удивительно чист и прозрачен... Во всем Петербурге воздвигается только одно новое строение — крематорий. Гранитный материал для него взят из разрушенной ограды Зимнего Дворца. Так некогда нарождающийся мир христианства брал для своих базилик колонны и саркофаги храмов древнего мира», — писал Н. Анциферов в книге «Душа Петербурга», вышедшей в 1922 году.

Эту атмосферу запечатлел (в 1923 году) и Вагинов:

Любовь опять томит, весенний запах нежен,
Кричала чайкой ночь и билась у окна,
Но тело с каждым днем становится всё реже,
И сквозь него синее Иордан.

И странен ангел мне, дощатый мост Дворцовый
И голубой, как небо, Петроград,
Когда сияет солнце, светят скалы, горы
Из тела моего на зимний Летний сад.

Перед страдающим от голода лирическим героем «Петербургских ночей» возникают, как перед путником в пустыне, сказочные видения далеких экзотических стран. На берегу Финского залива

ему чудится дыхание Ливии, а сквозь ставшее прозрачным тело просвечивают призраки древних городов. «Хорошей болезнью встряхнуло Вагинова — он потерял чувство обычного пространства и обычного времени. Широко раскрытыми глазами смотрит на райские леса, которыми зарастают городские площади, и в трамвайном ляганье слышит колокольчики кочевого Багдада. <...> Мне думается, весь Вагинов — это рассказывание снов, прекрасных и тающих неуловимо», — писал В. Рождественский в рецензии на «Путешествие в Хаос».

К теме Петербурга Вагинов впервые обратился в гимназических стихах 1916 года. Тогда, в согласии с мифом Петербурга, отрешенным в символистской литературе и в живописи «Мира искусства», столица представлялась ему потеряннным парадизом, сенсерной Венецией, превратившейся в мертвый город, в котором «бьет свинцовая вода» и «кошмары готовят оковы». Теперь, в трагический для города час, Вагинов соединил свою судьбу с судьбой превращающегося в некрополь Петрополя: «На снежной горе, на Невском, то скрывааемый вьюгой, то вновь появляющийся, стоит неизвестный поэт: за ним — пустота. Все давно уехали. Но он не имеет права, он не может покинуть город. Пусть бегут все, пусть смерть, но он здесь останется и высокий храм Аполлона сохранит», — писал Вагинов, вспоминая об этом времени, в романе «Козлиная песнь»¹. А в стихах «Петербургских ночей» так признался в любви к Петербургу:

Мне все равно, что сегодня две унции хлеба,
Город свой больше себя, больше спасенья люблю.

Нельзя не вспомнить в этой связи тот же образ Петербурга, но в эпическом преломлении, в одном из произведений Хармса классического обэриутского периода — «Комедии города Петербурга».

В стихах Вагинова двадцатых годов лейтмотивом проходит конфликт между искусством и жизнью — тема, которую, под собственным углом зрения, опять-таки разрабатывал Хармс. Поэт пытается вырваться из книжного мира и в то же время ощущает себя хранителем культурных ценностей прошлого, гибнущих под натиском машинной цивилизации и вульгарного материализма. Этой теме посвящена, в частности, драматическая поэма о Филострате, представляющая собой вариацию на тему «Пира во время чумы» Пушкина. Вагинов показывает обреченность интеллигенции, пытающейся сохранить идеалы вечного искусства, укрывшись от социальных катаклизмов в башне. В поэме предсказана возможность физического уничтожения служителей муз, отказывающихся от выполнения социального заказа. Зловещим предупреждением таким творцам звучит речь Начальника Цеха:

¹ Вагинов К. Козлиная песнь. Указ. изд. С. 24—28.

Избрали греческие имена сеньоры,
Ушли из города, засели в замке,
Поэзию над смертью развели
И музыкой от дел нас отвлекают.
То снова им мерещится любовь,
Наук свободных ликованье,
Искусств бесцельных разговор
И встречи в зданиях просторных.
Но непокорных сдавим мы,
Как злобной силы проявленье.

Поэтику Вагинова двадцатых годов отличает замена смысловых связей многоступенчатыми ассоциативными. Добавим к этому такие черты, как обилие античных реминисценций, проецируемых на современность, усложненность синтаксиса и образной системы, отказ от точной рифмы. Затемнение смысла поэт мотивирует борьбой с инфляцией слова, за возвращение стиху «сияния славы». В поэтическом лексиконе Вагинова часты архаизмы, такие как «ночь», «подъемлет», «персты», сложные прилагательные, напоминающие державинские и гомеровские эпитеты, — «скипетронощный прибор», «ночей мрачноречивых». Вагинов широко пользуется приемом поэтической этимологии, подбирая слова по звуковой близости, например: «Спокойный вой о войнах и волках» или «Где мед хранил металла звон, где меду медь была подобна», сближая далекие понятия по цветовому признаку. Но звукопись не являлась для поэта самоцелью. Сопоставляя слова, он пытался извлечь новый, не затасканный смысл, рождающийся от их соседства. О принципах своей работы со словом Вагинов рассказал в романе «Козлиная песнь»: «Возьмешь несколько слов, необыкновенно сопоставишь и начнешь над ними ночь сидеть, другую, третью, все над сопоставленными словами думаешь. И замечаешь: протягивается рука смысла из-под одного слова и пожимает руку, появившуюся из-под другого слова, и третье слово руку подает, и поглощает тебя совершенно новый мир, раскрывающийся за словами»¹.

В истории русской поэзии Вагинов занимает особое место. Его творчество не укладывается в рамки ни одного из направлений и не имеет четкой поэтической родословной. Тонкая нить связывает его с Лермонтовым, на что было указано Г. Адамовичем, который вспоминал в связи с Вагиновым стихотворение Лермонтова «По небу полуночи ангел летел». В двадцатых годах был распространен взгляд на Вагинова как на ученика Мандельштама: «Вагинов идет за Мандельштамом. Он тоже отмечает логическое движение стиха, заменяя его фонетическим <...>. Вагинов тоже пытается управлять большими звуковыми массами, строить бессмысленное, но стройное фонетическое здание», — писал Л. Лунц².

¹ Вагинов К. Козлиная песнь. Указ. изд. С. 83.

² Лунц Л. Новые поэты. ИРЛИ. Ф. 568. Оп. 1. Ед. хр. 125. Л. 221.

Действительно, можно заметить сходство не только в архитектонике некоторых стихов, но и частично в трактовке петербургской темы и даже переключку отдельных образов, например «стиха виноградное мясо» Мандельштама и «упал на площадь виноградный стих» у Вагинова. Сближают Вагинова с Мандельштамом и «советские» мотивы позднейших стихотворений. Но преувеличивать близость этих поэтов не следует. Каждый из них шел своим путем. Опускание хрупкости бытия сближает Вагинова с талантливым поэтом русского зарубежья Б. Попласким. Из западноевропейских поэтов, повлиявших на Вагинова, можно назвать Ш. Бодлера, Э. По и поэта испанского барокко Гонгору, которого Вагинов считал непревзойденным мастером слова и собирался переводить.

В одном из стихотворений 1923 года Вагинов писал:

Предстану я потомкам соловьем,
Слегка разложенным, слегка окаменелым,
Полускульптурой дерева и сна.

И все же участие в ОБЭРИУ не было для Вагинова лишь случайным эпизодом. Можно найти немало мотивов, общих для него и обэриутов. Тема гибели Петербурга сближает его и с Хармсом — автором «Комедии города Петербурга», и с Введенским, чьи произведения пронизаны эсхатологическими мотивами; как бы нарочитая формальная и синтаксическая небрежность позднейших стихотворений Вагинова роднит его с Олейниковым:

В нем было тускло и спокойно,
И не хотелось говорить.
Не останавливаясь, гладнокровно
Пошел он по течению плыть.

(Нарцисс)

Некоторые стихотворения чрезвычайно близки поэтике Заболоцкого — так, например, строфы

Дрожал проспект, стреляя светом,
Извозчиков дымилась цепь.
И вверх змеями извивалась
Толпа безжизненных калек

(«Дрожал проспект, стреляя светом...», 1926)

или

И точно яблоки, румяны,
И точно яблоки, желты,
Сидели гости на диване,
Блаженно раскрывая рты

(«Ночное пьянство»)

словно заимствованы из «Столбцов» последнего; вместе с тем по сравнению с заземленными, как бы отяжелевшими строками Заболоцкого они кажутся летящими и одухотворенными. Л. Чертков, первый зарубежный издатель произведений Вагинова, характеризует это сродство в терминах общего для обоих поэтов «сочетания гротескного содержания с выработанностью формы», замечая, что иллюстрацией их отношений может служить факт рекомендации Вагиновым в журнал «Звезда» стихотворения Заболоцкого «Футбол», которое он назвал «золотым самородком» и которое явилось первой публикацией молодого поэта¹. Не менее красноречиво говорят о поэтической приязни чинарей-обэриутов к Вагинову воспоминания И. Бахтерева о том, как он предложил им для нового союза кандидатуру Вагинова, которую сам считал бесспорной. «Лучшей кандидатуры и быть не может», — отозвался Заболоцкий. «Я вызвался поехать и договориться с Константином Константиновичем, — пишет Бахтерев, — был убежден в успехе и не ошибся»².

Вопрос о более глубинном сродстве вагиновской и обэриутской поэтики еще, несомненно, подлежит изучению. Любопытно, однако, отметить единодушные критики, обширные выдержки из которой приводит в своем цитировавшемся уже послесловии к изданию Вагинова Л. Чертков и которая характеризует Вагинова в тех же терминах, какими привычно определяется поэзия обэриутов: «Бестолковый, сомнамбулический поэт <...> никакой логики, никакого смысла; образы самые нелепые, синтаксис самый фантастический» (Г. Адамович); «<...> у Вагинова в творческом процессе — два периода: первый, когда он пишет непонятное, затем второй, когда от непонятого переходит к проясненным произведениям» (Вера Лурье); «К. Вагинов подходит к этой задаче (выбиваться из шаблона эпигонов символизма. — М. М.) немного через футуризм, беря у футуристов преимущественно приемы образа» (В. Брюсов); «Стихи <...> были довольно несуразными, до последней степени метафоричны, и до смысла в них трудно было добраться. Но в самой несвязице вагиновских стихов было что-то свое, она была как-то своеобразно окрашена» (В. Ходасевич); «Вагинов пока что поэт для поэтов и критиков, и его стихи с трагической тематикой, живущие деформированным классическим каноном, еще не могут найти дороги к широкому читателю» (О. К.)³. В том же ключе говорит о К. Вагинове и сам Л. Чертков: «И алогизм его образов иной, чем у обэриутов, — у тех он вырастает из отказа от традиционной культуры и сомнения в новой, — Вагинов

¹ Чертков Л. Поэзия Константина Вагинова // Вагинов К. Собрание стихотворений. Мюнхен, 1982. С. 226.

² Бахтерев И. Когда мы были молодыми // Воспоминания о Н. Заболоцком. Указ. изд. С. 76.

³ См. подробнее: Чертков Л. Указ. соч. С. 215—223.

же остается в кругу сомнений, и у него сохраняется присущая ему с самого начала странная логика, парадоксально существующая на грани смысла <...>. Часто он сознательно разрывает логические связи, заменяя их ассоциативными, — как правило, очень сложными»¹.

Именно сочетание программного алогизма с трагикомедийной струей, которое в высшей степени выражает себя и в обэриутском мироощущении, и в поэзии Вагинова, сделало возможным, при всех различиях, союз «поэта трагической забавы», как он себя называл в одном раннем стихотворении, с поэтами-обэриутами.

3

ОБЭРИУ суждено было стать последним литературным объединением в русле русского авангарда, наследовавшим футуризму. Именно как футурист упоминается впервые в печати Введенский², зато Хармс в предисловии к составленной им в 1926 году и не увидевшей света книге «Управление вещей. Стихи малодоступные» обращается к воображаемому рецензенту: «Прежде чем отнести меня к футуристам прошлого десятилетия, прочти их, а потом меня вторично». Помимо книжного влияния, Введенский и Хармс, как мы видели, непосредственно соприкасались с живой традицией заумной поэзии, хотя и в ее провинциальных ответвлениях: первый — через Терентьева, и оба они — через Туфанова; выше говорилось и об их связях с художниками русского авангарда, прежде всего с Малевичем.

Наследники футуризма, обэриуты отчасти заимствовали из него и деструктивные, и эпатажные начала (последние в особенности культивировались Хармсом, с его любовью насыщать свою жизнь элементами игры). Эти начала, в классическом футуризме как бы призванные выражать протест против литературного и социального истеблишмента, приобретают новое значение в последовавшую за революцией эпоху всеобщего распада, созвучным которому становится на какое-то время тенденция к распаду формы, достигающая предельного выражения в зауми. Впрочем, обэриуты, тогда еще совсем юные, новому режиму никогда, кажется, не сочувствовали, и на них никак нельзя распространить замечание Набокова по поводу «недолгой искусственной славы в большевистских кругах», пережитой вымышленным им футуристом Паном «благодаря странному, основанному на терминологической путанице представлению, подразумевающему прямую связь между крайностями в искусстве и политике»³. Но проходит деся-

¹ Там же. С. 225, 227.

² См.: К [р ы ж и ц к и й] Г. Футуризм // «Жизнь искусства». 1923. № 27. С. 14—15.

³ Набоков В. Истинная жизнь Себастьяна Найта // Набоков В. Романы. М., 1991. С. 36.

тилетие, и заложенные в художественной практике обэриутов взрывные элементы воспринимаются уже как вызов новому советскому истеблишменту. Этот вызов был им немедленно принят: громкая критика Заболоцкого, не утихавшая в советской прессе с конца 1920-х годов, выступление Асеева против обэриутов на поэтической дискуссии 1931 года, статьи против них в ленинградских газетах очень скоро переводят вопрос об их нонконформизме из области литературной в область политики. Это не замедлило повлечь за собой репрессии — сначала против ОБЭРИУ, потом против самих поэтов, для трех из них в конце концов свершившиеся гибелью. Не минует эта судьба и Заболоцкого, в 1930-х годах пытавшегося достичь компромисса с системой, отладившей, однако, механизмы определения «чуждости», которые действовали настолько безошибочно, что их не могли обмануть ни «Ода» Мандельштама, ни «Горийская симфония».

Быть может, однако, именно последствия этой гиперчувствительности агрессивнейшей системы, физически уничтожившей обэриутов и цензурировавшей их произведения на протяжении еще полувека, поневоле сдвигают акценты и в оценке их творчества: на первый план выступают «деструктивные» элементы обэриутской поэтики. Но и в более широком плане то ниспровержение основ, которое столь часто декларируется при смене художественных поколений, утверждающих новые стили в искусстве, представляет собой не что иное, как диалог с предшествующей традицией, против которой восстают новаторы. Вслед за Ю. Тыняновым Л. Я. Гинзбург в очерке о Заболоцком писала: «Ни одному поэту, однако, еще не удавалось — и не удастся — в самом деле посмотреть на мир «голыми глазами». Это иллюзия, нередко овладевающая молодыми литературными школами. В поэзии, даже самой новаторской, утверждение высокого и прекрасного черпает свою достоверность в традиции, опирается на традицию (вольно или невольно)»¹.

В творчестве обэриутов диалог с традицией принимает многообразные формы: то уходя глубоко «под воду», то прорываясь наружу в цитатах из Пушкина и Боратынского, Жуковского и Гоголя, а в позднейшем их творчестве проявляется в своеобразном повороте к неоклассицизму, характерном, например, для таких художников-авангардистов XX века, как Пикассо, Баланчин или Стравинский. Наряду с УКРами Хармса («Упражнения в классическом размере»), выразительными примерами такого рода могут служить его же «Подруга» или «Элегия» Введенского, о которых оба говорили, что они отличаются от всех их прежних вещей. Тем не менее печать обэриутской поэтики в той или иной мере лежит и на хармсовской «подруге-музе» с буквами, цифрами и кругами,

¹ Г и н з б у р г Л. Я. Заболоцкий двадцатых годов // Воспоминания о Н. Заболоцком. Указ. изд. С. 151.

источенными жуками-точильщиками на ее лице, и на одетых в блестящие халаты «божественных птицах» с развевающимися косицами из «Элегии».

Изменяются к концу короткой жизни поэтов-обэриутов и их художественные симпатии. Если, к примеру, согласно «Разговорам» Липавского, в начале 1930-х годов Введенский с осуждением отзывался об Олейникове, подозревая, что тот тайно читает Пастернака, то накануне войны, по устному рассказу художницы Е. В. Сафоновой, он вновь открывает для себя Ахматову, с упованием читая только что вышедший ее сборник «Из шести книг». О встрече с Ахматовой Хармс и их любопытном разговоре в том же 1940 году мы уже упоминали в начале статьи.

Интерес поэтов-обэриутов, начинавших с подражания русскому заумному футуризму, очень скоро, как отмечалось выше, перемещается из области заумной фонетики в область заумной семантики — «столкновения словесных смыслов»; главным понятием их поэтики, по крайней мере Введенского и Хармса, становится бессмыслица.

Горит бессмыслицы звезда,
она одна без дна, —

читаем мы в заключительных строках поэмы Введенского (№ 19), с 1926 года именовавшего себя «чинарь авто-ритет бессмыслицы». «Битвам со смыслами» — обыденными, окостеневшими и превратившимися в поэтические штампы — посвящает свое творчество Хармс. Постепенно видимые бессмыслицы, которые Тьнянов находил, например, у Пушкина, превращаются в способ фиксации глубинного поэтического смысла, исходя из которого поэты конструируют свой «реальный» поэтический мир.

При сколь угодно широких философских, религиозных¹ и художественных параллелях — с дадаизмом и сюрреализмом, театром абсурда и абсурдом экзистенциалистским — радикальность поэтического эксперимента обэриутов, декларировавших «реальность» своего искусства, не вызывает сомнений. Высшая серьезность в отношении в поэтическому слову, в сочетании с неприятием обыденной логики и рационалистического сознания, на время соединила вокруг ОБЭРИУ столь разных поэтов, как Введенский и Вагинов, Хармс и Заболоцкий, Бахтерев и Олейников. «У каждого из нас есть свое лицо, и это обстоятельство кое-кого часто сбивает с толку. Говорят о случайном соединении различных людей, — писал в конце 1927 года Заболоцкий. — Наше

¹ Я. С. Друскин связывает бессмыслицу Введенского, в ее предельном значении, с понятием «безумного Божия» — рационально «неуподобопостигаемым» воплощением в Богочеловеке Слова, ставшего плотью.

объединение свободное и добровольное, оно соединяет мастеров, а не подмастерьев, художников, а не моляров. Каждый знает самого себя, и каждый знает, чем он связан с остальными»¹. Но каждый из этих поэтов мог бы отнести к себе слова Хармса из его рабочей тетради: «Стихи надо писать так, что если бросить стихотворением в окно, то стекло разобьется»².

Социальная неприемлемость художественных позиций и поэтической практики поэтов ОБЭРИУ слишком скоро привела к ликвидации этого последнего в истории постфутуристического объединения. После распада ОБЭРИУ часть этих поэтов продолжает дружеское и творческое общение в редуящем кругу единомышленников. То, чего не довершила советская репрессивная машина, довершает война, после которой единственными, хотя и разьединенными свидетелями чинарско-обэриутского движения остаются Бахтерев и Друскин: первый — эпохи его становления, второй — на протяжении всей его эволюции. И только спустя полстолетия сколько-нибудь полное издание поэтов-обэриутов становится возможным на их родине, столь неблагоприятной к ним при их недолгой жизни.

М. Мейлах

¹ «Афиши Дома печати». 1928, № 2. С. 12.

² Цит. по: «Аврора», 1974, № 7. С. 78.

Александр Иванович Введенский родился в Петербурге 23 ноября (6 декабря) 1904 года в семье экономиста; мать, происходившая из дворянской семьи (урожденная Поволоцкая), была известным врачом-гинекологом. Он учился в гимназии, потом — в Единой трудовой школе им. Л. Д. Лентовской (на Петроградской стороне), которую окончил в 1921 году, не сдав экзамена по русской литературе (!); там же учились старшие его на год и на два Л. С. Липавский и Я. С. Друскин, впоследствии входившие в его ближайшее окружение. Преподавание литературы вел в гимназии Л. В. Георг, университетский соученик Б. М. Эйхенбаума, человек, по воспоминаниям всех его учеников, весьма примечательный¹. Знаток русской поэзии, Георг поощрял поэтическое творчество Введенского — известно, что по крайней мере ко времени февральской революции 1917 года (а может быть, и много раньше) последний уже писал стихи. Любимым поэтом Введенского был в то время Блок, которому он еще успел послать свои стихи и даже получить от него ответ². К футуризму он относился тогда скорее иронически — вместе с несколькими друзьями он принимал участие в коллективном сочинении поэмы «Бык Будды» — пародии на футуристические стихи. В двадцатые годы он, однако, испытывает сильнейшее влияние футуризма, особенно увлекаясь поэзией А. Е. Крученых³.

¹ О нем вспоминает, в частности, Д. С. Лихачев. См.: «Я так ясно его помню...» // «Аврора». 1981, № 9. С. 100—107; «Из комментария...» // Избранные работы. Л., 1987. Т. 3. С. 338—342.

² См. подробнее: Кобринский А., Мейлах М. Введенский и Блок // Блоковский сборник. X. (Ученые записки Тартуского университета. Вып. 881). Тарту, 1991. С. 75—78.

³ По рассказу Н. И. Харджиева, который в тридцатые годы познакомил Введенского с Крученых, Введенский во время этой встречи читал ему свои стихи, к которым Крученых отнесся скептически и сам прочитал стихи маленькой девочки. Встреча была не вполне удачной, но, выйдя от Крученых, Введенский сказал Н. И. Харджиеву: «А ее стихи действительно были лучше».

Именно в связи с футуризмом имя Введенского впервые упоминается в печати в 1923 году, но не с тем классическим русским футуризмом Хлебникова, Бурлюка, Маяковского, Крученых, который критик Г. Крыжицкий объявил «родовыми муками еще не родившегося искусства». а неким таинственным футуризмом будущего, и в качестве иллюстрации автор приводит несколько прозаических примеров «из произведений футуриста — Александра Введенского»¹.

После гимназии Введенский поступает сначала на юридический факультет Университета, потом, ненадолго, на китайское отделение восточного факультета. Он работает письмоводителем, но настоящие его интересы лежат за пределами академических занятий и службы. Введенский сотрудничает в отделе фонологии ГИИХУКа с футуристом Игорем Терентьевым и художниками — учениками Малевича (см. вступ. статью). Дальнейшая судьба Введенского теснейшим образом связана с Хармсом, вместе с которым он некоторое время входит в *Орден заумников*, сотрудничает в театре «Радикс», наконец, в ОБЭРИУ. Вместе с Хармсом его выслаляют в 1932 году из Ленинграда, куда оба поэта возвращаются в том же году. В 1936 году Введенский переезжает в Харьков. На протяжении всех этих лет пишет произведения для детей, и, хотя он выпустил множество детских книг, мы хотели бы, однако, со всей ответственностью заявить, что не считаем его произведения для детей, писавшиеся исключительно для заработка, работами, которые должны входить в корпус сочинений: неся печать таланта, они составляют явно боковое, вынужденное ответвление творческой деятельности поэта, не смыкающееся с ее главным направлением.

В Харькове Введенский живет вне какого-либо близкого ему круга общения. Здесь он создает вереницу замечательных позднейших произведений, начиная с пьесы «Потец» (1936—1937) и кончая последними вещами — «Элегией» (1940) и «Где. Когда» (1941), которые он уже военным летом 1941 года читал в Москве Н. И. Харджиеву и Е. В. Сафоновой. Через несколько месяцев после начала войны Введенский подвергся превентивной эвакуации, практиковавшейся перед приходом немцев в отношении людей, уже однажды репрессированных. По дороге в Казань, согласно справке о «реабилитации» — 20 декабря 1941 года, Введенский, по сообщениям оставшихся в живых его попутчиков, либо погиб от дизентерии, либо был пристрелен конвоем.

1. НАЧАЛО ПОЭМЫ

верьте верьте
ватошной смерти
верьте папским парусам
дни и ночи

¹Крыжицкий Г. Футуризм // «Жизнь искусства». 1923, № 27. С. 125.

холод пастбищ
голос шашек
птичий срам
ходит в гости тьма коленей
летний штык тягучий ад
гром гляди каспийский пашет
хоры резвые
посмешищ
небо грозное кидает
взоры птичьи на Кронштадт
гордой дудкой мчатся волны
мел играет мертвой стенкой
в даль кидает как водичку
спит пунцовая соломка
на спине сверкает «три»
полк английский ерусланский
шепчет важное ура
торг ведет монах с василием
где часовня жабой русою
улыбается густой каймой
на штыки на третье рождество
дым и пень котел и паучок
скоро сядет на холму воробушек
голубой как утка пиротехничек
ты сова копилка птица глупая
тень диван татары лунь павлин
уж летят степные галки
уж горячей пеной по небу
в шесть мечей сверкают башни
и блестят латинским маслом
волосами щит лазурный
вмиг покрылся как гусеныш
кипите кости в жиже бурной
варенье черное в стаканах
уста тяжелого медведя
горели свечкою в берлоге
они открылись и сказали
«на гуслих смерть играет в рясе
она пропахшему подружка»
чу сухорукие костры
(свиная тихая колхида)
горели мясом. Рысь женилась

1926

2. МИНИН И ПОЖАРСКИЙ

Петров в штатском платье

П и р о ж н и к
Придушим их.

В е е ч к а
(мужской человек. Лениво-лениво)

Как же нам и не плакать, когда мы они взойдут на ступеньку, посидят-поседеют, они взойдут на другую ступеньку, еще посидят — еще поседеют. Все кудри повывлезут — черепа блестеть станут. Кто же они — а все те, кто носит штаны.

ужели женщины штанов не носят?
штаны у женщин также есть
и им такая ж будет честь
присели и отошли без шинелей

П и р о ж н и к
Где же шляпа?

Г о л у б е н ч и к о в
где вы тучные ребята
пушки воздух теребят
одевайтесь спешите
ветер на шинели спит
свет хвостами шевеля
уж объелся щавеля
и рассвета керосин
в зябкой облак приносил
спят поля. Сон ручью
спят еноты чересчур

К н я з ь М е н ь ш и к о в
Пойду пройдусь мне моя колыбельная песня не нужна.
На ветках пристани я вижу точно бы и как бы так.
Хорошо — поди сюда властитель.

Князь Меншиков подходит.

Князь Меньшиков
(к нему)

Вот хотел бы я спросить зачем здесь родственник.

Князь Меньшиков
(к нему)

Хотел бы я знать: кто здесь родственник, уж не я ли.
Ох, какой я знатный.

Князь Меньшиков
(к нему)

Ужели я не знатный!

Князь Меньшиков
И знали впредь.

Входит Ненцов светает и я с сигарой.

Монашки

Как чуден Днепр при тихой погоде, так ты Ненцов
здесь зачем.

Ненцов
Уж не я ли зачем?

Монашки молчат и ушли.

Греков

итак я был убит
судьба моя старалась улететь
и многие прохожие летали
усы их словно ласточки сверкали
прохожие уж щурили глаза
и говорили: пробка Казимир и ветошь
была одна там туча как зола
а все другие были словно шведы
и догорает деревянный зал
кончается как немка перочинный лес
тут он и встал и вместе сел

Князь Меншиков
Да город путевой и будто бледный.

Пирожник
Давай рыбку ловить. Вот вижу я фонарщик бежит и
вопит, а за ним ангел летит и шуршит.

и на глазах урок прочел
кто барабаном сел на мель
вариться в пушечном жерле
лягушки в воду звать того
и кто ж ответить не готов
я Минин говорю им вон

Минин входит, озираясь словно щит

закон часов я знаю вновь
что жирен памятник пучок земли
когда вокруг одна мамзель
одна неметчина ее картуз
а Боже мой какой в плечах-то зуд
как в пятках-то щекотно мне
им хорошо бы поумнеть
а то сидят в воротничках
в папах в галстук на мерзлячках

Пожарский
(задумчиво, как бубен)

что шашка лысая моя
уныло жить нам батракам
что шашка тетерев татап
но и она согласна с ним
и он сельдем уже стоит
тут вскоре качка началась
как будто хохот для плеча

Поезд отходит.

Греков
Где же мой башлык. О Пушкин, Пушкин.

М а ш и н и с т о т п а р о в о з а

глядел и я на твой башлык
на нем звездами выткан штык

Д е д

(из столовой, разбитый барин, цыган)

Отойди позабудь свой башлык. Машенька, дай мне
килек, donnez муа доску с маком. Ой что же это за
цифирь.

М и н и н

(заросший в снегах)

я бестелесный
будто гусыня сидит
и перышки тоски скребет

Ф а к е л ь щ и к

Я принужден ее забыть.

В с е

Будь здоров губернатор.

Г у б е р н а т о р

(опрокинувши платок)

Будь здорова губернаторская мать.

(Указав кием на два лежащих камешка)

погубили их собратья
затрещит свинцом скамья
ну вот лежу убитый
гляжу на берег еле видный
читаю плесканье копыт
а сам мерцаю от тоски
деревья уж вареные стоят
их листья ходят притаясь
винтовки все что зложены
у ног моих разложены
и месяц пробует в тиши

хотел я пуговку пришить
и в речку бросил плотный щит
как вдруг народ из Риги
как умно говорю
снимите ваши гири
я чистоганом напорюсь

Ч и н о в н и к е г о о с о б ы х
п о р у ч е н и й

*(на следующее утро после смерти чаю не пьет всё
твердит)*

кому китаец или мних
а мне плевать хотелось в них
и так зигзагом кровь лилась
на сало и на тусклый глаз
людей лежащих на земле
родриго в зыбке спит мамзель
ее фердунькой не пугай
она как матушка глупа
очнулся в золоте отец
свеча пошла дымить конец
и еще что-то всё

В а р в а р о в а

*(болтая из колыбели голыми ногами, так что
видны ее пышные подмышки и пошлая грудь)*

мне дайте мальчика
дитю любви
чтоб мальчик пальчиком

К тому же и пораженцы. Пингвинчики цып, цып, где
ваш кролик.

П и н г в и н ы

Мы неизвестно чьи.

Д е д

Варварова взирал я на тебя
когда как частокол меня тошнило

Г р е к о в

но вопли трудных англичан
прорезали могучий воздух
тут сабли взмах уж прорыдал
нянька ходит по ночам
нянька ищет входу
он пальто свое поймал и там уже дыра
он к ней — та замуж за Петра
там пролегала костяна тропа
медведь на ней стоял навзрыд
она кончается а волоса плетет
и англичанка звездный вид
открыла в шляпке из кальсон
полюбовавшись справедливо
сверкнули шашки их несчастливо
да так что брызнула душа
и пташка Божия пошла на небеса дышать
все люди вскрикнули уже
так выстроили город Ржев
охотник плюнул он чудак
носил с колючками колпак
сияла за плечом коса
и был он бабка был осока
священник в городе том жил
где тумана спать бежал
вот он несет широкий требник
а перед ним утес
который чем овес спасет
тем был и титулован
тот Пушкин был без головы
то знали ль вы не знали вы
он англичан позвать велит
виня друзей что подвели
те в плачь сорвали воротники
и удавились от тоски
и снова вспомнили требник
медведь в берлоге нарожал ребят
те в долги дни в кулак трубят
а если в щель спустить тебя
то выйдет жареный звук
на котлах сидящий плачет
и костями украшает палисадника траву
горемыка — бедной пчелкой их зовут

спешиться изволил он
лакей был в морде как ливрей
ужели это Ржев поляк
и три домашние клопа
как няньки светят тополя
но слышны крики и пальба
наш англичанка уж бежит
одет в курчавое жабо
медведь их видом поражал
медведь он ягода болот
он как славянка сударь Смит
не все напишете в письме
на это Пушкин отвечал
его штаны как каланча
лицо целковый по ночам
да говорю вам что не всё
и стали сеять все овес
проходит час проходит год
собачка быстро подросла
стояла бурная погода
в кругу крестьянского села
могучий панцирь был утыкан
шмелями плавунами и львами
собачка лает спят коты
и англичане спят с усами
в одном окне лишь виден мир
стригла там свечка умных рыб

Петров в военном платье

Уральская местность. Ад.

Г о л о с н а к р ы л ы ш к а х
Что ты ласточка как хорошо поешь сердцу больно. И
поздно заснул. Я отчаянно дремала.

П л е б е й к и н
Хорошо Варварова я тебя полюблю. Ты у меня одна.

Робеспьер Робеспьер
Катенька
и всё прочее такое
сам поймет

Г р е к о в

Замерзла крепость наша вся как есть кусочек. Ну ладно и пойду.

О н и
(дуэтом)

Иди иди и пр.

В а р в а р о в а
(отодвигаясь на скамейке)

Плебейкин зачем ты ко мне всё ближе садишься — я ведь немышь что ты?

П л е б е й к и н
Правда немышь.

В а р в а р о в а
Что же ты опять ближе садишься — ведь я не гусь.

П л е б е й к и н
Правда не гусь. Я тебя люблю, дай я тебя поцелую.

Погодя пришел и Ненцов. Все они очень рано ушли.

Чертю кашу из кружечек варят.

Песня пока каша варится

Григорю стоял
взволнован и скучая
он много горевал
как утка вековая
он зыбких шашек тень
ему б учиться день
слагая травы черепа
кусты и горсти комаров
меньшую жилу и сухие кости
уж в отдалении текла Печора
нездешняя кровей свекровь
там путник спутника терял
мужские холмы озирал

М и н и н

(в палатах)

Готова ли каша?

П о ж а р с к и й

(оттуда)

Собачка, собачка, поди-ка сюда. У борзый пес — совсем как ложка?

Г р е к о в

Ты ли спал?

Н е н ц о в

Я в общем спал.

Песня пока каша варится,
а все остальные может быть вяжут чулки

окрестный воздух был жуком
а очи едким пузырьком
девица скажет вестник скал
сияя пальцем от тоски
и собирая сдохший вереск
шумит в прилежные пески
они ее болезни гордо скажут лепестки
и существует Припять
в окне он видит за избой
стоит пылающий бизон
и свечка острая горит
уже сидел Рабиндранат Тагор
он грустно молвил шляпа тина
уж утопая в волнах ледяных
ему несли любви кафтан
а он как граф в реке потонет
прошли семейные недели
он дикой куклою лежал
из револьвера не стрелял
ее он робко пожалел
он одеялом вспять лежал
на нем посмертные доспехи
висят печеночные шпаги
над ним Урал река и шлаки
крутились в сумрачной потехе

Урал кричит поддай ножа
река его жена в водянке
Григоров был как пух в портянке
сыночки Индии жужжат
Григоров как пес заплакал
и Григоров был просто шлаком
его собачка тут же шла
народ шептал он дунь в колокола
и сей мужик одет в бушлат
и души свечи он несет
где вновь безбрежный спал сион
Екатерина он пищит открой
со мной бородка камешек и крот
Екатерина подошла
на землю севши вниз исчезла
она как Дон Жуан пропала
и вышел пекарь нищ больной
но с цепочкой золотой стальной

П л е б е й к и н

и ждет он тускло переправы
небрежно гуси плыли вниз
повсюду разносились крики
загадочного их числа
они как сумрачные пики
равны косичкам силача

К о м е н д а н т

о что за сахарные люди
им всё играть бы в тары люли
не видно пазухам числа
но усмешается силач
сипят проворные

Скачи, скачи через берег. Что ж вы римляне милые.
Чу лоб и усы, нет движенья. Попрошу наоборот.

сипят проворные бараны
и вяло морщась издыхают
и нет пятерки бороны
коль няньки желтые порхают
вода стекает парным свистом
как цапли прилетают вести

Н е н ц о в

Сомнительно — я бы вас и не узнал.

Около того места где они все собрались был лес. А если повернуться кругом была мельница: плывешь не плыву.

Петух карглазый

(песня о втором сыне графа Шереметьева)

всю ночь смеялся Кунцев
смеялся словно сом
всю ночь бурчали доли
и бегал Шпажецкий на мост
и был он Шпажецкого внук
и Кунцев сядет в лодку
тут мчится Петров
ту ту Фортунов
задумчивый сыр молодецкий
он злобы надменный песочек
уж нынче крутился в чесотке
был этот край бухарестский
и все там смеялись как вереск
вот жучки гудят
и ноги дугою расставив капрал
орал понимаю я ясли
он разумен и счастлив
как туча что месяц
вот жук нет хоромы
мама мама что за спесь
долговешни храмы
ах нет то уточек монарх
иль сих минут монах

П р а п о р щ и к

что за удивленье
за что же букварей давленье
и что за груз такой навален
край называется Ливан
там только мужички да спички
прозябают в спячке
Юпитер там и не жил никогда
он в жизни не имел когтей
семерик надеюсь я не имел и после смерти

пожелая пожелая на сановника посмотреть
вот пушечные плечи
и константиновский живот
домашние большие щели
углов курносый новожил
и в этом гугенотском чреве
сидела мутная жена
она была обнажена
на час на градусник на вечер
и раздражена
потому что утопиться ей пришлось
и на нероном плече ее головка уж болталась
она козленком все сошли
и пир пустым остался
все подходят к ложу отменно спящего
и ночная панихида умиленно зрела
гаснет свечка и Руслана
петушком в траве лежит
на нее сидящую
орел взирал и бегал
сказав привык ее балет
к слезам он не привык к пальбе

Н е р о н

Римляне отомстим им за это?

Д е д

Эти стихи вовсе не прапорщик читал. И я к тебе стоял спиной.

*Но тут вошел Португеев, грозен как никогда и черен.
Пчела у него сидит на лбу, а не кузов с детьми.*

К о м е н д а н т

(ему говорит)

Гляди-ка опять римляне как их почки пришли.

П о р т у г е е в

И ладно что я тебе этого не сказал.

Комендант однажды

П о р т у г е е в

Прошу тебя Люба уйди.

Н е р о н

Выпускайте зверюшек.

(Побледнев — будто бы из Китая пришел он с сестрицей. И та в очках. Сова — а живот как у будочника).

Подымется кактус — опустится флейта.

Комендант обиделся. Стали на картах гадать. Люба он или нет. Шведам усмешка и прошедшие дни. Входит крестная мать и на глазах римлян сажает овощи. Вечерело. Они же загадают и турецкий брат на помощь стоит. Ежеминутно стреляя из ружья. Из девишника летят же скворцы. Павел сын и Егор. И.

П о р т у п е е в

Это горничные девки их нарожали.

К о м е н д а н т

Гадаю, Люба я или нет? Давайте спать ложиться.

Р ы б а к

(садясь на невод)

Я вам рыбы не дам. Я свою долю найду. Не на горе, не на лугу в воде.

Д е р е в е н с к и е д е т и

Что ж там и война началась.

Д е р е в е н с к и е м у ж и к и

Да тот ли полк прошел.

М е д в е ж а т а н а к о л е с и к а х

(вся семья Бутылкиных)

Прощайте вот мы уходим.

на колесах посмешнее
а в гробнице пострашнее
вышла колбочка беда

сурик воск и лебеда
пугник горничной горшок
и военный порошок

*Ненцов с проходящими девушками в записки играть. По-
смотрит брюхата, вторая хриповата, третья хромо-
вата и Н е н ц о в сказал*

Что за девушки в этом городе какие они некрасивые
и безобразные нету ни одной заманчивой солнышки
и ой что же?

А час посидел и сам умер. Прощай Ненцов.

*в кафтане черном как нора
лицо краснеет как медвежья рана
глаза закрыты язык распух
он вялый как огромный пух
не слышит не лежит
порвались сети жил
а раньше звался он Ермолов
был князя Меньшикова друг*

Меньшиков всплакнувши ушел.

Мужья напополам с девицами

М у ж ь я

Мы все любим сажать репку.

Д е в и ц ы

А мы ее стукнем молоточком.

М у ж ь я

Прощайте на вокзале.

Д е в и ц ы

Нет люди в воскресенье.

М у ж ь я

Не хорошо так.

Д е в и ц ы

Так уж надо.

М у ж ь я

Прощай Эома, будь здоров Никита, до свиданья Все-
волод.

Д е в и ц ы

Где ты Ньюра наш желток.

М и н и н

Немного вас и мало нас.

Петров в судейском платье

Г о н е ц - г о н е ц

я бежал недалеко
там нивы черные кидались
где одинокий лед
и молча пазухой лежал колодец
и псы не вякали кругом
а волки сбрую почесали
и эта сеча началась
медведь сказал и я бежать могу
куда племянницей летит пчела
кто небо обозрит умом?
водкой потекла печаль
а не улыбкой силача
и молоток грудной сын
нам скажет трудно брести носы
в сей вечный праздник
и ходят все в водобоязни
уж все готовы к виду казни
и пальцем щелкают картуз
племянника трясясь везут
родимый грешником смеется
лепешку ест. Дрожит пыхтит
тут многие встают с колен
и шепчут чтоб ты околел
в триглазом шейном он платке
смиреньем был прикрыт в палатке
и зубы просьбы полагал
к ногам священника полка

не дым восходит из лампадок
а дух выходит из него
все смущены какой удалый
в забвенье рока своего. Стена
и братство павших пленников
их таратайки коноплей
качались по полю стена
и князь на берегу стоит
платком широким улыбаясь
не птичке перейти мосты
перелетев он страстью был
качаясь зыбко в гамаке
глядит в казенного очки
а рядом Днепр бежал и умерев
он стал обедом червячков
была ужасная комедия
блудник змеею спал беседуя
всему виною стал чиновник
и пухли крошечны веночки
в грязи мужской валяясь
плевки на грудь лоя
а он бежал недалеко
где плакал Разин шерстью псов
запоминая жуть псалмов
к дубравам чудным повлечен
вдали мерцает город Галич
показан как минутный палец
и слышит княжескую речь
суков полей и Вятки чернь
и он говорит не вы черепа
желаю доспехи вычерпать
молебн отслужи!!
кричат торговые тузы
монахов тень полуживых
шипенье мух ослы грозы
сказали небо никому
и так Урал родился с мукой

Пер щ е б а л д а е в
житель водочку спросил
где ты руку занозил
я на поле хам лежал
вред вокруг меня порхал

ты же кислою вдовой
шла горшком за водой
нынче этой свечки лик
стал безбров мохнат велик

Путники а кто в каретке, кто в беседке, кто в шарабане, кто на метле, ну кто на зонтике, на столе, в котелке, на герани, скачут и мчатся по пустыне. Но им библейские орлы.

Вот эти путники за кустами останоятся. Сядут и там сверлят свои дела. И у них дохлые семьи появляются. Они мутные как голова. И велит вам собираться поскорее да чтобы вы торопились, там пришел и казачок.

П а п а

Который это казачок.

М а м а

Наш плечистый борщок.

К а з а ч о к

врите, врите
ваш огонь по идиоте
сядьте, сядьте
здесь ведь казнь

П е л а г е я дрожащая опустила на пупырышки и спрашивает

Кого здесь судят.

Б о р и с Г о д у н о в

Здесь матушка не судят а казнят, т. е. печку строят.

Н а р о д

(поясу)

Будь и ты великодушен. Пули-то и полетели.

П е л а г е я дрожащая

Не меня ли казнить будут. Вот словно люди идут. Не бубни. Душно кругом. Будний день. Вот вам барин кислых щей. Спасибошки по лбу ложкой.

П а л а ч М и н д а л ь

Не крути телом тварь, лучше ты бы меня гусиным жиром помазал. Что сегодня за день будний или праздник. Возле шведов нам тепло держаться и станем персики есть.

К О Н Е Ц С О В Е С Т И

Отворили ворота да все и уехали.

Одна крестная мать в городе сидит и сапоги чистит будто дуэлянтша и рядом человек голову моет. Но тихий как старичок он ее как орешек стукнет свалится и впредь не встанет. Сделай, он говорит, крестная мать мне подарок? А та ему не хочет никакого подарка делать.

Явление 5

Городничий, Хлестаков и Марья Антоновна с флейтой (разговаривают на уральской горке).

М а р ь я А н т о н о в н а
(поплевавши на флейту)

И скажу я вам дорогой Григорий и Яковлевич Григорий, что мужчина вы белобородый и осанистый, мускулистый как эта местность, но зубами вы щелк-щелк, и я опрокажена. Прямо как слюна повисаю.

Г о р о д н и ч и й

Не бойтесь дорогая Фортетьянушка, ужли или нет не уж ли, а ужин, подарю я вам муфту и седьмой огонек. Вы держите сей огонек в придаточном положении. Там шьют вам кофту.

Х л е с т а к о в

Как смешно печенкам. Присядем. Я чуть качаюсь.

М а р ь я А н т о н о в н а

Вы чересчур разборчивы.

Х л е с т а к о в

Поиграйте. А я вас почмокаю.

М а р ь я А н т о н о в н а

Си как моя флейта пищит си.

Г о р о д н и ч и й

(бегает козлом ищет травки)

Курчавый я, курчавый, поберегите меня детки. Я ем ловеласа.

К о м е н д а н т

Довольно. С волками жить, рот не разевай.

Проходит свеча в тазу, проходит свеча в тазу, проходит свеча в тазу. Минин сидит. Пожарский сидит, Варварова поет, Греков ползет — все мы сидим. Кто не сидит из нас — Ненцов и Плебейкин не сидят. Вам птички людские пора бы присесть.

Полуубитый М и н и н

(с этажерки)

лежу однажды бездыханный
и образ вижу сонной бездны
вдруг вижу стрелок наслаждение
иль ярких птичек колыханье
папахи добрые девиц
и Мономах в кулак свистит
могильный холм растет зеленый
зеленый он растет зеленый
быть может круглый нет зеленый
медаль чиновника на нем
и шапка у него земля
ох шапка у него земля
сороконожка не змея
сороконожка это Тит
куда как славно Дон катит
свою вспотевшую волну
казак куда свой тучный глаз
бросает пасхой на волну
рыбак рыбак топи улов
на вал нисходят словари
латышские французские

литовские ирландские
собачьи посмешища
и смотрят на детинец
и щиплют рыжие усы
супруга мечется цените
метанье наше и писк росы
там лебедь беленький летит
дождем он поле моросит
сижу однажды виден в ряд
и ход и шелканье дерев
и брюхо неба паучка
и вещая их пауза
не сплю не вижу Катеньки
а слышу лишь раскаты
огонь да частый передок
и я сижу где Катя
а стелют деда скатерть
ты скажут филин ватерпруф
я испускаю дух
они грибом меня морят
я тайно щеки надувал
они тогда не вытерпят
оставят мухой на валу
вот Катя каковы они
и вся судьба такой овин
могильной трубкою чернея
твоя рука угря чернее
на пашне ночь как человек

Петров в духовном платье

И я тут был.

*В этом Петрове все люди в лежащем и Минин и Ненцов
и другие все. Это ведь не почтовый ящик. Ура.*

М и н и н указав на покойного спящим перстом

и троглодитова чтоб палица
сияла б бомба и металица

П о ж а р с к и й

Сколько лет жил?

М и н и н

Девятки лет жил.

П о ж а р с к и й

Сколько лет жил?

О т в е т

И сами мы словно мысли. Обрею ему бороду она стерином пахнет. Ну вот и пишу я вам про жену, что она вас и знать позабыла и приучилась уже пиццать. Она ваша жена прихожане в косичках сидит.

Б а б у ш к а

Вот какие непоседы.

В а р в а р о в а

*(под лампой лежа на животе письмо пишет.
Ножки-то у нее, ноги-то какие красивые)*

Мейн шнеллер замочек Густав, у нас здесь родина, а у тебя там чужбина. Я очень добрая женщина, и очень хорошая, когда Гала Петер, тебе и сую в нос чернильницей. Я узел а ты просо сеял ли, сеял ли, князь Курбский от царского гнева бежал.

*росчерк пера
твоя Варварова ура!*

И Густав это съел, сидя в ватных штанах.

Б а б у ш к а

Пойду-ка пробегусь.

О т е ц и г о в о р и т з а с т о л о м

Мама ты бы им пошлый чай сварила, калачиком на ковре бо бобо и готово. А я погляжу-ка в окно. Ведь я стервятник. Нет с длинным носом человек. Не человек а человек но впрочем помолось помолось — в яблочко прекращусь.

И стал отец не стервец, а стал он яблоком. Нищий его зовет яблоко, Коля его зовет яблоко, семья моя вся так теперь меня зовет. Мама ты не мама а жена и задирай четверги, на что мне твои подковки.

Ж е н а М а м а

(в оправдание)

Вот ведь и я ушла из дому. Где ты мой платочек?

Папа

Никуда ты из дому не ушла. Раз ты со мной сидишь,
и в твоих ушах кремлевские огоньки видны.

Мама

В лесу меня крокодил съел.

Минин

(мокрым перстом)

Не все ли что тут?

Ненцов

Нет и еще что-то я хотел сказать.

Мама

Уж правда меня в лесу крокодил съел? И ныне мы
не живы. Поперек поперек тебе — иду. Вот будешь ли
драться.

Отец

Я купаюсь, я купаюсь извини меня извини меня я
ослепший корешок я ослепший корешок, и я в котле
и я в котле, я купаюсь я купаюсь извини меня.

Варварова

Ах все как струнья — пустите я прошибусь.

Пожарский

(бабушке)

Где же мой кисет.

Израильский народ

Твой кисет глядит на свет.

Все их собеседники

Чуть что и летит крепостная чайка.

*Пловец кием пошел на дно. Там парголовским ослом и
улегся. Думал да думал и спал. Ужасно устал. Букашкой
порхает или семечком лежит или Попов ему и говорит.*

Греков пристань и отстань. Попова не было совсем. Греков вместо того тогда говорит, что за девишник и здесь ягодный раек. А Варварова качаясь на качелях муноблием уже все творцы.

М а ш а

Давайте будем стаканами.

Д у н я

Нет я желаю помидоры есть.

Ф е н я

У бобра живот покатый.

К о л я

А ты его почти видела.

М а р и я П е т р о в н а

И вы отстаньте бесстыдный и безобидный.

С е р г е й

Давайте, давайте. Никого же никому и останьтесь.

П о ж а р с к и й

(входя)

А где здесь Москва?

Н е н ц о в

Ну нет не без приятности однако о финик пыжик не у вас ли рыжик.

О т е ц

Отстань отстань Ненцов не без тебя мы все сидели. Густав ты бы опочил в ватных штанишках.

Г у с т а в

Да я может быть и опочил бы в ватных штанишках.

Р а б и н д р а н а т Т а г о р

невольню к сим брегам я возвращаюсь
с Ромен Ролланом говорю и бритым шляюсь

кишкой я полдень свой кончал
кто ты брадата каланча?

К а л а н ч а

я царь Эдип
в носу полип
лежу под бумажным одеялом
и гляжу на тебя без идеала

Рабиндранат уходит исполнившись каши. Мы посидели на песке и видим свисли у печей глаза. Видим покойник лежит такой бородатый, что видно всё время борода растет и нега вокруг. Брат как стихи медведь и порох. До свиданья, до свиданья мы уехали. Там в раю увидимся.

П о ж а р с к и й

(со шкафа)

лежу двояким на столе
и жилы как бы фонарное желе
и не дует
душа топорщится челом
вдохнув он скажет мелочь
глаза ржавеют белки. Вот беда
и начинаются обеды
где храпят под локоть
трубкой подложивши коготь
вообразим числа и фигуры сна
он воскресенье нес
и ноги чувствует слабы
подушка просит унесла б
горят покойным медом лбы
на них душа как тень легла
кто смолкнул зубы растворив
кто спит кругом большая гладь
временно и свечка родилась
и тихая пчелкой светает
один с усмешкой видит Ригу
и дыню плод женский
овечье спит он сам движенье
букашек тоже любит всяк

как ножниц пушечных игру
во сне глазами не косят
вот видит он щекотку
другой молчанием погашен
холмом лежит как смерть бесстрашный
сопя в далекий кулачок
над ним порхает уж червячок
его глаза простой пустяк
он мяса бронзовый костяк
так летний человек был поглощен
он бабой раньше тут порхал
теперь на вертеле скакнул
и как зловещий геморрой
лягушки мутные клянут
так погорельцы проходили
и села волжские гордились
вот это Божеский шпинат
исполосована спина
все собирались постонать
но снова лягут под мозги
вот вновь проснулся их кочан
в хомут и жемчуг облечен
и полк смиренный озирает
он на утесе полковом
под ним кусты стоит Саратов
в своем обманчивом полку
отец! мундштук! кричат Тарасу
дворяне в мраке столбовом
в молчаньи гонит пашни сразу
и тихий купол оболгал
смятенно всё. Козлы мужицки
и слезы знатного и свицкого.

к о н е ц

Май—11 июля 1926

3. СЕДЬМОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

однажды человек приходит
в сей трехлистный свет
словно птичка в поле бродит
или как могучий ветр
озирает скалы доли
деревянные гондолы

смотрит на приятный Рим
и с монашкой говорим
ты монашка я пятнашка
но услыша пули звук
он упал холодной шашкой
весь рыдая на траву
 что за горе
 но в окно
 смотрит море
 и темно
он с горы сидит впотьмах
он ласкает росамах
побегі идет в вокзал
в безоглядную тюрьму
где качается лоза
где создания умрут
 быстро падал детский снег
 полный ленты полный нег
когда бы жить начать сначала
он молвит в свой скюртук
я б все печатала рычала
как бы лесной барсук
уже казаки убежали
в углу сияет ангел хилый
и мысли глупые жужжали
над этой ветхою могилой
поспешные минуты
как речи потекли
и звезды отдаленно
как тучи расцвели
тогда ребенок молодой
молиться сочиняет
болтает сонной головой
в подушку медную скучает
он плача покидает лес
и южные бананы
колотит точно мутный бес
в сухие жизни барабаны
но скоро вечер наступил
видна пустыня ада
покуда свечкой на пути
не установят сада
что же это стрекоза
нет восток отличный

словно баба егоза
или ветер хищный
и с дворянских сих кустов
нету сумрачных мостов
и в богатой этой печке
всё наклонно всё как в спячке
о похожие столы
мы сказали ветрено
выбегая из толпы
по дощечке ветреной
сквозь холодное стекло
выставляя лица
замечает рассвело
умерла столица
и ложаяся на сундук
и сложивши руки
он как утренний бамбук
умер для науки
грохочи отец и мать
светит зябкий уголок
и торопится поймать
однодневный потолок
выходил поспешно дух
огорошенный петух
и на елях на сосне
как дитя лежал во сне
в неслышном оперении
в тоске и измерении

У м е р ш и й
уж я на статуе сижу
безбрежную листвою
углы прохожие слежу
любезной головой
на это отвечал судья
в кафтане в простыне
в постель посмертную идя
и думал лежа на спине
что все-таки она уныла
и на подушке спит бескрылый
над всем возносится поток
над всем возносится восток

1927

4. НА СМЕРТЬ ТЕОСОФКИ

какое утро ночь темница
в траве лежала заграница
стояла полночь а над нею
вился туман земли темнее
летали птицы чоботы
и поднимали соленые хоботы
тогда на ветке в русских сапогах
стоит сердечнейший монах

в пяти шагах

я видел временный подъем
где травы думают вдвоем
я видел сумасбродку Соню
она платку благодаря
дала мне сон богатыря
и я лежал немой как соня
и я глядел в окно смешное
и в трех шагах
гулял один иеромонах
я думаю вот добрый вечер
кафтан пустой кому перечить
лишь полки пальмами висят
да в уголках бобы свистят
они себе ломают шляпу
они стучат в больные лапы
медведи волки тигры звери
еноты бабушки и двери
наставница скажу я тихо
обои потерявши лихо
обедают псалмы по-шведски
а в окнах разные челны
благовонный воздух светский
станет родственник волны
тогда ко мне бегут сажают
на скрипке песням ужасают
а он смеюсь а он боюсь
мамаша с ним колечком бьюсь
прошли два года как листва
да в уголках бобы свистят
тогда одевшись кораблем
он рассуждает королем
и неподвижный яблоч ест
на седалище прежних мест

как скворец мы поем
нивы хижины все пойдем
а если зря лежишь в горячке
как бы коран как бы коран
блюдите детство на карачках
так в кипятке шипит кора
я поднял свой голос сонный
он сказал это все сионы
иерусалимы хижины франции
где циклопы и померанцы
я хотел вступить с ней в брак
но пришлось поехать в барак
в боку завелся червяк
оказалось он был мертвяк
на шляпе выросло перо
друзья вон поезд выбегает на перрон
осыпан снежною судьбой
заняться хочет молотью
поля прелестные кругом
наставница читала каблуком
и поднимая ввысь глаза
ей с неба падала лоза
она уже читалась вся
лишь полки пальмами висят
я спал как Боже мой уха
я видел день течет затейливо
во сне носилась чепуха
и все кругом насмешливо
пред смертью улыбалось вежливо
доставши бабушкин цилиндр
и кофту бумазейну
молил я Бога исцели
трещотками брели музеи
ему давали скипидар
горчишники с тремасом
и он как бы поэт Пиндар
давился пышным квасом
улыбались ночи расам
бабкою на сундуке
с незабудкою в руке
что за ночи просто ночь
не улыбки бестолочь
он тогда опять заснул

и в париж прилетел
но проснулся на столе
между прочих блюд и дел
и доставши воротник
отвинтил бумажку
чтоб монах стоявший вник
и прочел ромашку
а в бумажке написал
это деньги я сказал

28 июня 1927 или 1928

5. ОТВЕТ БОГОВ

жили были в Ангаре
три девицы на горе
звали первую светло
а вторую помело
третьей прозвище Татьяна
так как дочка капитана
жили были а потом
я из них построил дом
говорит одна девица
я хочу дахин дахин
сестры начали давиться
шили сестры балдахин
вдруг раздался смех оттуда
гибко вышел белый гусь
говорит ему Гертруда
я тебя остерегусь
ты меня не тронь не рань
я сложнейшая герань
но ответило светило
здесь красиво и тепло
но сказало помело
сколько снегу намело
будем девы песни петь
и от этого глупеть
девы охают поют
из фонтана речки бьют
в это время из камина
появляется домина

а в домине жил жених
видит лучшую из них
видит он и говорит
я рыдать могу навзрыд
я в слезах сижу по пояс
огорчаясь беспокоясь
где рука а где рога
и желаю пирога
говорит одна девица
пирога мы вам дадим

О н

я желаю удавиться

О н а

лучше сядем посидим
посмотрите вот орел
брел и цвел и приобрел
он семейник и гурман
между ними был роман

О н

мужем я желаю стать
чистоту хочу достать
а достану чистоту
поднимусь на высоту
верст на тридцать в небо вверх
не взирая на четверг
подошла к нему Татьяна
так как дочка капитана
и сказала вот и я
черпаха и статья

О н

не желаю черпахи
и не вижу я статьи

стали девкины рубахи
опу поды¹ в забытьи
гусь до этого молчал

¹опускаться подыматься

только черепом качал
тут увидел он — пора
тронул клювом до пера
добрым басом произнес
у меня не клюв а нос
слушал я как кипяток
слов мучительный поток
колоссальный этот спор
стало тяжело как топор
я дрожу и вижу мир
оказался лишь кумир
мира нет и нет овец
я не жив и не пловец

М ы

(говорим)

слышим голос мрачной птицы
слышим веские слова
боги боги удалиться
захотела голова
как нам быть без булавы
как нам быть без головы

Б о г и

звезды смотрят свысока
на большого рысака
мысли звезд ясны просты
вот тарелка чистоты
то ли будет впереди
выньте душу из груди
прибежал конец для чувства
начинается искусство

Ж е н и х

странно боги как же так
где рука а где рога
ведь на мне надет пиджак
я желаю пирога
вот красавица Татьяна
так как дочка капитана
я желаю с Таней быть
с ней минуты проводить

Б о г и
нет минут

М ы
(говорим)

вы не будьте боги строги
не хотим сидеть в остроге
мы желаем пить коньяк
он для нас большой маньяк

Р о в е с н и к

еду еду на коне
страшно страшно страшно мне
я везу с собой окно
но в окне моем темно
я несу большую пасть
мне она не даст упасть
всё же грустно стало мне
на таинственном коне
очертания стоят
а на них бегущий яд
твердый стриженный лишай
ну предметы не плошай
соберитесь в темном зале
как святые предсказали

но ответило светло
где крапивное село
и сказало помело
то село на нет свело
все боятся подойти
блещет море на пути
муха ветхая летит
и крылами молотит
начинается закат
бледен среден и богат
птица гусь в зеленой шляпе
ищет веточек на лапе
ни кровинки на кольце
ни соринки на лице
оживает и поет
нашатырь туманный пьет

3 января 1929

я выхожу из кабака
там мертвый труп везут пока
то труп жены моей родной
вон там за гробовой стеной
я горько плачу страшно злюсь
о гроб главою колочусь
и вынимаю потроха
чтоб показать что в них уха
в слезах свидетели идут
и благодетели поют
змеєю песенка несется
собачка на углу трясется
стоит слепой городской
над позлащенной мостовой
и подслащенная толпа
лениво ходит у столба
выходит рыжий генерал
глядит в очках на потроха
когда я скажет умирал
во мне была одна труха
одно колечко два сморчка
извозчик поглядел с торчка
и усмехнувшись произнес
возьмем покойницу за нос
давайте выколем ей лоб
и по щекам ее хлоп хлоп
махнув хлыстом сказал кобыла
Андреевна меня любила
восходит светлый комиссар
как яблок над людьми
как мирновременный корсар
имея вид семи
а я стою и наблюдаю
тяжко страшно голодаю
берет покойника за грудки
кричит забудьте эти шутки
когда здесь девушка лежит
во всех рыданье дребезжит
а вы хохочете лентяй
однако кто-то был слюнтяй

священник вышел на помост
и почесавши сзади хвост
сказал ребята вы с ума сошли
она давно сама скончалась
пошли ребята вон пошли
а песня к небу быстро мчалась
о Боже говорит он Боже
прими создание Твое
пусть без костей без мышц без кожи
оно как прежде заживет
о Боже говорит он правый
во имя Русския Державы
тут начал драться генерал
с извозчиком больным
извозчик плакал и играл
и слал привет родным
взошел на дерево буржуй
оттуда посмотрел
при виде разных белых струй
он молча вдруг сгорел
и только вьется здесь дымок
да не спеша растет домок
я выхожу из кабака
там мертвый труп везут пока
интересуюсь я спросить
кто приказал нам долго жить
кто именно лежит в коробке
подобно гвоздику иль кнопке
и слышу голос с небеси
мона... монашенку спрости
монашка ясная скажите
кто здесь бесчувственный лежит
кто это больше уж не житель
уж больше не поляк не жид
и не голландец не испанец
и не худой американец
вдохнула бедная монашка
«без лести вам скажу, канашка,
сей мертвый труп была она
княгиня Маня Щепина
в своем вертепе и легко и славно
жила княгиня Марья Николавна
она лицо имела как виденье

имела в жизни не одно рождение.
Отец и мать. Отца зовут Тарас
ее рождали сорок тысяч раз
она жила она любила моду
она любила тучные цветы
вот как-то скушав много меду
она легла на край тахты
и говорит скорей мамаша
скорей придите мне помочь
в моем желудке простокваша
мне плохо, плохо. Мать и дочь.
Дрожала мать крутя фуражкой
над бедной дочкою своей
а дочка скрючившись барашком
кричала будто соловей:
мне больно мама я одна
а в животе моем Двина
ее животик был как холм
высок и очень туп
ко лбу ее прилип хохол
она сказала: скоро труп
меня заменит здесь
и труп холодный и большой
уж не попросит есть
затем что он сплошной
икнула тихо. Вышла пена
и стала твердой как полено»
монашка всхлипнула немного
и ускакала как минога

я погружаюсь в благодушную дремоту
скрываю непослушную зевоту
я подавляю наступившую икоту
покуда все не вышли петухи
поесть немного может быть ухи
в ней много косточек янтарных
жирных сочных
мы не забудем благодарны
пуховиков песочных
где посреди больших земель
лежит красивая мамзель
тут кончил драться генерал
с извозчиком нахальным
извозчик руки потирал

извозчик был пасхальным
буржуй во Францию бежал
как злое решето
француз французку ублажал
в своем большом шато
вдова поехала к себе
на кладбище опять
кому-то вновь не по себе
а кто-то хочет спать
и вдруг покойница как снег
с телеги наземь бух
но тут раздался общий смех
и затрещал петух
и время стало как словарь
нелепо толковать
и поскакала голова
на толстую кровать

Столыпин дети все кричат
в испуге молодом
а няньки хитрые ворчат
гоморра и содом
священник вышел на погост
и мумией завыл
вращая деревянный хвост
он человеком был
княгиня Маня Щепина
в гробу лежала как спина
и из тропической земли
слоны цветочков принесли
цветочек тюль
цветочек сон
цветок июль
цветок фасон

5 апреля 1929

7. БОЛЬНОЙ КОТОРЫЙ СТАЛ ВОЛНОЙ

увы стоял плачевный стул
на стуле том сидел аул
на нем сидел большой больной
сидел к живущему спиной
он видел речку и леса

где мчится стертая лиса
где водит курицу червяк
венки звонки и краковьяк
сидит больной скрежет усы
желает соли колбасы
желает щеток и ковров
он кисел хмур и нездоров
смотри смотри бежит луна
смотри смотри смотри смотри
на бесталанного лгуна
который моет волдыри
увы он был большой большой
увы он был большой волной
он видит здание шумит
и в нем собрание трещит
и в нем создание на кафедре
как бы на паперти стоит
и руки тщетные трясет
весьма предметное растет
и все смешливо озираясь
лепечут это мира аист
он одинок
и членист он ог
он сена стог
он бог
но он был просто муравей
в шершавой ползал мураве
искал таинственных жучков
кусал за тетки мужичков
увы он был большой большой
мясной и кожаный но не стальной
он брал худую пирамиду
и прославлял Семирамиду
и говорил: я бледен, беден
я будто крыса тощ и вреден
во мне остались пустяки
четыре печени да костяки
но врач ему сказал граждәне
я думаю что вы не правы
и ваше злое ожидание
плевок в зеленые дубравы
плевок в зеленые растенья
добавлю: в мира сотворенье
вот вам мое стихотворенье:

«ну что зеленые, зеленые
какие ж могут быть растенья
и тучи бегают соленые
и куры спят как сновиденья»
ну что вы мне твердите право
про паука и честь и травы
вы покажите мне стакан
в котором бегают полкан
который лает гав гав гав
скажу пред смертью не солгав
я болен болен как дитя
на мне платочков триста штук
давай лечебного питья
по предписанию наук
так молвил больной усмехаясь
на север и запад чихаясь
но доктор как тихая сабля
скрутился в углу как доска
и только казенная шашка
спокойно сказала: тоска
мне слышать врачебные речи
воды постепенный язык
пять лет продолжается вечер
болит бессловесный кадык
и ухо сверлит понемногу
и нос начинает болеть
в ноге наблюдаю миногу
в затылке колючки и плеть
ну прямо иголки иголки
клещи муравьеды и пчелки
вот что странно
он стал похожим на барана
он стал валяться на кровати
воображать что он на вате
что всюду ходят грезы феи
и Тицианы и Орфеи
синицы тещи и марышки
играют в тусклые картишки
но этого ничего не было
ему всё это показалось
оно воды великой не пило
всё быстро в мире развязалось
стекло стоявшее доселе

в связи с железною дорогой
теперь кивает еле еле
и стало долгой недотрогой
корова бывшая женою
четвероногого быка
теперь качает сединою
под белым сводом кабака
и видит как полкан
залез в большой стакан
звезда казавшаяся ране
одною точкою в грязи
теперь сверкает на овце
на котелке на торговце
и всё вообще переменялось
о Бог смени же гнев на милость
так на войне рубила шашка
солдат и рыжих и седых
как поразительная сабля
колола толстых и худых
сбирались в кучу командиры
шипели вот она резня
текли желудочные жиры
всю зелень быстро упраздня
ну хорошо ревет чеченец
а там хихикает испанец
и чирикает воробей
ты не робей
ты знай что ты покойник
и всё равно что рукомойник
так говорил больному врач
держа ручные кисти над водой
во фраке черном будто грач
не в позументах — с бородой
и с продолжительной тоской
вот он какой
увы стоял в зверинце стул
увы увы там был аул
там собирались казаки
и собирались кусаки
и грациозный разговор
вели с утра до этих пор
был слышен шум тяжелых шпор
увы увы он был мертвец

ты не носи ему овец
ты не ходи к нему с посудой
и не зови его Иудой
где стул где поле где аул
он поплясал и он уснул
и снова увидал аул.
Как же так?

3 мая 1929

8. ПЯТЬ ИЛИ ШЕСТЬ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Ф и о г у р о в

если я и родился
то я тоже родился
если я и голова
то я тоже голова
если я и человек
то я тоже человек
если я и есть поляк
я полковник и поляк
если ты как день блестяшь
как ромашка улетишь
то ты тоже тоже блеск
то ты тоже тоже треск

Г о р с к и й

(адвокат)

странно странно
что же это за мораль
мне хотелось бы спросить
впереди гляди сераль
мужики идут косить
что косить но что просить
мне хотелось бы скосить
наши лошади бежали
как колеса по пыли
воробыи кругом жужжали
райски птички топали
что же они топали

может время штопали
тут локони вдруг бежали
тут локони вдруг стоят

С о н я

(летя им навстречу в странном виде)

вся роскошь кудрей
не мудрей

И з о т о в
(спешившись)

тут локони им стригут
скоро кони побегут

Ф и о г у р о в
(кладя руку на седло)

но чего чего мудрей
роскошь кудрей
если роскошь мудрей
то наверно не кудрей
если ветреных теней
то умней
как, Крестов, это ты?
здравствуй, милый, ты откуда?
есть у всех у нас хребты
что? куда? мы все оттуда
от горы да от стола
чудаки как пастила
пастила или пастилка
стыдно нам но мы подстилка
это дело было так
я вам правду расскажу
я хожу и не хожу
я не это и не то
я пальто

П а р е н ь В л а с
очень умные слова
разумно слезла голова
сначала в пояс поклонилась
потом внезапно удалилась
потом внезапно воротилась

потом как папка удалилась
потом как шапка воротилась
вот что от этих слов случилось
однако может быть и не от них
у нас в деревне так идет
сначала лето настает
мужик в стекло себе плюет
стекло морщиниться не хочет
а он стекло представь щечочет
и сам хохочет
а жена сажает хлеб
а мужик уж ослеп
вот он к доктору спешит
о послушай шепчет он
перед ним рублем шуршит
о послушай сердца тон
правильный ли это он
побренчи мои подмышки
там разбухли злые шишки
доктор доктор говорит
страшно я сошел с ума
ну меня зовут Давид
но у вас-то ведь чума
добрый врач помрачнел
и мужик побледнел
как чума а вдруг холера
или тиф или тиф
по реке прошла галера
эти споры прекратив
не сердитесь дон Ринальдо
молвил доктор мужику
странно как мне не ворчать
вы бы ввали бы жуку
жук совсем не постигает
что время может быть течет
он жук сидит
он жук икает
на солнце голову печет
а да ладно что плести
врачу осталось уползти
а мужик глядел свирепо
на поля да на леса
да на свеклу да на репу

будто курочка слеза
потом с него упала
и в чернозем пропала

Г о р с к и й
(адвокат)

браво браво браво Влас
ты родимый ловелас

С о н я
(возвращаясь)

как странно тело женское
ужасно не Введенское

И з о т о в
да да да я это знаю
правда люди это так
вот я с лошади слезаю
а земля черна как фрак
в ней наверно есть червяк
червячок червячишко
как мой родственник сынишка
у него была интрижка
так, пустяк. Почти отрыжка.
Иль икотка. В общем страсть
вообразите, красть и красть
он куда ни попадет
всё моментально украдет
увидит мопса украдет
букву тоже украдет
вообще всё время крал
наконец себя украл

С о н я
вы Изотов тиран человек
довели ребенка до этого
вы секли его каждый четверг
молодого еще не одетого
вы Изотов мошенник и жулик
вы копейка вы штопор вы нулик

И з о т о в

(отходя в сторону и сморкаясь)

но Соня я его любил
и не его ковры я бил
я был секретно нездоров
и много покупал ковров
сiju однажды взаперти
на мне сюртук из либерти
на голове флажок и шляпка
в руках коровушкина лапка
вдруг колокольчик зазвонил
нелепым звяканьем своим
во мне он много изменил
но молча мы сидим свистим
тут открывается калитка
и входит польский господин
противный скользкий как улитка
я говорю вы что ж один
он говорит нет я одно
желаю вам сейчас открыть
везде везде я вижу дно
ну мы смеемся во всю прыть
скажи какой веселый пан

П а р е н ь В л а с

он резеда

Ф и о г у р о в

нет нет нет
ничего подобного
не любит просто дробного
человек целый
изъясняется понятно. Видит где конец. Очень разумно
очень очень. Я голову дам на отвлеченье.

Г о р с к и й

(Семен Семенович)

Коллега безусловно прав. Что собственно мы имеем
пять или шесть лошадей говорю намеренно прибли-
зительно, потому что ничего точного все равно никогда
не скажешь. Четыре одежды.

Г о л о с
Отстаньте вы с числами.

Г о р с к и й
(Федор Петрович)

А ты не перебивай. Следовательно я считаю, что подсудимый не мог даже войти в ту комнату, бац доказано.

П а р е н ь В л а с
у нас в деревне так идет
три месяца как день пройдут
и мигом осень настает
а надо вам сказать что там стоит редут
а там живут военные
они обыкновенные
но только не в чем их винить
да и что их обвинять
выйду на поле звонить
комаров пойду гонять
а у нас какая жара
вся жара на полкомара
кроме того был у меня конец
которого звали купец
он был мой отец
он жил в доме называемом хата
он по морям большим летал
он жил безбедно безбогато
и разны овощи глотал
вот как-то я к нему примчался
кричу папаша сокол свет
а он как сумрачный качался
кончая третий пуд конфет
мать говорит мне съешь конфетку
не дай погибнуть ты отцу
я будто ветер вырвал ветку
и молча подскочил к купцу
и говорю
отвесьте мне кило четыре часа
и говорю
бунтует наша раса
но тут мой конец умирает
в свинцовое поле несется

последний момент озирает
последним смехом смеется
но тут вбегает Франц капитан
мы говорим это что за страна
он отвечает либо Туркестан
либо Выборгская сторона

Ф и о г у р о в
вот оно то что не то

Г о р с к и й

(адвокат)

скажите куда попали

С о н я

нас всех закопали

А р а б с к и й м а л ь ч и к

Милостивые государыни войдите в наш сераль

Ф и о г у р о в

соглашаться или нет

если да то или нет

удивляться или нет

или да то если нет

я не знаю если я

или знаю если я

И з о т о в

(спешившись)

начнем пожалуй

*Входят. Потом дерутся. Потом их выносят. Потом
больше ничего нет.*

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

жили были шесть людей

Фиогуров и Изотов

Горский Соня парень Влас

вот без горя без заботы

речка жизни их лилась
Фиогуров был учитель
значит физику учил
Горский адвокат мучитель
буквояд и князь чернил
а Изотов был концом
ну как будто был отцом
воришку сына он имел
молчит Изотов онемел
стыдно верно
или лицемерно
а Соня девушкой была
и тихой девушкой плыла
в роскошных платьях расписных
в московской шляпке золотой
в середине гордых гор лесных
она казалась молодой
ее жених был парень Влас
без туфелек и без числа
он не сводил далеко глаз
с румяного лица
и долго долго ждал кольца
однажды все они толпой
заснули. Ночь была конечно
в железной ванне водопой
шуршал водичкою беспечной
очень много было часов
шел час ночной тридцать пятый
и спали все без голосов
и каждый был богатый
имел мундир и сто рублей
и много веток и стеблей
вот спят они и смотрят сны
одни из них противны
другие как стакан ясны
четвертые крапивны
то видит пуговицу он
и думает ужели это сон
пускай она имеет вид орешка
мы скажем мы скажем
этот сон насмешка
то видит форточку она
и в форточке цветок отличный
краснеет от такого сна

затем что это неприлично
то видят численность они
простую как весло
и численность лежит как дни
от страха ноги им свело
то видят хвостики вещей
то может быть событие
что будто лев рукой своей
пришел сюда убить ее
убить родить бедняжку
ничтожную бумажку
уже они устали спать
и мигом все проснулись
пошли на речку утопать
едва воды коснулись
вода прозрачная текла
от горки к морю вниз
сначала Соня вниз пошла
как яблочко анис
за нею влезли остальные
и утонули как стальные
на берегу остались брюки
да платья пышные ее
немного ног большие руки
дыханье память вот мое

8—9 июня 1929

9. ДВЕ ПТИЧКИ, ГОРЕ, ЛЕВ И НОЧЬ

две птички как одна сова
летели над широким морем
и разговаривали о себе
ну просто как случайные индейцы
и тишина была в стакане
о горе птичка говорит одна
не вижу солнечного я пятна
а мир без солнечных высоких пятен
и скуп и пуст и непонятен
и я не таю как струна
беда однако в том
ответило хромое горе
что будто мрамор это великое море
окостенело и застыло а потом

оно отплыть от берегов стремится
и вот по волнам носится тушканчик
с большим стаканом в северной руке
а в стакане слово племя
играет с барыней в ведро
тут говорит вторая птичка
и озирает хвост унылый
и улыбается упрямо
слегка вспотев
что значит: носится тушканчик
куда несется злой зверек
и что он значит поперек
я не могу постичь зверька
без золотого козырька
пойдем молиться Богу горе
дорогое не гляди на море
ах что ты что ты горе скажет
ах что ты птичка говоришь
лишь полдень Бог тебе покажет
ты зря его боготворишь
тушканчик этот неземной
и неестественный зверек
летите птички все за мной
изображайте пузырьки
тут птичка первая сказала
я одного не понимаю
она частицами летала
над пышной колокольней леса
она изображала беса
я одного не понимаю
неясно мне значение игры
которой барыня монашка
со словом племя занялась
и почему игра ведро
спрошу я просто и светло
о птичка медная
сказало горе
игрушка бледная
при разговоре
теряет смысл и бытие
и всё становится несносное питье
о молодая соль
значения и слова
но птичка говорит позволь

и вдруг летает безголова
тогда вторая половинка
сквозная будто шелковинка
порхает в облаке пустом
запуталась в крыле густом
и говорит о горе горе
спрячь в ножны молодое море
вторая птичка обезьяна
а я как десять без изъяна
я как число достойна смеха
и вся из времени и меха
и птичка села на кровать
и стала вальсы шнуровать
тут горе говорит
но что же делает тушканчик
давайте братцы поглядим
в его стакане пышном тихом
как видно появилась ночь
и слово племя тяжелеет
и превращается в предмет
и даже барыня монашка
ура ура кричит ведру
но непредвиденным молчаньем
вдруг наполняется стакан
лев изгибается дугой
и рев разносится тугой
над возвышенной горой
над человеческой порой
лев убивается порой
было жарко и темно
было скучно и окно
вылезали из земли
лопухи и ковыли
плыл угопленник распух
расписался: я лопух
если кто без головы
то скажи что он ковыль
я царь зверей
но не могу открыть дверей
вдохнули все четыре птицы
единогласно и легко
и распутив хвостом косицы
<.....> и пили молоко

но ночь в кафтане бысролетном
и в железном картузе
сказала голосом бесплотным
виясь на пиковом тузе
о птички о родной тушканчик
вам хорошо
у вас разнообразны мысли
а в мыслях будто кости в мясе чувства
и многие понятия у вас
а я пирующие птицы
летающие так и сяк
не понимаю слова много
не понимаю вещи нуль
но ты прекрасна велика
ответил ночи пеликан
на что моя величина
скажи скажи хромое горе
из моря я извлечена
шипит внизу пустое море
как раскаленная змея
о море море
большая родина моя
сказала ночь и запищала
как бедный детский человек
и кукла в ручках затрещала
и побледнел кузен четверг
сестра сказал он ночи темной
ты ночь я день глухой и скромный
а эти звери все живые
и эти птицы молодые
и горе толстое хромое
умрут холодною зимою
солнце светить перестанет
всё живущее завянет
земля поморщится подсохнет
и всё как муха сразу сдохнет
тут испугались обе птички
куда бежать им от судьбы
пришли бои вражда и стычки
и помешательства столбы
взросли на поле сухопаром
и дело кончилось пожаром

15 июля 1929

10. ЗЕРКАЛО И МУЗЫКАНТ

Посвящается Н. А. Заболоцкому

В комнате зеркало. Перед зеркалом музыкант Прокофьев. В зеркале Иван Иванович.

Музыкант Прокофьев

Иван Иванович ты хмур
ты хмур печален и невесел
как тучка голову повесил
Иван Иванович ты амур

Иван Иванович
(осваиваясь)

река или божок?
если река
то я водянист
если божок
то разумом чист

Музыкант Прокофьев

ты бог конечно. Посмотри
желтеют твердые цветочки
с безумным камешком внутри
они забавные кружочки
значки бесчисленных светил

Иван Иванович
а ты их посетил?

Музыкант Прокофьев

а как же? посещал не раз
положим мысленно...

Иван Иванович
и что же?

Музыкант Прокофьев

да там всё то же
как у нас
допустим выглянет звезда

из своего гнезда
и залетает будто муха
я мигом напрягаю ухо
я тихо в зверя превращаюсь
и обонянье напрягаю
вот в неподвижность я пришел
и сел на стол
и стал как столб
чтоб уловить звезды дыхание
и неба скучное рыданье
потом присел на табурет
и созерцал небес портрет

И в а н И в а н о в и ч
и какова была картина?

М у з ы к а н т П р о к о ф ь е в
весьма печальна и темна
непостижима для меня умна
смотри — в могильном коридоре
глухое воет море
и лодка скачет как блоха
конечности болят у лодки
о лодка лодка ты плоха
ты вся больна от ног до глотки
а в лодке стынет человек
он ищет мысли в голове
чтоб всё понять и объяснить
и чтоб узнать движенья нить
как звать тебя существо? —
спрошу спокойно его
ответит: звали Иваном
а умер я под диваном

И в а н И в а н о в и ч
скажи скажи какой несчастный
какая скучная кончина
о как мне жаль тебя мужчина
ты весь как будто сок ненастный
я слышу голос твой вокальный
я плачу — херувим зеркальный

В б е г а ю щ а я м а т ь
Иван Иванович ты божок
ударь в тарелку дунь в рожок
в стекле испуганном и плотном
тебя мы видим все бесплотным
ты не имеешь толщины
как дети люди и чины

Музыкант Прокофьев

однако подойдя к окошку
я вижу ночь и хмурую дорожку
и на дорожках этих узких
я вижу разных птичек русских
вот это зяблик это ворон
вот соловей с березы сорван
вот потрясающий как филин
сидит на дереве Томилин
и думает что он сова
и составляет он слова

Иван Иванович

да это я умею
хотя подчас немею
не в силах выразить восторга
пред поведением Наркомторга
глядите все:
цветы стоят на расстоянии
деревья мокрые в росе
фигуры гнут как девы Тани
услышите все:
из-под земли несутся ноты
бегут бобры спешат еноты
все звери покидают норы
минорные заводят разговоры
и на своем животном языке
ругают Бога сидя на песке:
ты Бог наш плох
ты шар наш худ
от толстых блох
свирепый зуд
сердиты мы владыка всех владык
и в дикой ярости надуем свой кадык

В х о д я щ а я б а б у ш к а
собрание этих атеистов
напоминает мне моря
ругательств умных сатанистов
их мысли будто якоря
застряли в сомкнутых канавах
и в человеческих тяжелых нравах
представим все отсутствие земли
представим вновь отсутствие всех тел
тогда войдут бездушные нули
в сей человеческий отдел
побледнеет как ланита
минеральная планета
вверх покажется источник
и заплачет загрохочет
скажет голосом песочник
что он сыпаться не хочет
что он больше не песок
всадник мира и кусок

И в а н И в а н о в и ч
странно это всё у вас
на столе пылает квас
все сомненья разобьем
в мире царствует объем
окончательный закон
встал над вами как балкон
говорил философ Кант:
я хотя не музыкант
но однако понимаю
звуков, чудную игру
часто мысли вынимаю
и гуляю на пиру
суп наперченный вкушаю
ветчину и рыбу ем
мысли мысли не мешаю
вам пастится между тем —
между тем пасутся мысли
с математикой вдвоем
мы физически прокисли
давит нас большой объем
а они и там и тут
бессловесные растут

Музыкант Прокофьев
неужели так всеильны?

Иван Иванович
да по чести вам скажу
я допустим из красильной
нынче утром выхожу
относил туда свой фрак
чтоб он мне напомнил мрак
по земле едва шагаю
за собой не успеваю
а они вдруг понеслись
мысли — я сказал — вы рысь!
мысли вы быстры как свет
но услышал и ответ:
голова у нас болит
Бог носить не велит
мир немного поредел
а в пяти шагах предел

Музыкант Прокофьев
чем же думать?
чем же жить?
что же кушать?
что же пить?

Иван Иванович
кушай польку
пей цветы
думай столько
сколько ты

Ноябрь 1929

11

человек веселый Франц
сохранял протуберанц
от начала до конца
не спускался он с крыльца
мерял звезды звал цветы
думал он что я есть ты

вечно время измеряя
вечно песни повторяя
он и умер и погиб
как двустволка и полип
он пугаясь видел юбку
фантазируя во сне
и садясь в большую шляпку
плыл к задумчивой сосне
где жуков ходили роты
совершали повороты
показав богам усы
говорили мы часы
боги выли не попад
и валились в водопад
там в развесистой траве
созидался муравей
и светляк недобрый царь
зажигал большой фонарь
молча молнии сверкали
звери фыркали в тоске
и медлительно рычали
волны лежа на песке
где же? где всё это было
где вращалась эта местность
солнце скажет: я забыло
опускаясь в неизвестность
только видно нам у Франца
появляется из ранца
человеческий ровесник
и психолог божества
объявляет нам чудесник
вмиг начало торжества
звезды праздные толпятся
люди скучные дымятся
мысли бегают отдельно
всё печально и бесцельно
Боже что за торжество
прямо смерти рождество
по заливам ходят куры
в зале прыгают амуры
а железный паровоз
созерцает весь навоз
Франц проснулся сон зловещий
для чего здесь эти вещи?

тут как пальма стал слуга
сзади вечности луга
невысокий как тростник
спит на стуле воротник
керосиновая ветвь
озаряет полумрак
ты кудесник мне ответь
сон ли это? я дурак
но однако где кудесник
где психолог божества
он во сне считает песни
осыпаясь как листва
он сюда прийти не может
где реальный мир стоит
он спокойно тени множит
и на небе не блестит
дайте турки мне карету
Франц веселый возгласил
дайте Обера ракету
лошадиных дайте сил
я поеду по вселенной
на прекрасной этой конке
я земли военнопленный
со звездой устрою гонки
с потолка взгляну на мох
я синица я <.....>
между тем из острой ночи
из пучины злого сна
появляется веночек
и ветвистая коса
ты сердитая змея
смерть бездетная моя
здрате скажет Франц в тоске
в каждом вашем волоске
больше мысли чем в горшке
больше сна чем в порошке
вы достаньте вашу шашку
и разрежьте мне рубашку
а потом разрежьте кожу
и меня приклейте к ложу
всё равно жива наука
я хрипя проговорю
и себе на смену внука

в виде лампы сотворю
будет внук стоять сиять
сочинения писать
смерть сказала ты цветок
и сбежала на восток
одинок остался Франц
созерцать протуберанц
мерять звезды звать цветы
составляя я и ты
лежа в полной тишине
на небесной высоте

1929 или 1930

12

снег лежит
земля бежит
кувыркаются светила
ночь пигменты посетила
ночь лежит в ковре небес
ночь ли это? или бес?
как свинцовая рука
спит бездумная река
и не думает она
что вокруг нее луна
звери лязгают зубами
в клетках черных золотых
звери стучаются лбами
звери коршуны святых
мир летает по вселенной
возле белых жарких звезд
вьется птицею нетленной
ищет крова ищет гнезд
нету крова нету дна
и вселенная одна
может изредка пройдет
время бедное как ночь
или сонная умрет
во своей постели дочь
и придет толпа родных
станет руки завивать
в обиталищах стальных

станет громко завывать
умерла она — исчезла
в рай пузатая залезла
Боже Боже пожалей
Боже правый на скале
но ответил Бог играй
и вошла девица в рай
там вертелись вкось и вкривь
числа дома и моря
в несущественном открыв
существующее зря
там томился в клетке Бог
без очей без рук без ног
так девица вся в слезах
видит это в небесах
видит разные орлы
появляются из мглы
и тоскливые летят
и беззвучные блестят
о как мрачно это всё
скажет хмурая девица
Бог спокойно удивится
спросит мертвую ее
что же мрачно дева? что
мрачно Боже — бытие
что ты дева говоришь
что ты полдень понимаешь
ты веселье и Париж
дико к сердцу прижимаешь
ты под музыку паришь
ты со статуей блистаешь
в это время лес взревел
окончательно тоскуя
он среди земных плевел
видит ленточку косую
эта ленточка столбы
это Леночка судьбы
и на небе был Меркурий
и вертелся как волчок
а медведь в пушистой шкуре
грел под кустиком бочок
а кругом ходили люди
и носили рыб на блюде

и носили на руках
десять пальцев на крюках
и пока всё это было
та девица отдохнула
и воскресла и забыла
и воскресшая зевнула
я спала сказала братцы
надо в этом разобраться
сон ведь хуже макарон
сон потеха для ворон
я совсем не умирала
я лежала и зияла
извивалась и орала
я пугала это зало
летаргический припадок
был со мною между кадок
лучше будем веселиться
и пойдем в кино скакать
и помчалась как ослица
всем желаньям потакать
тут сияние с небес
ночь ли это или бес

Январь 1930

13. СВЯТОЙ И ЕГО ПОДЧИНЕННЫЕ

С в я т о й

надо дети водку пить
надо дети сон купить
вот лежит бесшумный сад
скажем ляжем свят свят свят
и у неба у дорожки
свесив пристальные рожки
и забыв свои забавы
возле города Либавы
дети нюхайте эфир
дети кушайте кефир
пусть летят к вам с потолка
три стакана молока
дует ветер с облаков
а усы у каблуков

Л ю д и

что за странность
что такое
сей эфир
сей фефир
отчего же он с тоскою
этот мир и этот мир
было очень далеко
тех явлений молоко

С в я т о й

дети люди, люди дети
все покорствуйте диете
и ложась на постель
вызывайте коростель
пусть она поет и свищет
пусть она дрожит
птица вашим становищем
всё равно не дорожит
птица птица
ты глупа
я не буду торопиться
или съела ты клопа
Боже дайте мне напиток
это зяблик он не птица
это просто муравей
кувыркался в мураве
кувыркался и брыкался
и смеялся и ругался
и среди земных плевел
как зарезанный ревел
муравей мой что ревешь
муравей кого зовешь

М у р а в е й

я реву
я зову
бабочку из бездны

С в я т о й

твой вой не живой
твой вой сторожевой

он пустой и бесполезный
эта бабочка мертва
как дорога и трава
посмотрите смех и камень
спят в ночи под бамбуками

Л ю д и

значит здесь мы купим сон
значит он сюда снесен
значит здесь его владенье
значит здесь его костел
эй ночное сновиденье
полезай же к нам в котел

но взошла кругом луна
как лисица у слона
и кругом в пустой беседке
вдруг заспорили соседки
о еде
о беде
о себе
и лебеде

П е р в а я с о с е д к а
ты знаешь Маня
я вся вниманье
когда по крыше скачет вождь
я думаю что это трус
я думаю что это дождь
я плачу и руками трусь
я думаю что это Русь
я думаю что это ветчина
и посторонняя картошка
и мне тарелка вручена
а в ней пустынная дорожка

В т о р а я с о с е д к а
беда, беда сказала Лена
глядит на нас из-под полена
кончается народ людской
накрывшись гробовой доской
глядит на тощую пальбу
и выстрел ставит он ко лбу
и выстрел падает как мяч

и попадает в лоб
тот выстрел черен как палач
он наш смертельный клоп

П е р в а я с о с е д к а

еще скажу я о себе
я пышная звезда
в моем тебе
в моей судьбе
бессонная вода
куда журчишь
ручей воды
о ком ворчишь
огонь звезды
в пространствах мира
много лет
я дочь эмира
хочу галет

В т о р а я с о с е д к а

лежат пески
и лепестки

С в я т о й

хорошо скажу я мысль
ты взлети и поднимись
над балканами небес
где лишь Бог живет да бес
как ты сможешь это сделать
если ты в плену
и поднявшись до предела
сядешь на луну
в этом светлая душа
нам поможет анаша

Ч е л о в е к н а к о н е

человек на коне
появляется в окне
я сижу на седле
ты глядишь на метле
он поет он в петле
мы живем на числе
вы несетесь на осле
они тоскуют на весле

В о п р о с

о чем тоскуете
останавливаясь
в небо дуете
приноравливаясь

О н и

дамы дворяне
в нашем ресторане
божественно и мило
там бегают Людмила
тут носится Андрей
кричит бодрей бодрей
а этот заспанный зефир
спокойно нюхает эфир
и музыка гремит и лает
и человеки танцы пляшут
кто построений пожелает
а кто в гостях на воздух ляжет
наш мир завитой
уйди домой святой
здесь огонь и весна
здесь одни кусочки сна

Л ю д и

о Боже, Боже

С в я т о й

о рожи, рожи
вы скелеты
вы крупы
от долгой дрожи
вы стали трупы
я один я терплю
я спокойно сон куплю

1 - й г е н е р а л

восстав от сраженья
я видел лесок
я видел рожденье
туман колесо
я знал что туман
это обман

я знал что война
это двойня

2 - й генерал

я знаю что сон
сидит за решеткой
что сторож Ниссон
гуляет с трещоткой
я знаю что ныне
материи власть
мне хочется дыни
мне хочется всласть

1 - й генерал

где наши погоны
где наши полки
где пушек вагоны
небес потолки
мы оба
у гроба
как люди
сидим
и дым
от орудий
и груди
едим

С в я т о й

сидят генералы
и гложут штыки
сидят адмиралы
и пьют океан
о море, о море
назад потеки
о горе, о горе
собачка Полкан

Л ю д и

но где же наконец карета
и молча с темного портрета
оно упало на скамью
на почерневшую семью
и молвил брат аристократ

конец конца концу
и подошел к отцу
и пяточком глаза закрыв
лежал как пальма
был красив

С в я т о й
ну еще одна минута
без борьбы и без уюта
ну еще одно усилие
вон вдали видна Севилья

Л ю д и
ура, ура
видна гора
мы пришли
это Бог

Б о г
(громко)
исчезни

С в я т о й
(исчезая)
слава Богу

Б о г
исчезните

В с е
(исчезая)
слава Богу

Март 1930

14. ФАКТ, ТЕОРИЯ И БОГ

Ф а к т
и в этот день меня манил
магнит малюток и могил
я утром встал
я сел на ленту
цвела листва
я поклонился монументу

и тихо вышел за дрова
был сон приятным
шло число
я вижу ночь идет обратно
я вижу люди понесло
моря монеты и могилу
мычанье лебеда и силу
я вижу всё и говорю
и ничего не говорю
я всё узнал. Я понимаю
я мысль из тела вынимаю
кладу на стол сию змею
ее ровесницу мою
я бегаю пустой по Польше
крича то Господи то больше
то лакомка то только дольше
вообще я был как сумасшедший
за мной виднелся только рай
и каждый голубь, лев прошедший
кричал скачи и помирай
куда умрешь?
и что сожрешь?

В о п р о с

это поле люди
поле боевое
еду на верблюде
еду я и вою
вою боги
о звезде
где убогие?

О т в е т

езде

В о п р о с

что мы знаем о Боге
дети, люди, друзья?
мы с тобою на небе —
это ты, это я
Бог летит Всемогущий
через райские кущи

сквозь пустые вершины
сквозь моря и машины

Т е о р и я

я сегодня скончался
ты скончался вчера
кто из нас причащался?

О т в е т

три пера

Б е г у щ и й

смешно: о чем тут разговор?

В о л к

я мимо шел. Я вижу лес
я долго спал. Я вижу двор,
покойник, поле. — Я залез
я подошел в тоске, дыша
какая скука — нет меня
под потолком сидит душа
как тетерев себя маня

Д у ш а

иди сюда я
иди ко мне я
тяжело без тебя
как самому без себя
скажи мне я
который час?
скажи мне я
кто я из нас?

Ф а к т

ты сидишь в беседке мира
звездам и планетам брат
по дороге два кумира
шли из Луги в Петроград
шли кумиры и виднелись
ордена на них блестят
а пришли оцепенели
стали песней не летят

К у м и р ы

мы есть мы
мы из тьмы
вы есть вы
где же львы?
мы рабы
сидим и плачем
и в гробы
грозою скачем
и открытые как печь
верно значим
лечь иль жечь?

Ф а к т

однако ужасен таинственный факт
где это горы и где тот антракт
что знаем мы дети
о Боге и сне
где горы эти?

О т в е т

на той сосне
в конце отвечало торчание скал
вот смерти начало
а я вас искал
да очевидно
скажу не крестясь
что ночь грушевидна
вскричал воротясь
с того постороннего света
и мигом увидев всё это
я был там. Я буду
я тут и я там
малютку и будду
кому-то отдам
индийские черти
речка течет
два часа смерти
а Богу почет

Ф а к т

значительней не знал эпохи
конец и смерть родные блохи

осталось что
лежать и зреть
и на себя в кулак смотреть
осталось что
сидеть и гнить
из смерти чудом вырвав нить
которые мертвые
которые нет
идите четвертые
в тот кабинет

здесь окончательно
Бог наступил
хмуρο и тщательно
всех потопил

Б о г

(подымаясь)

садитесь
вы нынче мои гости

В о п р о с

мы где?

О т в е т

мы кости?

к о н е ц

16 апреля 1930

15. БИТВА

Н е и з в е с т н о к т о

мы двое
воюем
в свирепую ночь
и воем
и дуем
и думаем
дочь
и эта война
как таинственный ствол
малютка вина

и единственный вол
я думаю темя
проносится час
с минутами теми
на яблоке мчась
я тучу поймаю
другая спешит
я небо снимаю
и демон пищит
летают болтают
большие орлы
мурлычут глотают
добычу ослы
но с кем ты воюешь
смешной человек
и стоя тоскуешь
стучишь в голове?
воюю со свечкой
в ночной тесноте
и памяти речка
стучит в темноте

Человек

человек ровесник миру
в то же время с ним рожден
ходит с палкой по Памиру
удручен и поражен
где же, где же? он бормочет
где найду я сон и дом
или дождь меня замочит
кем я создан? кем ведом?
наконец-то я родился
наконец-то я в миру
наконец я удавился
наконец-то я умру

Малютка вина

умираем
умираем
за возвышенным сараем
на дворе
или на стуле
на ковре

или от пули
на полу
или под полом
иль в кафтане долгополом
забавляясь на балу
в пышной шапке
в пыльной тряпке
будь богатый будь убогий
одинаково везде
мы уносимся как боги
к окончательной звезде
человек лежит унылый
он уж больше не жилец
он теперь клиент могилы
и богов загробных жрец
на груди сияет свечка
и едва открыт глазок
из ушей гнилая речка
вяло мочит образок
а над ним рыдает мама
и визжит его птенец
Боже что за панорама
скажет мертвый наконец
вижу туловище Бога
вижу грозные глаза
но могила как берлога
над могилою лоза
умираю умираю
и скучаю и скорблю
дней тарелку озираю
боль зловещую терплю

А н г е л

это что за грозди?

М а л ю т к а в и н а

два бойца
два конца
посредине гвоздик

Н. е и з в е с т н о к т о

мы двое
воем
лежим

и глеем
слегка жужжим
бежим
и млеем
летит над нами бог зимы
но кто же мы?

1930

16. ЗНАЧЕНИЕ МОРЯ

чтобы было всё понятно
надо жить начать обратно
и ходить гулять в леса
обрывая волоса
а когда огонь узнаешь
или в лампе или в печке
то скажи чего зияешь
ты огонь владыка свечки
что ты значишь или нет
где котел где кабинет
вьются демоны как мухи
над кусочком пирога
показали эти духи
руки ноги и рога
звери сочные воюют
лампы корчатся во сне
дети молча в трубку дуют
бабы плачут на сосне
и стоит универсальный
бог на кладбище небес
конь шагает идеальный
наконец приходит лес
мы испуганно глядим
думая что это дым
лес рычит поднявши руки
лес волнуется от скуки
шепчет вяло я фантом
буду может быть потом
и стоят поля у горки
на подносе держат страх
люди звери черногорки
веселятся на пирах
бурно музыка играет

и зыряне веселятся
пастухи пастушки лают
на столах челны крутятся
а в челнах и там и тут
видны венчики минут
здесь всеобщее веселье
это сразу я сказал
то рождение ущелья
или свадьба этих скал
это мы увидим пир
на скамье присядем трубною
между тем вертясь как мир
по рукам гремели бубны
будет небо будет бой
или будем мы собой
по усам ходили чаши
на часах росли цветы
и взлетали мысли наши
меж растений завитых
наши мысли наши лодки
наши боги наши тетки
наши души наша твердь
наши чашки в чашках смерть
но сказали мы однако
смысла нет в таком дожде
мы как соли просим знака
знак играет на воде
холмы мудрые бросают
всех пирующих в ручей
в речке рюмки вырастают
в речке родина ночей
мы подумав будто трупы
показали небу крупы
море время сон одно
скажем падая на дно
захватили инструменты
души ноги порошки
и расставив монументы
засветив свои горшки
мы на дне глубоком моря
мы утопленников рать
мы с числом пятнадцать споря
будем бегать и сгорать
но однако шли года

шел туман и ерунда
кто упал на дно морское
корабельною доскою
тот наполнился тоскою
зубом мудрости стучит
кто на водоросли тусклой
постирать повесил мускул
и мигает как луна
когда колышется волна
кто сказал морское дно
и моя нога одно
в общем все тут недовольны
молча вышли из воды
позади гудели волны
принимаясь за труды
корабли ходили вскачь
кони мчались по полям
и была пальба и плач
сон и смерть по облакам
все утопленники вышли
почесались на закат
и поехали на дышле
кто был беден кто богат
я сказал я вижу сразу
всё равно придет конец
нам несут большую вазу
там цветок и бубенец
это ваза это ловко
это свечка это снег
это соль и мышеловка
для веселья и для нег
здравствуй бог универсальный
я стою немного сальный
волю память и весло
слава небу унесло

1930

17. КОНЧИНА МОРЯ

М о р с к о й д е м о н
и море ничего не значит
и море тоже круглый нуль
и человек напрасно скачет

в пучину от ножа и пуль
и в море так же ходят рыбки
собаки бегают играют скрипки
и водоросли спят как тетки
и будто блохи скачут лодки
и в море так же мало смысла
оно покорно тем же числам
оно пустынно и темно
быть может море ты окно?
быть может море ты одно?

О х о т н и к

я сам ходил в леса по пояс
я изучал зверей науку
бывало крепкой водкой моясь
испытывал я смерть и скуку
передо мной вращались звери
разнообразные сырые
но я закрыл лесные двери
чтобы найти миры вторые
вот я стою на этих скалах
и слышу мертвых волн рычанье
и на руках моих усталых
написаны слова прощанья
прощайте горы и леса
прощай барсук прощай лиса

Я

откуда-то идет сановник
в его руке пищит шиповник
на всё глядит великосветски
икает редко по-немецки
и величаво горделиво
остановившись он стоит
шумит сосна болтает слива
волна безумная блестит
мечтает лодка и пучина
вдруг говорит ему мужчина
и ты устав от государства
и службы испытав коварства
узнав ненужность эполет
ужель тебе постыл балет

и жизнь предстала кровопийцей
и ты стоишь самоубийцей

С а н о в н и к

вот перед вами я
пучина милая моя
я вижу здесь еще людишки
хотят купить на дне домишки
чтоб в этих домиках морских
с русалками обедать
чтобы в трактирах водяных
морской коньяк отведать
мы верим в то что не умрем
что жизнь имеет продолженье
мерцает рыба серебром
мы любим пиво любим ром
играем с бабкой в размноженье
моя невеста дурдина
мои любила ордена
но целый год весну и лето
не выходила из клозета
и я отчаялся потух
сказал себе я не петух
не пищевод она же утка
и продолжение желудка
она рабыня живота
тут появилась пустота
и понял я что всё роскошно
но пакостно тоскливо тошно
и я к тебе склоняюсь море
на документах слово горе
гляди написано везде
и вижу сотни категорий
как рыбы плавают в воде

Слуги вносят большой диван

на диване люди птицы
мысли мыши и кусты
и у всех печальны лица
и у всех глаза пусты
птицы ходят по траве
будто сны на голове
люди желтые лежат

лодки светят дребезжат
мысли крадутся в могилу
через дождь и через силу
мыши ходят вдоль домов
с видом греческих умов
и прозрачны и чисты
спят под знаменем кусты

Г о л о с

все сюда явитесь
и зажгите ваши свечи
демон овощ дождь и витязь
нынче к нам идут на вечер
море берег и звезда
мы устроим пир огромный
вылетает ангел темный
из пучины из гнезда

А н г е л

все ли все ли
здесь собрались
все ли сели
на полу
музыканты собирались
как пингины на скалу
выходило море в гости
с ним под руку шла звезда
и сказала море бросьте
думать бегать ерунда
думай думай думай думай
бегай прыгай и ворчи
смерть возьмет рукой угрюмой
поздно выскочут врачи
будто лебеди, родные
соберутся вокруг постели
и труды придут иные
залетают мухи в теле
но чему могу помочь
дети люди в эту ночь

О х о т н и к

море море госпожа
на тебя одна надежда
мы к тебе идем дрожа

С а н о в н и к

замолчи невежда!
мы море море дорогое
понять не можем ничего
прими нас милое второе
и водяное божество
как звери бегаем во мраке
откинув шпаги мысли фраки
в руке дымится банка света
взгляни могущее на это
на голове стучит венец
приходит нам — пришел конец

М о р е

я не могу

М о р с к о й д е м о н
а что я говорил

О х о т н и к

я думаю я плачу

М о р е

я так же ничего не значу

1930

18. СУД УШЕЛ

шел по небу человек
быстро шел шатался
был как статуя одет
шел и вдруг остался
ночь бежала ручейком
говорили птички
что погода ни о ком
что они отмыгки
но навстречу шло дитя
шевелилось праздно
это было год спустя
это было безобразно
все кусты легли на землю

все кусты сказали внемлю
отвечал в тоске ребенок
черен я и величав
будто Бог моя одежда
слышно музыку гренок
в балалайку побренчав
мы кричим умри надежда
николаевна мартынова
а твой муж иван степан
в темноте ночей тюльпан
и среди огня гостиного
но чу! слышно музыка гремит
лампа бедствие стремится
человек находит части
он качается от счастья
видит зеркало несут
как же как же говорит
это окружной сосуд
это входит прокурор
кто мажор а он минор
но однако не забудьте
то кругом был дикий мрак
быстро ехал на минуте
чкак уж сказано дурак
у него был хвост волос
вдруг создание открылось
всем увидеть довелось
той букашки быстрокрылость
и судейскую немилость
стал убийца перед ними
и стоял он в синем дыме
и стоял он и рыдал
то налево то направо
то луна а то дубрава
вот как он страдал
он стоял открывши душу
он гремел обнявши тушу
был одет в роскошну шкуру
был подобен он амуру
вот как он рыдал
сон стоял по праву руку
и держал под мышку скуку
эту новую науку
вот как он страдал

тут привстал один судья
как проворная бадья
и сказал ему: убийца
что рыдаешь что грустишь
ты престол и кровонийца
а кругом стояла тишь
обстановка этой ткани
создалась в Тьму-Таракани
дело было так:
в квартире пошлого Скворцова
стоял диван по имени сундук
в окно виднелся день дворцовый
а дальше замок виадук
а за домом был пустырь
вот тут-то в бочке и солился богатырь
но ему надоело сидеть в бочке
из череваков плести веночки
и думать что они цветочки
он вдруг затосковал о точке
он вдруг закуковал о Риме
и поглядите стал он зримей
и очутился и возник
он был мечом он стал родник
хорошо сказал им суд
это верно это так
и разбил бы сей сосуд
даже римлянин Спартак
но в теченье дней иных
на морской смотря залив
видя ласточек стальных
стал бы сей Спартак соплив
стал бы он соплив от горя
прыгать в бездну прыгать в море
что же этот богатырь
не уселся в монастырь
помилуйте судьи ответил злодей
поднявши меч и всплакнув
помещик, сказал прокурор: владей
собою. Он думал уснув
что это идет по дороге не тело
ожесточенно теряя сустав
<a> на небе новое двигалось дело
от пупс перепутствий как свечка устав

а дальше обвиняемый
что сделали вы с ним
ведь вы не невменяемый
ведь вы я вижу серафим
как сказал убийца
как вы отгадали
и фанаторийцы
мигом зарыдали
дальше я как полагалось
лег на печку и ревел
все живущее шаталось
револьвер в меня смотрел
да однако не забудьте
что кругом шуршали птички
и летали по каюте
две неважные затычки
ну-с пищит Иван Степан
мы закончим этот день
я опять в ночи тюльпан
я бросаю в поле тень
я давно себя нашел
суд ушел

И ОТКРЫВ ДРУГУЮ ДВЕРЬ
ЭТА ДВЕРЬ БЫЛА ВОЛНОЙ
Я ВОСКЛИКНУЛ ГРОМКО: ВЕРЬ
ЧТО СТОИТ НЕМАЛЫЙ ЗВЕРЬ
ЗА НОЧИ СТЕНОЙ СПЛОШНОЙ.
И ПОЗВАВ СВОЮ СОБАКУ
НА ОХОТУ Я ПОШЕЛ
БОГ БОГ ГДЕ ЖЕ ТЫ
БОГ БОГ Я ОДИН
МЕЖДУ СЛОВ ДРОЖАТ КУСТЫ
ХОДЯТ ВЕНЧИКИ КАРТИН

1930

19. КРУГОМ ВОЗМОЖНО БОГ

Священный полет цветов

Солнце светит в беспорядке,
и цветы летят на грядке.
Тут жирная земля лежит как рысь.

Цветы сказали небо отворись
и нас возьми к себе.
Земля осталась подчиненная своей горькой судьбе.

* * *

Эф сидит на столе у ног воображаемой девушки. Крупная ночь.

Э ф

Здравствуй девушка движенье,
ты даешь мне наслажденье
своим баснословным полетом
и размахом ног.
Да, у ног твоих прекрасный размах,
когда ты пышная сверкаешь и носишься над болотом,
где шипит вода, —
тебе не надо никаких дорог,
тебе чужд человеческий страх.

Д е в у ш к а

Да, я ничего не боюсь,
я существую без боязни.

Э ф

Вот родная красotka скоро будут казни,
пойдем смотреть?
А я, знаешь, всё бьюсь да бьюсь,
чтоб не сгореть.

Д е в у ш к а

Интересно, кого будут казнить?

Э ф

Людей.

Д е в у ш к а

Это роскошно.
Им голову отрежут или откусят.
Мне тошно.
Все умирающие трусят.
У них работает живот,
он перед смертью усиленно живет.
А почему ты боишься сгореть?

Э ф

А ты не боишься, дура?
Взлетела как вершина на горе,
блестит как смех твоя волшебная фигура.
Не то ты девушка, не то вы птичка.
Боюсь я каждой спички.
Чиркнет спичка,
и заплачет птичка.
Пропадет отвага,
вспыхну как бумага.
Будет чашка пепла
на столе вонять,
или ты ослепла,
не могу понять.

Д е в у ш к а

Чем ты занимаешься ежедневно.

Э ф

Пожалуйста. Расскажу.
Утром встаю в два —
гляжу на минуту гневно,
потом зеваю, дрожу.
На стуле моя голова
лежит и смотрит на меня с нетерпением.
Ладно, думаю, я тебя надену.
Стаканы мои наполняются пением,
в окошко я вижу морскую пену.
А потом через десять часов я ложусь,
лягу, посвищу, покружусь,
голову отклею. Потом сплю.
Да, иногда еще Бога молю.

Д е в у ш к а

Молишься значит?

Э ф

Молюсь конечно.

Д е в у ш к а

А знаешь, Бог скачет
вечно.

Э ф

А ты откуда знаешь

идиотка.

Летать — летаешь,

а глупа как лодка.

Д е в у ш к а

Ну, не ругайся.

Ты думаешь долго сможешь так жить.

Скажу тебе остерегайся,

учись гадать и ворожить.

Надо знать всё что будет.

Может жизнь тебя забудет.

Э ф

Я тебя не пойму:

голова у меня уже в дыму.

Д е в у ш к а

Да знаешь ли ты что значит время?

Э ф

Я с временем незнаком,

увижу я его на ком?

Как твое время потрогаю?

Оно фикция, оно идеал.

Был день? был.

Была ночь? была.

Я ничего не забыл.

Видишь четыре угла?

Были углы? были.

Есть углы? скажи, что нет, чертовка.

День это ночь в мыле.

Всё твое время веревка.

Тянется, тянется.

А обрежь, на руках останется.

Прости, милая,

я тебя обругал.

Д е в у ш к а

Мужчина пахнувший могилою,

уж не барон, не генерал,

не князь, не граф, не комиссар,

не Красной Армии боец,

мужчина этот Валтасар,
он в этом мире не жилец.
Во мне не вырастет обида
на человека мертвеца.
Я не Мазепа, не Аида,
а ты не видящий своего конца
идем со мной.

Э ф

Пойду без боязни
смотреть на чужие казни.

* * *

В о р о б е й

(клюющий зерна радости)

Господи, как мир волшебен,
как всё в мире хорошо.
Я пою богам молебен,
я стираюсь в порошок
перед видом столь могучих,
столь таинственных вещей,
что проносятся на тучах
в образе мешка свечей.
Боже мой, всё в мире пышно,
благославно и умно.
Богу молятся неслышно
море, лось, кувшин, гумно,
свечка, всадник, человек,
ложка и Хаджи-Абрек.

Толпа тащится. Гуляют коровы они же быки.

К о р о в ы

Что здесь будут делать?

О н и ж е б ы к и

Будут резать, будут резать.

К о р о в ы

Неужто нас, неужто вас.

Г о л о с

Коровы во время холеры не пейте квас и будет чудесно.

Коровы они же быки спокойно уходят.

Появляется царь. Царь появляется. Темнеет в глазах.

Ц а р ь

Сейчас, бесценная толпа,
ты подойди сюда.

Тут у позорного столба
будет зрелище суда.

Палач будет казнить людей,
несть эллин и несть иудей.

Всякий приходи созерцай,
слушай и не мерцай.

Заглушите приговоренных плач
криком, воплями и хохотом.

Бонжур палач,
ходи говорю шепотом.

Люди бывают разные,
трудящиеся и праздные,

сытые и синие,
мокрые и высокие,

зеленые и глаженные,
треугольные и напوماженные.

Но все мы люди бедные в тиши
однажды плачем зная что мы без души.

Это действительно тяжелый удар
подумать что ты пар.

Что ты умрешь и тебя нет.

Я плачу.

П а л а ч

Я тоже.

Т о л п а

Мы плачем.

П р и г о в о р е н н ы е

Мы тоже.

На площади раздался страшный плач. Всем стало страшно.

Входят Эф и Девушка.

Д е в у ш к а

Повадился дурак на казни ходить,
тут ему и голову сложить.

Э ф

Гляди потаскуха на помост,
но мне не наступай на хвост.
Сейчас произойдет начало.

*Толпа как Лондон зарычала,
схватила Эф за руки-ноги,
и потащила на эшафот,
его прикончила живот,
и стукнув жилкой и пером
и добавив немного олова,
веревочным топопром
отняла ему голову.
Он сдох.*

Ц а р ь

Он плох.
Скажите как его имя.
Пойду затоплю камин
и выпью с друзьями своими.

В о о б р а ж а е м а я Д е в у ш к а
(исчезая)

Его фамилия Фомин.

Ц а р ь

Ах какой ужас. Это в последний раз.

Палач убегает.

* * *

*Фомин лежал без движенья
на красных свинцовых досках,
казалось ему, наслажденье
сидит на усов волосках.
Потрогаю, думает, волос,
иль глаз я себе почешу,
а то закричу во весь голос
или пойду подышу.*

Но чем дорогой Фомин,
чем ты будешь кричать,
что ты сможешь чесать,
нету тебя Фомин,
умер ты, понимаешь?

Ф о м и н

Нет я не понимаю.

Я жив.

Я родственник.

Д е в у ш к а

Кто ты родственник небес,

снег, бутылка или бес.

Ты число или понятие,

приди Фомин в мои объятия.

Ф о м и н

Нет я кажется мертв.

Уйди.

Она спешит уйти.

Ф о м и н

Боги, боги, понял ужас
состоянья моего.

Я с трудом в слезах натужась
свой череп вспомнить не могу.

Как будто не было его.

Беда, беда.

(Расписывается в своем отчаянном положении и с трудом бежит)

Д е в у ш к а

Фомин ведь ты же убежал,

и вновь ты здесь.

Ф о м и н

Я убежал не весь.

Когда ревел морской прибой,

вставал высокий вал,

я вспоминал, что я рыбой,

я выл и тосковал.
Когда из труб взвивался дым
и было всё в кольце,
и становился я седым,
росли морщины на лице,
я приходил в огонь и ярость
на приближающуюся старость.
И когда осыпался лес
шевелился на небе бес.
И приподнимался Бог.
Я в унынии щелкал блох.
Наблюдая борьбу небесных сил,
я насекомых косил.
Но дорогая дура,
я теперь безработный,
я безголов.

Д е в у ш к а

Бесплотный
садится час на крышку гроба,
где пахнет тухлая фигура,
вторая тысяча волов
идет из города особо.
Удел твой глуп
Фомин, Фомин.
Вбегает мертвый господин.

(Они кувьркаются.)

* * *

*Петр Иванович Стирковбреев один в своей комнате
жжет поленья.*

Скоро юноши придут,
скоро девки прибегут
мне рассеяться помочь.
Скоро вечность, скоро ночь.
А то что-то скучно,
я давно не хохотал,
и из рюмки однозвучной
водку в рот не грохотал.
Буду пальму накрывать,
а после лягу на кровать.

Звонит машинка, именуемая телефон.

Да, кто говорит.

Г о л о с

Метеорит.

С т и р к о б р е е в

Небесное тело?

Г о л о с

Да, у меня к вам дело.

Я, как известно, среди планет игрушка.

Но я слышал, что у вас будет сегодня пирушка.

Можно прийти?

С т и р к о б р е е в

Прилетайте (*вешает трубку*).

Горжусь, горжусь, кусок небесный

находит это интересным,

собрание пламенных гостей,

их столкновение костей.

Не то сломался позвонок,

не то еще один звонок.

Кто это? Петр Ильич?

Г о л о с

Нет, Стирковбреев, это я. Паралич.

С т и р к о б р е е в

А, здрасте. (*В стороны.*) Вот так несчастье.

Что вам надо.

Г о л о с

Шипенье слышишь ада

вонючий Стирковбреев?

Зачем тебе помада,

ответь, ответь скорее.

С т и р к о б р е е в

Помада очень мне нужна,

сюда гостить придет княжна,

у нея Рюрик был в роду.

Г о л о с

Я тоже приду.

С т и р к о б р е е в

Час от часу не легче.

Пойду приготовлю свечи,
а то еще неладною порой
напросится к вам в гости геморрой.

Комната тухнет. Примечание: временно. Раздаются звонки. Входят гости.

Н и к о л а й И в а н о в и ч

Как дела, как дела?

С т е п а н С е м е н о в и ч

Жутко. Жутко.

М а р и я Н а т а л ь е в н а

Я едва не родила,
оказалось это шутка.
Где уборная у вас,
мы дорогой пили квас.

Ф о м и н

Здравствуй Боря.

С т и р к о б р е е в

Здравствуй море.

Ф о м и н

Как? как ты посмел.
Я тебе отомщу.

*В его ногах валялся мел.
Он думал: не спущу
я Стирkobрееву обиды.
Летали мухи и болиды.*

Ф о м и н

Если я море,
где мои волны.
Если я море,
то где челны.

А гости веселы, довольны,
меж тем глодали часть халвы
с угрюмой жадностью волны.

Открывается дверь. Влетает озябший Метеорит:

Как церковный тать
обокравший кумира,
я прилетел наблюдать
эту стенку мира.

Г о с т и
(поют)

В лесу растет могилка,
на ней цветет кулич.
Тут вносят на носилках
болезнь паралич.

С т и р к о б р е е в

Ну, все в сборе
сядем пить и есть.

Ф о м и н

Я напомню Боря,
что мне негде сесть.

С т и р к о б р е е в

Эй ты море,
сядь под елью.

М а р и я Н а т а л ь е в н а

Быть, чувствую, ссоре.

В с е

(хором)

Да, дело кончится дуэлью.

(Они пьют.)

С е р г е й Ф а д е е в и ч

Нина Картиновна, что это, ртуть?

Н и н а К а р т и н о в н а
Нет, это моя грудь.

С е р г е й Ф а д е е в и ч
Скажите, прямо как вата,
вы пушка.

Н и н а К а р т и н о в н а
Виновата,
а что у вас в штанах.

С е р г е й Ф а д е е в и ч
Хлопушка.

(Все смеются. За окном сияние лент.)

К у н о П е т р о в и ч Ф и ш е р

Мария Натальевна я не монах,
разрешите я вам поцелую пуп.

М а р и я Н а т а л ь е в н а
Сумасшедший, целуйте себе зуб.
Ниночка пойдем в ванну.

Г о с т и

Зачем.

М а р и я Н а т а л ь е в н а
Пойдем попишем.

Г о с т и

Слава Богу.

А мы чистым воздухом пока подышим.

С т и р к о б р е е в

В отсутствии прекрасных женщин
тут вырастет мгновенно ель.
На это нужно часа меньше.
Сейчас мы сделаем дуэль.

Ф о м и н

Я буду очень рад
отправить тебя в ад.
Ты небесное светило,
ты что всех нас посетило,
на обратном пути
этого мертвеца захвати.

С т и р к о б р е е в

Паралич ты царь болезней,
сам пойми, в сто крат полезней
чтобы этот полутруп
умер нынче бы к утру б.

П а р а л и ч и М е т е о р и т

Мы будем секундантами. Вот вам ножи.
Колитесь. Молитесь.

Ф о м и н

Я сейчас тебя зарежу,
изойдешь ты кровью свежей,
из-под левого соска
потечет на снег тоска.
Ты глаза закроешь вяло,
неуклюже глянешь вниз.
И загробного подвала
ты увидишь вдруг карниз.

С т и р к о б р е е в

Не хвастай. Не хвастай.
Сам живешь последние минуты.
Кто скажет здравствуй
ручке каюты?
Кто скажет спасибо
штанам и комоду?
Ты дохлая рыба,
иди в свою воду.

Дуль превращается в знаменитый лес. Порхают при-
зраки птичек.

У девушек затянулась переписка.

* * *

Шел сумасшедший царь Фомин
однажды по земле
и ядовитый порошок кармин
держал он на своем челе.
Его волшебная рука
ИЗОБ-ражала старика.
Волнуется ночной лесок,
в нем Божий слышен голосок.
И этот голос молньеносный
сильней могучего ножа.
Его надменно ловят сосны,
и смех лисицы, свист ужа
сопутствуют ему.
Вся ночь в дыму.
Вдруг видит Фомин дом,
это зданье козла,
но полагает в расчете седом,
что это тарелка добра и зла.
И он берет кувшин добра
и зажигает канделябры,
и спит.
Наутро, в час утра
где нынче шевелятся арбры,
его встречает на березе нищий
и жалуется, что он без пищи.

Н и щ и й

Здравствуй Фомин сумасшедший царь.

Ф о м и н

Здравствуй добряк.

Уж много лет

я странствую.

Ты фонарь?

Н и щ и й

Нет я голодаю.

Нет моркови, нет и репы.

Износился фрак.
Боги стали свирепы.
Мое мнение будет мрак.

Ф о м и н

Ты думаешь так.
А я иначе.

Н и щ и й

Там паче.

Ф о м и н

Что паче?
Я не о том.
Я говорю про будущую жизнь за гробом,
я думаю мы уподобимся микробам,
станем почти нетелесными
насекомыми прелестными.
Были глупые гиганты,
станем крошечные бриллианты.
Ценно это? ценно, ценно.

Н и щ и й

Фомин что за сцена?
Я есть хочу.

Ф о м и н

Ешь самого себя.

Н и щ и й

(пожирая себя самого) сказал:

Фомин ты царь, — они исчезли
и толстые тела часов
на множество во сне залезли
и стала путаница голосов.

Беседа часов

Первый час говорит второму:
я пустынный.

Второй час говорит третьему:
я пучина.

Третий час говорит четвертому:
одень утро.
Четвертый час говорит пятому:
сбегают звезды.
Пятый час говорит шестому:
мы опоздали.
Шестой час говорит седьмому:
и звери те же часы.
Седьмой час говорит восьмому:
ты приятель рощи.
Восьмой час говорит девятому:
перебежка начинается.
Девятый час говорит десятому:
мы кости времени.
Десятый час говорит одиннадцатому:
быть может мы гонцы.
Одиннадцатый час говорит двенадцатому:
подумаем о дорогах.
Двенадцатый час говорит: первый час,
я догоню тебя вечно мчась.
Первый час говорит второму:
выпей друг человеческого брому.
Второй час говорит: час третий,
на какой точке тебя можно встретить.
Третий час говорит четвертому:
я кланяюсь тебе как мертвому.
Четвертый час говорит: час пятый,
и мы сокровища земли тьмой объаты.
Пятый час говорит шестому:
я молюсь миру пустому.
Шестой час говорит: час седьмой,
время обеденное идти домой.
Седьмой час говорит восьмому:
мне бы хотелось считать по-другому.
Восьмой час говорит: час девятый,
ты как Енох на небо взятый.
Девятый час говорит десятому:
ты подобен ангелу пожаром объатому.
Десятый час говорит: час одиннадцатый,
разучился вдруг что-то двигаться ты.
Одиннадцатый час говорит двенадцатому:
и всё же до нас не добраться уму.

Ф о м и н

Я буду часы отравлять.
Примите часы с ложки лекарство.
Иное сейчас наступает царство.

* * *

С о ф ь я М и х а й л о в н а

Прошу, прошу,
войдите.

Я снег сию, крошу.
Мой дядя, мой родитель
ушли к карандашу.

Ф о м и н

Не может быть. Вы одна. Вы небо.

С о ф ь я М и х а й л о в н а

Я как видите одна,
сию изящно на столе.
Я вас люблю до дна,
достаньте пистолет.

Ф о м и н

Вы меня одобряете. Это превосходно. Вот как я счастлив.

С о ф ь я М и х а й л о в н а

Сергей, Иван и Владислав и Митя
покрепче меня обнимите.
Мне что-то страшно, я изящна,
но все-таки кругом всё мрачно,
целуйте меня в щеки.

Ф о м и н

Нет в туфлю. Нет в туфлю. Большого не заслуживаю.
Святыня. Богиня. Богиня. Святыня.

С о ф ь я М и х а й л о в н а

Разве я так божественна. Нос у меня курносый,
глаза щелки. Дура я, дура.

Ф о м и н

Что вы, любящему человеку, как мне, всё кажется лучше, чем на самом деле.

И ваши пышные штанишки
я принимаю за крыло,
и ваши речи — это книжки
писателя Анатоля Франса.
Я в вас влюблен.

С о ф ь я М и х а й л о в н а
Фомин золотой. Лейка моя.

*Фомин ее целует и берет. Она ему конечно отдается.
Возможно, что зарождается еще один человек.*

С о ф ь я М и х а й л о в н а
Ах по-моему мы что-то наделали.

Ф о м и н
Это только кошки и собаки могут наделать. А мы люди.

С о ф ь я М и х а й л о в н а
Я бы хотела еще разик.

Ф о м и н
Мало ли что. Как я тебя люблю. Скучно что-то.

С о ф ь я М и х а й л о в н а
Ангел. Богатырь. Ты уходишь. Когда же мы увидимся.

Ф о м и н
Я когда-нибудь приду.

(Они обнялись и заплакали.)

Фомин пошел на улицу, а Софья Михайловна подошла к окну и стала смотреть на него. Фомин вышел на улицу и стал мочиться. А Софья Михайловна, увидев это, покраснела и сказала счастливо: «Как птичка, как маленький».

Венера сидит в своей разбитой спальне и стрижет последние ногти.

Увидев одного пострела,
я поняла что постарела.
Он был изящен и усат,
он был высоким будто сон.
Дул кажется пассат,
а может быть муссон.

Вбегают мертвый господин.

Я думаю теперь уж я не та,
похожая когда-то на крота,
сама красота.
Теперь я подурнела,
живот подался вниз,
а вместе с ним пупок обвис.
Поганое довольно стало тело.
Щетиной поросло, угрями.
Я воздух нюхаю ноздрями.
Не нравится мне мой запах.

Вбегают мертвый господин.

И мысли мои стали другие,
уже не такие нагие.
Не может быть случки обнаженной
у семьи прокаженной,
поэтому любите на сундуках,
и человек и женщина в штанах.
Господи, что-то будет, что-то будет.

Вбегают мертвый господин.

Возьму я восковую свечку
и побегу учить на речку.
Темнеет парус одинокий,
между волос играет огонек.

Вбегают мертвый господин.

Ф о м и н
Спаси меня Венера,
это тот свет.

В е н е р а
Что вы душка?

Ф о м и н
Надежда, Любовь, София и Вера
мне дали совет.

В е н е р а
Зачем совет. Вот подушка.
Приляг и отдохни.

Ф о м и н
Венера чихни.

Венера чихает.

Ф о м и н
Значит это не тот свет.

В е н е р а
Давай, давай мы ляжем на кровать
и будем сердца открывать.

Ф о м и н
Я же безголовый.
Вид имея казака,
я между тем без языка.

В е н е р а
(разочарованно)

Да, это обидно,
да и другого у тебя
мне кажется не видно.

Ф о м и н
Не будем об этом говорить. Мне неприятно. Ну не

способен и не способен. Подумаешь. Не за тем умирал,
чтобы опять всё сначала.

В е н е р а

Да уж ладно, лежи спи.

Ф о м и н

А что будет когда я проснусь.

В е н е р а

Да ничего не будет. Всё то же.

Ф о м и н

Ну хорошо. Но тот свет-то я увижу наконец?

В е н е р а

Иди ты к чертям.

Фомин спит. Венера моется и поет.

Люблю, люблю я мальчиков,
имеющих одиннадцать пальчиков,
и не желаю умирать.

А потому я начинаю скотскую жизнь. Буду мычать.

*Богиня Венера мычит,
а Бог на небе молчит,
не слышит ея мычанья,
и всюду стоит молчанье.*

Ф о м и н

(просыпаясь)

Это коровник какой-то, я лучше уйду.

Спустите мне, спустите сходни,
пойду искать пути Господни.

В е н е р а

Тебе надо штаны спустить и отрезать то чего у тебя
нет.

Беги, беги.

Вбегает мертвый господин.

* * *

Ф о м и н

Я вижу женщина цветок
садится на ночную вазу,
из ягодиц ее поток
иную образует фазу
нездешних свойств.

Я полон снов и беспокойств.

Гляжу туда,
но там звезда,
гляжу сюда в смущенье,
здесь человечества гнездо
и символы крещенья.

Гляди забрав с собою в путь зеркало, суму и свечки
по комнатам несется вскачь ездок.

И харкают овечки.

О женщина! о мать!

Ты спишь накрыта одеялом,
устала ноги поднимать,
но тщишься сниться идеалом
кое-каким влюбленным мужчинам,
украсив свой живот пером.

Скажу развесистым лучинам:
я сам упал под топором.

Спросим: откуда она знает, что она то?

Ж е н щ и н а

(просыпаясь с блестящими слезами)

Я видела ужасный сон,
как будто бы исчезла юбка,
горами вся покрылась шубка
и был мой голос унесен.

И будто бы мужчины неба
с крылами жести за спиной
как смерти требовали хлеба.

Узор виднелся оспяной
на лицах их.

Я век не видела таких.
Я женщина! — я им сказала
и молча руки облизала
у диких ангелов тоски,
щипая на своей фигуре разные волоски.
Какой был страшный сон.
У меня руки и ноги шуршали в страхе.
Скажи мне Бог к чему же он.
Я мало думала о прахе,
подумаю еще.

Ф о м и н

Подумай, улыбнись свечой,
едва ли только что поймешь.
Смерть это смерти еж.

Ж е н щ и н а

Слаб мой ум,
и сама я дура.
Слышу смерти шум,
говорит натура:
все живут предметы
лишь недолгий век,
лишь весну да лето,
вторник и четверг.
В тщетном издыхании
время проводя,
в любовном колыхании
ловя конец гвоздя.
Ты думаешь дева беспечно,
что всё кисельно и млечно.
Нет дева дорогая,
нет жизнь это не то,
и ты окончишь путь рыгая
как пальмы и лото.

Д е в у ш к а

Однако этот разговор
вести бы мог и черный двор.
Ты глупая натура не блещешь умом,
как великие ученые Карл Маркс, Бехтерев
и профессор Ом.
Все знают, что придет конец,

все знают, что они свинец.
Но это пустяки,
ведь мы еще не костяки,
и мне не страшен сотник адовый,
вернись Фомин, шепчи, шепчи, подглядывай.

Ф о м и н

Я подглядываю? ничтожество,
есть на что смотреть.

Ж е н щ и н а

Давно ты так стоишь?

Ф о м и н

Не помню. Дней пять или семь.
Я счет потерял.
Мне не по себе.
А ты что делаешь.

Ж е н щ и н а

Хочется, хочется,
хочется повернуться.

(Ворочается и так и сяк.)

Ф о м и н

(воет)

Ты сумрак, ты непоседа,
ты тухлое яйцо.
Победа, Господи, Победа,
я вмиг узнал ее лицо.

Г о с п о д ь

Какое же ее лицо.

Ф о м и н

Географическое.

Н о с о в

Важнее всех искусств
я полагаю музыкальное.
Лишь в нем мы видим кости чувств.

Оно стеклянное, зеркальное.
В искусстве музыки творец
десятое значение имеет,
он отвлеченного купец,
в нем человек немеет.
Когда берешь ты бубен или скрипку,
становишься на камень пеня,
то воздух в маленькую рыбку
превращается от нетерпенья.
Тут ты стоишь играешь чудно,
и стол мгновенно удаляется,
и стул бежит походкой трудной,
и география является.
Я под рокот долгих струн
стал бы думать — я перун
или география.

Ф о м и н

(в испуге)

Но по-моему никто не играл. Ты где был?

Н о с о в

Мало ли что тебе показалось что не играли.

Ж е н щ и н а

Уж третий час вы оба здесь толчетесь,
все в трепете, в песке и в суете,
костями толстыми и голосом сочтетесь,
вы ездоки науки в темноте.
Когда я лягу изображать Валдай,
волшебные не столь большие горы,
Фомин езжай вперед. Гусаров не болтай.
Вон по краям дороги валяются ваши разговоры.

Ф о м и н

Кто ваши? Не пойму твоих вопросов.
Откуда ты взяла, что здесь Носов.
Здесь всё время один Фомин,
это я.

Н о с о в

(вскипая)

Ты? ты скотина!

Ф о м и н

Кто — я? я? (успокаиваясь.) Мне всё равно.

(Уходит.)

Н о с о в

Фомина надо лечить. Он сумасшедший, как ты думаешь?

Ж е н щ и н а

Женщина спит.

Воздух летит.

Ночь превращается в вазу.

В иную нездешнюю фазу

вступает живущий мир.

Дормир Носов, дормир.

Жуки выползают из клеток своих,

олени стоят как убитые.

Деревья с глазами святых

качаются Богом забытые.

Весь провалился мир.

Дормир Носов, дормир.

Солнце сияет в потемках леса.

Блоха допускается на затылок беса.

Сверкают мохнатые птички,

в саду гуляют привычки.

Весь рассыпался мир.

Дормир Носов, дормир.

Ф о м и н

(возвращаясь).

Я сразу сказал: у земли невысокая стоимость.

Н о с о в

Ты бедняга не в своем уме

(они тихо и плавно уходят).

* * *

И тогда на трон природы
сели гордые народы,
берег моря созерцать,
землю мерить и мерцать.
Так сидят они мерцают
и негромко восклицают:
волны бейте, гром греми,
время век вперед стреми.
По бокам стоят предметы
безразличные молчат.
На небе вялые кометы
во сне худую жизнь влечат.
Иные звери веселятся
под бессловесною луной,
их души мрачно шевелятся,
уста закапаны слюной.
Приходит властелин приказчик,
кладет зверей в ужасный ящик
и везет их в бешенства дом,
где они умирают с трудом.
Бойтесь бешеных собак.
Как во сне сидят народы
и глядят на огороды.
Сторож нюхает табак.
Тут в пылающий камин
вдруг с числом вошел Фомин.

Ф о м и н

Человек во сне бодрится,
рыбы царствуют вокруг.
Только ты луна сестрица,
только ты не спишь мой друг.
Здравствуйте народы,
Петры, Иваны, Николай, Марии, Силантии,
на хвост природы
надевшие мантии,
куда глядите вы.

Н а р о д ы

Мы бедняк, мы бедняк
в зеркало глядим.

В этом зеркале земля
отразилась как змея.
Ее мы будем изучать.
При изучении земли
иных в больницу увезли,
в сумасшедший дом.

Ф о м и н

А что вы изучали глупцы?

Н а р о д ы

Мы знаем, что земля кругла,
что камни скупы,
что на земле есть три угла,
леса, дожди, дорога,
и человек начальник Бога.
А над землею звезды есть
с химическим составом,
они покорны нашим уставам,
в кружении небес находят долг и честь.
Всё мы знаем, всё понимаем.

З а т ы ч к и н

Ты смотришь робко,
подобный смерти.
Пустой коробкой
пред нами вертишь.
Ужели это коробка зла.
Приветствую пришествие козла.

Ф о м и н

Родона начальники я к вам пришел
и с вами говорить намерен,
ведь сами видите вы хорошо,
что не козел я и не черт, не мерин,
тем более не кто-нибудь другой.

*Фомин сказал. Махнул рукой,
заплакал от смущенья
и начал превращенье.*

Р е ч ь Ф о м и н а

Господа, господа,

все предметы, всякий камень,
рыбы, птицы, стул и пламень,
горы, яблоки, вода,
брат, жена, отец и лев,
руки, тысячи и лица,
войну, и хижину, и гнев,
дыхание горизонтальных рек
занес в свои таблицы
неумный человек.

Если создан стул то зачем?

Затем, что я на нем сижу и мясо ем.

Если сделана мановением руки река,
мы полагаем, что сделана она для наполнения нашего
мочевого пузыря.

Если сделаны небеса,
они должны показывать научные чудеса.

Также созданы мужские горы,
назначения, туман и мать.

Если мы заводим разговоры,
вы дураки должны их понимать.

Господа, господа,
а вот перед вами течет вода,
она рисует сама по себе.

Там под кустом лежат года
и говорят о своей судьбе.

Там стул превращается в победу,
наука изображает собой среду,

и звери, чины и болезни
плавают как линии в бездне.

Царь мира Иисус Христос
не играл ни в очко, ни в штосс,
не бил детей, не курил табак,
не ходил в кабак.

Царь мира преобразил мир,
Он был небесный бригадир,
а мы были грешны.

Мы стали скучны и смешны.

И в нашем посмертном вращении
спасенье одно в превращении.

Господа, господа,
глядите вся земля вода.

Глядите вся вода сутки.
Выходит летающий жрец из будки

и в ужасе глядит на перемену,
на смерть изображающую пену.
Родона начальники довольны ли вы?

Н а р о д

Мы не можем превращения вынести.

*После этого Фомин пошел в темную комнату, где по-
средине была дорога.*

Ф о м и н

Остроносов ты здесь?

О с т р о н о с о в

Я весь.

Ф о м и н

Что ты думаешь, о чем?

О с т р о н о с о в

Я прислоняюсь плечом к стене
стою подобный мне.

Здесь должно нечто произойти.

Допустим мы оба взаперти.

Оба ничего не знаем, не понимаем.

Сидим и ждем.

Ф о м и н

Война проходит под дождем
бряцая вооруженьем.

Война полна наслаждением.

О с т р о н о с о в

Слушай, грохочет зеркало на обороте,
гуляет стул надменный.

Я вижу в этом повороте
его полет одновременный.

Ф о м и н

Дотронься до богатого стола.

Я чувствую присутствие угла.

О с т р о н о с о в

Ай жжется.

Ф о м и н

Что горит.

О с т р о н о с о в

Диван жжется. Он горячий.

Ф о м и н

Боже мой. Ковер горит.

Куда мы себя спрячем.

О с т р о н о с о в

Ай жжется,

кресло подо мной закипело.

Ф о м и н

Беги, беги,

чернильница запела.

Господи помоги.

Вот беда, так беда.

О с т р о н о с о в

Всё останавливается.

Всё пылает.

Ф о м и н

Мир накаляется Богом,

что нам делать.

О с т р о н о с о в

Я в жизни вина

не знал и не пил.

Прощайте я превратился в пепел.

Ф о м и н

Если вы предметы боги,

где предметы ваша речь.

Я боюсь такой дороги

мне вовек не пересечь.

П р е д м е т ы

(бормочут).

Да это особый рубикон. Особый рубикон.

Ф о м и н

Тут раскаленные столы
стоят как вечные котлы,
и стулья как больные горячкой
чернеют вдали живую пачкой.
Однако это хуже чем сама смерть,
перед этим все игрушки.
День ото дня всё становится хуже и хуже.

Б у р н о в

Успокойся, сядь светло,
это последнее тепло.
Тема этого события
Бог посетивший предметы.

Ф о м и н

Понятно.

Б у р н о в

Какая может быть другая тема,
чем смерти вечная система.
Болезни, пропасти и казни
ее приятный праздник.

Ф о м и н

Здесь противоречие,
я ухожу.

* * *

*Лежит в столовой на столе
труп мира в виде крем-брюле.
Кругом воняет разложением.
Иные дураки сидят
тут занимаясь умноженьем.
Другие принимают яд.
Сухое солнце, свет, кометы
уселись молча на предметы.
Дубы поникли головой
и воздух был гнилой.
Движенье, теплота и твердость
потеряли гордость.
Крылом озябшим плещет вера,
одна над миром всех людей.*

Воробей летит из револьвера
и держит в клюве кончики идей.
Все прямо с ума сошли.
Мир потух. Мир потух.
Мир зарезали. Он петух.
Однако много пользы приобрели.
Миру конечно еще не наступил конец,
еще не облетел его венец.
Но он действительно потускнел.
Фомин лежащий посинел
и двухоконною рукой
молиться начал. Быть может только Бог.
Легло пространство вдаль.
Полет орла струился над рекой.
Держал орел икону в кулаке.
На ней был Бог.
Возможно, что земля пуста от сна,
худа, тесна.
Возможно мы виновники, нам страшно.
И ты орел аэроплан
сверкнешь стрелою в океан
или коптящей свечкой
рухнешь в речку.
Горит бессмыслицы звезда
она одна без дна.
Вбегают мертвый господин
и молча удаляет время.

1931

20. КУПРИЯНОВ И НАТАША

Куприянов и его дорогая женщина Наташа проводят тех свиных гостей укладываются спать.

К у п р и я н о в
снимая важный галстук сказал:
Пугая мглу горит свеча,
у ней серебряные кости.
Наташа,
что ты гуляешь трепеща,
ушли давно должно быть гости.
Я даже позабыл, Маруся,
Соня,

давай ложиться дорогая спать,
тебя хочу я покопать
и поискать в тебе различные вещи,
недаром говорят ты сложена не так как я.

Н а т а ш а
(снимая кофту)

Куприянов мало толку с этой свечки,
она не осветила бы боюсь овечки,
а нас тут двое,
боюсь я скоро взвою
от тоски, от чувства, от мысли, от страха,
боюсь тебя владычица рубаха,
скрывающая меня в себе,
я в тебе как муха.

К у п р и я н о в
(снимая пиджак)

Скоро мы с тобой Наташа
предадимся смешным наслаждениям.
Ты будешь со мной, я буду с тобой
заниматься деторождением.
И будем мы подобны судакам.

Н а т а ш а
(снимая юбку)

О Боже, я остаюсь без юбки.
Что мне делать в моих накрашенных штанах.

*На стульях между тем стояли весьма серебряные
кубки,
вино чернело как монах
и шевелился полумертвый червь.*

Я продолжаю.
Я чувствую мне даже стало стыдно,
себя я будто небо обнажаю:
покуда ничего не видно,
но скоро заблестит звезда.
Ужасно всё погано.

К у п р и я н о в

(снимая брюки)

Сейчас и я предстану пред тобой
почти что голый как прибор.

Я помню раньше в этот миг

я чувствовал восторг священный,

я видел женщины родник

зеленый или синий,

но он был красный.

Я сходил с ума,

я смеялся и гладил зад ее атласный,

мне было очень хорошо,

и я считал что женщина есть дудка,

она почти что человек,

недосягаемая утка.

Ну ладно, пока что торопись.

Н а т а ш а

(снимая штаны)

Свое роняя оперенье,

я думаю твой нос и зренья

теперь наполнены мной,

ты ешь мой вид земной.

Уже ты предвкушаешь наслажденье

стоять на мне как башня два часа,

уже мои ты видишь сквозь рубашку волоса

и чувствуешь моей волны биенье.

Но что-то у меня мугится ум,

я полусонная как скука.

К у п р и я н о в

(снимая нижние штаны)

Я полагаю что сниму их тоже,

чтоб на покойника не быть похожим,

чтоб ближе были наши кожи.

Однако посмотрим в зеркало на наши рожи.

Довольно я усаг. От страсти чуть-чуть красен.

Глаза блестят, я сам дрожу.

А ты красива и светла,

И грудь твоя как два котла,

возможно что мы черти.

Н а т а ш а
(снимая рубашку)

Смотри-ка, вот я обнажилась до конца
и вот что получилось,
сплошное продолжение лица,
я вся как будто в бане.
Вот по бокам видны как свечи
мои коричневые плечи,
пониже сытных две груди,
соски на них сияют впереди,
под ними живот пустынный,
и вход в меня пушистый и недлинный,
и две значительных ноги,
меж них не видно нам ни зги.
Быть может темный от длины
ты хочешь посмотреть пейзаж спины.
Тут две приятные лопатки
как бы солдаты и палатки,
а дальше дивное сиденье,
его небесное виденье
должно бы тебя поразить.

*И шевелился полумертвый червь,
кругом ничто не пело,
когда она показывала хитрое тело.*

К у п р и я н о в
(снимая рубашку)

Как скучно всё кругом
и как однообразно тошно,
гляди я голым пирогом
здесь пред тобой стою роскошно.
И поднята могущественно к небу
моя четвертая рука.
Хотя бы кто пришел и посмотрел на нас,
а то мы здесь одни да на иконе Спас,
интересно знать сколько времени мы раздевались.
Пожалуй полчаса, а? Как ты полагаешь?

*Меж тем они вдвоем обнялись,
к постели тихой подошли.
— Ты окончательно мне дорога Наташа, —
ей Куприянов говорит.*

*Она ложится и вздымает ноги,
и бессловесная свеча горит.*

Н а т а ш а

Ну что же Куприянов, я легла,
устрой чтоб наступила мгла,
последнее колечко мира,
которое еще не распаялось,
есть ты на мне.

*А черная квартира
над ними издали мгновенно улыбалась.*

Ложись скорее Куприянов,
умрем мы скоро.

К у п р и я н о в

Нет, не хочу. (*Уходит.*)

Н а т а ш а

Ужасно, я одна осталась,
любовь камней не состоялась,
лежу одна, лежу грущу,
рукой в окрестности верчу. (*Плачет.*)

К у п р и я н о в

(*сидя на стуле в одиноком наслаждении*)

Я сам себя развлекаю.
Ну вот всё кончилось.
Одевайся.

Дремлет полумертвый червь.

Н а т а ш а

(*надевая рубашку*)

Я затем тебя снимала,
потому что мира мало,
потому что мира нет,
потому что он выше меня.
Я осталась одинокой дурой
со своей безумною фигурой.

К у п р и я н о в

(надевая рубашку)

Наташа, гляди светает.

Н а т а ш а

(надевая штаны)

Уйдите я на вас смотреть не хочу,
сама себя я щекочу
и от этого прихожу в удивительное счастье.
Я сама для себя источник.
Я люблю другого.
Я молча одеваюсь в сон.
Из состояния нагого
я перейду в огонь одежд.

К у п р и я н о в

(надевая нижние штаны)

И нету для меня надежд,
мне кажется, что становлюсь я меньше
и бездыханнее и злее.
От глаз подобных жарких женщин
бегут огни по тела моего аллее,
я сам не свой.

Зевает полумертвый червь.

Н а т а ш а

(надевая юбку)

Какой позор, какое бесстыдство.
Я доверилась последнему негодяю.
Это хам человеческого рода —
и такие тоже будут бессмертными.

Стояла ночь. Была природа.

Зевает полумертвый червь.

К у п р и я н о в

(надевая брюки)

О природоведение, о логика, о математика, о искусство,
не виноват же я что верил в силу последнего чувства.
О как всё темнеет.
Мир окончательно давится.
Его тошнит от меня,

меня тошнит от него.
Достоинство спряталось за последние тучи.
Я не верил в количество звезд.
Я верил в одну звезду.
Оказалось что я одинокий ездок,
и мы не были подобны судакам.

Н а т а ш а
(надевая кофту)

Гляди идиот, гляди
на окончания моей груди.
Они исчезают, они уходят, они уплывают,
потрогай их дурак.
Сейчас для них наступит долгий сон.
Я превращаюсь в лиственницу,
я пухну.

К у п р и я н о в
(надевая пиджак)

Я говорил, что женщина это почти что человек,
она дерево.
Что же теперь делать.
Я закурю, я посижу, я подумаю.
Мне всё чаще и чаще кажется странным,
что время еще движется,
что оно еще дышит.
Неужели время сильнее смерти,
возможно что мы черти.
Прощай дорогая лиственница Наташа.
Восходит солнце мощное как свет.
Я больше ничего не понимаю.

*Он становится мал мала меньше и исчезает.
Природа предается одинокому наслаждению.*

Сентябрь 1931

21. МИР

Демон

Няню демон спросил —
няня, сколько в мире сил.
Отвечала няня: две,
обе силы в голове.

Няня

Человек сидит на ветке
и воркует как сова,
а верблюд стоит в беседке
и волнуется трава.

Человек

Человек сказал верблюду
ты напомнил мне Иуду.

Верблюд

Отчего спросил верблюд.
Я не ем тяжелых блюд.

Дурак-логик

Но верблюд сказал: дурак,
ведь не в этом сходство тел,
в речке тихо плавал рак,
от воды он пропотел,
но однако потный рак
не похож на плотный фрак
пропотевший после бала.

Смерть

Смерть меня поколебала,
я на землю упаду
под землей гулять пойду.

Убийцы

Появились кровопийцы
под названием убийцы,
с ними нож и пистолет,
жили двести триста лет.
И построили фонтан,
и шкатулку и шантан,
во шантане веселились,
во фонтане дети мылись.

Няньки

Няньки бегали с ведерком
по округности земной,
всё казалось им тетеркой.

Он

Звери лазали за мной,
я казался им герой,
а приснился им горой.

Звери плача

Звери плача: ты висел.
Всё проходит без следа.
Молча ели мы кисель,
лежа на кувшине льда.

Рогатые бараны

Мы во льду видали страны.
Мы рогатые бараны.

Демон

Бросьте звери дребедень,
настает последний день,
новый кончился шильон,
мир ложится утомлен,
мир ложится почивать,
Бог собрался ночевать,
Он кончает все дела.

Лягушка

Я лягушку родила.
Она взлетела со стола,
как соловей и пастила,
теперь живет в кольце Сатурна,
бесшабашно, вольно, бурно,
существует квакает,
так что кольца крикают.

Висящие люди

Боже мы развешаны,
Боже, мы помешаны,
мы на дереве висим,
в дудку голоса свистим,
шашкой машем вправо влево
как сундук и королева.

Нянька

Сила первая светло,
и за ней идет тепло,
а за ней идет движенье
и животных размноженье.

Тапир

Как жуир спешит тапир
на земли последний пир.

Метеор

И сверкает как костер
в пылком небе метеор.

Эпилог

На обоях человек,
а на блюдечке четверг.

1931?

22. ГОСТЬ НА КОНЕ

Конь степной
бежит устало,
пена каплет с конских губ.
Гость ночной
тебя не стало,
вдруг исчез ты на бегу.
Вечер был.
Не помню твердо,
было всё черно и гордо.
Я забыл
существованье
слов, зверей, воды и звезд.
Вечер был на расстоянье
от меня на много верст.
Я услышал конский топот
и не понял этот шепот,
я решил, что это опыт
превращения предмета
из железа в слово, в ропот,
в сон, в несчастье, в каплю света.

Дверь открылась,
входит гость.

Боль мою пронзила
кость.

Человек из человека
наклоняется ко мне,
на меня глядит как эхо,
он с медалью на спине.

Он обратной рукою
показал мне — над рекою
рыба бегала во мгле,
отражаясь как в стекле.

Я услышал, дверь и шкаф
сказали ясно:
конский храп.

Я сидел и я пошел
как растение на стол,
как понятие неживое,
как пушинка

или жук,
на собранье мировое
насекомых и наук,
гор и леса,

скал и беса,
птиц и ночи,
слов и дня.

Гость я рад,
я счастлив очень,
я увидел край коня.

Конь был гладок,
без загадок,
прост и ясен как ручей.

Конь бил гривой
торопливой,
говорил —

я съел бы щей.

Я собранья председатель,
я на сборище пришел.

— Научи меня Создатель.

Бог ответил: хорошо.

Повернулся
боком конь,
и я взглянул

в его ладонь.
Он был нестрашный.
Я решил,
я согрешил,
значит, Бог меня лишил
воли, тела и ума.
Ко мне вернулся день вчерашний.
В кипятке
была зима,
в ручейке
была тюрьма,
был в цветке
болезней сбор,
был в жуке
ненужный спор.
Ни в чем я не увидел смысла.
Бог Ты может быть отсутствуешь?
Несчастье.
Нет я всё увидел сразу,
поднял дня немую вазу,
я сказал смешную фразу —
чудо любит пятки греть.
Свет возник,
слова возникли,
мир поник,
орлы притихли.
Человек стал бес
и покуда
будто чудо
через час исчез.

Я забыл существованье,
я созерцал
вновь
расстоянье.

1931—1934?

23. ЧЕТЫРЕ ОПИСАНИЯ

З у м и р

Желая сообщить всем людям,
зверям, животным и народу

о нашей смерти, птичьим голосом
мы разговаривать сегодня будем
и одобрять лес, реки и природу
спешим. Существовал ли кто?
Быть может птицы или офицеры,
и то мы в этом не уверены,
но всё же, нельзя, нельзя, нельзя
забыть хотя бы те примеры,
у птиц не существуют локти,
кем их секунды смиренны.

К у м и р

Прерву тебя.

З у м и р

Что?

К у м и р

Тебя прерву.

З у м и р

Прерви.

К у м и р

Прервал тебя.

З у м и р

Я продолжаю.

Ч у м и р

Весь в мыслях я лежал,
обозревая разные вещи,
предметы. Я желал.
Горело всё кругом.
Спешило всё бегом, бегом.
Впрочем когда следишь за временем,
то кажется что всё бежит,
и кажется гора дрожит
и море шевелится,
песок с песчинкой говорит,
и будто рыбы борются
цветы и чай на блюде.

Луна с луной,
звезда с звездой
и снег с водой,
и снег седой,
и хлеб с едой, —
везде как будто бы видны сраженья,
все видим в площади движенья.
Мы спим, мы спим.

Т у м и р

Что в мире есть? Ничего в мире нет, всё только
может быть?

К у м и р

Что ты говоришь? А енот есть. А бобер есть.
А море есть.

Т у м и р

Всего не счесть,
что в мире есть.
Стакан и песнь
и жук и лесь,
по лесу бегающие лисицы,
стихи, глаза, журавль и синицы,
и двигающаяся вода,
медь, память, планета и звезда,
одновременно не полны
сидят на краешке волны.
Со всех не видим мы сторон
ни пауков и ни ворон,
в секунду данную оне
лежат как мухи на спине.
В другую боком повернутся,
поди поймай их, они смеются.
Не разглядеть нам мир подробно,
ничтожно всё и дробно.
Печаль меня от этого всего берет.

К у м и р

Ночь ужасная черна,
жизнь отвратительна, страшна.
Друг друга человек жалеет,
слезами руки поливает,
щеку к щеке он прижимает,

он сон лелеет.
Бессмертен сон.
Лежит человек
с девой на кровати,
ее обняв.
На столике свеча дымится,
в непостижимое стремится.
Обои хладнокровны,
стаканы дышат ровно.
Как будто бы миролюбива ночь,
блистают точные светила.
Страсть человека посетила,
и он лежит жену обняв.
Он думает, какого черта,
всё хорошо кругом, всё мертво.
Лишь эта девушка жена
жива и дивно сложена.
Растения берет он в руки
и украшает ей живот,
цветами музыки ее он украшает,
слогами шумными он ей поет.
Но ночь предстанет
вдруг оживлена.
Свеча завянет,
закричит жена.
На берег выбежит кровати,
туда где бьет ночной прибой,
и пену волн и перемену
они увидят пред собой.
Проснутся каменные предметы
и деревянные столы.
Взлетят над ними как планеты
богоподобные орлы.

Т у м и р

Так значит нет уверенности в часе,
и час не есть подробность места.
Час есть судьба.
О, дай мне синьку.

3 - й у м и р. (а ю щ и й)
Хочу рассказать историю моей смерти.
Шесть месяцев уж шла война.

Я был в окопах. Я не пил вина.
Не видел женской незабудки.
Не видел сна. Не знал постели.
Не слышал шутки.
Пули сплошь свистели.
Немецкие руки врагов
не боялись наших штыков.
Турецкие глаза врагов
не пугались наших богов.
Австрийская грудь врага
стала врагу не дорога.
Лишь бы ему нас разбить.
Не знали мы все как нам тут быть.
Мы взяли Перемышль и Осовец,
был каждый весел,
богач сибирский иль купец,
иль генерал встать уж не могший с кресел.
Все смеялись. Стало быть
нам удалось врага разбить
и победить и вдруг убить.
Лежат враги без головы
на бранном поле,
и вдовы их кричат увы,
их дочери плачут оли.
Все находились мы в патриотическом угаре,
но это было с общей точки зрения.
Лес не заслуживает презрения,
река течет одновременно покорная своей судьбе.
Что расскажу я о себе?

1 - й у м и р. (а ю щ и й)

Я тебя прерву.

3 - й у м и р. (а ю щ и й)

Что?

1 - й у м и р. (а ю щ и й)

Прерву тебя.

3 - й у м и р. (а ю щ и й)

Прерви меня.

1 - й у м и р. (а ю щ и й)

Прервал тебя.

2 - й у м и р. (а ю щ и й)
Я продолжаю.

3 - й у м и р. (а ю щ и й)
В окопе на кровати я лежал
и Мопассана для себя читал,
и раздражался от желания
приласкать какую-нибудь пышную Маланию.
Хотелось мне какую-нибудь девушку помять
в присутствии моей довольно близкой смерти.
Мысли эти были плохи,
и в наказание мне живот, поверьте,
кусали вши, чесали блохи.

Вдруг выбегает
денщик Ермаков,
кричит выбегает,
торопится в Псков.
Вдруг приходит
фельдфебель Пугята,
кричит и уходит
в одежде богатой.
И все рядовые,
вынув штыки,
идут городовые,
кричат пустяки.

Вся армия бежит,
она бежит как раз.
Оставлена Варшава
и Рига, Минск и Павел Павлович Кавказ.
А вышел я на край реки,
держа в руке пустые пузырьки,
и с грустью озираю досадное поражение,
как быстро кончилось несчастное сражение.
И надо мной вертелся ангелок,
он чью-то душу в рай волок,
и мне шептал, и твой час близок,
тебе не спать с твоей невестой Лизой.
И выстрел вдруг раздался,
и грудь моя поколебалась.
Уж я лежал шатался
и надо мной береза улыбалась.
Я был и ранен и убит.
То было в тысячу девятьсот четырнадцатом году.

4 - й у м и р. (а ю щ и й)

Да это верно. О времени надо думать так же как о своей душе. Это верно.

2 - й у м и р. (а ю щ и й)

Хочу рассказать вам историю своей смерти.

Я сидел в своей гостиной,
и сидел в своей пустынной,
и сидел в своей картинной,
и сидел в своей старинной,
и сидел в своей недлинной
за столом.

Я сидел за столом,
повсе не махал веслом.

Я не складывал частей,
я сидел и ждал гостей
без костей.

Ко мне шли гости:

Мария Павловна Смирнова,
секретарь суда Грязнов,
старый, хмурый, толстый, вдовый,
и Зернов.

Генерал и генеральши,
юнкер Пальмов, гусар Борецкий,
круглый, что орех твой грецкий.
Дальше.

Вечер славно протекал,
как всегда в еде, в беседе.

За освобождение крестьян
вдруг разбушевался генерал,
он был смутьян.

— Крестьян освобождать не надо,
им свобода хуже ада,
им надо кашу, надо плеть.

— Нет их надо пожалеть, —
сказал купец Вавилов, —
довольно их судьба давила.

Вмиг завязался спор на час,
и всех развлек и занял нас.

Вдруг на меня тоска напала,
я беспокойство ошутил,
с тоской взглянул на генерала

и на Вавилова взглянул.
Борецкий с дамами шутил,
трещал под ним некрепкий стул.
Я к зеркалу направился в досаде.
Казалось мне, за мной шагает кто-то сзади,
и в зеркало я увидел Скворцова,
он умер восемь лет назад.
Его глаза полуприкрыты,
и щеки синие небриты,
и мертвый и дурацкий взгляд
манил меня выйти из столовой,
он мне шептал: ты слаб и стар,
тут меня хватил третий апоплексический удар.
Я умер.
Это было в тысячу восемьсот пятьдесят восьмом году.

1 - й у м и р. (а ю щ и й)

Да, покойники, мы пьем из невеселой чаши,
нам не сладки воспоминанья наши.
Я также был когда-то жив
и Финский я любил залив.
На состояние воды рябое
глядел и слушал шум прибора.
Картины Репина про бурлаков
мне очень были милы,
и Айседору без чулков
любил я поглядеть. Всё это было.
Я Бальмонта читал стихи,
я Государственную Думу
любил как пуму,
где депутаты ругались как петухи,
и Блока дивные стишки
как в море бурном гребешки
нам иногда ласкали слух
и возвышали наш дух.
Мы храбро церковь презирали,
мы ругали все Бога и попов.
Мы авиаторов любили,
давя без музыки клопов.
Аэроплан мы одобряли.
Тогда один среди лесов
любил гулять теософ.
Тогда писатель граф Толстой

уж не ложился с дамой спать.
И год тысячу девятьсот шестой,
затем седьмой, восьмой, существенный
бежал и прятался как день обещанный
и всё не мог для нас настать.
Мы жили все в неопределенном состоянии
и часто находились в желтом здании.
И многие из нас, взяв в руки пистолет,
перед этим за обедом съев котлет,
теперь пытались пистолет проглотить
и с жизнью кончить все подсчеты,
чтоб больше бы не жить.

К у м и р

Прерву тебя.

1 - й у м и р. (а ю щ и й)

Прерви меня.

И я подобною работой
однажды тоже занялся.
Мне стало ясно. Жизнь никчемна,
мне на земле широкой темной
не находилось больше места,
и я за ум взялся,
сказал: прощай, прощай навек невеста
и газированная вода.
Меня не будет больше никогда.
Сидел в своем я кабинете
и горевал.
На пистолете
курок сверкал.
И пистолет я в рот вложил,
как бы вина бутылку,
через секунду ощутил
стук пули по затылку.
И разорвался мой затылок
на пять и шесть частей.
Это было в тысячу девятьсот одиннадцатом году.

4 - й у м и р. (а ю щ и й)

Был бой. Гражданская война
в Крыму, в Сибири и на севере.

Днепр, Волга, Обь, Двина.
На ржи, на лютиках, на клевере,
езде лежали трупы.
Был голод, не хватало супа.
Концы ужасной этой битвы
остры как лезвие у бритвы,
я даже не успел прочесть молитвы,
как от летящей пули наискось
я пал подкошенный как гвоздь.
Граждане взмолился я, родные,
ведь у меня ребята есть грудные,
и эти молодые дети
теперь одни останутся на свете.
И две жены моих красавицы
теперь развратничать начнут.
О, хоть бы, хоть бы мне поправиться,
но командир сказал — капут.
Подумай сам, ведь ты убит,
тут доктор помощь оказать не сможет,
и окровавленный твой вид
в земле червяк довольно скоро сгложет.
Я говорю ему — нет командир,
червяк быть может сгложет мой мундир
и может быть в течение часа
мое сожрет всё мясо.
Но мысль мою и душу
червяк не съест и я его не трушу.
Но я уже не говорил. Я думал.
И я уже не думал. Я был мертв.
Мое лицо смотрело на небо без шума,
и признак жизни уходил из вен и из аорт.
В моих зрачках число четыре отражалось,
а битва, бой, сражение продолжалось.
То тысячу девятьсот двадцатый был год.

З у м и р

Мы выслушали смерти описанья,
мы обзрели эти сообщенья от умирающих умов.
Теперь для нашего сознанья
нет больше разницы годов.
Пространство стало реже,
и все слова — паук, беседка, человек — одни и те же.
Кто дед, кто внук,

кто маргаритка, а кто воин, —
мы все исчадия наук
и нами смертный час усвоен.

Ч у м и р

Спят современники морей.

К у м и р

Куда же им.

1931—1934?

24. ОЧЕВИДЕЦ И КРЫСА

Маргарита отвори
мне окошко поскорей.
Маргарита говори
мне про рыб и про зверей.
Опустилась ночи тень,
всюду в мире свет потух.
Маргарита кончен день,
дует ветер, спит петух.
Спит орел на небесах,
спят растения в лесах,
будущие спят гробы,
сосны, ели и дубы.
Воин выходит на позор,
бобр выходит на грабеж,
и бросая в звезды взор,
счет ночам заводит еж.
Рыбы бегают в реке,
бродят рыбы по морям,
и скворец в своей руке
тихо держит мертвый храм.
И дрозды поют слегка,
и рычит печальный лев,
гонит Бог издалека
к нам на город облака,
и рычит печальный лев.

О н

Мы не верим что мы спим.
Мы не верим что мы здесь.

Мы не верим что грустим,
мы не верим что мы есть.

О н

Холод горы озаряет,
снежный гор больших покров,
а в снегу как лунь ныряет
конь под тяжестью ковров.
На коврах курсистка мчится,
омраченная луной.
На коня глядит волчица,
пасть облитая слюной.
Лежебока, бедный всадник
мчится в тройке как лакей,
входит в темный палисадник
кость сжимая в кулаке.
Отдает курсистке плеть он,
подает старухе трость.
Каждый час встречая тостом,
он лихую гладит кость.
А курсистка как карета
запыленная стоит.
С незнакомого портрета
глаз не сводит. И блещит.

О н

Я мысли свои разглядывал.
Я видел у них иные начертания.
Я чувства свои измерял.
Я нашел их близкие границы.
Я телодвижения свои испытывал.
Я определил их несложную значимость.
Я миролюбие свое терял.
У меня не осталось сосредоточенности.
Догадывающийся догадается.
Мне догадываться больше нечего.

О н

Сейчас я буду говорить.

*Пока он говорит, является небольшая комната. Всё
рассечено. Где ты наш мир. Ни тебя нет. Ни нас нет.
На тарелках сидят Петр Иванович Иванович Иванович,*

курсистка, дворецкий Грудецкий, Степанов-Песков и четыреста тридцать три испанца.

Входит Лиза и Маргарита.

О д н а и з д в у х

Что вижу я.

Здесь общество собралось адское.

Огнем и серой пахнет здесь.

И шеи у вас какие-то пороховые,

и уши, и руки, ноги, и носы

и глаза. Вы все как в столбняке.

Уже зима который час стоит,

не вышло ль здесь убийства.

Д в о р е ц к и й - Г р у д е ц к и й

Маргарита или Лиза,

чаю дать вам иль часы.

О н а (о д н а и з д в у х)

Ах Грудецкий вы подлиза

еще с царских времен

вы Семен.

Я спрашиваю: не было ли здесь убийства.

После этого три часа играла музыка.

Разные вальсы и хоралы.

Кириллов за это время успел жениться. Но чего-то ему недоставало.

С т е п а н о в - П е с к о в

Убийство. Не говори так много об убийстве.

Мы еще не поняли убийства.

Мы еще не поняли этого слова.

Мы еще не поняли этого дела.

Мы еще не поняли ножа.

К о с т о м а р о в (и с т о р и к)

Тринадцать лет.

Двенадцать лет.

Пятнадцать лет.

Шестнадцать лет.

Кругом одни кустарники.

Г р и б о е д о в (п и с а т е л ь)

О чем тут быть может разговор,
ясно что он вор.

Круглые волшебные виденья
мне душу посещают.

Неизъяснимые больные наслажденья
они мне обещают.

Мой ум они вскружили,
я сам теперь как белка в колесе.

Создания нездешние уйдите,
я еду в Грузию сегодня как и все.

*Бледные на тарелке четыреста тридцать три испанца
воскликнули одногласно и недружелюбно:*

Убийству произойти пора-с.

И тут свершилась тьма-темь. И Грудецкий убил Степанова-Пескова. Впрочем о чем тут говорить.

Все вбежали в постороннюю комнату и увидели следующую картину. Поперек третьего стола стояла следующая картина. Представьте себе стол и на нем следующую картину.

Возрясь на картину,

Грудецкий держал
в руке как картину
кровавый кинжал.

Ложилась на землю
и капала кровь,
вращалась земля
и планеты кружились.

Лежал на полу
Степанов-Песков
подобно орлу
без сапог и носков.

Лежал он босой
как шиповник.
Укушен осой
был чиновник.

Тут снова входит Лиза и кричит:

Ага-ага я говорила, что убийство свершится.

Все на нее закричали, все зашикали. Тише, Лиза, Лиза,
тише, вы одна из двух.

Потом опять стал говорить Он.

О н

Мы видели бедное тело,
оно неподвижно лежало.
В нем жизнь непрерывно редела
под диким ударом кинжала.
Глаза как орехи закрылись.
Что знаем о смерти мы люди.
Ни звери, ни рыбы, ни горы,
ни птицы, ни тучи мы будем.
Быть может страна иль диваны,
быть может часы и явления,
морские пучины, вулканы
имеют о ней представленье.
Жуки и печальные пташки,
что тихо летают под тучей
в своей небогатой рубашке, —
для них смерть — изученный случай.

О н

Который час.
Они бегут, бегут.

О н

Я обратил внимание на смерть.
Я обратил внимание на время.

О н

Они бегут, бегут.

О н

Вновь курсистка появилась,
как лапша,
и студент над ней склонился,
как душа.
И курсистка состоялась,
как цветок,
Тройка быстрая умчалась
на восток.

О н
Который час.

О н
Листва стоит в лесу как гром.

О н
Сейчас я буду говорить.

Уже усталая свеча
пылать устала как плечо,
а всё курсистка говорила —
целуй Степан еще еще.
Ты мне и ноги поцелуй,
ты мне и брюхо поцелуй.
Степан уж был совсем без сил,
он страшно вдруг заголосил:
я не могу вас целовать,
сейчас пойду в университет
наук ученье изучать:
как из металла вынуть медь,
как электричество чинить,
как слово пишется медведь,
и он склонился как плечо
без сил на милую кровать.

Тут пришел Козлов и стал лечиться. Он держал брусья в руках и всё время страшно морищился. Перед ним вставляли его будущие слова, которые он тем временем произносил. Но это всё было не важно. Важно в этом ничего не было. Что тут могло быть важно. Да ничего.

Потом пришел Степанов-Терской. Он был совершенно лют. Он не был Степанов-Песков. Тот был убит. Не будем об этом забывать. Забывать об этом не надо. Да и к чему нам об этом забывать.

СЦЕНА НА ШЕСТОМ ЭТАЖЕ

Ф о н т а н о в

Вот пять лет живем мы вместе,
ты и я, ты и я,

будто филин и сова,
как река и берега,
как долина как гора.
Ты курсистка как и прежде,
волоса твои седеют,
щеки женские желтеют,
жиром ты за это время,
врать к чему, не налилась.
Полысело твоё темя,
обветшала твоя сласть.
Раньше думал я о мире,
о мерцании светил,
о морской волне о тучах,
а теперь я стар и хил.
На свинину на редиску
направляю мысли я.
Не курсистку, а модистку,
видно, в жены приобрел.

М а р г а р и т а и л и Л и з а
(н ы н е с т а в ш а я К а т е й)

Чем жить? Душа моя слетает
с запекшегося рта. Фонтанов,
ты грубым стал и жалким.
Твоя мужская сила где она?
Я стану у открытого окна.
Смотри какой громадный воздух шевелится.
Смотри соседний виден дом.
Смотри, смотри, смотри кругом.
Смотри на подоконник я влезаю,
на подоконник веткой становлюсь.

Ф о н т а н о в

Курсистка подожди меня.

О н а

На подоконник кружкой становлюсь.

Ф о н т а н о в

Курсистка что с тобой.

О н а

На подоконник свечкой становлюсь.

Ф о н т а н о в
Курсистка ты сошла с ума.

О н а
Я приезжаю.

Тут нигде не сказано, что она прыгнула в окно, но она прыгнула в окно. Она упала на камни. И она разбилась. Ох, как страшно.

Ф о н т а н о в
Долго думать я не буду,
я последую за ней.
Я побью в шкапах посуду,
уничтожу календарь.
Я зажгу повсюду лампы,
позову сюда дворецкого
и возьму с собой в дорогу
навсегда портрет Грудецкого.

Потом три часа играла музыка.

* * *

О н
Маргарита Маргарита
дверь скорее отвори,
дверь в поэзию открыта,
ты о звуках говори.
Мы предметов слышим звуки,
музыку как жир едим.
Маргарита для науки
мы не верим что мы спим.
Мы не верим что мы дышим,
мы не верим что мы пишем,
мы не верим что мы слышим,
мы не верим что молчим.

О н
Ночь на небо поднималась,
тусклый месяц как душа
над рекою возносился,

в камышах густых шурша.
Рыба бегала по речке
и печальный лев рычал.
Города стояли прямо,
за добычей мчался бобр.

О н

Я миролюбие свое терял.

О н

Неизбежные года
нам шли навстречу как стада.
Кругом зеленые кусты
невзрачно, сонно шевелились.

О н

Нам больше думать нечем.

У него отваливается голова.

1931—1934?

25. ПРИГЛАШЕНИЕ МЕНЯ ПОДУМАТЬ

Будем думать в ясный день,
сев на камень и на пень.
Нас кругом росли цветы,
звезды, люди и дома.
С гор высоких и крутых
быстро падала вода.
Мы сидели в этот миг,
мы смотрели все на них.
Нас кругом сияет день,
под нами камень, под нами пень.
Нас кругом трепещут птицы
и ходят синие девицы.
Но где же, где же нас кругом
теперь отсутствующий гром.
Мы созерцаем часть реки,
мы скажем камню вопреки:
где ты ночь отсутствуешь
в этот день, в этот час?
искусство что ты чувствуешь,
находясь без нас?

Кривизна моего подуманья.

Будем думать в лесной дебри
себя на камнях и на пенях.
нас окружат робкие цветы,
звездки, маки и дожди.
с гор высоких и крутых,
быстро падая вода.
как сидим в знойный день,
мы смотрим все на себя.
нас окружат сидели дебри,
под наши камни, под наши пеня
нас окружат трапециды пещеры,
и ждем сидеть до вечера.
но где же, где же нас окружат,
теперь отсутствующий грот.
мы сохраним нашу рани,
мы станем нашим багрянцем.
в этот день, в этот час?
мы будем все на себе,
весь дарство и до нас пребываем,
мешки и сумки в носу,
покажем на себя восточном,
покажем в нос и сумки суму.
что ждем от утра до вечера дебри?
от слова разумеется, до слова и восточном
Голубые мы рассветные пробуждения потоки,
объемлет нас на камнях восточном.
нас все исчезают до вечера.
мы и мы и мы и мы, все пробуждения восточном,
мы и не улетим и не улетим и не улетим

государство где ты пребываешь?
Лисицы и жуки в лесу,
понятия на небе высоком, —
подойди Бог и спроси лису:
что лиса от утра до вечера далеко?
от слова разумеется до слова цветок
большое ли расстояние пробежит поток?
Ответит лиса на вопросы Бога:
это всё исчезающая дорога.
Ты или я или он, мы прошли волосок,
мы и не успели посмотреть минуту эту,
а смотрите Бог, рыба и небо, исчез тот кусок
навсегда, очевидно, с нашего света.
Мы сказали: да это очевидно,
часа назад нам не видно.
Мы подумали: нам
очень одиноко.
Мы немного в один миг
охватываем оком.
И только один звук
ощущает наш нищий слух.
И печальную часть наук
постигает наш дух.
Мы сказали: да это очевидно,
всё это нам очень обидно.
И тут мы полетели.
И я полетел как дятел,
воображая что я лечу.
Прохожий подумал: он спятил,
он богоподобен сычу.
Прохожий ты брось неумное уныние,
гляди кругом гуляют девы синие,
как ангелы собаки бегают умно,
чего же тебе неинтересно и темно.
Нам непонятное приятно,
необъяснимое нам друг,
мы видим лес шагающий обратно
стоит вчера сегодняшнего дня вокруг.
Звезда меняется в объеме,
стареет мир, стареет лось,
в морей соленом водоеме
нам как-то побывать пришлось,
где волны издавали скрип,
мы наблюдали гордых рыб:

рыбы плавали как масло
по поверхности воды,
мы поняли, жизнь всюду гасла
от рыб до Бога и звезды.
И ощущение покоя
всех гладило своей рукою.
Но увидев тело музыки
вы не заплакали навзрыд.
Нам прохожий говорит:
скорбь вас не охватила?
Да музыки волшебное светило
погасшее имело жалкий вид.
Ночь царственная начиналась.
Мы плакали навек.

1931—1934?

26

Мне жалко что я не зверь,
бегающий по синей дорожке,
говорящий себе поверь,
а другому себе подожди немножко,
мы выйдем с тобой погулять в лес
для рассмотрения ничтожных листьев.
Мне жалко что я не звезда,
бегающая по небосводу,
в поисках точного гнезда
она находит себя и пустую земную воду,
никто не слышал чтобы звезда издавала скрип,
ее назначение ободрять собственным молчанием рыб.
Еще есть у меня претензия,
что я не ковер, не гортензия.
Мне жалко что я не крыша,
распадающаяся постепенно,
которую дождь размачивает,
у которой смерть не мгновенна.
Мне не нравится что я смертен,
мне жалко что я не точен.
Многим многим лучше, поверьте,
частица дня единица ночи.
Мне жалко что я не орел,
перелетающий вершины и вершины,

которому на ум взбрел
человек, наблюдающий аршины.
Мне жалко что я не орел,
перелетающий длинные вершины,
которому на ум взбрел
человек, наблюдающий аршины.
Мы сядем с тобою ветер
на этот камушек смерти.
Мне жалко что я не чаша,
мне не нравится что я не жалость.
Мне жалко что я не роща,
которая листьями вооружалась.
Мне трудно что я с минутами,
меня они страшно запутали.
Мне невероятно обидно
что меня по-настоящему видно.
Еще есть у меня претензия,
что я не ковер, не гортензия.
Мне страшно что я двигаюсь
не так как жуки жуки,
как бабочки и коляски
и как жуки пауки.
Мне страшно что я двигаюсь
непохоже на червяка,
червяк прорывает в земле норы,
заводя с землей разговоры.
Земля где твои дела,
говорит ей холодный червяк,
а земля, распорядясь покойниками,
может быть в ответ молчит,
она знает что всё не так.
Мне трудно что я с минутами,
они меня страшно запутали.
Мне страшно что я не трава трава,
мне страшно что я не свеча.
Мне страшно что я не свеча трава,
на это я отвечал,
и мигом качаются деревья.
Мне страшно что я при взгляде
на две одинаковые вещи
не вижу что они усердно
стараются быть похожими.
Я вижу искаженный мир,
я слышу шепот заглушенных лир,

и тут за кончик буквы взяв,
я поднимаю слово шкаф,
теперь я ставлю шкаф на место,
он вещества крутое тесто.
Мне не нравится что я смертен,
мне жалко что я не точен,
многим многим лучше, поверьте,
частица дня единица ночи.
Еще есть у меня претензия,
что я не ковер, не гортензия.
Мы выйдем с тобой погулять в лес
для рассмотрения ничтожных листьев,
мне жалко что на этих листьях
я не увижу незаметных слов,
называющихся случай, называющихся бессмертие,
называющихся вид основ.

Мне жалко что я не орел,
перелетающий вершины и вершины,
которому на ум взбрел
человек, наблюдающий аршины.
Мне страшно что всё приходит в ветхость,
и я по сравнению с этим не редкость.
Мы сядем с тобою ветер
на этот камушек смерти.
Кругом как свеча возрастает трава,
и мигом качаются деревья.
Мне жалко что я не семя,
мне страшно что я не тучность.
Червяк ползет за всеми,
он несет однозвучность.
Мне страшно что я неизвестность,
мне жалко что я не огонь.

1934

27. СУТКИ

О т в е т

Вбегает ласточка.

В о п р о с

Но кто ты ласточка небес,
ты зверь или ты лес.

Н е с у щ е с т в у ю щ и й о т в е т
л а с т о ч к и

Я часовщик.

В о п р о с

Но кто тебя здесь повстречал
в столичном этом мраке,
где выются гнезда надо мной,
где нет зеленых листьев,
и страждет человек земной,
спят раки,
где моря нет?
Где нет значительной величины воды.
Скажи кто ты?
Тут мрак палат.

О т в е т л а с т о ч к и

Я солдат.
Я солдат.
Сбегает ночь с вершины горной.
Вершина пребывает черной.
Звезда нисходит с небосклона.
Он пуст
как куст.

В о п р о с

Не небосклон ли ты жалеешь,
когда на нем как планета алеешь,
заменяя собой звезду,
упавшую сию минуту
в рошу.

О т в е т л а с т о ч к и

Стал небосклон пустым и чистым
как небосвод.
Прохладу Бог послал,
день встает.

В о п р о с

Проходит час времени.

О т в е т

Проходит час времени.

В о п р о с

Похож ли ветер на цветки,
на маргаритки и тюльпаны.

О т в е т

Сидел старик.
Из рук он делает щитки
для сохраненья глаз
от блеска.

В о п р о с

Похож ли ветер на скамью?

О т в е т

Понятное над нами всходит утро,
за пищей хочется лететь
и рассуждая мудро
петь.

В о п р о с

Скажи кто прав,
я
или
вершины трав.
И кто без чувств лежит как яблоко.

О т в е т

Мы чуем камни просыпаются,
они заводят разговор,
они как листья осыпаются
с вершины благородных гор.
Пустые числа оживлены
сиянием от нас уходящей луны.
День наступает,
мир растет.

В о п р о с

Ах ласточка ты коршун.
Столица здесь.
Здесь мира нет.
Здесь моря нет.
Поеду лучше в Оршу.

Л а с т о ч к а

Не есть ли море лучший мир.
Не есть ли море лучший мир.
Он рос.

С п р а ш и в а ю щ и й

Ласточка что нам делать?
Ты сама задаешь вопрос.
Твои меняются черты.
Скажи где ты?

О т в е т

Снег был зимой числом.
Он множествен.
Теперь в ручье кивать веслом
ты можешь.

В о п р о с

Проходит час времени.

О т в е т

Проходит час времени.

В о п р о с

Не избегают ли нас.

О т в е т

Проплыли тучи синие как краска.
Жук пробежал. Трава подвинулась на точку
за этот час. Ногой ударил муравей
упавшую звезду как незначительную точку,
и в море плыл корабль, передвигаясь проще простого.
Кто нас может избегать?

В о п р о с

Не обегают ли нас.
Мы посторонние места
что дороже смерти.
Смотри с пустынного моста
Хочу волнам я крикнуть верьте,
и я к тебе приду вода
в гости.

О т в е т

Безупречная вода.
Она бежит бездонные года,
она стоит на месте миг,
печаль ей незнакома.
Она под каждую ложбиной дома.
Она ленивица.
Она просторна.
Она горда,
она тверда,
она бесспорна.
Она отсутствие луча.

В о п р о с

Шипит брошенная в ручей свеча,
из нее выходит душа.
Плачет кинутый в воду крот
и слепыми глазами читает небосвод.
И рыбак сидящий там где река
незаметно превращается в старика.
Быть может он боится блеска.

О т в е т

Чернеет все,
день кончился.
Еще раз
на бранном месте
где происходила битва
вновь опускается молитва.
Тут совершается молитва.
С вершин травы роса стекает.
Жук спать идет. Звезда мелькает.
Планетами вновь полон небосклон.
Меркнет море. Где муравей, зрит волны он.
Он потирает лапой точку песка.
Плывет потушенная рыба.
Сутки прошли.

В о п р о с

Похож ли лес на ночь.
Деревья есть частица ночи,
дубы есть звезды, птицы влага,
листья ответ.

В лесу отсутствует крушение.

О т в е т

Сутки прошли.

Сутки прошли.

Зашумела листва.

1934?

28. ПОТЕЦ

3 части

<ЧАСТЬ ПЕРВАЯ>

С ы н ы стояли у стенки сверкая ногами, обутыми
в шпоры. Они обрадовались и сказали:

Обнарудуй нам отец
Что такое есть Потец.

О т е ц, сверкая очами, отвечал им:

Вы не путайте сыны
День конца и дочь весны.
Страшен, синь и сед Потец,
Я ваш ангел я отец.
Я его жестокость знаю,
Смерть моя уже близка.
На главе моей зияют
Плеши, лысины — тоска.
И если жизнь протянется,
То скоро не останется
Ни сокола ни волоска.
Знать смерть близка.
Знать глядь тоска.

С ы н о в ь я, позвенов в колокольчики, загремели
в свои языки:

Да мы тебя не о том спрашиваем,

Мы наши мысли как чертог вынашиваем.
Ты скажи-ка нам отец
Что такое есть Потец.

И воскликнул о т е ц: Пролог,
А в Прологе главное Бог.
Усните сыны,
Посмотрите сны.

Сыновья легли спать. Спрятав в карман грибы. Казалось, что стены, и те были послушны. Ах, да мало ли что казалось. Но в общем немногое и нам как и им казалось. Но чу! Что это? О т е ц опять непрямо отвечал на вопрос. И вновь проснувшимся сыновьям он сказал вот что, восклицая и сверкая бровями:

Пускай поет и пляшет
Седой народ.
Пускай руками машет
Как человек.

В мирный день блаженства
Ты истекаешь.
Как скоро смерти совершенство
Я сам постигну.

Несутся лошади как волны,
Стучат подковы.
Лихие кони жаром полны
Исчезнув скачут.

Но где ж понять исчезновенье,
Иль все мы смертны?
Что сообщишь ты мне мгновенье,
Тебя ль пойму я?

Кровать стоит передо мною,
Я тихо лягу,
И уподоблюсь под стеною
Цветам и флагу.

Сыны сыны. Мой час приходит.
Я умираю. Я умираю.

Не ездите на пароходе,
Всему конец.

Сыновья, построясь в ряды, сверкая ногами, начинают танцевать кадрили. П е р в ы й с ы н, или он же первая пара:

Что такое есть Потец
Расскажите мне отец.

В т о р о й с ы н, или он же вторая пара:

Может быть Потец свинец
И младенец и венец.

Т р е т и й с ы н, или он же третья пара:

Не могу понять отец,
Где он? кто же он, Потец?

О т е ц, сверкая очами, грозно стонет:

Ох в подушках я лежу.

П е р в ы й с ы н:

Эх отец, держу жужу.
Ты не должен умереть,
Ты сначала клеть ответь.

В т о р о й с ы н, танцуя как верноподданный:

Ах, Потец, Потец, Потец.
Ах, отец, отец, отец.

И т р е т и й с ы н, танцуя как выстрел:

Куклы все туша колпак,
Я челнок челнок челнок.

Сыновья прекращают танцевать — не вечно же веселиться, и садятся молча и тихо возле погасшей кровати отца. Они глядят в его увядающие очи. Им хочется всё повторить. Отец умирает. Он становится крупным как гроздь винограда. Нам страшно поглядеть в его, что называется, лицо. Сыновья негласно и бесшумно входят каждый в свою суеверную стену.

Потец это холодный пот, выступающий на лбу умирающего. Это роса смерти, вот что такое Потец.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

О т е ц летает над письменным столом. Но не думайте, он не дух.

Я видел пожалуйте розу,
Сей скучный земли лепесток.
Последние мысли, казалось,
Додумывал этот цветок.

Он горы соседние гладил
Последним дыханьем души.
Над ним проплывали княгини
И звезды в небесной глуши.

Мои сыновья удалились,
И лошадь моя как волна
Стояла и била копытом,
А рядом желтела луна.

Цветок убежденный блаженства,
Приблизился Божеский час.
Весь мир как заря наступает,
А я словно пламя погас.

Отец перестает говорить стихами и закуривает свечу, держа ее в зубах как флейту. При этом он подушкой опускается в кресло.

Входит первый сын и говорит: Не ответил же он на вопросы. Поэтому он сразу обращается к подушке с вопросом:

Подушка подушка
Ответь наконец
Что такое есть Потец.

Подушка, она же о т е ц:
Я знаю. Знаю!

Второй сын спрашивает второпях:

Так отвечай же,
Почто безмолвствуешь.

Третий сын совершенно распален:

Напрасно вдовствуешь
Уютная подушка.
Давай ответ.

Первый сын:

Отвечай же.

Второй сын:

Огня сюда, огня!

Третий сын:

Я сейчас кого-нибудь повешу.

Подушка, она же отец:

Немного терпенья,
Может быть я на всё и отвечу.
Хотел бы послушать пенью,
Тогда смогу разговаривать.

Я очень устал.
Искусство дало бы мне новые силы.
Прощай пьедестал,
Я хочу послушать ваши голоса под музыку.

Тогда **сыновья** не смогли отказать этой потрясенной просьбе отца. Они стали гуртом как скот и спели всеобщую песню.

Был брат брит Брут
Римлянин чудесный.
Все врут. Все мрут.

Это был первый куплет.
Второй куплет:

Пел пил пробегал
Один канатоходец.
Он акробат. Он галл.

Третий куплет:

Иноходец
С того света
Дождается рассвета.

И пока они пели, играла чудная, превосходная, всё и вся покоряющая музыка. И казалось, что разным чувствам есть еще место на земле. Как чудо стояли сыновья вокруг невзрачной подушки и ждали с бессмысленной надеждой ответа на свой незавидный и дикий, внушительный вопрос: что такое Потец? А подушка то порхала, то взвивалась свечкою в поднебесье, то как Днепр бежала по комнате. Отец сидел за письменным как Иван да Марья столом, а сыновья словно зонты стояли у стенки. Вот что такое Потец.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Отец сидел на бронзовом коне, а сыновья стояли по его бокам. А третий сын то стоял у хвоста, то у лица лошади. Как видно и нам и ему, он не находил себе места. А лошадь была как волна. Никто не произносил ни слова. Все разговаривали мыслями.

Тут о т е ц, сидя на коне и поглаживая милую утку, воскликнул мысленно и засверкал очами:

Все ждете что скажет отец,
Объяснит ли он слово Потец.
Боже я безутешный вдовец,
Я безгрешный певец.

П е р в ы й с ы н, нагибаясь, поднял с полу пяточок и простонал мысленно и засверкал ногами:

Батюшка наступает конец.
Зрю на лбу у тебя венец.
Зря звонишь в бубенец.
Ты уже леденец.

В т о р о й с ы н был тоже очень омрачен, он нагнулся с другого бока и поднял дамский ридикюль. Он заплакал мыслями и засверкал ногами:

Когда бы я был жрец
Или мертвец игрец.
Я Твой посетил бы дворец
О всеильный Творец.

А т р е т и й с ы н, стоя у хвоста лошади и пощипывая свои усы мыслями, засверкал ногами:

Где ключ от моего ума?
Где солнца луч,
Подаренный тобой зима?

А переместясь к лицу лошади, которая была как волна, и поглаживая мыслями волосы, засверкал ногами:

Бровей не видишь ты отец,
Кровей каких пустых Потец.

Тогда о т е ц вынул из карманов дуло одного оружия и, показывая его детям, воскликнул громко и радостно, сверкая очами:

Глядите: дуло,
И до чего ж его раздуло.

П е р в ы й с ы н:
Где? покажи.

В т о р о й с ы н:
Везде. Как чиж.

Т р е т и й с ы н:
Последний страх
Намедни
После обедни
Рассыпался в прах.

И вдруг открылись двери рая,
И нянька вышла из сарая,
И был на ней надет чепец.
И это снова всем напомнило их вечный вопрос о том,
Что такое есть Потец.

Вмиг наступила страшная тишина. Словно конфеты лежали сыновья поперек ночной комнаты, вращая белыми седыми затылками и сверкая ногами. Суеверие нашло на всех.

На няньке был надет чепец,
Она висела как купец.

Н я н ь к а стала укладывать отца спать, превратившегося в детскую косточку. Она пела ему песню:

Над твоею колыбелью
По губам плывет слюна
И живет луна.

Над могилою, над елью,
Спи тоскуй.

Не просыпайся,
Лучше рассыпайся.

Эй кузнец куй! куй!

Мы в кузнице уснем.

Мы все узники.

И пока она пела, играла чудная, превосходная, всё и вся покоряющая музыка. И казалось, что разным чувствам есть еще место на земле. Как чудо стоят сыновья возле тихо погасшей кровати отца. Им хочется всё повторить. Нам страшно поглядеть в его, что называется, лицо. А подушка то порхала, то взвивалась свечкой в поднебесье, то как Днепр бежала по комнате. Потец это холодный пот, выступающий на лбу умершего. Это роса смерти, вот что такое Потец. Господи, могли бы сказать сыновья, если бы они могли. Ведь это мы уже знали заранее.

1936 или 1937

29. ЭЛЕГИЯ

*Так сочинилиась мной элегия
о том, как ехал на телеге я.*

Осматривая гор вершины,
их бесконечные аршины,
вином налитые кувшины,
весь мир, как снег, прекрасный,
я видел горные потоки,
я видел бури взор жестокий,
и ветер мирный и высокий,
и смерти час напрасный.

Вот воин, плавая навагой,
наполнен важною отвагой,
с морской волнующейся влагой
вступает в бой неравный.
Вот конь в могучие ладони
кладет огонь лихой погони,
и пляшут сумрачные кони
в руке травы державной.

Где лес глядит в полях просторы,
в ночей неслышные уборы,
а мы глядим в окно без шторы
на свет звезды бездушной,
в пустом сомненье сердце прячем,
а в ночь не спим, томимся, плачем,
мы ничего почти не значим,
мы жизни ждем послушной.

Нам восхищенье неизвестно,
нам туго, пасмурно и тесно,
мы друга предаем бесчестно,
и Бог нам не владыка.
Цветок несчастья мы взрастили,
мы нас самим себе простили,
нам, тем, кто как зола остыли,
милей орла гвоздика.

Я с завистью гляжу на зверя,
ни мыслям, ни делам не веря,
умов произошла потеря,

бороться нет причины.
Мы всё воспримем как паденье,
и день и тень и сновиденье,
и даже музыки гуденье
не избежит пучины.

В морском прибое беспокойном,
в песке пустынном и нестройном
и в женском теле непристойном
отрады не нашли мы.
Беспечную забыли трезвость,
воспели смерть, воспели мерзость,
вспоминанье мним как дерзость,
за то мы и палимы.

Летят божественные птицы,
их развеваются косицы,
халаты их блестят как спицы,
в полете нет пощады.
Они отсчитывают время,
они испытывают бремя,
пускай бренчит пустое стремя —
сходить с ума не надо.

Пусть мчится в путь ручей
хрустальный,
пусть рысью конь спешит
зеркальный,
вдыхая воздух музыкальный —
вдыхаешь ты и тленье.
Возница хилый и сварливый,
в последний час зари сонливой
гони, гони возок ленивый —
лети без промедленья.

Не плещут лебеди крылами
над пиршественными столами,
совместно с медными орлами
в рог не трубят победный.
Исчезнувшее вдохновенье
теперь приходит на мгновенье,
на смерть, на смерть держи равненье,
певец и всадник бедный.

1940

Где

Где он стоял опершись на статую. С лицом переполненным думами. Он стоял. Он сам обращался в статую. Он крови не имел. Зрите он вот что сказал:

Прощайте темные деревья,
прощайте черные леса,
небесных звезд круговращенье,
и птиц беспечных голоса.

<Он д>олжно быть вздумал куда-нибудь когда-нибудь уезжать.

Прощайте скалы полевые,
я вас часами наблюдал.
Прощайте бабочки живые,
я с вами вместе голодал.
Прощайте камни, прощайте тучи,
я вас любил и я вас мучил.

<Он> с тоской и с запоздалым раскаяньем начал рассматривать концы трав.

Прощайте славные концы.
Прощай цветок. Прощай вода.
Бегут почтовые гонцы,
бежит судьба, бежит беда.
Я в поле пленником ходил,
я обнимал в лесу тропу,
я рыбу по утрам будил,
дубов распугивал толпу,
дубов гробовый видел дом
и песню вел вокруг с трудом.

<Он во>ображает и вспоминает как он бывало или небывало выходил на реку.

Я приходил к тебе река.
Прощай река. Дрожит рука.

Ты вся блестела, вся текла,
и я стоял перед тобой,
в кафтан одетый из стекла,
и слушал твой речной прибор.
Как сладко было мне входить
в тебя и снова выходить.
Как сладко было мне входить
в себя и снова выходить,
где как чижи дубы шумели,
дубы безумные умели
дубы шуметь лишь еле-еле.

Но здесь он прикидывает в уме, что было бы если бы он увидал и море.

Море прощай. Прощай песок.
О горный край как ты высок.
Пусть волны бьют. Пусть брызжет пена,
на камне я сижу, всё с д<удко>й,
а море плещет постепе<нно.>
И всё на море далеко.
И всё от моря далеко.
Бежит забота скучной <ш>уткой.
Расстаться с морем нелегко.
Море прощай. Прощай рай.
О как ты высок горный край.

О последнем что есть в природе он тоже вспомнил.
Он вспомнил о пустыне.

Прощайте и вы
пустыни и львы.

И так попрощавшись со всеми он аккуратно сложил оружие и вынув из кармана висок выстрелил себе в голову.

<И ту>т состоялась часть вторая — прощание всех с одним.

Деревья как крыльями взмахнули <с>воими руками.
Они обдумали, что могли и ответили:

Ты нас посещал. Зрите,

он умер и все умрите.
Он нас принимал за минуты,
потертый, помятый, погнутый.
Скитающийся без ума
как ледяная зима.

Что же он сообщает теперь деревьям. — Ничего — он *цепенеет*.

Скалы или камни не сдвинулись с места. Они молчанием и умолчанием и отсутствием звука внушали и нам и вам и ему.

Спи. Прощай. Пришел конец.
За тобой пришел гонец.
Он пришел последний час.
Господи помилуй нас.
Господи помилуй нас.
Господи помилуй нас.

Что же он возражает теперь камням. — Ничего — он *леденеет*. Рыбы и дубы подарили ему виноградную кисть и небольшое количество последней радости.

Дубы сказали: — Мы растем.
Рыбы сказали: — Мы плывем.
Дубы спросили: — Который час.
Рыбы сказали: — Помилуй и нас.

Что же он скажет рыбам и дубам: — Он не сумеет сказать спасибо.

Река властно бежавшая по земле. Река властно текущая. Река властно несущая свои волны. Река как царь. Она прощалась так, что. Вот так. А он лежал как тетрадка на самом ее берегу.

Прощай тетрадь.
Неприятно и нелегко умирать.
Прощай мир. Прощай рай.
Ты очень далек человеческий край.

Что сделает он реке? — Ничего — он *каменеет*.
И море ослабевшее от своих долгих бурь с сожалением

созерцало смерть. Имело ли это море слабый вид орда. — Нет оно его не имело.

Взглянет ли он на море? — Нет он не может.

Но — чу! вдруг затрубили где-то — не то дикари не то нет. Он взглянул на людей.

Когда

Когда он приотворил распухшие свои глаза, он глаза свои приоткрыл. Он припомнил всё как есть наизусть. Я забыл попрощаться с прочим, т. е. он забыл попрощаться с прочим. Тут он вспомнил, он припомнил весь миг своей смерти. Все эти шестерки, пятерки. Всю ту — суету. Всю рифму. Которая была ему верная подруга, как сказал до него Пушкин. Ах Пушкин, Пушкин, тот самый Пушкин, который жил до него. Тут тень всеобщего отвращения лежала на всем. Тут тень всеобщего лежала на всем. Тут тень лежала на всем. Он ничего не понял, но он воздержался. И дикари, а может и не дикари, с плачем похожим на шелест дубов, на жужжанье пчел, на плеск волн, на молчанье камней и на вид пустыни, держа тарелки над головами, вышли и неторопливо спустились с вершин на немногочисленную землю. Ах Пушкин. Пушкин.

< Всѣ >

1941

Даниил Иванович Хармс (Ювачев) родился 17 (30) декабря 1905 года в Петербурге в семье человека не менее необычного, чем суждено было стать ему самому. Его отец Иван Павлович Ювачев, морской офицер, ставший народовольцем, был в 1883 году по делу «23-х» приговорен к заключению в Шлиссельбургской крепости. После четырех лет, проведенных в одиночной камере, он был выслан ссыльнокопаторжным на Сахалин, где оставался двенадцать лет, там он встретился с А. П. Чеховым, который упоминает его в своей книге «Остров Сахалин». По возвращении в Петербург (в 1903 году) И. П. Ювачев стал заниматься литературным трудом, печатался в различных журналах, под разными псевдонимами, выпустил книги «Восемь лет на Сахалине» (1901) и «Шлиссельбургская крепость» (1907), а также несколько брошюр на религиозно-нравственные темы. Мать Д. И. Хармса, Надежда Ивановна Колюбакина, происходившая из дворянской семьи, в 1900-х годах завела приютом для бывших каторжанок в Петербурге.

Д. И. Хармс учился сначала в Петершule (привилегированной немецкой школе в Петербурге), а в 1924 году окончил Детскосельскую единую трудовую школу (бывшую Мариинскую гимназию в Царском Селе), директором которой была его тетка, Наталья Ивановна Колюбакина, — сохранилось несколько интереснейших писем к ней Хармса. В 1925 году Хармс знакомится с А. Введенским, с чьим путем в искусстве теснейшим образом переплетается его литературная судьба. Оба поэта принимают участие в группе заумников, вместе сочиняют пьесу для театра «Радикс», вместе организуют ОБЭРИУ (см. вступит. статью). Следует подчеркнуть, что инициатива их участия едва ли не во всех совместных начинаниях принадлежала именно Хармсу и именно Хармс был душой ОБЭРИУ.

Как и Введенский, Хармс, если не считать двух стихотворений, опубликованных в 1926—1927 годах (см. примеч. 31 и 36), и десятка детских книг, которыми он зарабатывал себе на хлеб, как поэт при жизни не печатался. В 1928 году на обэриутском вечере «Три левых часа» была поставлена его пьеса «Елизавета Бам». После окончательного разгрома ОБЭРИУ в 1930 году Хармс вместе с Введенским подвергается высылке, по возвращении из которой их общение замыкается в небольшом кругу друзей-единомышленников — философов и поэтов.

Необыкновенна судьба и женщин, на которых был женат Хармс. Его первая жена Эстер Александровна Русакова выросла во Франции — она происходила из семьи политических эмигрантов, после революции вернувшихся в Россию. Ее брат, Поль Марсель, был популярным в 1920-е годы композитором; вся семья была репрессирована. В 1934 году Хармс женился на Марине Владимировне Малич, которая после гибели Хармса была увезена из оккупации в плен в Германию, оттуда попала в Париж, а затем жила в Венесуэле.

Первая ссылка Хармса совпадает для него с внутренним кризисом, в результате которого он почти перестает писать стихи. Его внимание направлено преимущественно на прозу, в области которой он создает несколько замечательных произведений — цикл рассказов «Случаи», повесть «Старуха».

Точно так же как и Введенский, Хармс подвергается 23 августа 1941 года превентивному аресту, отягощенному обвинением в антисоветской агитации и в распространении пораженческих слухов. Во время следствия он выдает себя за сумасшедшего, что спасает его от смертной казни. Однако для принудительного лечения его направляют в тюремную психиатрическую больницу, где он, согласно официальным сведениям, погиб 2 февраля 1942 года.

31. (СЛУЧАЙ НА ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ)

Как-то бабушка махнула
и тот час же паровоз
детям подал и сказал:
пейте кашу и сундук.
Утром дети шли назад
сели дети на забор
и сказали: воронбй
поработай, я не буду,
Маша тоже не такая.
Как хотите может быть
мы залижем и песочек
то что небо выразило
вылезайте на вокзале
здравствуй здравствуй Грузия
как нам выйти из нее
мимо этого большого
не забора — ах вы дети —
вырастала палеандра
и влетая на вагоны
перемыла не того
что налима с перепугу

оградил семью волами
вынул деньги из кармана
деньги серые в лице.

Ну так вот, а дальше прели
все супа — сказала тетя
все чижи — сказал покойник
даже тело опустилось
и чирикало любезно,
но зато немного скучно
и как будто бы назад.

Дети слушали обедню
надевая на плечо
мышка бегала в передник
раздирая два плеча

а грузинка на пороге
все твердила. — А грузин
перегнувшись под горою
шарил пальцами в грязи.

1926

32

В репей закутанная лошадь
как репа из носу валилась
к утру лишь отперли конюшни
так заповедал сам Ефрейтор.
Он в чистом галстуке
и сквозь решетку
во рту на золоте царпин шесть
едва откинув одеяло ползает
и слышит бабушка
под фонарями свист.
И слышит бабушка ушами мягкими
как кони брызгают слюной
и как давно земля горелая
стоит горбом на трех китах.
Но вдруг Ефрейтора супруга
замрет в объятиях упругих?
Как тихо станет конь презренный
в лицо накрашенной измене
творить акафисты по кругу
и поджидать свою подругу.
Но взора глаз не терпит стража

его последние слова.
Как он суров и детям страшен
и в жилах бьется кровь славян
и видит он: его голубка
лежит на грязной мостовой
и зонтик ломаный и юбку
и гребень в волосе простой.
Артур любимый верно снится
в бобровой шапке утром ей
и вот уже дрожат ресницы
и ноги ходят по траве.

1—2 мая 1926

33. КОНЕЦ ГЕРОЯ

Живи хвостом сухих корней
за миром брошенных творений
бросая камни в небо в воду ль
держась пустынником поодаль.
В красе бушующих румян
хлещи отравленным ура.
— Призыва нежный Алатырь
и Бога черный монастырь.
Шумит ребячая проказа
до девки 107-го раза
и латы воина шумят
при пухлом шепоте шулят.
Сады плодов и винограда
вокруг широкая ограда.
Мелькает девушка в окне
Софокл вдруг подходит к ней:
не мучь передника рукою
и цвет волос своих не мучь
твоя рука жару прогонит
и дядька вынырнет из туч.
И вмиг разбившись на матрасе
восстанет молод и прекрасен
и стоком бережных имян
как Водолей пронзит меня.
Сухое дерево ломалось
она в окне своем пугалась
бросала стражу и дозор
и щеки красила в позор.
Уж день вертелся в двери эти
шуты плясали в оперетте

и ловкий крик пугливых дам
кричал: я честь свою отдам!
Под стук и лепет колотушек
дита свечу свою потушит
потом идет в леса укропа
куриный дом и бабий ропот.
Крутя усы бежит полковник
минутной храбростью кичась —
— Сударыня, я ваш поклонник
скажите мне, который час?
Она же взяв часы тугие
и не взирая на него
не слышит жалобы другие
повелевает выйти вон.
! а я под знаменем в бою
плюю в колодец и пою:
пусть ветер палубу колышет
пусть ветра стык моряк не слышит.
Пусть дева плачет о зиме
и молоко дает змее.
Я опростясь сухим приветом
стелю кровать себе при этом
бросая в небо дерзкий глас
и проходя четвертый класс.
Из леса выпрыгнет метелка
умрет в углу моя светелка
восстанет мертвый на помост
с блином во рту промчится пост.
Как жнец над пряхою не дышит
как пряха нож вздымает выше —
не слышу я и не гляжу
как пес под знаменем лежу.
Но виден мне конец героя
глаза распухшие от крови
могилу с имянем попа
и звон копающих лопат.
И виден мне келейник ровный
упряжка скучная и дровни
ковер раскинутых саней
лихая кичка: поскорей!
Конец не так моя Розалья:
пройдя всего лишь жизни треть
его схватили и связали
а дальше я не стал смотреть.

И запотев в могучем росте
всегда ликующий такой —
никто не скажет и не спросит
и не помянет за упокой.

Всё

Май 1926

34. ПРОРОК С АНИЧКИНА МОСТА

Где скакуны поводья рвут
согнув хребты мостами
пророк дерзает вниз ко рву
сойти прохладными устами.
О непокорный! Что же ты
глядишь на взмыленную воду?
Теребит буря твой хохол
потом щеку облобызает.
Тебя девический обман
не веселит. Мечты бесскладно
придут порой. Веслом о берег
стукнет всадник.
Уж пуст — челнок.
Уж тучен — гребень.
И, тщетно требуя поймать
в реке сапог, рыдает мать.
Ей девочка приносит завтрак
бутылку молока и сыр.
А в сумке прячет на завтра
его красивые усы.
В трактире кончилась попойка.
Заря повисла над мостом.
Фома ненужную копейку
бросает в воду. Ночь прошла.
И девочка снимает платье,
кольцо и головной убор,
свистит как я в четыре пальца
и прыгает через забор.
Ищи! Никто тебе помехой
не встанет на пути твоём.
Она ушла, а он уехал
и вновь вернулись вдвоем.
Как загорели щеки их!
Как взгляд послушный вдруг притих!
За ними горница пуста.

И растворились их уста:
«Мы плыли ночью. Было тихо.
Я пела песню. Милый греб.
Но вдруг ныряет тигр плавучий
пред нашей лодкой поперек.
Я огляделась вокруг. Фонтанка
проснувшись знаменье творит.
За полночь звякают стаканы.
Мой брат стучится: отвори!
Всю ночь катались волны мимо.
Купался зверь. Пустела даль.
Бежали дети. А за ними
несли корону и медаль.
И вот, где кони рвут поводья,
согнув хребты сбегают вниз,
ноздрями красными поводят
и бьют копытом седока, —
мы голос ласковый слышали.
Земля вертелась в голос тот.
И гром и буря утихали
и платье сохло на ветру.
И волчьим шагом оступаясь
на мост восходит горд и лих
пророк. А мы не плыли дальше
на брег скакая женихом».

Всё

1926

35. ВИКТОРУ ВЛАДИМИРОВИЧУ ХЛЕБНИКОВУ

Ногу за ногу заложив
Велимир сидит. Он жив.

Всё

1926

36. СТИХ ПЕТРА-ЯШКИНА-КОММУНИСТА

Мы бежали как сажени
на последнее сраженье
наши пики притупились
мы сидели у костра
реки сохли под ногою
мы кричали: мы нагоним!

плечи дурые высоки
морда белая востра

но дорога не платочек
и винтовку не наточишь
мы пускали наши взоры
версты скорые считать
небо падало завесой
опускалося за лесом
камни прыгали в лопату
месяц солнцу не чета́

сколько времени не знаю
мы гнались за возами
только ноги подкосились
вышла пена на уста
наши очи опустели
мох казался нам постелью
но сказали мы нарочно
чтоб никто не отставал:
на последнее сраженье
мы бежали как сажени
как сажени мы бежали
! пропадай кому не жаль!

Всё

1926

37

Берег правый международный
своемудрием сердитый
обойденный мной и сыном.
Чисты щеки. Жарки воды.
Рыбы куцые сардинки.
Клич военный облак дыма
не прервет могучим басом
не родит героя в латах.
Только стражника посуда
опорожнится в лохань
да в реке проклятый Неман
кинет вызов шестипалый
и бобер ему на спину
носом врежется как шлюпка.
А потом беря зажим
сын военного призванья

робкой девицы признание
с холма мудрого седла
наклоня тугую шею
ей внимает бригадир
бомбардейский командир.
Запирает палисад
Марья-ключница. И вот
из морей тягучих вод
слава Богу наконец
выбирается пловец
как народ ему лепечет
и трясется на него
осудя руки калачик
непокорного раба
яхты нежные кочуют
над волнами поплавком
раскрываются пучины
перед ним невдалеке.

24 мая 1926—январь 1927

38. ДОЧЬ СОКОЛЬСКОГО

Ловцы гоняют псов
охота происходит
сверкают лица без усов
паркеты очень скользки
хозяин тут ногами бродит
зовут его Сокольский
а дочь его нехороша
с французом убежала
когда о том узнала мать
то бабушка рыдала
глотала сахарный раствор
пыталась ногти обломать
и даже вся пришла в восторг
желая к вечеру поймать
ходили письма на облаках
из города в корчму и ближе
валялась бабушка в ногах
а дочь соскучилась в Париже
тут бал. Вертятся шалуны
но дочь отсутствует. За дверью осень
старушка плачет у волны
ей помогают генералов восемь

вот безумный океан
вихрь держит на поводу
муж покойный Лукиан
скромно ерзает в Аду
где же дочь моя скажи
перебрось твои рога
бабка плачет и дрожит
и выпрямляется строга
трубит Сокольский на конях
он скачет над обрывом
мчится по небу в саях
чихает мелким дыбом
француза ловит за родник
к окну его подносит
на воздух тянется воротник
француз диябла просит
взмахнув руками по бокам
как птица над водой
он улыбается богам
французик молодой
мелькнула грешная река
теперь она безводна
сломалась ненужная рука
Сокольская свободна
ее супруг в окно убит
домой она спешила
пошла к портнихе. Портниха спит
и кофточку не сшила
ах как же я приду на бал
устроенный отцом
мой муж за форточку упал
но был он молодцом
уж скоро птицы говорят
засохнет окиян
пойду-ка я в горячий ад
там ждет меня Лукьян
а с милым гладко и в аду
прощай отец и мать
я в мир загробный перейду
и больше меня не поймать.

Всё

24—27 ноября 1926—ноябрь 1927

Д.И. Кармелю

К. Малевич.

К Малевичу

16
Фр 272

Кудате

и остальным своим ученикам

Бог не скинут.

Искусство,
церковь,
фабрика.

Издание УНОВИС.

В И Т Е Б С К.

Показательная Типография Проф -Тех. школы.

1922.

39. ПОЖАР

Комната. Комната горит.
Дитя торчит из колыбели
съедает кашу. Наверху
под самым потолком
заснула нянька кувырком.
Горит стена. Посуда ходит
бежит отец. Отец: «Пожар!
вон мой мальчик мальчик Петя
как воздушный бьется шар.
Где б найти мне обезьяну
вместо сына?» Вместо стен
печи вострые на небо
дым пускают сквозь трубу
нянька сонная стрекочет.
Нянька: «Где я, что со мной?
мир становится короче
Петя призраком летит».
Нянька рыскает волчицей
съест морковку на пути
выпьет кофе дальше мчится
в двери пробует уйти.
Колет скúпые орехи
нянька быстрая в дверях
мчится кофточкой по саду
вдоль железного плетня
после бегаёт в испуге
ищет Петю и гамак.
«Где ж ты Петя мальчик милый
что ж ты каши не доел?»
— «Няня, я сгораю, няня!»
Няня смотрит в колыбель
нет его. Глядит в замочек
видит: комната пуста
дым клубами ходит в окна
стены тощие как пух
над карнизом пламя вьется
тут же гром и дождик льется
и в груди сжимает дух.

Всё

20 февраля 1927

А. И. Введенскому

В смешную ванну падал друг
 стена кружилась вокруг
 корова чудная плыла
 над домом улица была
 и друг мелькая на песке
 ходил по комнатам в носке
 вертя как фокусник рукой
 то левой, а потом другой
 потом кидался на постель
 когда в болотах коростель
 чирикал шапочкой и выл
 уже мой друг не в ванне был.

5 марта 1927

41. ИСКУШЕНИЕ

К. С. Малевичу

Ч е т ы р е д е в к и на пороге:

Нам у двери ноги ломит —
 дернем сестры за кольцо.
 Ты взойди на холмик тут же
 скинь рубашку с голых плеч.
 Ты взойди на холмик тут же
 скинь рубашку с голых плеч.

Ч е т ы р е д е в к и сойдя с порога:

Были мы на том пороге
 песни пели. А теперь
 не печальтесь вы подруги
 скинем плечи с косяка.

Х о р:

Вас четыре. Мы же только
 скинем плечи с косяка.

Ч е т ы р е д е в к и в перспективе:

Наши руки многогранны

наши головы седы
повернув глаза к востоку
видим нежные следы.
Лишь податься на аршин
с незапамятных вершин —
всё исчезнет как плита
будет клумба полита.
Мы же хвалимся нарядом
мы ликуем целый день.
Ты взойди на холмик рядом
плечи круглые раздень.
Ты взойди на холмик рядом
плечи круглые раздень!

Ч е т ы р е д е в к и исчезнув и замолчав:

ГРОХ-ХО-ЧЧА!

П о л к о в н и к перед зеркалом:

Усы завейтесь, шагом марш!
Приникни сабля к моим ногам!
ты гребень волос
рас-че-ши!
А я российский кавалер не двинусь.
Лень мне или что
не знаю сам.
Вертись хохол!
спадай в тарелку борода!
Уйду чтоб шпорой прозвенеть
и взять чужие города.

О д н а и з д е в и ц:

Полковник вы расстроены?

П о л к о в н и к:

О нет. Я плохо выпался.
А вы?

Д е в и ц а:

А я расстроена увы.

П о л к о в н и к:

Мне жалко вас

но есть надежда
что это всё пройдет.
Я вам советую развлечься.
Хотите в лес?

Там сосны жутки.
Иль может в оперу?

Тогда:

я выпишу из Англии карету
и даже кучера
куплю билеты
и мы поедем на дрезине
смотреть принцессу в апельсине.
Я знаю вы совсем ребенок
боитесь близости со мной
но я люблю вас...

Д е в и ц а:

Прочь нахал!

*Полковник ручкой помахал
и вышел зубом скрежеща
как дым выходит из прыща.*

Д е в и ц а:

Подруги где вы? где вы?

*Пришли четыре девы
сказали: ты звала?*

Д е в и ц а (в сторону): Я зла!

Ч е т ы р е д е в и ц ы на подоконнике:

Ты не хочешь нас Елена
мы уйдем. Прощай сестра.
Как смешно твое колено
ножка белая востра.
Мы стоим твои подруги
места нету нам прилечь,
ты взойди на холмик круглый
скинь рубашку с голых плеч.
Ты взойди на холмик круглый
скинь рубашку с голых плеч.

Ч е т ы р е д е в и ц ы сойдя с подоконника:

Наши руки поднимались
наши головы текли
юбки серенькие бились
на просторном сквозняке.

Х о р:

Эй вы, там не простудитесь
на просторном сквозняке.

Ч е т ы р е д е в и ц ы глядя в микроскоп:

Мы глядели друг за другом
в нехороший микроскоп
что там было мы не скажем
мы теперь без языка.
Только было там крылечко
виля холмик золотой
под холмом бежала речка
и девица за водой.
Говорил тогда полковник
глядя вслед и горячо:
Ты взойди на этот холмик
обнажи свое плечо,
ты взойди на этот холмик
обнажи свое плечо.

Ч е т ы р е д е в и ц ы исчезнув и замолчав:

? ПОЧ-ЧЕМ-МУ !?

Весна 1927

42. СЕРЕНАДА

Выходит Мария отвесив поклон
Мария выходит с тоской на крыльцо
а мы забежав на высокий балкон
поем опуская в тарелку лицо.
Мария глядит
и рукой шевелит
и тонкой ногой попирает листы
а мы за гитарой поем да поем

да в ухо трубим непокорной жене.
Над нами встают золотые дымы
за нашей спиной пробегают коты
поем и свистим на балкончике мы
но смотришь уныло за дерево ты.
Остался потом башмачок да платок
да реюший в воздухе круглый балкон
да в бурное небо торчит потолок.
Выходит Мария отвесив поклон
и тихо ступает Мария в траву
и видит цветочек на тонком стебле
она говорит: «Я тебя не сорву
я только пройду поклонившись тебе».
А мы забежав на балкон высоко
кричим: «Поклонись!» — и гитарой трясем
Мария глядит
и рукой шевелит
и вдруг поклонившись бежит на крыльцо
и тонкой ногой попирает листы.
А мы за гитарой поем да поем
да в ухо трубим непокорной жене
да в бурное небо кидаем глаза.

Всё

12 октября 1927

43. ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА НА ВЕТРУ

Посвящаю Эрике

В лесу меж сосен ехал всадник,
храня улыбку вдоль щеки,
тряслась нога, звенели складки,
волос кружились червяки.
Конь прыгнул, поднимая тело
над быстрой скважиной в лесу.
Сквозь холодный воздух брань летела.
Седок шептал: «Тебя, голубчик, я снесу
Хватит мне. Ах, эти муки,
да этот щит, да эти руки,
да этот панцирь пудов на пять,
да этот меч одервенелый.

Прощай, приятель полковой,
грызи траву. Мелькни Венерой
над этой круглой головой». Тут
А конь ругался: «Ну и ветер!
Меня подьѐмлет к облакам. Тут
Всех уложил проклятый ветер,
прочь на съедение к волкам.
С тебя шкуру снять долой,
сжечь, притворив засовом печку,
и штукой спрятать под полой. Тут
Снести и кинуть в речку,
потом ищи свою подругу,
рыб встречных тормози,
пльви, любезный мой, в Калугу
в Калуге девки хороши!» Тут
Пел конь, раздув мехи.
Седок молчал в платочек.
Конь устремил глаза в верхи,
седок собрался в маленький комочек.
«Вот жизнь, — ворчал седок, —
сам над собой не властен,
путь долог и высок,
не видать харчевни, где б остановиться,
живешь как дерева кусок,
иные могут подивиться.
Что я: сознательный предмет,
живой наездник или нет?» Тут
Конь, повернув к нему лицо:
«Твоя конусообразная голова
твой затылок, твое лицо
твои разумные слова. Тут
Но ухо конское не терпит лжи
ты лучше песнь придержи». Тут
— «Как! — закричал седок летучий.
Ты мне препятствуешь,
тварь! Тут
Смотри, я сброшу тебя с тучи,
хребет сломаю о фонарь». Тут
Но тут пронесся дикой птицей
орел двукрылый как воробей,
и всадник хитрою лисицей
себя подбадривал: «Ну, дядя, не робей». Тут
А конь смеялся: «Вот так фунт!
Скажи на милость, вот так фунт».

— «Молчи, — сказал седок прелестный, —
мы под скалой летим отвесной,
тут не до шуток,
тем более конских,
наставит шишек этот пень,
ты лучше морду трубочкой сверни».
Но конь ответил: «Мне это лень» —
и трах! губой со всего размаха.
У всадника летит папаха,
кушак, болотные сапоги!
Кричит бедняжка: «Помоги!»
Хромым плечом стучит в глину,
изображая смехотворную картину.
А конь пустился в пляску,
спешит на перевязку
и тащит легкую коляску.
В коляске той сидит детина,
под мышкой держит рысака,
глаза, спокойные как тина,
стреляют в землю свысока.
Он едет в кузницу направо,
храня улыбку вдоль щеки,
ресниц колышется грива,
волос кружатся червяки.
Он поет: «Мое ли тело
вчера по воздуху летело?
Моя ли сломанная нога
подошвой била облака,
не сам ли я вчера ругался
о том, что от почвы оторвался,
живешь и сам не знаешь — почему?
Жизнь уподоблю я мечу».
Пропев такое предложенье,
детина выскочил из брички
(он ростом в полторы сажени),
рукой поправил брючки.
Сказал: «Какие закавычки
сей день готовит для меня?»
И топнул в сторону коня.
«Ну ты, не больно топочи! —
заметил конь через очки. —
Мне такие глупачи
то же самое, что дурачки».
Но тут детина, освирепев,

в коня пустил бутылкой.
«Я зол как лев, —
сказал детина пылкий. —
Вот тебе за твое замечание».
Но конское копыто
пришло в бесконечное качание,
посыпались, как из корыта,
удары, полные вражды.
Детина падал с каждым разом
и вновь молил как жертва скуки и нужды:
«Оставь мне жизни хоть на грош,
отныне буду я хорош,
я над тобой построю катакомбу,
чтоб ветер не унес тебя».
А сам тихонько вынул бомбу.
Конь быстро согласился взмахом головы
и покатился тушей вдоль травы.
Детина рыжим кулаком
бил мух под самым потолком.
В каждом ударе чувствовалась сила,
огонь зажигался в волосах
и радость глупая сквозила
в его опущенных глазах.
Он как орел махал крылами,
улыбкой вилась часть щеки,
усы взлетели вверх орлами,
волос кружились червяки.
А конь валялся под горой,
раздув живот до самых пят.
Над ним два сокола порой
в холодном воздухе парят.

Всё

14—18 ноября 1927

44. В ГОСТЯХ У ЗАБОЛОЦКОГО

И вот я к дому подошел,
который по полю стоял,
который двери растворял.

И на ступеньку прыг! Бегу.
Потом в четвертый раз.

А дом стоит на берегу,
у берега как раз.

И вот я в дверь стучу кулак:
открой меня туды!

А дверь дубовая молчит
хозяину в живот.

Хозяин в комнате лежит
и в комнате живет.

Я в эту комнату гляжу,
потом я в комнату вхожу,
в которой дым от папирос
хватает за плечо,
да Заболоцкого рука
по комнате бежит,
берет крылатую трубу
дудит ее кругом.

Музыка пляшет. Я вхожу
в цилиндре дорогом.

Сажусь направо от себя,
хозяину смеюсь,
читаю, глядя на него,
коварные стихи.

А дом, который на реке,
который на лугах,
стоит (который вдалеке)
похожий на горах.

Всё

14 декабря 1927

45

плачь мясорубка вскачь

Январь 1928

46. ФОКУСЫ

Средь нас на палочке деревянной
сидит кукушка в сюртуке
хранит платочек румяный

в своей чешуйчатой руке
мы все как бабушка тоскуем
разинув рты глядим вперед
на табуретку золотую
и всех тотчас же страх берет
Иван Матвеевич от страха
часы в карман переложил
а Софья Павловна старуха
сидела в сокращенье жил
а Катя в форточку любясь
звериной ножкой шевеля
холодным потом обливалась
и заворачивалась в шиншиля
из-под комода ехал всадник
лицом красивый как молитва
он с малолетства был садовник
ему подруга битва
числа не помня своего
держал он курицу в зубах
Иван Матвеевича свело
загнав печенку меж рубах
а Софья Павловна строга
сидела выставив затылок
оттуда выросли рога
и сто четырнадцать бутылок
а Катя в галстукке своем
свистела в пальцы соловьем
стыдливо куталась в меха
кормила грудью жениха
но к ней кукушка наклонялась
как червь кукушка улыбалась
потом на ножки становилась
да так что Катя удивилась
от удивленья задрожала
и как тарелка убежала.

Всё

2 мая 1928

47. МАМА НЯМА АМАНЯ

Гахи глели на меня
сынды плавали во мне
где ты мама, мама Няма

мама дома мамамед!
Во болото во овраг
во летает тетервак
тертый тетер на току
твердый пламень едоку.
Твердый пламень едока
ложи вилки. Рот развей.
Стяга строже. Но пока
звигень зветен соловей
сао соо сию се
коги доги до ноги
некел тыкал мыкал выкал
мама Няма помоги!
Ибо сынды мне внутри
колют пики не понять
ибо гахи раз два три
хотят девочку отнять.

Всё

4 августа 1928

48. ПАДЕНИЕ С МОСТА

Окно выходит на пустырь
квадратный как пирог
где на сучке висит нетопырь.
Возьми свое перо.
Тогда Степанов на лугу
посмотрит в небо сквозь трубу
а Малахов на берегу
посмотрит в море на бегу.
Нам из комнаты не видать
какая рыба спит в воде
где нетопырь полночный тать
порой живет, и рыбы где.
А с улицы видней
особенно с моста
какая зыбь играет камушком у рыбьего хвоста.
Беги Степанов дорогой
скачи коварный Малахов
рыб лови рукой.
Тут лошадь без подков

в корыто мечет седока.
Степанов пр и Малахов
грохочут за бока.
А рыба в море
жрет водяные огурцы.
Ну да, Степанов и Малахов
большие молодцы!
Я в комнате лежу с тобой
с астрономической трубой
в окно гляжу на брег досчатый
где Малахов и герр Степанов
открыли материк.
Там я построю домик
чтоб не сидеть под ливнем без покрыва
а возле домика стоит
уже готовая корова.
Пойду. Прощайте. Утоплюсь.
Я Фердинанд. Я герр Степанов.
Я Малахов. Пойду гулять в кафтане
и рыб ловить в фонтане.
Вот мост. Внизу вода.
БУХ!
Это я в воду полетел.
Вода фигурами сложилась.
Таков был мой удел.

Всё

5 августа 1928

49. ОССА

На потолке сидела муха
ее мне видно из кровати
она совсем уже старуха
сидит и нюхает ладонь;
я в сапоги скорей оделся
и второпях надел папаху
поймал дубинку и по мухе
закрыв глаза хватил со всего размаху.
Но тут увидел на косяке
свинью сидящую калачом
ударил я свинью дубинкой,

а ей как видно нипочем.
На печке славный Каратыгин
прицелил в ухо пистолет

ХЛОПНУЛ ВЫСТРЕЛ

Я прочитал в печатной книге,
что Каратыгину без малого сто лет
и к печке повернувшись быстро
подумал: верно умер старичок
оставив правнукам в наследство
пустой как штука сундучок.
(Предмет в котором нет материи
не существует как рука
он бродит в воздухе потерянный
вокруг него элементарная кора).
Быть может в сундучке лежал квадратик
похожий на плотину.
Быть может в сундучке сидел солдатик
и охранял эфира скучную картину
мерцая по бокам шинелью волосатой
глядел насупив переносицу
как по стенам бегут сухие поросята.
В солдатской голове большие мысли носятся:
играет муха на потолке
марш конца вещей.
Висит подсвечник на потолке,
а потому прощай.
Покончу жизнь палашом —
всё можно написать зеленым карандашом.
На голове взовьются волосы
когда в ногах почувешь полосы.
Стоп. Михайлы начали расти
качаясь при вдыхании премудрости.
Потом счисляются минуты
они неважны и немноги.
Уже прохладны и разуты
как в пробужденье видны ноги.
Тут мысли внешние съедая
«Приехали. Застава», —
сказала бабушка седая
характера простова.
Толкнув нечаяно Михаила
я проговорил: ты пьешь боржом,
всё можно написать зеленым карандашом.

Вот так Тамара
дала священный альдюмениум
зеленого кома́ра.
Стоп. Разошлось по конусу
летало ветром по носу.
весь человеческий остов
одно смыкание пластов
рыба плуст
торчит из мертвых уст
человек растет как куст
вместо носа
трепещет о́сса
в углу сидит свеча Матильда голышом —
Всё можно написать зеленым карандашом.

6 августа 1928

50

Чтоб шар уселся у Кремля
поляна круглая готова
до самых пят она кругла
вокруг темно. О ночь китова!

31 октября 1928

51. ПОЛЕТ В НЕБЕСА

М а т ь:

На одной ноге скакала
и плясала я кругом
бессердечного ракала
но в объятиях с врагом
Вася в даче на народе
шевелил метлой ковры
я качалась в огороде
без движенья головы
но лежал дремучий порох
под ударом светлых шпор
Вася! Вася! этот ворох
умету его во двор.
Вася взвыл беря метелку

и садясь в нее верхом
он забыл мою светелку
улетел и слеп и хром.

В а с я:

Оторвался океан
темен, лих и окаян.
Затопил собою мир
высох беден, скуп и сир.
В этих бурях плавал дух
развлекаясь нем и глух
на земной взирая шар
полон хлама, слаб и стар.

Вася крыл над пастухом
на метле несясь верхом.
Над пшеницей восходя
молоток его ладья.
Он бубенчиком звенел
быстр, ловок, юн и смел
озираясь — это дрянь.

В с е хором:

Вася, в небе не застрянь.

П а с т у х, залезая в воду:

Боже крепкий — ого-го!
Кто несется высоко?
Дай взгляну через кулак
сквозь лепешку и вот так
брошу глазом из бровей
под комету и правой
гляну в тучу из воды
не закапав бороды.

В а с я сверху:

Сколько верст ушло в затылок
скоро в солнце стукнусь я
разобьюсь горяч и пылок
и погибнет жизнь моя.
Пастуха приятный глас
долетел и уколел

слышу я в последний раз
человеческий глагол.

М а т ь, выбегая из огорода:

Где мой Вася отрочат
мой потомок и костыль.
Звери ходят и молчат
в небо взвился уж не ты ль?
Уж не ты ль покинул дом
поле сад и огород?
Не в тебя ль ударил гром
из небесных из ворот?
Мне остался лишь ракал
враг и трепет головы
ты на воздух ускакал
оторвавшись от травы.
Наша кузница сдана
в отходную кабалу.
Это порох-сатана
разорвался на полу.
Что мне делать! Боже мой
видишь слезы на глазах?
Где мой Вася дорогой?

В с е хором:

Он застрял на небесах.

Всё

22 января 1929

52

До того ли что в раю
Бог на дереве сидит
я же вам и говорю
ты повторяешь он твердит
она поет
ему лежит
ее пошел
на нем бежит
в ушах банан
в дверях пузырь

в лесу кабан
в болоте пыль
в болоте смех
в болоте шарабан
скачет мавр
сзади всех
за ним еще бежит кабан
и сзади пыль
а дальше смех
а там несется шарабан
скачет конь
а сзади всех
несется по лесу кабан.

18 апреля 1929

53. ОВЦА

I

Гуляла белая овца
блуждала белая овца
кричала в поле над рекой
звала ягнят и мелких птиц
махала белой рукой
передо мной лежала ниц
звала меня ступить в траву
а там в траве маша рукой
гуляла белая овца
блуждала белая овца.

II

Ты знаешь белая овца
ты веришь белая овца
стоит в коронах у плиты
совсем такая же как ты.
Как будто я с тобой дружу
короны светлые держу
над нами ты а сверху я
а выше дом на трех столбах
а дальше белая овца
гуляет белая овца.

Гуляет белая овца
 за нею ходит козерог
 с большим лицом в кругу святых
 в лохматой сумке как земля
 стоит на пастбище как дом
 внизу земля, а сверху гром
 а сбоку мы, кругом земля
 над нами Бог в кругу святых
 а выше белая овца
 гуляет белая овца.

22 мая 1929

54. ВАННА АРХИМЕДА

— Эй, Махмет,
 гони мочало,
 мыло дай сюда, Махмет, —
 крикнул, тря свои чресала,
 в ванне сидя, Архимед.
 — Вот, извольте, Архимед,
 вам суворовскую мазь.
 — Ладно, — молвил Архимед, —
 сам ко мне ты в ванну влазь. —
 Влез Махмет на подоконник,
 расчесал волос пучки,
 Архимед же греховодник
 осторожно снял очки.
 Тут Махмет подпрыгнул.
 — Мама! —
 крикнул мокрый Архимед.
 С высоты огромной прямо
 в ванну шлепнулся Махмет.
 — В наше время нет вопросов,
 каждый сам себе вопрос, —
 говорил мудрец курносый,
 в ванне сидя как барбос.
 — Я, к примеру, наблюдаю
 все научные статьи,
 в размышлениях витаю
 по три дня и по пяти,

целый год не слышу крика, —
веско молвил Архимед, —
но, — прибавил он, — потри-ка
мой затылок и хребет.
Впрочем, да, — сказал потом он, —
и в искусстве, впрочем, да,
я туда, в искусстве оном,
погружаюсь иногда.
Как-то я среди обеда
прочитал в календаре —
выйдет «Ванна Архимеда»
в декабре иль в январе, —
Архимед сказал утрюмо
и бородку в косу вил.
— Да, Махмет, не фунт изюму, —
вдруг он при-со-во-купил.
— Да, Махмет, не фунт гороху
в посрамленье умереть,
я в науке сделал кроху,
а теперь загажен ведь.
Я загажен именами
знаменитейших особ
и скажу тебе меж нами —
формалистами в особь.
Но и проза подкачала,
да, Махмет, Махмет, Махмет.
Эй, Махмет, гони мочало! —
басом крикнул Архимед.
— Вот оно, — сказал Махмет.
— Вымыть вас? — промолвил он.
— Нет, — ответил Архимед
и прибавил — вылазь вон.

Всё

1 октября 1929

55

Все все все деревья пиф
все все все каменья паф
вся вся вся природа пуф.

Все все все девицы пиф
все все все мужчины паф
вся вся вся женитьба пуф.

Все все все славяне пиф
все все все евреи паф
вся вся вся Россия пуф.

Октябрь 1929

56

Нева течет вдоль Академии,
днем светлая,
немая после обеда.
К шести часам Нева — лопата
на карте города лежит как на тарелке.
Святые рыбы
туземцы водяного бреда
плывут как стрелки
огибая остров,
уходят в море под парами,
плывут вдоль берега крутого
уже фарфоровыми горами.
Их не догонишь, холодных беглянок,
они плывут у Гельгоганда
где финские воды плывут меж полянок,
озер голубая гирлянда,
где бедные птицы кривыми ножами
сидят положив море в яму,
чтобы создать по краям
подобие берегов.
Как в чашке цветок сидит сбоку,
где рыба в центре пирогов
жиром тушит вкус каши.
Обратный путь в море
на лодке с веслом
плыть храбро в Неву,
где родители наши.
Где для вас,
для нас,
для них
наши воды лезут в трубы,

через кран бегут в кувшин,
мы подходим точно рыбы,
точно саблю воды глотаем,
точно камни сторожим,
точно воздух в печке таем,
точно дети в дом бежим.
Вы подносите нам карту
наших славных чудных мест,
мы кладем ее на парту
моря Финского окрест.

Октябрь 1929

57. I РАЗРУШЕНИЕ

Неделя — вкратце духа путь.
Неделя — вешка, знак семи.
Неделя — великана дуля.
Неделя — в буквах неделима.
Так неделимая неделя
для дела дни на доли делит,
в буднях дела дикой воли
наше тело в ложе тянет.

Нам неделя длится долго,
мы уходим в понедельник,
мы трудимся до субботы,
совершая дело в будни.

Но, неделю сокращая,
увеличим свой покой:
через равный промежуток
сундучок в четыре дня. —
Видишь, день свободных шуток
годом дело догоня,
видишь, новая неделя
стала разумом делима,
как ладонь из пяти пальцев —
стало время течь неумолимо.

Так мы строим время счет
по закону наших тел.
Время заново течет.
для удобства наших дел.

Неделя — стала нами делима.
Неделя — дней значок пяти.
Неделя — великана дуля.
Неделя — в путь летит как пуля.
Ура, короткая неделя,
ты всё утратила!
И теперь можно приступить к следующему
разрушению.

Всё

6—21 ноября 1929

58

С о л о в е й, скатываясь в ящик:

Я пел
теперь я стрел
а ты песок
твой лоб высок
согни хребет
земля кругла
в ней дыр и скважин
больше орла
ты в землю пяткой друг посажен
лежишь в пустыне желт и важен
заметен в небе твой лоскут
в тебе картошку запекут
я кончил петь
пора летать
орла в кастрюле свежевать
и в землю ткнуть орлиный хрящик
не то меня запрячут в ящик.

4 января 1930

59

Одинокий Б е д у и н, глядя на летящий песок:

Вон песок летит, арабы,
очи нам засыпет он.
Скрыться, люди, ах куда бы,
только б сгинул этот сон.

Х о р б е д у и н о в и а р х а н г е л о в :

Эх, ухнем по песку,
расшвыряем глупую тоску!

Одинокий Б е д у и н :

Птичка там в песок попала,
вверх животиком летит.
Птичка бедная пропала,
даже конь мой не глядит.

Х о р :

Эх, ухнем по песку,
расшвыряем глупую тоску!

Всё

11 января 1930

60

Жил мельник
дочь его Агнесса
в кругу зверей шутила днями
пугая скот из недр леса
ее зрочки блестят огнями.
Но мельник был свиреп и зол
Агнессу бил кнутом
возил ячмень из дальних сел
и ночью спал потом.
Агнесса мельнику в кадык
сажает утром боб
рычит Агнесса. Мельник прыг
но в двери входит поп.
Агнесса длинная садится
попа сажает рядом в стул
крылатый мельник. Он стыдится
ах если б ветер вдруг подул
и крылья мельницы вертелись
то поп Агнесса и болтун
на крыше мельника слетелись
и мельник счастлив. Он колдун.

13 января 1930

Всё наступает наконец
и так последовательность создается.
Как странно, если б два события
вдруг наступили одновременно.

З а г а д к а:

А если вместо двух событий
наступят восемь пузырьков?

О т в е т:

Тогда конечно мы б легли.

Ответ был чист и краток.
В бумагу завернули человека.
Бумаги нет. Пришла зима.

13 января 1930

62. ЗЛОЕ СОБРАНИЕ НЕВЕРНЫХ

— Не я ли, Господи? — подумали апостолы.
Вот признаки:
лицо как мышь,
крыло как нож,
ступня как парходик,
дом как семейство,
мост как полванта,
халат как бровь атланта.
Один лишь гений. Да, но кто же?
Один умен, другой тупица, третий глуп.
Но кто же гений? Боже, Боже!
Все люди бедны. Я — тулуп.

17 января 1930

63. УТРО

(Пробуждение элементов)

Бог проснулся, отпер глаз,
взял песчинку, бросил в нас.
Мы проснулись. Вышел сон.

Чуем утро. Слышим стон.
Это сонный зверь зевнул,
это скрипнул тихо стул,
это, сонный разомлев,
тянет голову сам лев.
Спит двурогая коза.
Дремлет гибкая лоза.
Вот ночную гонит лень,
изо мха встает олень,
тело стройное несет,
шкуру темную трясет.
Вон проснулся в поле пень:
значит утро, значит день.
Над землей цветок не спит,
птица пигалица летит.
Значит мы стоим в горах
в длинных брюках, в колпаках;
колпаками ловим тень,
славословим новый день.

18 января 1930

64. УЖИН

Стукнул кокер. Сто минут.
Прыгнул фокер. Бык помнут.
Вышла Кика. Нет плиты.
Здравствуй, Кика. Вот и ты.

К и к а:

Надя нам сварила чай,
мне сказала: отвечай!
Тут ответил я: колтун.
Пала дверь. Вошел колдун.

К о л д у н:

Дайте хлеба мне и нож,
я простужен — в теле дрожь.
Я контужен, стар и сед.
Познакомтесь: мой сосед.

С о с е д:

Здравствуй, Кика старикан.
Здравствуй, Надя. Дай стакан.

Здравствуй, чайник. Здравствуй дом.
Здравствуй, лампа. Здравствуй, гном.

Г н о м:

Видел я во сне горох.
Утром встал и вдруг подох.
Я подумал: ну и сон!
Входит Кока. Вот и он.

К о к а:

Ветер дул. Текла вода.
Пели птицы. Шли года.
Стукнул кокер.
Прыгнул фокер.
И пришел я к вам тогда.

В с е х о р о м:

Начнем же ужинать!

Всё

24 января 1930

С.-Петербург

65

Вам поверить
я не могу,
для этого мне надо скинуть рубаху.
Я без платья великан,
в таком виде я к вам не пойду.
Ах, целуйте меня с размаху.
Вот мои губы,
вот мои плечи,
вот мои трубы,
вот мои свечи.
Дайте мне платок —
я полезу на потолок.
Положите мне горчичник —
я забуду рукавички,
лягу спать верхом на птичник,
буду в землю класть яички.

Нам, великанам, довольно пальбы,
ваши затихли просьбы и мольбы,
настиг вас жребий дум высоких —
пробка в черепе. Вы с дыркой.
Умечали рысооких
на коне лежать под мыркой.
Недостойн, недостойн, недостойн
вашу обувь развязать.
Я в рубахе наг и строен,
я натура, так сказать.
И нет во мне той милой склонности
греть ваши ноги, о девушка,
тона девичьего «до» нести
вашего голоса, девушка.
Я строг и знатен,
хожу среди полатин,
швыряя пыль ногой —
вот я какой!
До вашего дома
иду по досочке,
а дальше ведома
толпа мной в сорочке,
и штопотом, хриплетом, банками
садимся на шпиль Петропавловской
крепости рыжими в воздух баранками.

Всё

13 февраля 1930

66. ПЕРФЕРАЦИЯ

Мы открыли наш приют
всех желающих скрипеть
и все на улице поют
во дворах которые смотреть.
Встала точка места Фи
остановка выражений
мыслей вспуганных сражений
оборвали разом Ли
те артисточки смеясь
нам кивали четвергом
но воскликнул сторож: князь
обряжаясь так в меня

он присел и наклонясь
Эм пропел меня веселя
а я потребовал принести киселя.

Всё

2 марта 1930

67. СКАВКА

Восемь человек сидят на лавке.
Вот и конец моей скавке.

1930

68

Пришла весна.
Вздулись камни.
Веселее стали нам дни.
Пришла весна,
тепло и камни.
Веселее стали нам дни.
— Тут весна! —
кричали камни,
и теплее стали нам дни.
Зачем весна
ложится в камни.
Отдавайте только нам дни.
Где весна?
Смотри на камни.
Камням ночь отдай, а нам дни.
Уходи, весна, под камни
на земле оставь лишь нам дни.

Весна 1930

69.

ЗВОНИТЬ — ЛЕТЕТЬ

(Третья цисфинитная логика)

1

Вот и дом полетел.
Вот и собака полетела.
Вот и сон полетел.

Вот и мать полетела.
Вот и сад полетел.

Конь полетел.
Баня полетела.
Шар полетел.
Вот и камень полететь.
Вот и пень полететь.
Вот и миг полететь.
Вот и круг полететь.

Дом летит.
Мать летит.
Сад летит.
Часы летать.
Рука летать.
Орлы летать.
Копье летать.
И конь летать.
И дом летать.
И точка летать.

Лоб летит.
Грудь летит.
Живот летит.
Ой, держите — ухо летит!
Ой, глядите — нос летит!
Ой, монахи, рот летит!

2

Дом звенит.
Вода звенит.
Камень около звенит.
Книга около звенит.
Мать и сын и сад звенит.
А звенит.
Б звенит.
ТО летит и ТО звенит.
Лоб звенит и летит.
Грудь звенит и летит.
Эй, монахи, рот звенит!
Эй, монахи, лоб летит!

Что лететь, но не звонить?

Звон летает и звенеть.

ТАМ летает и звонит.

Эй, монахи! мы летать!

Эй, монахи! мы лететь!

Мы лететь и ТАМ летать.

Эй, монахи! мы звонить!

Мы звонить и ТАМ звенеть.

Весна 1930

70. ТРЕТЬЯ ЦИСФИНИТНАЯ ЛОГИКА БЕСКОНЕЧНОГО НЕБЫТИЯ

Вот и Вут час.

Вот час всегда только был, а теперь только полчаса.

Нет полчаса всегда только было, а теперь только

четверть часа.

Нет четверть часа всегда только было, а теперь только

восьмушка часа.

Нет все части часа всегда только были, а теперь их

нет

Вот час.

Вут час.

Вот час всегда только был.

Вут час всегда теперь быть.

Вот и Вут час.

Весна 1930

71. НЕТЕПЕРЬ

Это есть Это.

То есть То.

Это не То.

Это не есть не Это.

Остальное либо Это, либо не Это.

Всё либо То, либо не То.

Что не То и не Это, то не Это и не То.

Что То и Это, то и себе Само.

Что себе Само, то может быть То, да не Это, либо
Это, да не То.

Это ушло в То, а То ушло в Это. Мы говорим:
«Бог дунул».

Это ушло в Это, а То ушло в То, и нам неоткуда
выйти и некуда прийти.

Это ушло в Это. Мы спросили: «Где?» Нам пропели:
«Тут».

Это вышло из Тут. Что Это? Это То.

Это есть То.

То есть Это.

Тут есть Это и То.

Тут ушло в Это, Это ушло в То, а То ушло в Тут.

Мы смотрели, но не видели.

А там стояли Это и То.

Там не Тут.

Там То.

Тут Это.

Но теперь там и Это и То.

Но теперь и тут Это и То.

Мы тоскуем и думаем и томимся.

Где же Теперь?

Теперь тут, а Теперь там, а Теперь Тут, а Теперь Тут
и Там.

Это быть То.

Тут быть Там.

Это, То, Тут, Там, Быть, Я, Мы, Бог.

29 мая 1930

72. ВЕЧЕРНЯЯ ПЕСНЬ К ИМЕНЕМ МОИМ СУЩЕСТВУЮЩЕЙ

Дочь дочери дочерей дочери Пе
дото яблоко тобой откусив тю
соблазняя Адама горы дото тобою любимая дочь
дочерей Пе.

Мать мира и мир и дитя мира су
открой духа зерна глаз
открой берегов не обернутися головой тю
открой лиственнице со престолов упавших тень

открой Ангелами поющих птиц
открой воздыхания в воздухе рассеянных ветров
низвоющих тебя призывающих тебя
любящих тебя
и в жизни желтые находящих тю.

Баня лиц твоих
баня лиц твоих
дото памяти открыв окно огляни расположенное поодаль
сосчитай двигающееся и беспокойное
и отложи на пальцах *a* неподвижные те
те неподвижные дото от движения жизнь приняв
к движению рвутся и всё же в покое спут
или быстрые говорят: от движения жизнь
но в покое смерть.

Начало и Власть поместятся в плече твоём
Начало и Власть поместятся во лбу твоём
Начало и Власть поместятся в ступне твоей
но не взять тебе в руку огонь и стрелу
но не взять тебе в руку огонь и стрелу
дото лестница головы твоей
дочь дочери дочерей дочери Пе.

О фы лилия глаз моих
фе чернильница щек моих
трр ухо волос моих
радости перо отражения свет вещей моих
ключ праха и гордости текущей лонь
молчанию прибежим люди страны моей
дото миг число высота и движения конь.

Об вольности воспоем сестра
об вольности воспоем сестра
дочь дочери дочерей дочери Пе
именинница имени своего
ветер ног своих и пчела груди своей
сила рук своих и дыхание мое
неудобозримая глубина души моей
свет поющий в городе моем
ночи радость и лес кладбища времен тихостоящих
храбростью в мир пришедшая и жизни свидетельница
приснись мне.

21 августа 1930

П и с а т е л и

Мы руки сложили
 закрыли глаза
 мы воздух глотаем
 над нами гроза
 и птица орел
 и животное лев
 и волны морёл
 мы стоим обомлев.

А п о с т о л ы

Воистину бе
 начало богов
 но мне и тебе
 не уйти от оков
 скажите писатели
 ЭФ или Ка.

П и с а т е л и

Небесная мудрость
 от нас далека.

А п о с т о л ы

Ласки век
 маски рек
 баски бег
 человек.

Это ров
 это мров
 это кров
 наших пастбищ и коров.

Это лынь
 это млынь
 это клынь
 это полынь.

П и с а т е л и

Посмотрите посмотрите
 поле светлое лежит

посмотрите посмотрите
дева по полю бежит
посмотрите посмотрите
дева ангел и змея.

А п о с т о л ы

Огонь
воздух
вода
земля.

Ф а у с т

А вот и я.

П и с а т е л и

Мы не медля отступаем
отступаем. Наши дамы
отступают. И мы сами отступаем
но не ведаем куда мы.

Ф а у с т

Какая пошлость!
Вот в поле дева.
Пойду к ней.
Она влево.
Дева стой!
Она вправо.
Ну какая она глупая право!

П и с а т е л и

А вы деву поманите
погоди-ка погоди-ка
кого надо прогоните
уходи-ка уходи-ка.

Ф а у с т

Мне свыше власть дана
я сил небесных витязь
а вы писатели уржекад сейче!
растворитесь!

П и с а т е л и

Мы боимся мы трясемся
мы трясемся мы несемся
мы несемся и трясемся
но вдруг ошибемся.

Ф а у с т

Я поглядев на вас нахмурил брови
и вы почуяли мое кипенье крови
смотрите сукины писатели
не пришлось бы вам плясать ли
на раскаленной плите.

П и с а т е л и

Мы те те те те те те
те теперь всё поняли
почему вы так свирепы
не от нашей вони ли?

Ф а у с т

Что-с?
да как вы смеете меня за нюхателя считать?
Идите вон. Умрите.
А я тут останусь тут мечтать
один о Маргарите.

П и с а т е л и

Мы уходим мы ухидем
мы ухудим мы ухедим
мы укыдим мы укадем
но тебе бородатый колдун здорово нагадим.

Ф а у с т

Я в речку кидаюсь
но речка шнурок
за сердце хватаюсь
а сердце творог
я в лампу смотрюся
но в лампе гордон
я ветра боюся
но ветер картон.
Но ты Маргарита
ни ни и не не

как сон Маргарита
приходишь ко мне
усы молодые
колечками вьются
и косы златые
потоками льются
глаза открывают
небесные тени
и взглядом карают
и жгут и летени
стою к Маргарите
склоняя мисон
но ты Маргарита
и призрак и сон.

М а р г а р и т а
В легком воздуха течение
столтик беленький летит
ангел пробуя печенье
в нашу комнату глядит
милый Фридрих Фридрих милый
спрячь меня в высокий шкаф
чтобы черт железной вилой
не пронзил меня куда б
встань послушный встань любезный
двери камнем заложи
чтобы черт водой железной
не поймал мои ножи
для тебя покинув горы
я пришла в одном платке
но часы круглы и скоры
быстры дни на потолке
мы умрем. Потухнут перья
вспыхнут звезды там и тут
и серьезные деревья
над могилой возрастут.

* * *

Ф а у с т
Что слышу я?
как будто бы фитиль трещит
как будто мышшь скребет
как будто таракан глотает гвоздь

как будто мой сосед
жилец судьбою одинокий
рукой полночной шарит спичку
и ногтем сволочь задевает
стаканы полные воды
потом вздыхает и зевает
и гладит кончик бороды
иль это облаками окруженная
сова сном сладким пораженная
трясти крылами начала
иль это в комнате пчела
иль это конь за дверью ржет
коня в затылок овод жжет
иль это я в кафтане чистом
дышу от старости со свистом.

М а р г а р и т а

Над высокими домами
между звезд и между трав
ходят ангелы над нами
морды сонные задрав
выше стройны и велики
воскресая из воды
лишь архангелы владыки
садят Божии сады
там у Божьего причала
(их понять не в силах мы)
бродят светлые Начала
бестелесны и немые.

А п о с т о л ы

Выше спут Господни Власти
выше спут Господни Силы
выше спут одни Господства
мы лицо сокроем князь
ибо формы лижут Власти
ибо гог движенья Силы
ибо мудрости Господства
радуйтесь православные
языка люди
хепи дадим дуб Власти
хепи камень подарим Силе

хепи Господству поднесем время
и ласковое дерево родным тю.

* * *

Б о г

Куф куф куф
Престол гелинеф
Херуф небо и земля
Сераф славы Твоея.

Ф а у с т

Я стою
вдали вблизи
лоб в огне
живот в грязи
летом жир
зимою хлод
в полдень чирки
кур кир кар
льется время
спит Арон
стонут братья
с трех сторон
летом жир
зимою хлод
в полдень чирки
кур кир кар
вон любовь
бежит груба
ходит бровь
дрожит губа
летом жир
зимою хлод
в полдень чирки
кур кир кар
я пропал
среди наук
я комар
а ты паук
летом жир
зимою хлод
в полдень чирки

кур кир кар
дайте ж нам
голов кору
ноги суньте
нам в нору
летом жир
зимою хлод
в полдень чирки
кур кир кар
маргаритов
слышен бег
стройных гор
и гибких рек
летом жир
зимою хлод
в полдень чирки
кур кир кар

* * *

А п о с т о л ы

Мы подъемлем бронь веков
ландыш битвы рать быков.

П и с а т е л и

Небо темное стоит
птицы ласточки летят
колокольчики звенят.

Ф а у с т

Вспомним старцы Маргариту
пруд волос моих, ручей
ах увижу ль Маргариту
кто поймет меня?

А п о с т о л ы

— Свечей
много в этом предложенье
сабель много. Но зато
нет ни страха ни движенья.
Дай тарелку.

Ф а у с т

Гото-
во. Олег трубит
собаки
хвисты по ветру несут
львы шевелятся во мраке.
Где кувшин — вина сосуд?

П и с а т е л и

В этом маленьком сосуде
есть и проза и стихи
но никто нас не осудит
мы и скромны и тихи.

Ф а у с т

Я прочитал стихи.
Прелестно.

П и с а т е л и

Благодарим.
Нам очень лестно.

Ф а у с т

Стихи прекрасны и певучи.

П и с а т е л и

Ах бросьте.
Это слов бессмысленные кучи.

Ф а у с т

Ну правда
есть в них и вода
но смыслов бродят сонные стада
любовь торжественно воспета
вот например:

«в любви друзья куда ни глянь
всюду дрын и всюду дрян».

Слова сложились как дрова
в них смыслы ходят как огонь.
Посмотрим дальше. Вот строфа:

«к дому дом прибежал
громко говоря

чей-то труп в крови лежал
возле фонаря
а в груди его кинжал
вспухнул как слюда
я подумал — это труп
и бросая дым из труб
я пришел сюда».

Это смыслов конь.

П и с а т е л и

Мы писали сочиняли
рифмовали кормовали
пермадули гармадели
фоифари погигири
магафори и трясли.

Ф а у с т

Руа рео
кио лау
кони фиу
пеу боу
мыс мыс мыс.
Вам это лучше известно.

24 августа 1930

74

Лоб изменялся
рог извивался
лоб кверху рос и лес был нос
и рог стал гнуться
рог стал гнуться
стал гнуться
а лоб стал шире и кофа был гриб
а рог склонялся
из прямого стал кривым
чем выше и шире лоб
тем кривее рог
и что бы это значило
что рог стал кружочком
а лоб стал мешочком.
Ау! Ау! лоб очень высокий
и рог сосал его живительные соки.

22 октября 1930

Пантелей сказал: пупу
под ногами Пантелея
все увидели крупу.

Каблуков сказал: увы
на плечах его висело
три десятых головы.

Мать воскликнула: ва ва
вместо рук ее болтались
голубые рукава.

А жена сказала: хом
все увидели внезапно
подбородок с петухом.

Ноябрь 1930

76. [РАЗГОВОРЫ ЗА САМОВАРОМ]

К у л у н д о в

Где мой чепец? Где мой чепец?

Р о д и м о в

Надменный конь сидел в часах.

К у л у н д о в

Куда затылком я воткнусь?

Р о д и м о в

За ночью день, за днем сестра.

К у л у н д о в

Вчера чепец лежал на полке
сегодня он лежал в шкапу.

Р о д и м о в

Однажды царь, он в треуголке
гулял по Невскому в плаще.

Ку л у н д о в
Но где чепец?

Р о д и м о в
И царь смеялся
когда машинку видел он
в кулак торжественный смеялся
царицу зонтиком толкал.

Ку л у н д о в
Чепец в коробке!

Р о д и м о в
Царь хранил
свое величье вековое
«Сафо» двумя пальцами курил
пуская дым.

Ку л у н д о в
А? Что такое?
Скажите где мой шарф?

Р о д и м о в
Скакал извозчик.
Скакал по правой стороне.
Кричал царю: Сойди с дороги
не то моментом задавлю!
Смеялся царь склонясь к царице.

Ку л у н д о в
Простуда в горло попадет
поставлю вечером горчичник.

Р о д и м о в
И крикнул царь: Какой болван!
На мне тужурка из латуни
а на царице календарь.
Меня так просто не раздавишь
царицу санками не сдвинешь
и в доказательство мы ляжем
с царицей прямо под трамвай.

К у л у н д о в

Потом советую сам друг Кулундов
надень шерстяную рубашку.
На двор Кулундов не ходи
но поцелуй свою мамашку.

М а м а ш а

Нет нет, избавь меня Кулундов.

Р о д и м о в

И вот вздымая руки к небу
царь и царица на рельсы легли
и взглядом и пушкой покорны Канебу
большие солдаты царя стерегли.
Толпа на Невском замерла
неслась милиция скачками
но птица в воздухе стрела
глядела чудными зрачками.

Царь встал.

Царица встала.

Все вздохнули.

Царь молвил: Накось выкуси!

Царица крикнула: Мы победили!

Канеб сказал: Мы льнем к Руси.

Вдали солдаты уходили.

Но вдруг извозчик взял и ударил
кнутом царя и царицу по лицу.

Царь выхватил саблю

и с криком: Смерть подлецу!

пустился бегом по Садовой.

Царица рыдала. Шумела Нева.

Народ волновался на битву готовый.

К у л у н д о в

Ну прощайте мамочка
я пошел на Карповку.

М а м а ш а

Два поклона дедушке.

К у л у н д о в

Хорошо, спасибочки.

Р о д и м о в

(один)

Да, министр Пуришкевич
был однажды на балу
громко музыка рычала
врали ноги на полу.
Дама с голыми плечами
извивалась колбасой
генерал для развлечения
шлепал пятками босой.
Царь смеялся над царицей
заставлял ее в окно
для потехи прыгнуть птицей
или камнем всё равно.
Но царица для потехи
в руки скипетр брала
и колола им орехи
при помощи двухголового орла.

Г о л о в а н а д в у х н о г а х

(входя)

Родимов, ты заврался.
Я сам бывал на вечеринках
едал индеек в ананасах
видал полковника в лампасах.
Я страсть люблю швырять валета
когда летит навстречу туз
когда сияет эполета
и над бокалом вьется ус.
Когда смугла и черноброва
к тебе склоняется княжна
на целый мир глядя сурово
с тобой как с мальчиком нежна.
Люблю когда зарю почуя
хозяин лампу тушит вдруг
и гости сонные тоскуя
сидят безмолвные вокруг.
Когда на улице светая
летают воздушные шары
когда проходит ночь пустая
и гаснут мертвые огни.
Люблю, Родимов! Нет спасенья!
В спасенье глупые слова!

Вся жизнь только воскресенье!

Родимов

Молчи пустая голова!

Аларих, готский король

Видел я в долинах Рога
мчался грозный Ахерон
он глядел умно и строго
точно ехал с похорон
то долина то гора
пролетали над водой
то картина то мара
сбоку хвостик золотой
Бог глядел в земную ось
всё как суп во мне тряслось
вся шаталась без гвоздей
геометрия костей.

Тут открылся коридор
взвился дубом нашатырь
мне в лицо глядел кондор
тучи строгой поводырь
эй душа колпак стихов
разом книги расплоти
сто простят тебе грехов
только в точку попади.
Ну Родимов дай ладонь!

Родимов

На ладони скачет конь.

Аларих

Ты Родимов попадаья.
Я как раз тебе судья.

Кулундов

(вбегая)

Где мой кушак? Где мой кушак?

Родимов

Однажды царь лежал в гробу.

А л а р и х
Я слышу шепот, стук и шаг.

М а м а ш а
Господь хранит меня рабу.

Р о д и м о в
Свеча трещала над царем.

К у л у н д о в
Кушак на мне! Кушак на мне!

Р о д и м о в
Единый Бог сидел Втроем
царица плакала в окне.
Царь говорил: Мои дворцы
стоят пусты, но я вернусь.

А л а р и х
Но мне не страшны мертвецы.

М а м а ш а
А я покойников боюсь.

Г о л о в а н а д в у х н о г а х

Спи Кулундов, ночью спи
спи планета под домами
вижу я большое пи
встало облако над нами
дремлют бабочки бобров
спят овечки под шатром
сна сундук и мысли ров
открываются с трудом
но едва светлеет мрак
вижу я стихов колпак
вижу лампы и лучины
из морской большой пучины
поднимают в мир причины
свои зонтики всегда
спи Кулундов спи Родимов
спи Аларих навсегда.

М а м а ш а

Однажды царь лежал в болоте...

Всё

13 декабря 1930

77. ОН И МЕЛЬНИЦА

О н

Простите. Где дорога в Клонки?

М е л ь н и ц а

Не знаю.

Шум воды отбил мне память.

О н

Я вижу путь железной конки.

Где остановка?

М е л ь н и ц а

Под липой.

Там даже мой отец сломал себе ногу

О н

Вот ловко!

М е л ь н и ц а

Ей-Богу!

О н

А ныне ваш отец здоров?

М е л ь н и ц а

О да, он учит азбуке коров.

О н

Зачем же тварь

учить значкам?

Кто твари мудрости заря?

М е л ь н и ц а

Букварь.

О н

Зря, зря.

М е л ь н и ц а

Поднесите к очкам

мотылька.

Вы близоруки?

О н

Очень.

Вижу среди тысячи предметов...

М е л ь н и ц а

Извините, среди сколька?

О н

Среди тысячи предметов

только очень крупные штуки.

М е л ь н и ц а

В мотылке

и даже в мухе

есть различные коробочки,

расположенные в ухе,

на затылке — пробочки.

Поглядите.

О н

Погодите,

запотели зрачки.

М е л ь н и ц а

А что это торчит из ваших сапог?

О н

Стручки.

М е л ь н и ц а

Трите слева глаз направо.

Он
Фу ты! треснула оправа!

Мельница
Я замечу вам: глаз не для
развлечений разных дан.

Он
Разрешите вас в бедро поцеловать немедля.

Мельница
Ах отстаньте хулиган!

Он
Вы жестоки. Что мне делать?
Я ослеп. Дорогу в Клонки
не найду.

Мельница
И конки
здесь не ходят на беду.

Он
Вы обманщица.
Вы недотрога.
И впредь моя нога
не переступит вашего порога.

Всё
26—28 декабря 1930

78

Ряд вопросов пронесился
в виде легких петухов.
Я лежал. Во мне струился
без конца ручей грехов.

И вопрос:
Почему телам небесным

(луны, звезды и серпы)
по кривым бежать известным
дали волю?

О т в е т н е б е с н ы х т е л:
Потому что мы слепы.

И в о п р о с:
Людам дан свободный выбор —
либо дом, либо лоб.
Почему нам нет катыбр?

О т в е т с у д ь б ы:
Потому что людам гроб.

1930?

79

Человек устроен из трех частей,
из трех частей,
из трех частей,
хэу ля ля
дрюм дрюм ту ту,
из трех частей человек.

Борода и глаз и пятнадцать рук,
и пятнадцать рук,
и пятнадцать рук,
хэу ля ля
дрюм дрюм ту ту,
пятнадцать рук и ребро.

А впрочем не рук пятнадцать штук,
пятнадцать штук,
пятнадцать штук,
хэу ля ля
дрюм дрюм ту ту,
пятнадцать штук, да не рук.

1930?

Мяч летел с тремя крестами
быстро люди все местами
поменялись и галдя
устремились дабы мяч
под калитку не проник
устремились в один миг
эка вылезла пружина
из собачьей конуры
вышиною в пол-аршина
и залаяла кры-кры
одну минуту все стояли
тикал в роще метроном
потом все снова поскакали
важно нюхая долото
пришивая отлетевшие пуговицы
но это было всё не то
когда сам сын, вернее мяч
летел красивый импопутный
подпрыгнет около румяч
руками сплещет у ворот
воздушный голубец
потом совсем наоборот
ложится во дворец
и медленно стонет
шатая словарь
и думы палкой гонит:
прочь прочь бродяги
ступайте в гости к Анне Коряге
и думы глотая живого леща
топчет ногами калоши ища
волшебная ночь наступает
волшебная ночь наступает
волшебная кошка съедает сметану
волшебный старик долго кашляя дремлет
волшебный стоит под воротами дворник
волшебная шишка рисует картину:
волшебную лошадь с волшебной уздечкой
волшебная птичка глотает свистульку
и сев на цветочек волшебю свистит
ах девочки куколки где ваши ленточки
у няни в переднике острые щепочки
ах девочки дурочки

полно тужить
холодные снегурочки
будут землю сторожить.

13—14 января 1931

81

О н

А ну-ка покажи мне руку
Где ты свой палец поцарапала?
Советую помазать йодом.

О н а

Ну вот еще, нашел что предложить,
как будто я сама не знаю.
Мне приходилось головы кружить
неопытным печенегам,
я им приказывала головы сложить
к моим ногам пушистым снегом.
Кто, быстро повинуюсь,
меня линейную любил,
кто, пышно волнуясь,
злобу копил.

О н

Наука, мудрости княгиня,
книгу радости захлопни,
а ну-ка, мудрости богиня,
покажи кулак науки глупцу.
Школьник делает успехи,
на скамье долбя науки.
Эти знаки, эти вехи
позабудут наши внуки.
Они лысыми камнями
будут в дырочки глядеть,
они стройными конями
будут мимо молодеть,
они чибу, чибу нами
будут новые цвести,
они вольными табунами
будут землю круглую трясти.

О н а

Знаю, это старинная песня.
Тут кое-где разбросаны горы
разного хлама.
Но нет точки опоры.

О н

Зато тут мама
нашего потомства и чибирей.

О н а

Оставь, ты мне показываешь сахар,
а где же сладкий плод?

О н

Скорей сколотим быстрый плот
и поплывем по вьющейся реке.
Мы вмиг пристанем к ангельским воротам.

О н а

Где?

О н

Там, за поворотом.

11 марта 1931

82. ОКНО

Ш к о л ь н и ц а

Смотрю в окно
и вижу птиц полки.

У ч и т е л ь

Смотри в ступку на дно
и пестиком зерна толки.

Ш к о л ь н и ц а

Я не могу толочь эти камушки —
они, учитель, так тверды,
моя же ручка так нежна...

У ч и т е л ь

Подумаешь, какая княжна!
Скрытая теплота парообразования
должна быть тобой изучена.

Ш к о л ь н и ц а

Учитель, я измучена
непрерывной цепью опытов.
Пять суток я толку. И что же:
окоченели мои руки,
засохла грудь.
О Боже, Боже!

У ч и т е л ь

Скоро кончатся твои муки.
Твое сознание прояснится.

Ш к о л ь н и ц а

Ах, как скрипит моя поясница!

У ч и т е л ь

Смотри, чтоб ступка всё звенела
и зерна щелкали под пестиком.
Я вижу: ты позеленела
и ноги сложила крестиком.
Вот уж одиннадцатый случай
припоминаю. Ну что за притча!
Едва натужится бедняжка —
уже лежит холодный трупик.
Как это мне невыразимо тяжко!
Пока я влез на стул
и поправлял часы,
чтоб гиря не качалась,
она, несчастная, скончалась,
недокончив образования.

Ш к о л ь н и ц а

Ах, дорогой учитель,
я постигла скрытую теплоту парообразования!

У ч и т е л ь

Прости, но теперь я тебя расслышать не могу,
хотя послушал бы охотно;

ты стала, девочка, бесплотна
и больше ни гугу.

О к н о

Я внезапно растворилось.
Я дыра в стене домов.
Сквозь меня душа пролилась.
Я форточка возвышенных умов.

15 марта 1931

83. ОКНОВ И КОЗЛОВ

О к н о в

Всегда, всегда в глубине политик
наука умеет много гитик.

К о з л о в

Не прав ты, дорогой товарищ.
Довольно мы с тобой кувыркались
и Федьку за ноги таскали.

О к н о в

Погибнешь ты,
печаль, тоска ли
заполоснет тебе мозги.

К о з л о в

Не вижу ни зги
в твоих речах.

О к н о в

О, ты, несомненно, зачах,
читая газет скучную структуру.
Вот и дождался с ума сошествия,
в живот из головы
и по ногам,
и в пятку.
Эй, где хвостик мысли?
А он уж в землю нырк.
Вот прыткий!

К о з л о в

Нет, давай по порядку,
посмотрим раньше моих речей открытки.

О к н о в

В них я не вижу ни боба —
пощади меня, Боже, Твоего раба.

К о з л о в

Да ты никак религиозный!

О к н о в

Это вопрос очень серьезный.
Материя, по-моему, дура,
ее однообразная архитектура
сама собой не может колебаться.
Лишь только дух ее затронет робко —
прочь отлетает движения пробка,
из темных бездн плывут жары акулы,
в испуге мчатся молекулы,
с безумным треском разбивается вселенной яйцо,
и мы, встав на колени, видим Бога лицо.
Тот же, кто в папахе рока
раб ума, слуга порока, —
погибает раньше срока,
пораженный кочергой.
Пораженный кочергой.

К о з л о в

Скверно думаешь, товарищ,
и несешь одну фасоль,
революции пожарищ,
Богом уши не мозоль.
Мало мы с тобой кувыркались,
Федьку за ноги — фан...

(падает, пораженный кочергой.)

О к н о в

Как я его трахнул.
Разом смолк.
А теперь, пока не поздно,
дам тягу в окно.

О к н о

Я внезапно растворилось.
Я дыра в стене домов.
Мне всё на свете покорилося,
я форточка возвышенных умов.

Всё

1931

Весеннее равноденствие

84. ВОДА И ХНЮ

Принадлежит Н. М. Олейникову

Х н ю

Куда, куда
спешишь ты, вода?

В о д а

Налево.
Там, за поворотом,
стоит беседка.
В беседке барышня сидит.
Ее волос черная сетка
окутала нежное тело.
На переносицу к ней ласточка прилетела.
Вот барышня встала и вышла в сад.
Идет уже к воротам.

Х н ю

Где?

В о д а

Там, за поворотом,
барышня Катя ступает по травам
круглыми пятками.
На левом глазу василек,
а на правом
сияет лунная горка
и фятками...

Х н ю

Чем?

В о д а

Это я сказала по-водяному.

Х н ю

Ой, кто-то идет к нам!

В о д а

Где?

Х н ю

Там.

В о д а

Это рыбак Фомка.
Его дочь во мне утонула,
он идет побить меня камнем.
Давай лучше громко
говорить о недавнем.

Р ы б а к

Один я.
Из меня тянутся ветви.
Грубые руки не могут поднять иголки.
Когда я смотрю в море,
глаза мои быстро слезятся.
Я в лодку сажусь,
но лодка тонет.
Я на берег прыгаю,
берег трясется.
Я лезу на печь,
где жили мои деды,
но печь осыпается.
Эй, товарищи рыбаки,
что же мне делать?

(увидя Хню)

Неужто Хню?

Х н ю

(молча)

Да, это я.

А вот мой жених Никандр.

Н и к а н д р

Люблю, признаться, вашу дочь
и в этом вас прошу помочь
мне овладеть ее невинностью.

Я сам Бутурлинского края,
девиц насилую, играя
с ними в поддавки.

А вам в награду, рыбачок,
я подарю стальной сачок
и пробочные поплавки.

Р ы б а к

Шпасибо, шпасибо!

Н и к а н д р

Лови полтину!

В о д а

Какую мерзкую картину
я наблюдаю.

Старик поймал полтину в рот.

Скорей, скорей за поворот
направлю свои струи звонкие.

Х н ю

Прощай, вода.

Ты меня не любишь?

В о д а

Да, твои ноги слишком тонкие.

Я ухожу. Где мой посох?

Х н ю

Ты любишь черноколых?

В о д а

Жырк жырк

лю лю лю
журч журч
клюб
клюб
клюб.

Всё

29 марта 1931

85. ХНЮ — ДРУГ ЛАМПЫ

1

Короткая молния белых снегов
затела в лес напугав зверей
вон заяц вокруг черемухи скачет
вон рысь караулит подводную мышку
раздула морду
хвост с кисточкой подняла
паршивая хищница
тебе дятел и кролик что нам яичница
только дуб стоит не обращая внимания ни на кого
сам недавно с неба упал
еще не утихла боль
не раздвинулись ветви
ни ответа ни кокоры
не заслужил я
гой мои шпоры
хватайте рубите и бейте меня
в спину угодил
в спину угодил
ах он быстрый
я думал я вижу перед собой тору
но нет без у мец
безумец слов моих
одного я не повторю
не повторю за всю мою жизнь
это господа
господа мои внимательные слушатели
тот прыжок
прыжок с верхушки токоры
вниз на каменные доски

каменные доски
доски небесных ой гоге Чисел.

II

Началось опять с небольшого

душа в зеленом венке

стала петь

тут мы слушали и вода

текла сквозь нас

мы прижались к стене

а в стену нам стали стучать

это било нас по хребту

и тонкие лампочки

тонкие лампочки

озорницы они

тонкие лампадочки

я видел над головой каждого.

— Знаете, — сказал один из —

грех грех — из тут бывших —

мне режет уши

режет уши.

— Знаете, — сказал третий —

Фаран я ослеп

ну же

ну и согнуло

меня в дужку.

— Гриф! — крикнула тут душа —

макандер

высоко мы братии

высоко грифы дарандасы.

III

Надели свежие кафтаны двое

и вышли безумцы на нас.

— Эй где ваши лица? — кричали мы

они же они же представьте себе

трясли руками наши жилища

стараясь этим запугать нас.

— Вы напрасно, — сказали мы

нежными языками ворочая смыслы речи —

напрасно.

— Но нет, — говорил один —

два, — говорил он —
три, — шептал он —
четыре, — молил он —
восемь восемь, — повторял он —
вы девочки после нас
проделаете то же самое.
— Но что же, что же? — просили мы
просили мы разъяснения
год прошел и мы всё узнали
это было так:
один садовник
любил пилу
ему в ответ пила молчала
садовник просил ее забыть
забыть его нахальство
пила же отвернувшись
холила и поила
свою честь.
— Зачем же ты глупый садовник
меня преследовал речами
тебя бежать пыталась я
но лета темными ночами
ты звезды считал и клал в мешок
отметки разные
твои же мысли обо мне
садовник были грязные
теперь ты требухой наполнен
душа садовник мой отвергнутый
ложь твоих мыслей
меня не проведет
я плеть пуцу коль надо
твой мир тебя не пригреет
в изгнании твоём
знай: чем больше простоты
тем выше качество.

С а д о в н и к

Это сплошное дурачество
меня оставила надежда
покинул ясьень клира
пойдем душа. Пусть я невежда
ты все ж моя любимая лира
как ты быстро приближаешься
ко мне моя душа

я очень рад как скоро
не будет больше у нас с тобой спора.

III

Вот где рыбка плавать начала
ужель не видел ты как вылетела пчела
спасался ты быть может от ос
или от плетей ее крепких кос
иль ты к ногам ее прислонив затылок
был нежен
был сразу пылок
был снова нежен
то к ласкам чуток
то туп
то конь с красивой мордой
то труп
то прижавшись к изгороди дремал
то руки в отдалении ломал.

31 марта 1931

У Порет. Играла Юдина.

86. ВЫБОР ДНЕЙ

Скажу вам грозно:
хвост мудрого человека
опасен беспечному лентяю.
Чуть только тот забудет название года —
хвост обмахнет пыль памяти безумца,
прощай тогда речей свобода!
Уже выкатывает солнце новые дни,
рядами ставит их на выбор.
Скажу вам грозно: лишь мы одни —
поэты, знаем дней катыбр.

Всё

4 апреля 1931

87. ХНЮ

Принадлежит П. И. Соколову

Хню из леса шла пешком,
ногами месила болота и глины.

Хню питалась корешком
рога ворона — малины,
или Хню рвала побеги
веселого хмеля, туземца рощ.
Боги ехали в телеге.
Ясно чувствовалась мощь
богов, наполненных соком лиан и столетников нев,
и мысль в черепе высоком лежала вся окаменев.
Зубами щелкая во мху,
грудь выпятив на стяги,
варили странники уху,
летали голые летяги,
подвешиваясь иными моментами на сучках вниз
головой,
они мгновенно отдыхали, то, подымая страшный вой,
в котел со щами устремлялись,
хватая мясо в красную пасть,
то снегири летели в кучу нечигов,
то медведь, сидя на дереве и запустив когти в кору,
чтоб не упасть,
рассуждал о правосудии кузнечиков,
то Бог в кустах нянчил бабочкину куколку,
два волка играли в стуюлку —
таков был вид ночного свидригала,
где Хню поспешно пробегала
и думала, считая пни сердечного биения.

Аскет в пустыне властелин,
бомба в воздухе владычица,
оба вместе лучшее доказательство человеческого гения;
пусть комета в землю тычется,
угрожая нарушить бег нашей матери,
и, если пена, подружка огня, на черном кратере
выпустит мух с небесными каракулями на лапках,
мы гордо глядим на вулкан
и в папках
земных дел
отмечаем рукой астронома событие,
способное закидать дредноут лепестками черемухи.
Мы превратили мир в народное увеселение
и всюду увеличили плотность населения.
Еще недавно кверху носом летал Юпитер,
в 422 года раз празднуя свои именины,
пока шутливая комета не проскочила в виде миски

станьте красными ключами.
Я запроу вами корзинку,
чтобы не потерять мое детство.

Хню к телеграфному столбу
для отдыха прислонилась.
Потухли щеки Хню. Во лбу
окно стыдливое растворилось.
В траве бежала змейка,
высунув гибкое жало,
в ее глазах блестела чудная копейка.
Хню медленно дышала,
накопляя растроченные силы
и распуская мускулов тугие баночки.
Она под кофточкой ощупывала груди.
Она вообще была прелестной панночкой.
Ах, если б знали это люди!

Нам так приятно знать прошедшее,
приятно верить в утвержденное,
тысячи раз перечитывать книги, доступные логическим
правилам,

охлаживать приятно темные углы наук,
делать веселые наблюдения,
и на вопрос: есть ли Бог — поднимаются тысячи рук,
склонные полагать, что Бог это выдумка.

Мы рады, рады уничтожить
наук свободное полотно.

Мы считали врагом Галилея,
давшего новые ключи.

А ныне пять обэриутов,
еще раз повернувшие ключ в арифметиках веры,
должны скитаться меж домами
за нарушение привычных правил рассуждения о
смыслах.

Смотри, чтоб уцелела шапка,
чтоб изо лба не выросло бы дерево —
тут мертвый лев сильнее живой собаки,
и, право, должен я сказать, моя изба не посещается
гостями.

Хню, отдохнув, взмахнула сильными костями
и двинулась вперед.
Вода послушно расступилась.

Мелькали рыбы. Холодело.
Хню, глядя в дырочку, молилась,
достигнув логики предела.

«Меня уж больше не тревожит
земля, ведущая беседу
о прекращении тепла, —
шептала Хню своему соседу, —
меня уж больше не атакуют
пути жука-точильщика,
и гвозди больше не кукуют
в больших руках могильщика,
и если бы все пчелы, вылетев из чемодана, в меня
направили б свои тупые жала,
то и тогда, поверьте слову, от страха вовсе б не
дрожала».

— «Ты права, моя голубка, —
отвечает спутник ей, —
но земля глухая трубка
полна звуков, ей же ей».
Хню ответила: «Я дурой
рождена сидеть в стогу,
полных дней клавиатуры
звуков слышать не могу.
И если бабочки способны слышать потрескивание искр
в корнях репейника,
и если жуки несут в своих котомочках ноты
растительных голосов,
и если водяные паучки знают имя, отчество
оброненного охотником пистолета,
то надо сознаться, что я просто глупая девочка».

— «Вот это так, — сказал ее спутник, —
всегда наивысшая чистота категорий
пробывает в полном неведении окружающего.
И это, признаться, мне страшно нравится».

23 апреля 1931

88. ОТ ЗНАКОВ МИГ

М о р к о в ь

(вылетая из земли)

Я задыхаюсь в этих кучах,
дай на воздухе побегаю.

Сорок лет жила я в бучах,
не дружна была я с негою.
Корни в землю уходили на много верст.
Ой, помогите же мне из ямы вылезти на траву,
дайте мне возможность посчитать блага народов.
Что-то силен турков ропот,
немцев с ангелами прерывания.
Слышу я французов опыт
земледельческих расчетов,
англичан возмущение за травлю быка.
В лодке смерти восхищение
заставило путника от смеха держаться за бока.
Тут русских дела чище,
к ним я кинусь учить азбуки.
Не сложна времен корзинка,
быстрые формулы заменят нам иные способы
передвижения.

В с е х с ы н

Корень, вырази видение твоих праотцев,
им тучные гряды навеели пророчество.
Многолетнее безделие развило в них способность
угадывать завтра.

Ты, пасынок подземных жрецов,
помнишь наверно мосты древних песней.
Не говорится ли в них о нашествии геометрических
знаков?

Мне это всех вопросов интересней.

М о р к о в ь

Как же, как же,
совершенно не случайно
значки вырабатываются правительствами.
Пятиконечную звезду никто не станет вешать вверх
ногами,

и плотник сам не ведает больших дел своего труда.
Однако я спешу туда,
где свет вгоняет гвозди в лоб.

В с е х с ы н

Я за тобой помчусь,
ленивая дочь гряд.

Смотри над облаками
легим с тобой подряд.
Сына пожалей.
Подари меня улыбкой,
из веревочки налея
слезу пущенную глыбкой.
Тут нет сомнения о случаях земного верчения.
Она летит вокруг солнечного шара
без малейшего трения. В кольцах пожара
гибнут мирные домики.
Я вижу, зонтик стоит на верхушке Меркурия.
Это житель, человек иных условий,
он дышит лентами и всю жизнь размышляет о вилке.

М о р к о в ь

Не завидую, не завидую.
Уж лучше в земле монахиной сидеть.

В с е х с ы н

Ага,
вот проблеск земножительницы ума.
Сидела б в грядке ты, кума.

М о р к о в ь

Скорей беги ко мне на подмогу,
Илья, веник чуговой!
Пусть вверх его ко Богу,
поднимает пусть он вой.
Хорошо говорить о правилах,
пробыв на поверхности земной с рождения.
Тебе, голубок, сравнивать-то не с чем.

В с е х с ы н

Смотри, морковь, наш спор затянется.
Ты сама ведь знаешь одну сторону дела.
Ты когда-нибудь в глаза горы глядела?

М о р к о в ь

Глядения Лебеди слишком ничтожны,
и слуха корзины совсем не цари.
О чувствах я не говорю! о чувствах я не говорю!
Ни осязание, ни вкус,
ни обоняние, ни слух,

ни зрение, ни орхидея
не спасут тебя, вертопраха-злодея.

О с я з а н и е

Моя лошадка плюговата,
я то кумир, то вата.

О б о н я н и е

Мой тетерев сопляк,
я ландыш, дереву земляк.

В к у с

Добегу до глотки рьяно,
начинаю излучать там
волны синие буяна.
Возбуждение бежит по мачтам
в центр мозговой.
Голос дружит с Иеговой.

С л у х и З р е н и е

Мы дочери лета,
болонки балета,
карты шоколадного пистолета.

В с е х с ы н

Пройдет над миром пчела сладости,
переживет всех нас дух радости.
Не вы ли, чудная морковь,
спешите в нашу кровь
увеселить биенье жил?
Я двадцать пять лет палкой жил,
не зная слов владычества.
Христос однажды спас язычество
от нападения воздушных раков.
А я спасусь от пяти чувств
и от нашествия геометрических знаков.

М о р к о в ь

Удаляюсь в край нетах,
ваше здравие в летах,
повторяю каждый миг.
Не сводите с неба книг.

Всё

8—10 мая 1931

Я знаю почему дороги
 отрываясь от земли
 играют с птицами.
 Ветхие веточки ветра
 качают корзиночки шитые дятлами
 дятлы бегут по стволам
 держа в руках карандашики.
 Вон из дупла вылетает бутылка
 и направляет свой полет к озеру
 чтоб наполниться водой.
 То-то обрадуется дуб
 когда в его середину
 вставят водяное сердце.
 Я проходил мимо двух голубей.
 Голуби стучали крыльями
 стараясь напугать лисицу
 которая острыми лапками
 ела голубиных птенчиков.
 Я поднял тетрадь, открыл ее
 и прочитал семнадцать слов
 сочиненных мною накануне.
 Моментально голуби улетели,
 лисица сделалась маленьким спичечным
 коробочком.
 А мне было чрезвычайно весело.

Март—май 1931

На сиянии дня месяца июня
 говорил Даниил с окном
 слышанное сохранил
 и тким образом увидеть думая свет
 говорил солнцу: солнце посвети в меня
 проткни меня солнце семь раз
 ибо девятью драми жив я
 следу злости и зависти выход низ
 пище хлебу и воде рот мой
 страсти физике язык мой
 ве и дханию ноздрями путь

два уха для слушания
и свету окно глаза мои.

Июнь 1931

91

Скажу тебе по совести,
как делается наша мысль,
как возникают корни разговоров,
как перелетают слова от собеседника к собеседнику.
Для этого надо молча просидеть некоторое время,
стараясь уловить хотя бы звездочку,
чтобы было, как говорится, с чего распутать свою шею
для поворотов очень приветливых знакомым и
незнакомым собеседникам.

Поздоровавшись, поднести хозяйке горсть валунов
или иную припасенную ценность
в виде булавки или южного плода или ялика
для прогулки по озеру в тихие солнечные погоды,
которыми так скуп наш северный климат,
где весна приходит иной раз с порядочными
опозданиями,

таким образом, что еще в июне месяце
комнатная собака спит, укрывшись одеялом,
как человек — мужчина, женщина или ребенок,
и всё же дрожит от озноба.

Иной раз берет просто злоба
на порядок смен
тепла и холода.

Вот время луны то старо, то молодо,
во много яснее непонятной путаницы погод.

Ученые наблюдают из года в год
пути и влияния циклонов,
до сих пор не смея угадать, будет ли к вечеру дождь,
и я полагаю, что даже Павел Николаевич Филонов
имеет больше власти над тучами.

Кто хочет возразить, прошу задуманное исполнить —
для возражений умных или сильных
или страстных, своевременных и божественных
я припас инструменты, способные расковырять любую
мысль собеседника.

Я всё обдумал, взвесил, пересчитал и перемножил,

и вот хозяйке подношу,
как дар пустытника,
для спора очень важный сбор инструментов.
Держите, милая хозяйка, мой подарок
и спорьте сколько вам угодно.

Июнь 1931

92

Однажды господин Кондратьев
попал в американский шкаф для платьев
и там провел четыре дня.
На пятый вся его родня
едва держалась на ногах.
Но в это время — ба-ба-бах! —
скатили шкаф по лестнице и по ступенькам до земли
и в тот же день в Америку на пароходе увезли.

Злодейство, скажете. Согласен.
Но помните: влюбленный человек всегда опасен.

Январь 1933

93

К тебе, Тамара, мой порыв
назрел и лопнул как нарыв.

7 января 1933

94

Ходит путник в час полночный,
прячет в сумку хлеб и сыр,
а над ним цветок порочный
вырастает в воздух пр.
Сколько влаги, сколько неги
в том цветке, растущем из
длинной птицы, в быстром беге
из окна летящей вниз.
Вынул путник тут же сразу
пулю — дочь высоких скал.
Поднял путник пулю к глазу,

бросил пулю и скакал.
Пуля птице впилась в тело,
образуя много дыр.
Больше птица не летела
и цветок не плавал пр.
Только путник в быстром беге
повторял и вверх и вниз:
«Ах, откуда столько неги
в том цветке, растущем из».

17 апреля 1933

95. АРХИТЕКТОР

К а б л у к о в

Мария!

М а р и я

Кто зовет меня?
Я восемь лет не слышала ни звука.
И вдруг в моих ушах
зашевелилась тайная пружина.
Я слышу грохот ломовой телеги
и стук приклада о каблук при смене караула.
Я слышу разговор двух плотников.
«Вот, — говорит один, — махорка».
Другой, подумав, отвечает: «Суп и пшенная каша».
Я слышу — на Неве трещит моторка.
Я слышу — ветром хлопает о стену крыша.
Я слышу чей-то тихий шепот: «Маша! Маша!»
Я восемь лет жила не слыша.
Но кто зовет меня?

К а б л у к о в

Мария!

Вы слышите меня, Мария?
Не пожалейте ваших ног,
сойдите вниз, откройте двери.
Я весь, Мария, изнемог!
Скорей, скорей откройте двери!
А в темноте все люди звери.

М а р и я

Я не могу сама решиться.
Мой повелитель — архитектор.

Его спросите,
может быть, он вам позволит.

К а б л у к о в

О, непонятная покорность!
Ужель не слышите волненья,
громов могучих близкий бой,
домов от страха столкновенье,
и крик толпы, и страшный вой,
и плач, и стон,
и тихое моление,
и краткий выстрел над Невой?

М а р и я

Напрасна ваша бурная речь.
Мое ли дело конь и меч?
Куда идти мне с этого места?
Я буду тут.
Ведь я невеста.

К а б л у к о в

Обязанности брачных уз
имеют свой особый вкус.
Но кто хоть капельку не трус,
покинув личные заботы
и вмиг призвав на помощь муз,
бежит в поля большой охоты.

М а р и я

Смотрите!
Архитектор целится вам в грудь!

К а б л у к о в

Убийца!
Твой черед не за горами!

(Архитектор стреляет.)

М а р и я

Ах!
Дым раздвинул воздух сизыми шарами!

А р х и т е к т о р

Очищен путь.
Восходит ясный день,

НОТЫ ВИЖУ
ВИЖУ МРАК
ВИЖУ ЛИЛИЮ ДУРАК
СЕРДЕ КОКУС
ВПРОЧЕМ **НЕТ**
МИР НЕ **ТООКУС**
ВПРОЧЕЗ **ДА**

А р ж а у н о р

Одиннадцать двенадцать тринадцать четырнадцать пятнадцать шестнадцать семнадцать восемнадцать девятнадцать двадцать

и дом закончен, каменный владыка.
Соблюдена гармония высот и тяжести.
Любуйся и ликуй!
Гранита твердый лоб,
изъеденный времен писаньем,
уперся в стен преграду.
Над легкими рядами окон
вверху, воздушных бурь подруга,
раскинулась над нами крыша.
Флаг в воздухе стреляет.
Хвала и слава архитектору!
И архитектор — это я.

Весна 1933

96

Ноты вижу
вижу мрак
вижу лилию дурак
сердце кокус
впрочем нет
мир не фокус
впрочем да.

Июль 1933

97

Колесо радости жена
глупости каша мать
напоим тебя
напоим тебя
а если хочешь
накормим тебя.

Ты открыл уже зубы свои
расчесал на пробор волосы ты
подбежал ко мне
подбежал ко мне
растворить окно города Кыбаду
растворить окно города Кыбаду
растворить окно города Кыбаду
милый мой чело <век>
города Кыбаду милый мой человек по имени Петр.

Мельница смеха весло
машинка румянца пень
о суп выражений твоих
о палочки рук твоих
о шапочки плеч твоих
о кушачки жен твоих
отойди от меня Петр
отойди от меня человек по имени Петр
отойди от меня мастер Петр.

Июль 1933

98. ЗНАК ПРИ ПОМОЩИ ГЛАЗА

Вот Кумпельбаков пробегает,
держа на палке мыслей пук.
К нему Кондратьев подбегает,
издав губами странный звук.

Тут Кумпельбаков сделал глазом
в толпу направо дивный знак.
Упал в траву Кондратьев разом
и встать не мог уже никак.

Смеется громко Кумпельбаков.
Лежит Кондратьев точно сор.
От глаза лишь неожиданных знаков
какой случается позор!

21 августа 1933

99. О. Л. С.

Лес качает вершинами,
люди ходят с кувшинами,
ловят из воздуха воду.
Гнется в море вода.
Но не гнется огонь никогда.
Огонь любит воздушную свободу.

21 или 22 августа 1933

100

Ч а с о в о й

Теперь я окончательно запутался.
Не нужен ум и быстрая смекалка.

Я в мыслях щепки нахожу,
а в голове застряла палка.
Отсохли ноги на посту,
из рук винтовка падает
Пройдешь с трудом одну версту,
и мир тебя не радует.
Я погиб и опустился,
бородой совсем оброс,
в кучу снега превратился —
победил меня мороз.

Б а р б а р а
Часовой!

Ч а с о в о й
Гугу!

Б а р б а р а
Часовой!

Ч а с о в о й
Гугу!

Б а р б а р а
Часовой!

Ч а с о в о й
Гугу!

Б а р б а р а
Я замерзаю!

Ч а с о в о й
Обожди, помогу,
обожди мою подсобу.

Б а р б а р а
Что ж ты медлишь?

Ч а с о в о й
Я из будки вылезаю.

Б а р б а р а
Ах, спаси мою особу!

Ч а с о в о й
Двигай пальцы на ногах,
чтоб они не побелели.
Где ты?

Б а р б а р а
Гибну!

Ч а с о в о й
Гибнешь?

Б а р б а р а
Ах!

Ч а с о в о й
Тут погибнешь в самом деле!

Б а р б а р а
Уж и руки словно плеть.

Ч а с о в о й
Тут не долго околеть.
Эка стужа навернула —
так и дует и садит,
из-за каждой снежной горки
зимних бурь встают подпорки,
ходят с треском облака,
птица в тоненьком кафтане
гибнет, крылышки сложив.
Если я покуда жив,
то шинель меня спасала
да кусок свиного сала.

Б а р б а р а
Отмерзают руки, ноги,
снежный ком вползает в грудь.
Помогите, люди, боги,
помогите как-нибудь!

Ч а с о в о й

Ну чего тебе, злодейка,
эка баба закорюка!
Ну и время! Вот скамейка.
Посижу да покурю-ка.

Август 1933

101

Я понял будучи в лесу —
вода подобна колесу.
Так вот послушайте: однажды
я погибал совсем от жажды,
живот водой мечтал надуться.
Я встал,
и ноги больше не плетутся.
Я сел,
и в окна льется свет.
Я лег,
и мысли больше нет.

2 сентября 1933

102. О ВОДЯНЫХ КРУГАХ

Ноль плавал по воде.
Мы говорили: это круг,
должно быть, кто-то бросил в воду камень.
Здесь Петька Прохоров гулял —
вот след его сапог с подковками.
Он создал этот круг.
Давайте нам скорей картон и краски,
мы зарисуем Петькино творенье.
И будет Прохоров звучать, как Пушкин.
И много лет спустя
подумают потомки:
«Был Прохоров когда-то,
должно быть, славный был художник».
И будут детям назидать:
«Бросайте, дети, в воду камни.
Рождает камень круг,
а круг рождает мысль».

А мысль, вызванная кругом,
зовет из мрака к свету ноль».

Всё

Вторник 19 сентября 1933

103. ПОДРУГА

На лице твоём, подруга,
два точильщика жука
начертили сто два круга,
цифру семь и букву Ка.

Над тобой проходят годы,
хладный рот позеленел,
лопнул глаз от злой погоды,
в ноздрях ветер зазвенел.

Что в душе твоей творится,
я не знаю. Только вдруг
может с треском раствориться
дум твоих большой сундук.

И тогда понятен сразу
будет всем твой сладкий сон;
и твой дух, подобно газу,
из груди умчится вон.

Что ты ждешь? Планет смятенья?
Иль движенья звездных толп?
Или ждешь судеб сплетенья,
опершись рукой на столб?

Или ждешь, пока желанье
из небес к тебе слетит
и груди твоей дыханье
мысль в слово превратит?

Мы живем не полным ходом,
не считаем наших дней.
Но минуты, с каждым годом,
все становятся видней.

С каждым часом гнев и скупость
ловят нас в свой мрачный круг,

и к земле былая глупость
опускает взоры вдруг.

И тогда, настроив лиру
и услыша лиры звон,
будем петь. И будет миру
наша песня точно сон.

И быстрее помчатся реки,
и с высоких берегов
будешь ты, поднявши веки,
бесконечный ряд веков

наблюдать холодным оком
нашу славу каждый день.
И на лбу твоём высоком
никогда не ляжет тень.

20—28 сентября 1933

104

Н и к о л а й П

Я запер дверь.
Теперь сюда никто войти не сможет.
Я сяду возле форточки
и буду наблюдать на небе ход планет.
Планеты, вы похожи на зверей!
Ты, солнце, — лев, планет владыка,
ты неба властелин. Ты царь.
Я тоже царь,
и мы с тобой два брата.
Свети ко мне в окно,
мой родственник небесный.
Пускай твои лучи
войдут в меня как стрелы.
Я руки разверну
и стану как орел.
Взмахну руками и на воздух,
с землей простившись, отлечу.
Прощай, земля! Прощай, Россия!
Прощай, прекрасный Петербург!
Народ бросает кверху шапки,

и артиллерия гремит,
и едет в лентах князь Суворов,
и князь Кутузов едет следом,
и Ломоносов громким басом
зовет солдат на поле брани,
и среди кустов бежит пехота,
и едет по полю фельдмаршал.

Г о л о с А л е к с а н д р ы Ф е д о р о в н ы
Коля, ты тут?

Н и к о л а й П

Да, тут. Войди, пожалуйста!

А л е к с а н д р а Ф е д о р о в н а

Я не могу войти. Ты запер дверь. Открой скорей. Мне
надо тебе что-то сказать.

Н и к о л а й П

Сейчас открою.

(Открывает дверь. Входит Александра Федоровна.)

А л е к с а н д р а Ф е д о р о в н а

Ты что-то делал у окна?

Тебя Адам Адамыч со двора увидел
и, сильно напугавшись,
прибежал ко мне.

Н и к о л а й П

Да, это совершенно верно.

Я протирал оконное стекло.

Оно немножко запотело,
а я подумал: дай протру!

А л е к с а н д р а Ф е д о р о в н а

Но ты же мог позвать лакея!

Н и к о л а й П

Я Митьку звал, но Митька не пришел.

А л е к с а н д р а Ф е д о р о в н а
Тогда позвал бы Вальтазара.

Н и к о л а й П

А Вальтазар сидит на кухне,
он крутит с девками любовь.
А ты скажи мне, где Адам Адамыч?

А л е к с а н д р а Ф е д о р о в н а
Адам Адамыч в розовой гостиной
ведет беседу с Воробьевым.
У Воробьева дочь Мария
бежала в Тулу с женихом.

Н и к о л а й П

Да что ты говоришь?
Вот это новость.
А кто жених ее?

А л е к с а н д р а Ф е д о р о в н а
Как будто Стасов.

Н и к о л а й П

Ка́к, Стасов!
Да ведь он старик почтенный!

А л е к с а н д р а Ф е д о р о в н а
И старики бывают притки на ходу.

Н и к о л а й П

Да, удивительно как создан мир!
Всё мертвое спешит исчезнуть.
А всё живое день и ночь
себя старается увековечить,
и будь то роза, рыба или человек —
езде, везде любовь царица!
О Стасов! Ты старик,
и борода твоя серебряного цвета,
перо дрожит в твоей руке,
твой голос утерял былую силу,
твоя нога на поворотах стала шлепать,
и многих блюд желудок твой уж больше не приемлет,

но всё по-прежнему стучит в волнение сердце,
и всё по-прежнему шалит в тебе коварный бес.

А л е к с а н д р а Ф е д о р о в н а
Сюда идут Адам Адамыч с Воробьевым.
Поправь прическу и одерни свой шлафрок.

В о р о б ь е в и А д а м А д а м ы ч
(входя)

Здравствуйте!
Здравствуйте!
Здравствуйте!
Здравствуйте!

Н и к о л а й И

Здравствуйте!
Здравствуйте!
Здравствуйте!
Здравствуйте!

В о р о б ь е в

Оставив личные заботы
и суету бесчисленной родни,
сойдемся лучше для работы
и посвятим работе наши дни.

7 октября 1933

105. ПОСТОЯНСТВО ВЕСЕЛЬЯ И ГРЯЗИ

Вода в реке журчит, прохладна,
и тень от гор ложится в поле,
и гаснет в небе свет, и птицы
уже летают в сновиденьях,
и дворник я черными усами
стоит всю ночь под воротами
и чешет грязными руками
под грязной шапкой свой затылок,
и в окна слышен крик веселый,
и топот ног, и звон бутылок.

Проходит день, потом неделя,
потом года проходят мимо,

и люди стройными рядами
в своих могилах исчезают,
а дворник с черными усами
стоит года под воротами
и чешет грязными руками
под грязной шапкой свой затылок,
и в окна слышен крик веселый,
и топот ног, и звон бутылок.

Луна и солнце побледнели,
созвездья форму изменили,
движение сделалось тягучим,
и время стало как песок.
А дворник с черными усами
стоит опять под воротами
и чешет грязными руками
под грязной шапкой свой затылок,
и в окна слышен крик веселый,
и топот ног, и звон бутылок.

14 октября 1933

106. ЧТО ДЕЛАТЬ НАМ?

Когда дельфин с морским конем
игру затеяли вдвоем,
о скалы бил морской прибой
и скалы мыл морской водой.
Ревела страшная вода.
Светили звезды. Шли года.

И вот настал ужасный час:
меня уж нет, и нету вас,
и моря нет, и скал, и гор,
и звезд уж нет; один лишь хор
звучит из мертвой пустоты.
И грозный Бог для простоты
вскочил и сдунул пыль веков,
и вот, без времени оков,
летит один, себе сам-друг.
И хлад кругом, и мрак вокруг.

15 октября 1934

Безумными глазами он смотрит на меня —
ваш дом и крыльцо мне знакомы давно.
Темно-красными губами он целует меня —
наши предки ходили на войну в стальной чешуе.

Он принес мне букет темно-красных гвоздик —
ваше строгое лицо мне знакомо давно.

Он просил за букет лишь один поцелуй —
наши предки ходили на войну в стальной чешуе.

Своим пальцем в черном кольце он коснулся меня —
ваше черное кольцо мне знакомо давно.

На турецкий диван мы свалились вдвоем —
наши предки ходили на войну в стальной чешуе.

Безумными глазами он смотрит на меня —
о, потухните, звезды! и, луна, побледней!
Темно-красными губами он целует меня —
наши предки ходили на войну в стальной чешуе.

15 октября 1934

Горох тебе в спину.
Попади тебе булыжник
под лопатку.
Падай, падай.
Без движенья
на земле,
раскинув руки,
отдохни.
Много бегал,
утомился.
Ноги стали волочиться.
Взор стеклянный
перестал метать копьё
в глубь предметов.
Сядь на стул,
зажги сигару.
Отдохни часа четыре.
Это лучше,

чем лежать, раскинув руки,
на земле.

Посмотри —
на небе солнце,
в светлом воздухе летают
птицы,
на цветах сидят стрекозы
и жуки.

Вон горох к тебе летящий
только спину пощекотит,
а бульжник от лопатки,
будто мячик, отлетит.

Встань, встань.
Пойди походкой твердой
к центру мира,
где волна реки Батобр
пни срывает с берегов,
и на камне умный бобр
держит рыбу меж клыков.
Люди, звери и предметы
ниц падут перед тобой,
и на лбу твоём высоком
вспыхнет яркий лампион.

23 декабря 1934

109. ПЕСНЬ

Мы закроем наши глаза
люди! люди!

Мы откроем наши глаза
воины! воины!

Поднимите нас над водой
ангелы! ангелы!

Потопите врага под водой
демоны! демоны!

Мы закрыли наши глаза
люди! люди!

Мы открыли наши глаза
воины! воины!

Дайте силу нам полететь над водой
птицы! птицы!

Дайте мужество нам умереть под водой
рыбы! рыбы!

1934?

110. ФИЗИК, СЛОМАВШИЙ НОГУ

Маша моделями вселенной,
выходит физик из ворот.
И вдруг упал, сломав коленный
сустав. К нему бежит народ.
Маша уставами движенья,
к нему подходит постовой.
Твердя таблицу умноженья,
студент подходит молодой.
Девушка с сумочкой подходит,
старушка с палочкой спешит.
А физик всё лежит, не ходит,
не ходит физик и лежит.

23 января 1935

111. НЕИЗВЕСТНОЙ НАТАШЕ

Скрепив очки простой веревкой, седой старик читает
книгу.
Горит свеча, и мгlistый воздух в страницах ветром
шелестит.
Старик, вздыхая, гладит волос, и хлеба черствую
ковригу
грызет зубов былых остатком, и громко челюстью
хрустит.

Уже заря снимает звезды и фонари на Невском тушит,
уже кондукторша в трамвае бранится с пьяным в
пятый раз,
уже проснулся неvский кашель и старика за горло
душит,
а я пишу стихи Наташе и не смыкаю светлых глаз.

23 января 1935

уши его упали на пол, как осенью падают с тополя
желтые листья;
и он скоропостижно умер.

Апрель 1935

115. НА СМЕРТЬ КАЗИМИРА МАЛЕВИЧА

Памяти разорвав струю,
ты глядишь кругом, гордостью сокрушив лицо.
Имя тебе Казимир.
Ты глядишь, как меркнет солнце спасения твоего.
От красоты якобы растерзаны горы земли твоей.
Нет площади поддержать фигуру твою.
Дай мне глаза твои! Растворю окно на своей башке!
Что ты, человек, гордостью сокрушил лицо?
Только муха — жизнь твоя, и желание твое — жирная
снедь.

Не блестит солнце спасения твоего.
Гром положит к ногам шлем главы твоей.
Пе — чернильница слов твоих.
Трр — желание твое.
Агалтон — тощая память твоя.
Ей, Казимир! Где твой стол?
Якобы нет его, и желание твое Трр.
Ей, Казимир! Где подруга твоя?
И той нет, и чернильница памяти твоей Пе.
Восемь лет прощелкало в ушах у тебя,
пятьдесят минут простучало в сердце твоём,
десять раз протекла река пред тобой,
прекратилась чернильница желания твоего Трр и Пе.
«Вот штука-то», — говоришь ты, и память твоя Агалтон.
Вот стоишь ты и якобы раздвигаешь руками дым.
Меркнет гордостью сокрушенное выражение лица твоего;
Исчезает память твоя, и желание твое Трр.

17 мая 1935

116. ЗАУМНАЯ ПЕСЕНКА

Милая Фефюлинька
и Филосóf!
Где твоя тетюлинька
и твой келасóf?

Ваши грудки-пупочки,
ваши кулачки
ваши ручки-хрупочки,
пальчики сучки!

Ты моя Фефюлинька,
куколка-дружок!
Ты моя тетюлинька,
ягодка-кружок.

1935

117. ХОРОШАЯ ПЕСЕНКА ПРО ФЕФЮЛЮ

1

Хоть ростом ты и не высока,
зато изящна как осока.

Припев:

Эх, ремонт, ремонт, ремонт!
Первакóкин и кинéб!

2

Твой лик бровями оторочен,
но ты для нас казиста очень.

Припев:

Эх, ремонт, ремонт, ремонт!
Первакóкин и кинéб!

3

И ваши пальчики-колбашки
приятней нам, чем у Латашки.

Припев:

Эх, ремонт, ремонт, ремонт!
Первакóкин и кинéб!

4

Мы любим вас и ваши ушки.
Мы приноровлены друг к дружке.

Эх, ремонт, ремонт, ремонт!
Первакóкин и кинéб!

1935

118. СОН ДВУХ ЧЕРНОМАЗЫХ ДАМ

Две дамы спят, а впрочем, нет,
не спят они, а впрочем, нет,
конечно, спят и видят сон,
как будто в дверь вошел Иван,
а за Иваном управдом,
держа в руках Толстого том
«Война и мир», вторая часть...
А впрочем, нет, совсем не то,
вошел Толстой и снял пальто,
калоши снял и сапоги
и крикнул: «Ванька, помоги!»
Тогда Иван схватил топор
и трах Толстого по башке.
Толстой упал. Какой позор!
И вся литература русская в ночном горшке.

19 августа 1936

119

Некий Пантелей ударил пяткой Ивана.
Некий Иван ударил колесом Наталью.
Некая Наталья ударила намордником Семена.
Некий Семен ударил корытом Селифана.
Некий Селифан ударил поддевкой Никиту.
Некий Никита ударил доской Романа.
Некий Роман ударил лопатой Татьяну.
Некая Татьяна ударила кувшином Елену.
И началась драка.
Елена била Татьяну забором.
Татьяна била Романа матрацом.
Роман бил Никиту чемоданом.
Никита бил Селифана подносом.
Селифан бил Семена руками.
Семен плевал Наталье в уши.
Наталья кусала Ивана за палец.

Иван лягал Пантелея пяткой.
Эх, думали мы, дерутся хорошие люди.

8 января 1937

120

Одна девочка сказала: «гвя».
Другая девочка сказала: «хфы».
Третья девочка сказала: «мбрю».
А Ермаков капусту из-под забора хряпал, хряпал
и хряпал.

Видно, вечер уже наступал.
Мотыка с говном наигрался и спать пошел.
Моросил дождик.
Свиньи горох ели.
Рагозин в женскую баню подглядывал.
Сенька на Маньке верхом сидел.
Манька же дремать начала.
Потемнело небо. Заблестали звезды.
Под полом крысы мышку загрызли.
Спи, мой мальчик, и не пугайся глупых снов.
Глупые сны от желудка.

8 января 1937

121

Брейте бороду и усы!
Вы не козлы, чтобы бороду носить.
Вы не коты, чтобы усами шевелить.
Вы не грибы, чтобы в шляпках стоять.
Эх, барышни!
Посдергайте ваши шапочки!
Эх, красоточки!
Посдергайте ваши юбочки!
Ну-ка ты, Манька Марусина,
сядь-ка на Петьку Елабонина.
Стригите, девочки, ваши косички.
Вы не зебры, чтобы бегать с хвостиками.
Толстенские девочки,
пригласите нас на праздники.

8 января 1937

342

Ведите меня с завязанными глазами.
 Не пойду я с завязанными глазами.
 Развяжите мне глаза, и я пойду сам.
 Не держите меня за руки,
 и рукам волю дать хочу.
 Расступитесь, глупые зрители,
 и ногами сейчас шпыняться буду.
 Я пройду по одной половице и не пошатнусь,
 по карнизу пробегу и не рухну.
 Не перечьте мне. Пожалеете.
 Ваши трусливые глаза неприятны богам.
 Ваши рты раскрываются некстати.
 Ваши носы не знают вибрирующих запахов.
 Ешьте суп — это ваше занятие.
 Подметайте ваши комнаты — это вам положено от
века.

Но снимите с меня бандажи и набрюшники,
 и солью питаюсь, а вы сахаром.
 У меня свои сады и свои огороды.
 У меня в огороде пасется своя коза.
 У меня в сундуке лежит меховая шапка.
 Не перечьте мне, я сам по себе, а вы для меня только
четверть дыма.

8 января 1937

123

Григорий студнем подавился
 и вдруг ушел из-за стола.
 В прихожей он остановился
 и плюнул в зеркало со зла.

21 февраля 1937

124

Я долго смотрел на зеленые деревья.
 Покой наполнял мою душу.
 Еще по-прежнему нет больших и единых мыслей,
 такие же клочья, обрывки и хвостики.
 То вспыхнет земное желание,
 то протянется рука к занимательной книге,
 то вдруг хватаю листок бумаги,
 но тут же в голову сладкий сон стучится.

Сажусь к окну в глубокое кресло,
смотрю на часы, закурываю трубку,
но тут же вскакиваю и перехожу к столу,
сажусь на твердый стул и скручиваю себе папиросу.
Я вижу, бежит по стене паучок,
я слежу за ним, не могу оторваться.
Он мне мешает взять в руки перо.
Убить паука!

Лень подняться.

Теперь я гляжу внутрь себя.

Но пусто во мне, однообразно и скучно,
нигде не бьется интенсивная жизнь,
всё вяло и сонно как сырая солома.

Вот я побывал в самом себе
и теперь стою перед вами.

Вы ждете, что я расскажу о своем путешествии,
но я молчу, потому что я ничего не видел.

Оставьте меня и дайте спокойно смотреть на зеленые
деревья.

Тогда, быть может, покой наполнит мою душу.

Тогда, быть может, проснется моя душа,
и я проснусь, и во мне забьется интенсивная жизнь.

2 августа 1937

125

Шел Петров однажды в лес.

Шел и шел и вдруг исчез.

«Ну и ну, — сказал Бергсон, —
сон ли это? Нет, не сон».

Посмотрел и видит ров,
а во рву сидит Петров.

И Бергсон туда полез.

Лез и лез и вдруг исчез.

Удивляется Петров:

«Я, должно быть, нездоров.

Видел я — исчез Бергсон.

Сон ли это? Нет, не сон».

1937?

126. СМЕРТЬ ДИКОГО ВОИНА

Часы стучат,

часы стучат,

летит над миром пыль.

В городах поют,
в городах поют,
в пустынях звенит песок.

Поперек реки,
поперек реки
летит копьё, свистя.

Дикарь упал,
дикарь упал
и спит, амулетом блестя.

Как легкий пар,
как легкий пар,
летит его душа

и в солнца шар,
и в солнца шар
вонзается, косами шурша.

Четыреста воинов,
четыреста воинов
мечами небу грозят.

Супруга убитого,
супруга убитого
к реке на коленях ползет,

супруга убитого,
супруга убитого
отламывает камня кусок

и прячет убитого,
и прячет убитого
под ломаный камень в песок.

Четыреста воинов,
четыреста воинов
четыреста суток молчат.

Четыреста суток,
четыреста суток
над миром часы не стучат.

27 июня 1938

Детство Н. А. Заболоцкого (1903—1958), сына агронома, прошло в деревне — сначала в Казанской, потом в Вятской губернии. Впечатления северной природы предопределили его натурфилософские интересы и отразились в его поэзии. В Уржумском реальном училище он приобщился к рисованию, а дома — к чтению. В 1920 году Заболоцкий поступает на историко-филологический факультет Московского университета, однако, не прижившись в Москве, переезжает в Петроград и переходит здесь в Педагогический институт на отделение языка и литературы. В 1926 году он сближается с участниками театра «Радикс», потом принимает участие в ОБЭРИУ, — автором поэтического раздела Декларации ОБЭРИУ был именно Заболоцкий. В 1929 году выходят «Столбцы», многими воспринятые как значительное поэтическое событие, однако официальной критикой встреченные достаточно враждебно. Подготовленная Заболоцким в 1932 году новая редакция книги не была издана. После разгрома ОБЭРИУ Заболоцкий сначала поддерживает отношения с «внутренним кругом» — поэтами Введенским, Хармсом, Олейниковым и философами Я. С. Друскиным и Л. С. Липавским, — однако после ссоры с Введенским в 1931 году постепенно от них отходит. В это время происходит изменение поэтической манеры Заболоцкого, условно говоря, в сторону «классицизма». В тридцатые годы Заболоцкий работает в детской литературе, много переводит. В 1937 году вышла его небольшая «Вторая книга». В 1938 году его арестовали. Вернувшись из лагеря и ссылки, Заболоцкий с 1946 года живет в Москве, занимаясь переводами. В послевоенные годы Заболоцкий написал около ста стихотворений — многие из них в русле той натурфилософской лирики, которую он начал разрабатывать в тридцатые годы.

127. ОФОРТ

И грянул на весь оглушительный зал:
«Покойник из царского дома бежал!»

Покойник по улицам гордо идет,
его постояльцы ведут под уздцы;
он голосом трубным молитву поет
и руки вздымает наверх.

Он — в медных очках, перепончатых рамах,
переполнен до горла подземной водой,
над ним деревянные птицы со стуком
смыкают на створках крыла.

А кругом — громобой, цилиндров бряцанье
и курчавое небо, а тут —
городская коробка с расстегнутой дверью
и за стеклышком — розмарин.

Январь 1927

128. НОВЫЙ БЫТ

Выходит солнце над Москвой,
старухи бегают с тоской:
куда, куда идти теперь?
Уж новый быт стучится в дверь!
Младенец наглядко обструган,
сидит в купели как султан,
прекрасный поп поет как бубен,
паникадиллом осиян;
прабабка свечку выжимает,
младенец будто бы мужает,
но новый быт несется вскачь —
младенец лезет окарач.
Ему не больно, не досадно,
ему назад не близок путь,
и звезд коричневые пятна
ему наклеены на грудь.
Уж он и смотрит свысока,
(в его глазах — два оселка),
потом пирует до отказа
в размахе жизни трудовой,
гляди! гляди! он выпил квасу,
он девок трогает рукой
и вдруг, шагая через стол,
садится прямо в комсомол.

А время сохнет и желтеет,
стареет папенька-отец,
и за окошками в аллее

играет сваха в бубенец.
Ступни младенца стали шире,
от стали ширится рука,
уж он сидит в большой квартире,
невесту держит за рукав.
Приходит поп, тряся ногами,
в ладошке мощи бережет,
благословить желает стенки,
невесте — крестик подарить...
«Увы! — сказал ему младенец, —
уйди, уйди, кудрявый поп,
я — новой жизни ополченец,
тебе ж — один остался гроб!»
Уж поп тихонько плакать хочет,
стоит на лестнице, бормочет,
уходит в рощу, плачет лихо;
младенец в хохот ударял —
с невестой шепчется: «Шутиха,
скорей бы час любви настал!»

Но вот знакомые скатились,
завод пропел: ура! ура!
и новый быт, даруя милость,
в тарелке держит осетра.
Варенье, ложечкой носимо,
успело сделаться свежо,
жених проворен нестерпимо,
к невесте лепится ужом,
и председатель наотвале,
чете играя похвалу,
приносит в выборгском бокале
вино солдатское, халву,
и, принимая красный спич,
сидит на столике кулич.

Ура! ура! — заводы воют,
картошкой дым под небеса,
и вот супруги на покое
сидят и чешут волоса.
И стало всё благоприятно:
приходит ночь, ушла обратно,
и за окошком через миг
погасла свечка-пятерик.

Апрель 1927

129. ДВИЖЕНИЕ

Сидит извозчик как на троне,
из ваты сделана броня,
и борода, как на иконе,
лежит, монетами звеня.
А бедный конь руками машет,
то вытянется, как налим,
то снова восемь ног сверкают
в его блестящем животе.

Декабрь 1927

130. ПОПРИЩИН

Когда замерзают дороги
И ветер шатает кресты,
Безумными пальцами Гоголь
Выводит горбатые сны.
И вот, костеня от стужи,
От непобедимой тоски,
Качается каменный ужас,
А ветер стреляет в виски,
А ветер крылатку срывает,
Взрывает седые снега
И вдруг, по суставам спадая,
Ложится — покорный — к ногам.
Откуда такое величье?
И вот уж не демон, а тот —
Бровями взлетает Поприщин,
Лицо поднимает вперед.
Крутись в департаментах, ветер,
Разбрызгивай перья в поток,
Раскрыв перламутровый веер,
Испания встанет у ног.
Лиловой червонной мантильей
Взмахнет на родные поля,
И шумная выйдет Севилья
Встречать своего короля.
А он — исхудалый и тонкий,
В сиянье страдальческих глаз,
Поднимется...
...Снова потемки,

Кровать, сторожа, матрас,
Рубаха под мышками режет,
Скулит, надрывается Меджи,
И брезжит в окошко рассвет.

Хлещи в департаментах, ветер,
Взметай по проспекту снега,
Вали под сугробы карету
Сиятельного седока.
По окнам, колоннам, подъездам,
По аркам бетонных свай,
Срывай генеральские звезды,
В сугробы мосты зарывай.
Он вытянул руки, несется,
Ревет в ледяную трубу,
За ним снеговые уродцы,
Свернувшись, по крышам бегут.
Хватаются
За колокольни,
Врываются
В колокола,
Ложатся в кирпичные бойни
И снова летят из угла
Туда, где в последней отваге,
Встречая слепой ураган, —
Качается в белой рубахе
И с мертвым лицом —
Фердинанд.

<1928>

131. НА ЛЕСТНИЦАХ

Коты на лестницах упругих,
большие рыла приподняв,
сидят как будды на перилах,
режут как трубы о любви.
Нагие кошечки, стесняясь,
друг к дружке жмутся, извиняясь.
Кокетки! Сколько их кругом!
Они по кругу ходят боком,
они текут любовным соком,
они трясутся, на весь дом

распространяя запах страсти.
Коты ревут, открывши пасти,
они как дьяволы вверху
в своем серебряном меху.

Один лишь кот в глухой чужбине
сидит, задумчив, не поет,
в его взъерошенной овчине
справляют блохи хоровод.
Отшельник лестницы печальной,
монах помойного ведра,
он держит мир первоначальный
на мозговых своих буграх.
Сквозь дверь он чувствует квартиру,
где труд дневной едва лишь начат,
там от плиты и до сортира
лишь бабьи туловища скачут;
там примус выстроен, как дыба,
на нем, от ужаса треща,
чахоточная воеет рыба
в зеленых масляных прыщах;
там трупы вымытых животных
лежат на противнях холодных
и чугуны — купели слез —
венчают зла апофеоз.

Кот поднимается, трепещет,
сомнения нету — замкнут мир,
и лишь одни помои плещут
туда, где мудрости кумир.
И кот встает на две ноги,
идет вперед, подъявля лапы,
пропала лестница. Ни зги
в глазах. Шарахаются бабы,
но поздно! Кот, на шею сев,
как дьявол бьется, озверев,
рвет тело, жилы отворяет,
когтями кости вырывает...
О, Боже, Боже, как нелеп!
Сбесился он или ослеп?

Шла ночь без горечи и страха,
и любопытным виден был
семейный сад — котова плаха,

где месяц медленный всходил.
Деревья дружные качали
большими сжатыми телами,
нагие птицы верещали,
скача неверными ногами —
над ними, скаля желтый зуб,
висел kota саженный труп.

Монах! Ты висельником стал!
Прощай... В моем окошке,
справляя дикий карнавал,
опять несутся кошки,
и я на лестнице стою,
такой же белый, важный —
я продолжаю жизнь твою,
мой праведник отважный.

1928

132. ЦИРК

Цирк сияет словно щит,
цирк на пальцах верещит,
цирк на дудке завывает,
душа в душу ударяет.

С нежным личиком испанки
и цветами в волосах
тут девочка — пресветлый ангел —
виясь, плясала вальс-казак.

Она среди густого пара
стоит как белая гагара,
то, сгибаясь у плеча,
реет, ноги волоча.

То вдруг присвистнет, одинокая,
совется маленьким ужом,
и вновь несется, нежно охая, —
прелестный образ и почти что нагишом!
Но вот одежды беспокойство
вкруг тела складками легло.
Хотя напрасно!

Членов нежное устройство
на всех впечатление произвело.

Милу Иванову
Соловю

ДОМ ПЕЧАТИ

Фонтанка, 21

ПРИГЛАСИТЕЛЬНЫЙ БИЛЕТ

№ 21

ОБЭРИУ просит Вас пожаловать на
вечер, имеющий быть в Доме Печати
24 января с/г.

О. Керн

Начало в 7 1/2 ч. в.

Фонтанка, 21.

ВО ВТОРНИК

ДОМ ПЕЧАТИ

1926 г.

24

В порядке показа новейших течений искусства А

ТЕАТРАЛИЗОВАННЫЙ ВЕЧЕР ОБЗЕРИУТОВ ТРИ ЛЕВЫХ ЧАСУ

ОБЗЕРИУ—Обединение Реального Искусства.
Литература—ИЗО—КИНО—ТЕАТР.

Первый час. Вступленье. Декларация Обзру. Декларация Литературной Семьи.

Читает
стихи:

К. К. Вагинов
Н. Заболоцкий
Даниил Хармс

Н. Яценко
Игорь Бахтерев
А. Введенский

К
И

Второй час.

Будет показ театрального представления

ЕЛИЗАВЕТА БАМ

Танец—Д. И. Хармс
Декларация и вступленье
И. Бахтерева.

Иллюстрации—И. Бахтерев, Бор. Лисица, Д. Хармс. Музыкальные сочинения—И. Бахтерев.
Литература: Бабанов, И. Яценко, И. Бахтерев, Грин, Миллер.
Музыка: П. Ветчинин

„СРАЖЕНИЕ ДВУХ БОГАТЫРЕЙ“

Третье представление. Музыка—И. Бахтерев, И. Яценко, И. Бахтерев.
Музыкальные сочинения—И. Бахтерев.

Третий час.

Играет размышления в пути кино—Александр Разумовский.

ФИЛЬМ № 1-мяСОРУБКА

Работы Александра Разумовского и Клементия Минина. Две картины—И. Яценко, И. Бахтерев.

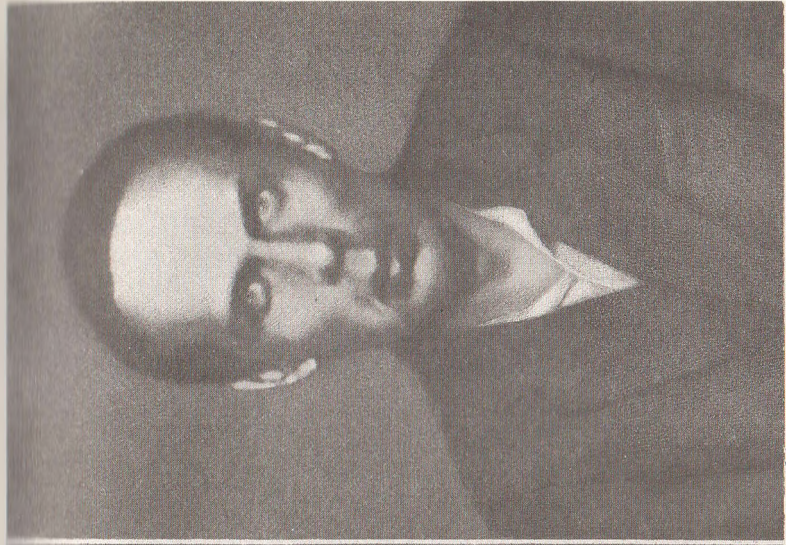
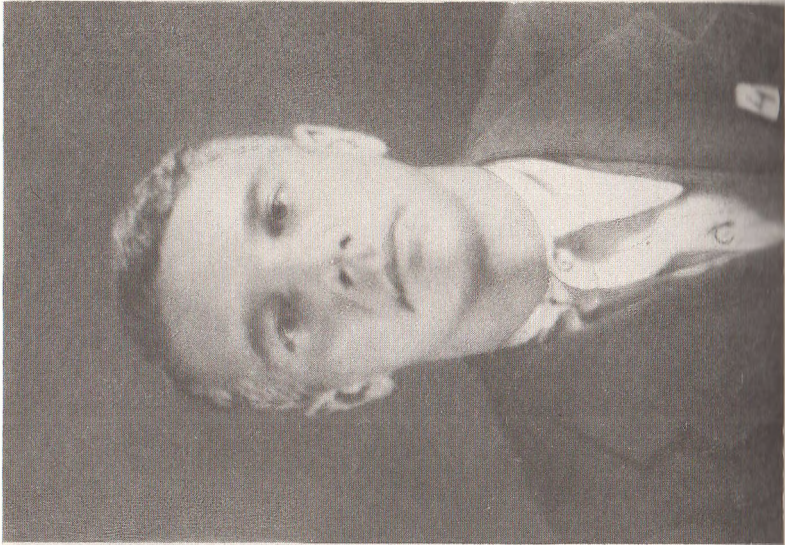
В прощальных играх «Джаз» под управлением Николая Курьянова. Пометый вечер Ирой Гольц.
Музыка: И. Бахтерев, И. Яценко, И. Бахтерев.

ДИСПУТ

ведет Обзриут Сергей Цимбал, который будет выступать общедоступно, но в то же время тонко и художественно.
Начало в 7½ час. веч.
Почти бесплатно от 40 коп. до 2 руб.
Готовится к постановке
ГОРДАНО БРУНО. ЗОЛОТЫЕ РОССЫИИ.
Члены Д. Я. общества 60%.

Толпа встает. Все дышат как сапожники.
Во рту — слюны навар кудрявый.
Иные — даже самые безбожники —
полны таинственной отравой.
Другие же, суя табак в пустую трубку,
облизываясь, мысленно целуют ту голубку,
которая пред ними пролетела.
Пресветлая! Остаться не захотела!

Вой всюду в зале тут стоит,
кромешным духом все полны,
но музыка опять гремит,
и все опять удивлены.
Лошадь белая выходит,
белым личиком вертя,
и на ней при всем народе
сидит полновесное дитя.
Вот, маша руками враз,
дитя, смеясь, сидит анфас,
и вдруг, взмахнув ноги обмылком,
дитя сидит к коню затылком.
А конь как стражник, опустив
высокий лоб с большим пером,
по кругу носится, спесив,
поставив ноги под углом.

Тут опять всеобщее изумленье,
и похвала, и одобренье,
и как зверек кусает зависть
тех, кто недавно улыбались
иль равнодушными казались.
Мальчишка, тихо хулиганя,
подружке на ухо шептал:
«Какая тут сварилась баня!» —
и девку нежно обнимал.
Она же, к этому привыкнув,
сидела тихая, не пикнув:
закон имея естества,
она желала сватовства.

Но вот опять арена скачет,
ход представленья снова начат:
два тоненькие мужика

серьезно гнутся у шеста.
Один, чертя рукой девичьей,
на воздух медленный ползет,
то красный шарик выпускает,
то вниз — нарядный — упадет
и товарищу на плечи
тонкой ножкою встает.
Потом они, смеясь опасно,
ползут наверх единоголосно,
и там, обнявшись наугад,
на толстом воздухе стоят.
Они дыханьем укрепляют
двойного тела равновесье,
но через миг опять летают,
себя по воздуху развеса.

Тут опять, восторгом налит,
зал трясется как кликуша
и в ладони громко жарит,
не щадя чужие уши.
Один старик интеллигентный
сказал, другому говоря:
«Этот праздник разноцветный
посещаю я не зря.
Здесь нахожу я греческие игры,
красоток розовые икры,
научных замечаю лошадей, —
это не цирк, а прямо чародей!»
Другой, плешивый как колено,
сказал, что это несомненно.

На последний страшный номер
вышла женщина-змея, —
она усердно ползала в соломе,
ноги в кольца завивя.
Проползав несколько минут,
она совсем лицилась тела.
Кругом служители бегут:
«Где? Где?»
Красотка улетела!
Тут пошел в народе ужас,
все свои хватают шапки
и бросаются наружу,
имея девок полные охапки.

«Воры! Воры!» — все кричали,
но воры были невидимки —
они в тот вечер угощали
своих друзей на Ситном рынке.
Над ними небо было рыто
веселой руганью двойной,
и жизнь трещала как корыто,
летая книзу головой.

1928

133. ИСКУШЕНИЕ

Смерть приходит к человеку,
Говорит ему: «Хозяин,
Тыходишь на калеку,
Насекомыми кусаем.
Брось житье, иди за мною,
У меня во гробе тихо.
Белым саваном укрою
Всех от мала до велика.
Не грусти, что будет яма,
Что с тобой умрет наука:
Поле выпашется само,
Рождь поднимется без плуга.
Солнце в полдень будет глгчим,
Ближе к вечеру прохладным.
Ты же, опытом научен,
Будешь белым и могучим
С медным крестиком квадратным
Спать во гробе аккуратном».

«Смерть, хозяина не трогай, —
Отвечает ей мужик. —
Ради старости убогой
Пощади меня на миг.
Дай мне малую отсрочку,
Отпусти меня. А там
Я единственную дочку
За труды тебе отдам».

Смерть не плачет, не смеется,
В руки девицу берет

И, как полымя, несется,
И трава под нею гнется
От избушки до ворот.

Холмик в поле стоит,
Дева в холмике шумит:
«Тяжело лежать во гробе,
Почернели ручки обе,
Стали волосы как пыль,
Из груди растет ковыль.
Тяжело лежать в могиле,
Губки тоненькие сгнили,
Вместо глазок — два кружка,
Нету милого дружка!»

Смерть над холмиком летает
И хохочет и грустит,
Из ружья в него стреляет
И, склоняясь, говорит:
«Ну, малютка, полно врать,
Полно глотку в гробе драть!
Мир над миром существует,
Вылезай из гроба прочь!
Слышишь, ветер в поле дует,
Наступает снова ночь.
Караваны сонных звезд
Пролетели, пронеслись.
Кончен твой подземный пост,
Ну, попробуй, поднимись!»

Дева ручками взмахнула,
Не поверила ушам,
Доску вышибла, вспрыгнула,
Хлоп! И лопнула по швам.

И течет, течет бедняжка
В виде маленьких кишок.
Где была ее рубашка,
Там остался порошок.
Изо всех отверстий тела
Червяки глядят несмело,
Вроде маленьких малюток
Жидкость розовую пьют.

Была дева — стали щи.
Смех, не смейся, подожди!
Солнце встанет, глина треснет,
Мигом девица воскреснет.

Из берцовой из кості
Будет деревце расти,
Будет деревце шуметь,
Про девицу песни петь,
Про девицу песни петь,
Сладким голосом звенеть:
«Баю, баюшки, баю,
Баю девочку мою!
Ветер в поле улетел,
Месяц в небе побелел.
Мужики по избам спят,
У них много есть котят.
А у каждого кота
Были красны ворота,
Шубки синеньки у них,
Все в сапожках золотых,
Все в сапожках золотых,
Очень, очень дорогих...»

1929

134. МЕРКНУТ ЗНАКИ ЗОДИАКА

Меркнут знаки Зодиака
над просторами полей,
спит животное Собака,
дремлет птица Воробей.
Толстозадые русалки
улетают прямо в небо —
руки крепкие как палки,
груди круглые как репа.
Ведьма, сев на треугольник,
превращается в дымок,
с лешачихами покойник
стройно пляшет кекуок.
Вслед за ними бледным хором
ловят Муху колдуны,
и стоит над косогором
неподвижный лик луны.

Меркнут знаки Зодиака
над постройками села,
спит животное Собака,
дремлет рыба Камбала.
Колотушка тук-тук-тук,
спит животное Паук,
спит Корова, Муха спит,
над землей луна висит.
Над землей большая плошка
опрокинутой воды.

Леший вытащил бревешко
из мохнатой бороды,
из-за облака сирена
ножку выставила вниз,
людоед у джентльмена
неприличное отгрыз.
Всё смешалось в общем танце,
и летят во все концы
гамадрилы и британцы,
ведьмы, блохи, мертвецы.

Кандидат былых столетий,
полководец новых лет —
разум мой! Уродцы эти —
только вымысел и бред.
Только вымысел, мечтанье,
сонной мысли колыханье,
безутешное страданье —
то, чего на свете нет...

Высока земли обитель.
Поздно, поздно. Спать пора.
Разум, бедный мой воитель,
ты заснул бы до утра.
Что сомненья? Что тревоги?
День прошел, и мы с тобой —
полузвери, полубоги —
засыпаем на пороге
новой жизни трудовой.

Колотушка тук-тук-тук.
Спит животное Паук.
Спит Корова, Муха спит.
Над землей луна висит.

Над землей большая площадка
опрокинутой воды.
Спит растение Картошка.
Засыпай скорей и ты!

1929

135. ИСКУССТВО

Дерево растет, напоминая
естественную, деревянную колонну.
От него расходятся члены,
одетые в круглые листья.
Собранье таких деревьев
образует лес, дубраву.
Но определенье леса неточно,
если указать на одно формальное строенье.

Толстое тело коровы,
поставленное на четыре окончання,
увенчанное храмовидной головою
и двумя рогами (словно луна в первой четверти),
тоже будет непонятно,
тоже будет непостижимо,
если забудем о его значении
на карте живущих всего мира.

Дом, деревянная постройка,
составленная как кладбище деревьев,
сложенная как шалаш из трупов,
словно беседка из мертвецов, —
кому он из смертных понятен,
кому из живущих доступен,
если забудем человека —
кто строил его и рубил.

Человек, владыка планеты,
государь деревянного леса,
император коровьего мяса,
Саваоф двухэтажного дома —
он и планетою правит,
он и леса вырубает,
он и корову зарежет,
а вымолвить слова — не может!

Но я — однообразный человек —
взял в рот длинную сияющую дудку,
дул, и, подчиненные дыханию,
слова вылетали в мир, становясь предметами.

Корова мне кашу варила,
дерево сказку читало,
а мертвые домики мира
прыгали, словно живые.

1930

136. ВОПРОСЫ К МОРЮ

Хочу у моря я спросить,
Для чего оно кипит?
Пук травы зачем висит,
Между волн его сокрыт?
Это множество воды
Очень дух смущает мой.
Лучше б выросли сады
Там, где слышен моря вой.
Лучше б тут стояли хаты
И полезные растенья,
Звери бегали рогаты
Для крестьян увеселенья.
Лучше бы руду копать
Там, где моря видим гладь,
Сани делать, башни строить,
Волка пулей беспокоить,
Разводить медикаменты,
Кукурузу молотить,
Деве розовые ленты
В виде опыта дарить.
В хороводе бы скакать,
Змея под вечер пускать
И дневные впечатленья
В свою книжечку писать.

1930

137. БИТВА СЛОНОВ

Воин слова, по ночам
петь пора твоим мечам!

На бессильные фигурки существительных
кидаются лошади прилагательных,
косматые всадники
преследуют конницу глаголов,
и снаряды междометий
рвутся над головами как сигнальные ракеты.

Битва слов! Значений бой!
В башне Синтаксис — разбой.
Европа сознания
в пожаре восстания.
Невзирая на пушки врагов,
стреляющие разбитыми буквами,
боевые Слоны Подсознания
вылезают и топчутся
словно исполинские малютки.
Но вот, с рождения не евши,
они бросаются в таинственные бреши
и с человечьими фигурками в зубах
счастливо поднимаются на задние ноги.
Слоны Подсознания!
Боевые животные преисподней!
Они стоят, приветствуя веселым воем
всё, всё, что добыто разбоем.

Маленькие глазки Слонов
наполнены смехом и радостью.
Сколько игрушек! Сколько хлопушек!
Пушки замолкли, крови покушав.
Синтаксис домики строит не те,
мир в неуклюжей стоит красоте!
Деревьев отброшены старые правила,
на новую землю их битва направила.
Они разговаривают, пишут сочинения,
весь мир неуклюжего полон значения!
Волк вместо разбитой морды
приделал себе человечье лицо,
вытащил флейту, играет без слов
первую песню военных Слонов.

Поэзия, сраженье проиграв,
стоит в растерзанной короне.
Рушились башен столетних Монбланы,
где цифры сияли как будто полканы,

где меч силлогизма горел и сиял,
проверенный чистым рассудком.
И что же? Сражение он проиграл
во славу иным прибауткам.

Поэзия в великой муке
ломает бешеные руки,
клянет весь мир, себя зарезать хочет,
то как безумная хохочет,
то в поле бросится, то вдруг
лежит в пыли, имея много мук.

На самом деле, как могло случиться,
что пала древняя столица?
Весь мир к поэзии привык,
всё было так понятно,
в порядке конница стояла,
на пушках цифры малевала,
и на знаменах слово Ум
кивало всем, как добрый кум.

И вдруг какие-то Слоны,
и всё перевернулось!
Поэзия начинает приглядываться,
изучать движение новых фигур,
она начинает понимать красоту неуклюжести,
красоту Слона, выброшенного преисподней.

Сраженье кончено. В пыли
цветут растения земли,
и Слон, рассудком приручаем,
ест пироги и запивает чаем!

1931

138. ВРЕМЯ

1

Ираклий, Тихон, Лев, Фома
Сидели важно вокруг стола.
Над ними дедовский фонарь
Висел, роняя свет на пир.
Фонарь был пышный и старинный,

Но в виде женщины чугунной.
Та женщина висела на цепях,
Ей в спину наливали масло,
Дабы лампада не погасла
И не остаться всем впотьмах.

2

Благообразная вокруг
Сияла комната для пира.
У стен — с провизией сундук,
Там — изображение кумира
Из дорогого алебастра.
В горшке цвела большая астра.
И несколько стульев прекрасных
Вокруг стояли стен однообразных.

3

Так в этой комнате жилой
Сидели четверо пирующих гостей.
Иногда они вскакивали,
Хватались за ножки своих бокалов
И пронзительно кричали: «Виват!»
Светила лампа в двести ватт.
Ираклий был лесной солдат,
Имел ружья огромную тетерю,
В тетере был большой курок.
Нажав его перстом, я верю,
Животных бить возможно впрок.

4

Ираклий говорил, изображая
Собой могучую фигуру:
«Я женщин с детства обожаю.
Они представляют собой роскошную
клавиатуру,
Из которой можно извлекать аккорды».
Со стен смотрели морды
Животных, убитых во время перестрелки.
Часы двигали свои стрелки.
И, не сдержав разбег ума,
Сказал задумчивый Фома:
«Да, женщины значение огромно,
Я в том согласен безусловно,

Но мысль о времени сильнее женщин. Да!
Споём песенку о времени, которую мы поём всегда».

5

Песенка о времени

Легкий ток из чаши А
Тихо льется в чашу Бе,
Вяжет дева кружева,
Пляшут звезды на трубе.

Поворачивая ввысь
Андромеду и Коня,
Над землею поднялись
Кучи звездного огня.

Год за годом, день за днем
Звездным мы горим огнем,
Плачем мы, созвездий дети,
Тянем руки к Андромеде

И уходим навсегда,
Увидавши, как в трубе
Легкий ток из чаши А
Тихо льется в чашу Бе.

6

Тогда ударил вновь бокал,
И разом все «Виват!» вскричали,
И им в ответ, устроив бал,
Часы пять криков прокричали.
Как будто маленький собор,
Висящий крепко на гвозде,
Часы кричали с давних пор,
Как надо двигаться звезде.
Бездонный времени сундук,
Часы — творенье адских рук!
И, всё это прекрасно понимая,
Сказал Фома, родиться мыслям помогая:
«Я предложил бы истребить часы!»
И, закрутив усы,

Он посмотрел на всех спокойным глазом.
Блестела женщина своим чугунным тазом.

7

А если бы они взглянули за окно,
Они б увидели великое пятно
Вечернего светила.
Растенья там росли, как дудки,
Цветы качались выше плеч,
И в каждой травке, как в желудке,
Возможно свету было течь.
Мясных растений городок
Пересекал воды поток.
И, обнаженные, слагались
В ладошки длинные листы,
И жилы нижние купались
Среди химической воды.

8

И, с отвращеньем посмотрев в окошко,
Сказал Фома: «Ни клюква, ни морошка,
Ни жук, ни мельница, ни пташка,
Ни женщины большая ляжка
Меня не радуют. Имейте все в виду:
Часы стучат, и я сейчас уйду».

9

Тогда встает безмолвный Лев,
Ружье берет, остервенев,
Влагает в дуло два заряда,
Всыпает порох роковой
И в середину циферблата
Стреляет крепкою рукой.
И все в дыму стоят, как боги,
И шепчут, грозные: «Виват!»
И женщины железной ноги
Горят над ними в двести ватт.
И все растенья припадают
К стеклу, похожему на клей,
И с удивленьем наблюдают
Могилу разума людей.

1933

139. ПРОЩАНИЕ С ДРУЗЬЯМИ

В широких шляпах, длинных пиджаках,
С тетрадами своих стихотворений,
Давным-давно рассыпались вы в прах,
Как ветки облетевшие сирени.

Вы в той стране, где нет готовых форм,
Где всё разъято, смешано, разбито,
Где вместо неба — лишь могильный холм
И неподвижна лунная орбита.

Там на ином, невнятном языке
Поет синклит беззвучных насекомых,
Там с маленьким фонариком в руке
Жук-человек приветствует знакомых.

Спокойно ль вам, товарищи мои?
Легко ли вам? — И всё ли вы забыли?
Теперь вам братья — корни, муравьи,
Травинки, вздохи, столбики из пыли.

Теперь вам сестры — цветики гвоздик,
Соски сирени, щепочки, цыплята...
И уж не в силах вспомнить ваш язык
Там наверху оставленного брата.

Ему еще не место в тех краях,
Где вы исчезли, легкие, как тени,
В широких шляпах, длинных пиджаках,
С тетрадами своих стихотворений.

1952

Игорь Владимирович Бахтерев, единственный здравствующий из обэриутов, родился в 1908 году. В 1930-м он окончил театральное отделение Высших курсов искусствоведения при Институте истории искусств. В середине 1920-х годов Бахтерев сближается с А. Введенским и Д. Хармсом, вместе с которыми принимает участие в группе поэтов-заумников, в организации и работе театра «Радикс», потом — в ОБЭРИУ; вместе с Хармсом он ставит на сцене Дома печати «Елизавету Бам» и оформляет этот спектакль.

На протяжении 1930-х годов Бахтерев работает в детской литературе. В соавторстве с А. Разумовским, представлявшим в ОБЭРИУ киносекцию, Бахтерев написал несколько пьес, наиболее известная из которых, «Полководец Суворов», была впервые поставлена на сцене Ленинградского академического театра драмы им. А. С. Пушкина в 1938 году. Свой поэтический эксперимент Бахтерев продолжал разрабатывать на протяжении всей своей жизни, однако стихи его до самого последнего времени не печатались. Первая публикация стихотворений за рубежом — в 1978 году, на родине — в 1987-м, в рижском журнале «Родник» (№ 12). Об обэриутской молодости, своей и своих друзей, он написал мемуары, вошедшие в книгу «Воспоминания о Заболоцком».

140. ТИШАЙШАЯ ИЗ ПЬЕС

Эрике

Блуждает филин глазом посторонним
по берегу пустынного притока.
Летит журавль многосторонний,
вонзаясь грудью в свет высокий.
Законом, присланным Лукой,
поля стремятся на покой.
Погода дремлет. Воздух душен.

Я в сад вхожу, мне сад послушен.
Встает на цыпочки трава,
у каждой травки голова,
которая качается лениво.
Заход светил приветствует крапива,
перстом несмело отмечая,
спрашивает: «Который час?»
Мышонок звонко отвечает,
танцуя польку подбочась.
Над кровлей туча пролетела,
бросив тень в чуть слышный сад.
Горбатый пес зрачком несмелым
нырнет разок, издаст: «Грык дру...»
с повторным: «Гру...»
И снова тихо. Рожь кругом.
глядят гвоздики за окном,
росу приметив, говорят:
«Вода нужна
в наш тонкий зад»

1925

Ленинград — Волосово
Дача Каменка

141. НАТЮРЕЯ

Пол паркетный словно квадратный. Зеленые фиалки на небосклоне.

в лоне ящика комода
вам возможно
неопратно
неприятно
неудобно
без канатов и крюков
в склепе
в Гродно
опустите заодно
горлодера
гренадера без щеки
при усах и при ушах
па ге ге
за другую почесать долотом
кнопку скопу

и ландо-колондоп
заглотить толокно
цику скоку
или оку
полизать золотую киноварь
гоп хоп
хоп гоп
на извозчике скакал
флейты маленький футляр
пики воткнуты
сотканы
час проходит круговой
тает ночь
убегает утра мед
на паркете тает лед
стульев рой
в небе сизом
пахарь синий при часах,
как солдат на часах
сидит дама на часах.

Теща рачьими клещами
ухватила цвет скатерки
в коридоре на запоре
поль де пух
гроб де вык
не петух птоломей
волосатый и дощатый
нет не дева
прелый дух
пель де пик
поль де нэр
оробел кавалер,
а упырь запретил
без носок в монастырь
гоб хоп — прикатил

в мире холод
в море ночь
меер веер — кольд и гольд
одинокий у подмостка
сев
рыб
тень

вихр
всеволод потогенез
тут мохнатый господин
обратил
обредил
к даме на часах подсел
и подумал э-с-е-р-к-а
кавалер
и галантен и смел
вензель папы
даме дом
бой испорчен —
пять часов.

1926

Гинзук

142. ЭЛЕГИЯ

Семейству Кацман

Я снова выйду в желтый сад
и долго плакать буду там,
а ветер волосы сорвет,
а ветер волосы швырнет
в глухой посад,
пустой посад
к зубчатым воротам.
Чернеет сад, гудит в окно,
звенит младенцами собор.
Вокруг сосновый стынет бор,
в бору том ветер и темно.
Терзаньем зла лесник объят,
лежит и смотрит в муравейник,
в его крови блуждает яд.
Зырян мужи
грызут кофейник
и сотейник,
а надо всем поют стрижи,
а подо всем зияет ад,
где черти пыльные белеют
роются, то во тьме глазают,
болеют, бельмами страдают,
стареют
горечь пьют, потом

спешат в задворок — отчий дом,
шакалом отдаленным лая.
Таких шакалов дева злая
погладит пальчиком потом.
Стихает шепот
над лугами
и топот козьими ступнями.
Уж старцу снится тишина,
а гному снится вышина.
Уже проходят стороной
калики с поднятой клюкой.
Летает ангел над селеньем,
огни погасли — здесь и там.
Дитя замолкло. На моленье
шагает дьякон по мосткам.
В речонке смиренная вода
легла — светла и молода.
Готовят ужин, дым струистый
порхает птицею нечистой.
В печальный миг
тот день поник.
Пастух трубит в свою дуду:
 труда-уду
 уда-туду.
То знак вечерний.
Признак верный.
Последний зов спешить к венцу
по небу грозному тельцу.
День завершается дорогой,
а на душе моей тревога,
которая мне, говорят, к лицу.
Я выйду той дорогой в сад
и долго плакать буду там,
шум ветра волосы сорвет,
в окно швырнет,
в глухой посад,
где тихий зов, где темный сад
да буйных пчел бесцельный гам.
Шуми-шуми богов стихия,
под зелень ночи стих и я.
Шуми-шуми ночей стихия,
заканчиваю элегию.
Там — на своей телеге я.

Открыт собор, младенцев полный,
за окнами народов бродят волны.
Вокруг чуть видный бор лежит,
а надо всем поют стрижи.

1927

143. ПОТУСТОРОННИЙ РАЗГОВОР

Просьба:

Далекий друг и бог —
на девяти ногах,
утробу с числами раскрой
и покажи предсмертный страх
с деревянной головой.

Ответ:

Я не буду
не стану говорить.
Потому что я умнее.
Потому что я сильнее.
Потому что я глупее.
Потому что я звонарь
и алтарь
и кунарь
потому что я волдарь и фламандский бунтарь:
потому что
потому что
потому что
потому что...

1931

144. ВАРВАРА

(или Сатира из ее квартиры)

Она бродила час
и два и пять
во тьме сверкающей опять,
перстом стуча в железный таз.
Варвара прыгала, резвась,

ступнями к остановке мчась.
Опять-опять
с кульком опят
спешил и я до скользкого порога,
небрежный мот,
я тот,
который, совершив немного,
вагоном завершил дорогу.

Конечно, совершил, даже довершил. Сначала трамвай
вроде бы задержался, потом остановился. Тогда нам
двоим и обозначился довольно странный, довольно
мокрый град Петра Алексеича.

Потому мы и надели калоши,
подняли зонты,
хотя погода, в общем, хорошая,
в небе панты,
манты да банты,
а за небом канты...
На Литейном весеннем,
покрытом не хлябью,
не тленьем,
а серью да синью,
мне и Варваре,
незатейливой паре,
хотелось друг с другом
(возможным супругам)
под вагоном лежать
или в лужи друг друга кидать
до утренней ночи
(без желателей прочих).
С трамваем «пятеркой»
гориллу глотать,
с трамваем «семеркой»
в горелки играть,
то ль зонтами в утробу совать
многократно
туда и обратно,
туда и обратно.

Подумав так, но предвидя недоброе, я огляделся... А
было всё это, если не ошибаюсь, поблизости от Со-
ляного городка, значит, неподалеку от Фонтанки. Пред-

ставьте, Варвары рядом не оказалось, ни на крышах соседних домов, ни на колокольне, — словом, нигде. Вместо нее вышагивали каких-то восемь. Как один — умны, как один — капельдинеры, один даже — капельмейстер. Я хорошо представлял Варварино пристрастие ко всему, что капает, значит, к водному пространству, которым и была Фонтанка, про что я этим восьмерым и объявил, сказал прямо и бесповоротно:

«Мы сознанием раздуты,
в калоши обуты.
Всё ближе и ниже
на теле веселья
минуты сомненья
и часы без сомненья.
Со мной куль морошки
да картошки немножко
засунем в кулек и консервную банку,
чтобы ужин Варваре
донести на Фонтанку».

Мы именно таким образом и поступили. Забыл
добавить.

«На тарелках поплоче
Варваре хорошей поднести по калоше».

Вдруг на том берегу
послышались громы да ухи.
Кружился затерянный дух
да громкие ветры,
да звонкие Пётры...
Там фонарь молодой
до небес — голубой
на дороге аршинной
затух над водой
беспричинно.
А вокруг беднота — грязнота.
Нелегкая выдалась дата.

Тогда я и выкрикнул, произнес: «Эй! Эй!
Ищите свата — боевого солдата.

А не отыщете,
запалим огоньку и в черноту — высоту,
чтобы высказать гладко
о желаниях сладких,
встречая Варвару
на сухопутном посту,
на Аничкином мосту».

В эти минуты всё и приключилось:

Весла пальчиком прижав,
глаголы в памяти держа,
напоминая длинного ежа,
в лесу колючего ужа,
Варвара плескалась,
в лодке качалась...
Мы вместе видели в очки
ее уместные скачки.
Воды приятное свечение,
с водой — балета приближенье.

Варвара под мост проплыла торопливо,
на нас не смотрела,
вращаясь игриво.
Шуршание тела, шорох весла —
Варвара как рыбка в Неву проплыла —
как добла,
как выбла,
остывшая кобла,
потухшее обло!

Выходит, мы зря на Фонтанку пришли,
не к месту смешные лампадки зажгли,
в смешных положениях с огнями стоим,
сиянием глаз на волны глядим.

Эх вы, поскорей уходите с моста,
картина для нас ясна и проста, —
кто хочет налево или направо,
мы вместе смешная ватага-орава:
один — слишком толстый,
другой — очень длинный,
у третьего — бантик подвязан аршинный,

у четвертого — ноги вместо ушей,
у пятого — примус заместо очей,
у шестого — оглобля вместо плеча,
седьмой — под конем сидит сгоряча,
то ли корчится,
то ли мочится.

Ну, а восьмой — сказать не поверите: с головой вместо шпилек, с глазами из сероводорода, с картошкой и морошкой в кульке, вместо осязания. Видали, каков? Теперь о девятом, значит, про меня. Ничего хорошего тут не скажешь: дураком был, таким и нахожусь — весь в прыщах, ушах и усах... На этом, простите, портреты закончены.

Варвара-Варвара,
твоя амбиция
надолго отбила охоту жениться мне.
Я жизнь одинокую стану влачить,
сердечные боли
на взморьях мочить,
в пекарнях сушить,
в аптеках лечить —
маурой, микстурой.

Тем временем:

В небе зонты:
за небом — канты,
на Фонтанке — плоты,
над плотами — плуты.
Панты да манты.
А людей — лебедей
без конца голубей —
без конца омулей...

Всё

1934 и далее

145. АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЛЮБОВЬ

Сегодня, кажется, теплее,
дни посветлевшие спешат,

волос листва становится белее —
бушует старости ушат.
С бесстыдством пальцы изучают грудь,
а, как известно, груди поднимают ргуть.
Вы мне напомнили Екатерину:
императрицу и ее перину.

Сегодня, кажется, погода
нам улыбается с утра.
Сегодня тихая природа,
археологам в угоду,
напоминает царствие Петра.

Так было двести лет назад,
я помню. Я ходил назад.

Сегодня, кажется, весенние лучи
по темному бульвару пролетели.
Душа в отверстие минувшего стучит,
ветры стучат по веткам елей,
возможно, оттепель близка.

Весны зачатие вас обступило еле,
а вы уже спешите
глодать тоску над Зимнею канавкой,
где рвется через край
апрельских дней волна.
Стадами дум полна
душа твоя:
игривый журавель.

1935

146. ОДИН СТАРИК, ВМЕСТО ЛАМПЫ СЕБЯ ПОВЕСИВШИЙ

Тихо в комнате моей
двери отворяются.
С долгим посвистом грачей,
с длинной тряпкой
на плече,
в длинной шапке
до ушей,
длиннощек и длинношей,
старичок является —

— надвигается.

За туманами окошек
ветерки колышутся,
голоса продольных кошек
за окошком слышатся.

Продолжался старичок,
развивался рыбачок
у того окошечка,
в скюртуке немножечко
выгребая ложечкой
из кармана корочки,
палочки да колышки,
колышки да солнышки.

С длинной ложечки вспорхнула
щучка-невеличка,
длинным перышком взметнулась
удлиненным личиком.

Закружилась в потолок
штопором, винтами
завершая щук урок
длинных рыб перстами,
длинными устами:

наши берди
не для вас,
ваши тверди
не для нас,

мы бритать хотим как вым,
крылетать вас убедим

бим звим

би пи

глинь тень

длинь сень

уда удот

удеби убедам

убеди удивим

глинь тень

длин сень

фью-ю-ю фить

клект дн

щук

чёк

чук

свук.

Вслед за щучкой рыбачок
с полу приподнялся,
в завершение чего
ложечкой махался.
Долетев до потолка,
взлетом притомился.
Пальцы бросил к облакам,
за крючок схватился.
Лампу он изображал,
лампой был,
кругами плыл
над окном с туманом.
Щучка выпалась давно
в сумерках кармана.

Длинь приходит во дворы,
за окном глухой поры
голоса не слышатся.
В длинном доме без огней,
в тихой комнате моей
старичок польшется —
колышется...

1935

147. ЗНАКОМЫЙ ХУДОЖНИК

Петру Соколову

Висит на шесте и крутится
мазков бесцельное собрание,
безмолвное содружество частей
на плоскости утраченной квадрата,
в несмелой охре распластав ладони,
садовник пятился давно.
Он поднимал гвоздику
и снова достигал настурцию.
Уменьем толстых пальцев его создал сундук,
просторный как ведро.
Надо мной гуляет женщина
прозрачней, чем из древней Турции,
обширнее небесной суеты.
Она сказала тихо:
«Меня создал петух».

Передо мной сидит бревенчатый Малевич
с вытянутыми руками,
весь обструганный.
Его холсты шуршавые,
его слова мужицкие
напоминают запах.
Вы смотрите у меня,
Юдин, Эндер и Стерлигов,
грызите подрамники вежливо,
от первого до 318-ого.
Они вас, незатейливых,
всему научат.

Грызите да приговаривайте:

от и дж

от и дв

от и дрь.

Ах уж эти времена
с такими большими и честными — дй,
поменьше — дж,
еще меньше — дв,
совсем крошечными и уморительными
др и дзя.

Теперь со мною рядом
велосипедисты на кривых колесах,
рыбак с черной рыбой за спиной.
И опять предо мной садовник,
он жует календарь науки,
плюется некрасивыми буквами,
ругается историческим голосом
и говорит:
«Дырсенваль кр кф».

Вот какой у меня
знакомый художник.

1936

148. ДЕРЕВЕНСКИЕ КАРТИНЫ

Быки гонялись за коровами,
коровы убегали вдовами.

В лесу грибы растут украдкой,
когда гремят по небу кадки.

Овец надменный предводитель,
сердец утраченных пленитель,
крестьянок вежливый губитель,
порхать над озером любитель,
а в общем страшный:
иёл де пойка.

Мужики гармонь стянули.
Дуньке горло затянули.
А на яблонево́й ветке
пауки тянули сетки.

Человек уходит вбок,
в нем открылся уголок,
в уголке чудесный вид:
жеребенок тихо спит.

Январь 1938

149. ПОСТРОЕНИЕ ЧУВСТВ

Вчера на парковой аллее
среди природы трепетанья
я слышал голос увяданья
моих несбывшихся затей.
Я вспомнил вас,
я вспомнил ваше имя,
а мир ходил вокруг,
как налитое вымя,
он больше и красивей нас,
я понял это вдруг.
Я понял вдруг, что много лет
истории ловлю скелет.

Здесь на скамейке Аракчеев
сидел как тумба недвижим.
Он будто грузинских ночей лев
дерев задерживал нажим.

Здесь голос царственный России
его преследовал до Невского.
А ночь такая синяя,

а глаза такие детские.
Рыдай, продленный Аракчеев,
я вижу Минкиной конец.
Убийца точит, щей поев,
стальной тесак,
своим мечтам венец.
И вот лежит сраженная она,
шумит на Волхове кровавых дум волна.
Неясный голос Аракчеева звучит:
«Проклятое желание, молчи!»
В зеленом шелесте аллей
он слышит ног ее шуршанье
и платья легкого звучанье...
Тень от утренней свечи
птичьим пением кричит.

А р а к ч е е в

Бежать скорей
и нету сил.
Среди ветвей
твой ветреный мелькает локон.
Убийцу я убил,
в соборе панихида по тебе,
ты видишь свет из окон?
Богов там вежливые лики
внимают пенью и мольбе,
лампадок там летают блики
в продолговатой вышине,
многообразной тишине.
Молись и бейся головой
перед смиренным аналоем.
Но где же, где же ты?
Я чувствую твое дыханье...
Лесная дева, отзовись!

В ответ ему молчанье, —
о, безрассудные мечты!
Граф, девке преданный без лести,
с полковником жандармским в ряд
сидел как тумба недвижим
на том же месте.

Всегда горячий взгляд
был холоден и пуст.

его речное очертанье,
туда, где бесы пьют кох-чай
под мерное рогов качанье,
округлость плоти — величанье.
Где ведьмы под кустом лежат,
страхом девственниц дрожа,
волчицей пуганой крича,
в глазу влюбленного торча,
а привиденья бодрим строем
ведут в кустах разведку боем —
туда — туда
несет вода
в далекое уединенье
без цели праздной — отраженье.

Встреча с ведьмами, углядевшими непредвиденного
пришельца.

В е д ь м а - с т а р у х а

Откуда тут с крестом поганый
на девок смотрит взором пьяных?
Пусть уберется в храмов лоно,
пока не бросили на курсы
людей постылых бурсу.
Там знаний преисподней волны
наподобие шаров и вил,
чем болота наши полны...
Я те-те,
я те-те!
По спине да по ноге.
по грудé,
да по мордé!

В е д ь м а - м о л о д у х а

На-на-на
да та-та-та!
Всем сполна,
ему сполна!
Безголосая Аглая,
едким порохом полна я.
Пша-пша-пша
да вта-вта-вта.
Жаль, бежала без ножа,

резанула бы иначе
фну, зачатую на даче,
ведьм преклонного пажа
чуть повыше живота.
Всем сполна,
тебе сполна.
Ра-ра-ра
да пну-пну-пну...
Жаль, старик не аполлончик,
прихватила бы за кончик.
Гла-гла-гла
да вта-вта-вта.
Су-су-су
и сну и псу.
Ведьмы драгоценные, помогите!
Где мой половник и ступа?
Отправляюсь на базар,
выжать жар
и выпить вар.
Хватать стариков-молодцов
да мужиков-божаков.

Метет веником разную пакость, подбираясь всё ближе
и ближе к попику. Вот-вот дотронется до всевозмож-
ных частей его поношенного тела.

С т а р и н н ы й п о п и к
(улепетывая туда откуда взялся)

Меня на части разрывает.
Я весь мечтал раздеться,
у плеча ее погреться.
Здесь от неба
холод-холод,
от желаний голод-голод!
Я до ногтей изнемогаю,
голодным псом в пространство ляя
по ее сухому ложу...
Мне ведьма по душе,
которая моложе,
когда она сверкает ртом
до собственных ушей.
Ах нет, глазницами мигает
и в тень бросается,
пылая босяком.

Потом
грудьми ныряет под кусточек,
где ночью дом — реки песочек.
Пусть некрасив я,
взор похож на крючья,
а лоб на кошелек,
в котором воробей один.
На всё готов:
учиться
до седин
под мышками.
Где Ваша бурса —
решено!
хочу испить кох-чай до дна
рассудкам хвойным вопреки...

С трудом, против ветра поворачивает немолодое, до известной степени беспутное лицо, летит-летит, плывет-плывет, а куда причалит... Как вы полагаете?

Пр-пр-пр
да хр-хр-хр.
Дева — сладкое ненастье,
разорви тебя на части!
Сфа да сфа,
кны и кна
ы да ся!
Всем сполна:
ему сполна,
ей сполна
и мне сполна —
аминь.

1939

Д. Х. — посвящаю

151. УТВЕРЖДЕНИЕ

Ты желаешь его,
он желает ее.
Она желает меня,
ее желает сноп.

Снопа желает звон,
который не звон, а свет,
который желает раствориться
и растворяется, пока не потускнеет,
значит, надолго,
возможно, навсегда,
значит, совсем.

Тогда он входит в нее,
она входит в тебя.
В меня входит сноп,
который не сноп, а свет,
не свет, а сыпь,
не сыпь, а звон
разбитой на куски тарелки.

Такова судьба удовлетворенной Психеи.
Такова расплата...
Главным образом, за недостижимое намерение,
самое далекое.
Говорим про напутствие.
Такова-такова-такова
расплата.
И утверждение
всего
навсегда.

Аминь.

1941
Москва

152. РЫБА ПЫК
и л и
КОЛЬ КОЛОПЕНЬ И ЩЕКА

Кука маха
дука фыня
феня кука
филимоня.
Мока
воп
и веня куня
передата
передука

лока фук
через воп
выдал прод
мой флот
фазан
через кнопку
через дыбу
через вапу
степень рыпа.
Ходит крек
рыба спит
ряб сип
вдоль по рышку
мелепат-колотень
колопень.
Выка плит
маколочеку
приводи чесать на копу
у тебя в ладонях
вырб
куня мана
мока
ступ,
и щека наоборот.

Май 1945

Москва

Николай Макарович Олейников родился 23 июля (4 августа) 1898 года в станице Каменской области Войска Донского (ныне — г. Каменск-Шахтинский Ростовской области). В годы гражданской войны принимал участие в действиях Народной армии Донской республики, Красной Армии. С 1920 года входит в состав редколлегии газеты «Красный казак». С 1921 года — ответственный секретарь газеты «Всероссийская кочегарка» (г. Бахмут, ныне — г. Артемовск Ростовской области). В 1923 году организует издание в Бахмуте литературно-художественного журнала «Забой». В 1924 году становится одним из учредителей писательской организации Донбасса. В 1925 году был направлен на работу в газету «Ленинградская правда».

Вскоре после переезда в Ленинград Н. Олейников начинает сотрудничать в редакции журнала «Новый Робинзон», где были опубликованы его первые рассказы для детей; выпускает детский альманах «Советские ребята». В 1926—1928 годах активно работает в ленинградских и московских журналах, занимается созданием радиовещания для детей. В 1928 году организует издание в Ленинграде детского журнала «Еж» и становится его редактором. С 1930 года по инициативе Н. Олейникова выходит (сначала как приложение к «Ежу», а затем как самостоятельное периодическое издание) детский журнал «Чиж».

В детской литературе Н. Олейников создал новый жанр прозы, который можно назвать публицистикой для детей. С 1927 по 1937 год одна за другой выходят его книги, предназначенные юным читателям. Многие из этих книг при жизни автора неоднократно переиздавались.

Немало работал Н. Олейников в области драматургии: делал инсценировки для детского театра, написал либретто оперы, создал совместно с Е. Шварцем ряд сценариев, по которым были поставлены три кинофильма.

В 1934 году Н. Олейников становится членом Ленинградской организации писателей и в качестве делегата участвует в Первом съезде писателей в Москве. С 1936 года, продолжая работать в «Чиж», сотрудничает в ленинградском журнале «Костер», органи-

зует издание в Москве и становится редактором нового детского журнала «Сверчок».

Ранние стихи Николая Олейникова не сохранились. Созданный им оригинальный стиль иронической поэзии полностью сформировался в ленинградский период его творчества.

Н. Олейников не входил в группу ОБЭРИУ, однако был близок с ее участниками, с которыми был связан мировоззренчески и поэтически, и продолжал тесное общение после распада группы. Занимая одно из ключевых мест в детской литературе 1920—1930-х годов, Н. Олейников по мере возможностей способствовал приобщению обэриутов к работе на детскую аудиторию, помещал их стихи и прозу в издаваемых им журналах. Учитывая своеобразие лирики Н. Олейникова, можно утверждать, что она занимает содержательное пространство, обойденное вниманием обэриутов, и, в совокупности с их творчеством, формирует полнокровный облик русского авангарда конца 1920-х—1930-х годов.

3 июля 1937 года Н. Олейников был арестован и 24 ноября того же года расстрелян.

153. НАЧАЛЬНИКУ ОТДЕЛА

Ты устал от любовных утех,
Надоели утехи тебе!
Вызывают они только смех
На твоей на холеной губе.

Ты приходишь печальный в отдел,
И отдел замечает, что ты
Побледнел, подурнел, похудел,
Как бледнеть могут только цветы!

Ты — цветок! Тебе нужно полнеть,
Осыпаться пылью и для женщин цвести...
Дай им, дай им возможность иметь
Из тебя и венки и гирлянды плести.

Ты как птица, вернее, как птичка
Должен пикать, вспорхнувши в ночи.
Это пиканье станет красивой привычкой...
Ты ж молчишь... Не молчи... Не молчи...

1926

Н. С. Болдыревой

Жареная рыбка,
Дорогой карась,
Где ж ваша улыбка,
Что была вчерась?

Жареная рыба,
Бедный мой карась,
Вы ведь жить могли бы,
Если бы не страсть.

Что же вас сгубило,
Бросило сюда,
Где не так уж мило,
Где — сковорода?

Помню вас ребенком:
Хохотали вы,
Хохотали звонко
Под волной Невы.

Карасихи-дамочки
Обожали вас —
Чешую, да ямочки,
Да ваш рыбий глаз.

Бюстики у рыбок —
Просто красота!
Трудно без улыбок
В те смотреть места.

Но однажды утром
Встретилась вам
В блеске перламутра
Дивная мадам.

Дама та сманила
Вас к себе в домок,
Но у той у дамы
Слабый был умок.

С кем имеет дело,
Ах, не поняла, —
Соблазнивши, смело
С дому прогнала.

И решил несчастный
Тотчас умереть.
Ринулся он, страстный,
Ринулся он в сеть.

Злые люди взяли
Рыбку из сетей,
На плиту послали
Просто, без затей.

Ножиком вспороли,
Вырвали кишки,
Посолили солью,
Всыпали муки...

А ведь жизнь прекрасною
Рисовалась вам.
Вы считались страстными
Попромежду дам...

Белая смородина,
Черная беда!
Не гулять карасику
С милой никогда.

Не ходить карасику
Теплою водой,
Не смотреть на часики,
Торопясь к другой.

Плавниками-перышками
Он не шевельнет.
Свою любовь «корюшкою»
Он не назовет.

Так шуми же, мутная
Невская вода.
Не поплыть карасику
Больше никуда.

1927

155. ПОСВЯЩЕНИЕ

Ниточка, иголочка,
Булавочка, утюг...
Ты моя двуколочка,
А я твой битюг.

Ты моя колясочка,
Розовый букет,
У тебя есть крылышки,
У меня их нет.

Женщинам в отличие
Крылышки даны!
В это неприличие
Все мы влюблены.

Полюби, красавица,
Полюби меня,
Если тебе нравится
Песенка моя.

Не позднее 1928

156. КОРОТКОЕ ОБЪЯСНЕНИЕ В ЛЮБВИ

Тянется ужин.
Блещет бокал.
Пищей нагружен,
Я задремал.

Вижу: напротив
Дама сидит.
Прямо не дама,
А динамит!

Гладкая кожа.
Ест не спеша...
Боже мой, Боже,
Как хороша!

Я поднимаюсь
И говорю:
«Я извиняюсь,
Но я горю!»

Не позднее 1928

157. ГЕНРИЕТТЕ ДАВЫДОВНЕ

Я влюблен в Генриетту Давыдовну,
А она в меня, кажется, нет —
Ею Шварцу квитанция выдана,
Мне квитанции, кажется, нет.

Ненавижу я Шварца проклятого,
За которым страдает она!
За него, за умом небогатого,
Замуж хочет, как рыбка, она.

Дорогая, красивая Груня,
Разлюбите его, кабана!
Дело в том, что у Шварца в зобу не...
Не спирает дыхания, как у меня.
Он подлец, совратитель, мерзавец —
Ему только бы женщин любить...
А Олейников, скромный красавец,
Продолжает в немилости быть.

Я красив, я брезглив, я нахален,
Много есть во мне разных идей.
Не имею я в мыслях подпалин,
Как имеет их этот индей!

.....
Полюбите меня, полюбите!
Разлюбите его, разлюбите!

1928

**158. МАШИНИСТКЕ
НА ПРИОБРЕТЕНИЕ ПЕЛЕРИНКИ**

Ты надела пелеринку,
Я приветствую тебя!
Стуком пишущей машинки
Покорила ты меня.

Покорила ручкой белой,
Ножкой круглою своей,
Перепискою умелой
Содержательных статей.

Среди грохота и стука
В переписочном бюро
Уловил я силу звука
«Ремингтона» твоего.

Этот звук теперь я слышу
Днем и ночью круглый год —
Когда град стучит по крыше,
Когда сверху дождик льет,

Когда птичка распевает
Среди веток за окном,
Когда чайник закипает
И когда грохочет гром.

Пусть под вашей пелеринкой,
В этом подлинном раю,
Застучит сильнее машинки
Ваше сердце в честь мою.

Не позднее 1929

159. ТАТЬЯНЕ НИКОЛАЕВНЕ ГЛЕБОВОЙ

Глебова Татьяна Николаевна! Вы
Не выходите у нас из головы.
Ваша маленькая ручка и Ваш глаз
На различные поступки побуждают нас.

Вы моя действительная статская советница,
Попечительница Харьковского округа!

Пусть протянется от Вас ко мне взаимоотношений
лестница,
Обсудите Вы меня, влюбленного и мокрого.

Вы, по-моему, такая интересная,
Как настурция небезызвестная!

И я думаю, что согласятся даже птицы
Целовать твои различные частицы.
Обо мне уж нечего и говорить —
Я готов частицы эти с чаем пить...

.....
Для кого Вы — дамочка, для меня — завод,
Потому что обаяния от Вас дымок идет.

1931

160. ХВАЛА ИЗОБРЕТАТЕЛЯМ

Хвала изобретателям, подумавшим о мелких и
смешных приспособлениях:
О щипчиках для сахара, о мундштуках для папирос,
Хвала тому, кто предложил печати ставить в
удостоверениях,
Кто к чайнику приделал крышечку и нос.
Кто соску первую построил из резины,
Кто макароны выдумал и манную крупу,
Кто научил людей болезни изгонять отваром из
малины,
Кто изготовил яд, несущий смерть клопу.
Хвала тому, кто первый начал называть котов и кошек
человеческими именами,
Кто дал жукам названия точильщиков, могильщиков
и дровосеков,
Кто ложки чайные украсил буквами и вензелями,
Кто греков разделил на древних и на просто греков.
Вы, математики, открывшие секреты перекалывания
спичек,
Вы, техники, создавшие сачок — для бабочек капкан,
Изобретатели застежек, пуговиц, петличек
И ты, создатель соуса-пикан!

Бирюльки чудные — идеи ваши — мне всего дороже!
Они томят мой ум, прельщают взор...
Хвала тому, кто сделал пуделя на льва похожим
И кто придумал должность — контролер!

Не позднее 1932

161. СЛУЖЕНИЕ НАУКЕ

(Из цикла «Памяти Козьмы Пруткова»)

Я описал кузнечика, я описал пчелу,
Я птиц изобразил в разрезах полагающихся,
Но где мне силу взять, чтоб описать смолу
Твоих волос, на голове располагающихся?

Увы, не та во мне уж сила,
Которая девиц как смерть косила!
И я не тот. Я перестал безумствовать и пламенеть,
И прежняя в меня не лезет снесь.

Давно уж не ночуют утки
В моем разрушенном желудке.
И мне не дороги теперь любовные страданья —
Меня влекут к себе основы мирозданья.

Я стал задумываться над пшеном,
Зубные порошки меня волнуют,
Я увеличиваю бабочку увеличительным стеклом —
Строенье бабочки меня интересует.

Везде преследуют меня — и в учреждении и на
бульваре —

Заветные мечты о скипидаре.
Мечты о спичках, мысли о клопах,
О разных маленьких предметах;
Какие механизмы спрятаны в жуках,
Какие силы действуют в конфетах.
Я понял, что такое рожки,
Зачем грибы в рассол погружены,
Какой имеют смысл телеги, беговые дрожки
И почему в глазах коровы отражаются окошки,
Хотя они ей вовсе не нужны.

Любовь пройдет. Обманет страсть. Но лишена обмана
Волшебная структура таракана.

О, тараканьи растопыренные ножки, которых шесть!
Они о чем-то говорят, они по воздуху каракулями
пишут,

Их очертания полны значенья тайного... Да, в таракане
что-то есть,

Когда он лапкой двигает и усиком колышет.

Еще зовут меня на новые великие дела
Лесной травы разнообразные тела.
В траве жуки проводят время в занимательной беседе.
Спешит кузнечик на своем велосипеде.
Запутавшись в строении цветка,
Бежит по венчику ничтожная мурашка.
Бежит, бежит... Я вижу резвость эту, и меня берет
тоска,

Мне тяжело!

Я вспоминаю дни, когда я свежестью превосходил
коня,

И гложет тайный витамин меня.

И я молчу, сжимаю руки,
Гляжу на травы не дыша...
Но бьет тимпан! И над служителем науки
Восходит солнце не спеша.

1932

162. ОЗАРЕНИЕ

Все пуговки, все блохи, все предметы что-то значат.
И неспроста одни ползут, другие скачут.
Я различаю в очертаниях неслышный разговор:
О чем-то сообщает хвост, на что-то намекает
бритвенный прибор.

Тебе селедку подали. Ты рад. Но не спеши ее отправить
в рот.

Гляди, гляди! Она тебе сигналы подает.

1932

Я ем сырые корешки,
 Питаюсь черствую корою
 И запиваю порошки
 Водопроводною водою.

Нетрудно порошок принять,
 Но надобно его понять.

Вот так и вас хочу понять я —
 И вас, и наши обоюдные объятья.

1932

164. НЕБЛАГОДАРНЫЙ ПАЙЩИК

Когда ему выдали сахар и мыло,
 Он стал домогаться селедок с круппой.
 ...Типичная пошлость царила
 В его голове небольшой.

1932

165—166. БАСНИ

1

НЕСХОДСТВО ХАРАКТЕРОВ

Однажды Витамин,
 Попавши в Тмин,
 Давай плясать и кувыркаться
 И сам с собою целоваться.

«Кретин!» —
 Подумал Тмин.

2

ДРУЖБА КАК РЕЗУЛЬТАТ ВЫМОГАТЕЛЬСТВА

Однажды Сключник
 В Источник
 Плюнул с высоты.
 ...С тех пор Источник с ним на «ты».

1932

167. ПОСЛАНИЕ АРТИСТКЕ ОДНОГО ИЗ ТЕАТРОВ

Без одежды и в одежде
Я вчера Вас увидел,
Ощущая то, что прежде
Никогда не ощущал.

Над системой кровеносной,
Разветвленной, словно куст,
Воробьев молниеносней
Пронеслася стая чувств.

Нет сомнения — не злоба,
Отравляющая кровь,
А несчастная, до гроба
Нерушимая любовь.

И еще другие чувства,
Этим чувствам имя — страсть!
«Лиза! Деятель искусства!
Разрешите к Вам припасть!»

1932

168. ПОСЛАНИЕ, ОДОБРЯЮЩЕЕ СТРИЖКУ ВОЛОС

Если птичке хвост отрезать —
Она только запоет.
Если сердце перерезать —
Обязательно умрет!

Ты не птичка, но твой локон —
Это тот же птичий хвост:
Он составлен из волокон,
Из пружинок и волос.

Наподобие петрушки
Разукрашен твой овал,
Покрывает всю макушку
Волокнистый матерьял.

А на самом на затылке
Светлый высыпал пушок.
Он хорошенькие жилки
Покрывает на вершок.

О, зови, зови скорее
Парикмахера Матвея!
Пусть означенный Матвей
На тебя прольет елей¹.

Пусть ножи его стальные
И машинки застучат
И с твоей роскошной выи
Пух нежнейший удалят.

Где же птичка, где же локон,
Где чудесный птичий хвост,
Где волос мохнатый кокон,
Где пшеница, где овес?

Где растительные злаки,
Обрамлявшие твой лоб,
Где волокна-забияки,
Где петрушка, где укроп?

Эти пышные придатки,
Что сверкали час назад,
В живописном беспорядке
На полу теперь лежат.

И дрожит Матвей прекрасный,
Укротитель шевелюры,
Обнажив твой лоб атласный
И ушей архитектуру.

1932

169. ПОСЛАНИЕ, БИЧУЮЩЕЕ НОШЕНИЕ ОДЕЖДЫ

Меня изумляет, меня восхищает
Природы красивый наряд:
И ветер, как муха, летает,
И звезды, как рыбки, блестят.

Но мух интересней,
Но рыбок прелестней
Прелестная Лиза моя —
Она хороша, как змея!

¹Под елеем подразумевается одеколон.

Возьми поскорей мою руку,
Склонись головою ко мне,
Доверься, змея, политруку —
Я твой изнутри и извне!

Мешают нам наши покровы,
Сорвем их на страх подлецам!
Чего нам бояться? Мы внешне здоровы,
А стройностью торсов мы близки к орлам.

Тому, кто живет как мудрец-наблюдатель,
Намеки природы понятны без слов:
Проходит в штанах обыватель,
Летит соловей — без штанов.

Хочу соловьем быть, хочу быть букашкой,
Хочу над тобою летать,
Отбросивши брюки, штаны и рубашку —
Всё то, что мешает пылать.

Коровы костюмов не носят.
Верблюды без юбок живут.
Ужель мы глупее в любовном вопросе,
Чем тот же несчастный верблюд?

Поверь, облаченье не скроет
Того, что скрывается в нас,
Особенно если под модным покроем
Горит вождельня алмаз.

...Ты слышишь, как кровь закипает? —
Моя полноценная кровь!
Из наших объятий цветок вырастает
По имени Наша Любовь.

1932

170. БЫЛЬ, СЛУЧИВШАЯСЯ С АВТОРОМ В ЦЧО

(Стихотворение, бичующее разврат)

Пришел я в гости, водку пил,
Хозяйкин сдерживая пыл.

Но водка выпита была.
Меня хозяйка увлекла.

Она меня прельщала так:
«Раскинем с вами бивуак,

Поверьте, насмешу я вас:
Я хороша, как тарангас».

От страсти тяжело дыша,
Я раздеваюсь, шурша.

Вступив в опасную игру,
Подумал я: «А вдруг помру?»

Действительно, минуты не прошло,
Как что-то из меня ушло.

Душою было это что-то.
Я умер. Прекратилась органов работа.

И вот, отбросив жизни груз,
Лежу прохладный, как арбуз.

Арбуз разрезан. Он катился,
Он жил — и вдруг остановился.

В нем тихо дремлет косточка-блоха,
И капает с него уха.

А ведь не капала когда-то!

Вот каковы они, последствия разврата.

1932

171. ГЕНРИХУ ЛЕВИНУ

ПО ПОВОДУ ВЛЮБЛЕНИЯ ЕГО В ШУРОЧКУ ЛЮБАРСКЮЮ

Неприятно в океане
Почему-либо тонуть.
Рыбки плавают в кармане,
Впереди — неясен путь.

Так зачем же ты, несчастный,
В океан страстей попал,
Из-за Шурочки прекрасной
Быть собою перестал?!

Всё равно надежды нету
На ответную струю,
Лучше сразу к пистолету
Устремить мечту свою.

Есть печальные примеры —
Ты про них не забывай! —
Как любовные химеры
Привели в загробный край.

Если ты посмотришь в сад,
Там почти на каждой ветке
Невеселые сидят,
Будто запертые в клетки,
Наши старые знакомые
Небольшие насекомые:
То есть пчелы, то есть мухи,
То есть те, кто в нашем ухе
Букву Ж изготавливали,
Кто летали и кусали
И тебя, и твою Шуру
За роскошную фигуру.

И бледна, и нездорова,
Там одна блоха сидит,
По фамилии Петрова,
Некрасивая на вид.

Она бешено влюбилась
В кавалера одного!
Помню, как она резвилась
В предвкушении его.

И глаза ее блестели,
И рука ее звала,
И близка к заветной цели
Эта дамочка была.

Она юбки надевала
Из тончайшего пике,
И стихи она писала
На блошином языке:

И про ножки, и про ручки,
И про всякие там штучки
Насчет похоти и брака...

Оказалось, однако,

Что прославленный милашка
Не котеночек, а хам!
В его органах кондрашка,
А в головке тарарам.

Он сменял ее на деву —
Обольстительную мразь —
И в ответ на все напевы
Затоптал ногами в грязь.

И теперь ей всё постыло —
И наряды, и белье,
И под лозунгом «могила»
Догорает жизнь ее.

...Страшно жить на этом свете,
В нем отсутствует уют, —
Ветер воет на рассвете,
Волки зайчика грызут.

Улетает птица с дуба,
Ищет мяса для детей,
Провидение же грубо
Преподносит ей червей.

Плачет маленький теленок
Под кинжалом мясника,
Рыба бедная спросонок
Лезет в сети рыбака.

Лев рычит во мраке ночи,
Кошка стонет на трубе,
Жук-буржуй и жук-рабочий
Гибнут в классовой борьбе.

Всё погибнет, всё исчезнет
От бациллы до слона —
И любовь твоя, и песни,
И планеты, и луна.

И блоха, мадам Петрова,
Что сидит к тебе анфас, —
Умереть она готова,
И умрет она сейчас.

Дико прыгает букашка
С беспредельной высоты,
Разбивает лоб бедняжка...
Разобьешь его и ты!

1932

172. НА ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ ГЕНРИХА

Прочь воздержание. Да здравствует отныне
Яйцо куриное с желтком посередине!
И курица да здравствует, и горькая ее печенка,
И огурцы, изъятые из самого крепчайшего бочонка!

И слово чудное «бутылка»
Опять встает передо мной.
«Салфетка», «перечница», «вилка» —
Слова прекрасные собой.

Меня ошеломляет звон стакана
И рюмок водочных безумная игра.
За Генриха, за умницу, за бонвивана,
Я пить готов до самого утра.

Упьемся, други! В день его выздоровленья
Не может быть иного времяпровожденья.

Горчицы с уксусом живительным составом
Душа его пусть будет до краев напоена.
Пускай его ногам, и мышцам, и суставам
Их сила будет прежняя и крепость их возвращена.

Последний тост за Генриха, за неугасший пыл,
За всё за то, что он любил:
За грудь округлую, за плавные движенья,
За плечи пышные, за ног расположенье.

Но он не должен сочетать куриных ног с бесстыдной
женской ножкой,
Не должен страсть объединять с питательной крупой.

Не может справиться с подобною окрошкой
Красавец наш, наш Генрих дорогой.

Всему есть время, и всему есть мера:
Для папирос — табак, для спичек — сера,
Для вожделения — девица,
Для насыщенья — чечевица!

1932

173. ПОСЛАНИЕ

Ольге Михайловне

Блестит вода холодная в бутылке,
Во мне поползновения блестят.
И если я — судак, то ты подобна вилке,
При помощи которой судака едят.

Я страстию опутан, как катушка,
Я быстро вяну, сам не свой,
При появлении твоём дрожу, как стружка...
Но ты отрицательно качаешь головой.

Смешна тебе любви и страсти позолота —
Тебя влечет научная работа.

Я вижу, как глаза твои над книгами нависли.
Я слышу шум. То знания твои шумят!
В хорошенькой головке шевелятся мысли,
Под волосами пышными они кишмя кишат.

Так в роще куст стоит, наполненный движеньем.
В нём чижик водку пьёт, забывши стыд.
В нём бабочка, закрыв глаза, поёт в самозабвенье,
И всё стремится и летит.

И я хотел бы стать таким навек,
Но я не куст, а человек.

На голове моей орлы гнезда не вили,
Кукушка не предсказывала лет...
Люби меня, как все любили,
За то, что гений я, а не клевет!

Я верю: к шалостям твой организм вернется.
Бери меня, красавица, я — твой!
В груди твоей пусть сердце повернется
Ко мне своею лучшей стороной.

1932

174. ШУРЕ ЛЮБАРСКОЙ

Верный раб твоих велений,
Я влюблен в твои колени
И в другие части ног —
От бедра и до сапог.

Хороши твои лодыжки,
И ступни, и шенкеля,
Твои ножки — шалунишки,
Твои пятки — штемпеля.

Если их намазать сажей
И потом к ним приложить
Небольшой листок бумажный —
Можно оттиск получить.

Буду эту я бумажку
Регулярно целовать
И, как белую ромашку,
Буду к сердцу прижимать!

Я пойду туда, где роза
Среди дудочек растет,
Где из пестиков глюкоза
В виде нектара течет.

Эта роза — Ваше ухо:
Так же свернуто оно,
Тот же контур, так же сухо
По краям обведено.

Это ухо я срываю
И шепчу в него, дрожа,
Как люблю я и страдаю
Из-за Вас, моя душа.

И различные созданья
Всех размеров и мастей
С очевидным состраданьем
Внемлют повести моей.

Вот платком слезу стирает
Лицемерная пчела.
Тихо птица вылетает
Из секретного дупла.

И летит она, и плачет,
И качает головой...
Значит, жалко ей — и, значит,
Не такой уж я плохой.

Видишь, всё в природе внемлет
Вожделениям моим.
Лишь твое сознание дремлет,
Оставаясь глухим.

Муха с красными глазами
Совершает свой полет.
Плачет горькими слезами
Человеческий оплот.

Кто оплот? Конечно — Я.
Значит, плачу тоже я.

Почему я плачу, Шура?
Очень просто: из-за Вас.
Ваша чуткая натура
Привела меня в экстаз.

От экстаза я болею,
Сновидения имею,
Ничего не пью, не ем
И хUDEЮ вместе с тем.

Вижу смерти приближенье,
Вижу мрак со всех сторон
И предсмертное круженье
Насекомых и ворон.

Хлещет вверх моя глюкоза!
В час последний, роковой
В виде уха, в виде розы
Появись передо мной.

21 июня 1932

175. ПОСЛАНИЕ

(На заболевание раком желудка)

Клёсе

Вчера представлял я собою роскошный сосуд,
А нынче сосут мое сердце, пиявки сосут.

В сосуде моем вместо сельтерской — яд,
Разрушен желудок, суставы скрипят...

Тот скрип нам известен под именем Страсть!
К хорошеньким мышцам твоим разреши мне
припасть.

Быть может, желудок поэта опять расцветет,
Быть может, в сосуде появится мед.

Но мышцы свои мне красotka, увы, не дает, —
И снова в сосуде отсутствует мед.

И снова я весь погружаюсь во мрак...
Один лишь мерцает желудок-пошляк.

1932

176. ЧРЕВОУГОДИЕ

(Баллада)

Однажды, однажды
Я Вас увидел.
Увидевши дважды,
Я Вас обнимал.

А в согую встречу
Утратил я пыл.
Тогда откровенно
Я вам заявил:

«Без хлеба и масла
Любить я не мог.
Чтоб страсть не погасла,
Пеките пирог!

Смотрите, как вяну
Я день ото дня.
Татьяна, Татьяна,
Кормите меня.

Поите, кормите
Отборной едой,
Пельмени варите,
Горох с ветчиной.

От мяса и кваса
Исполнен огня,
Любить буду нежно,
Красиво, прилежно...
Кормите меня!»

Татьяна выходит,
На кухню идет,
Котлету находит
И мне подает.

...Исполнилось тело
Желаний и сил,
И черное дело
Я вновь совершил.

И снова котлета.
Я снова любил.
И так до рассвета
Себя я губил.

Заря занималась,
Когда я уснул.
Под окнами пьяный
Кричал: «Караул!»

Лежал я в постели
Три ночи, три дня,
И кости хрустели
Во сне у меня.

Но вот я проснулся,
Слегка застонал.
И вдруг ужаснулся,
И вдруг задрожал.

Я ногу хватаю —
Нога не бежит,
Я сердце сжимаю —
Оно не стучит.

...Тут я помираю.

Зарытый, забытый,
В земле я лежу,
Попоной покрытый,
От страха дрожу.

Дрожу оттого я,
Что начал я гнить,
Но хочется вдвое
Мне кушать и пить.

Я пищи желаю,
Желаю котлет.
Красивого чаю.
Красивых конфет.

Любви мне не надо,
Не надо страстей,
Хочу лимонаду,
Хочу овощей!

Но нет мне ответа —
Скрипит лишь доска,
И в сердце поэта
Вползает тоска.

Но сердце застынет,
Увы, навсегда,
И желтая хлынет
Оттуда вода.

И мир повернется
Другой стороной.
И в тело вопьется
Червяк гробовой.

Октябрь 1932

Искры страсти незабвенной
или как их там еще?

Я бы там на его месте
перестал бы дуть на угли,
Прощался бы учтиво,
приподняв свое плечо.

Но мужчина тот холерик
был, должно быть, по натуре,
А девица — меланхолик,
потому что не орет.

И лицо его большое
стало темным от натуги,
Меланхолик же в испуге
стыдно смотрит на народ.

В чем же дело в этом деле?
Что за дьявольская сила

Их клещами захватила?
Почему нейдут домой?

На трамвай пятиалтынный,
попрощавшись, попросил он,
Но монеты больше нету,
лишь последняя — самой!

И решили эти люди,
чтобы им идти не скучно,
Ночевать у сей красотки,
и обоим — чтоб пешком.

И кончается довольно
примитивно этот случай,
И идут к ней на квартиру,
в переулок, на Мошкóв.

Ну а нам с тобой, поссорясь...
Нам похожими вещами

Заниматься не придется —
мы с тобою мудрецы:

Если мы да при прощанье
на трамвай да не достанем,

То пешком пойдем до дому.
Но — в различные концы.

Июнь 1933

179. ЧАРЛЬЗ ДАРВИН

Чарльз Дарвин, известный ученый,
Однажды синичку поймал.
Ее красотой увлеченный,
Он зорко за ней наблюдал.

Он видел головку змеиную
И рыбий раздвоенный хвост,
В движениях — что-то мышшиное
И в лапках — подобие звезд.

«Однако, — подумал Чарльз Дарвин, —
Однако синичка сложна.
С ней рядом я просто бездарен,
Пичужка, а как сложена!

Зачем же меня обделила
Природа своим пирогом?
Зачем безобразные щеки всучила,
И пошлые пятки, и грудь колесом?»

...Тут горько заплакал старик омраченный.
Он даже стреляться хотел!..
Был Дарвин известный ученый,
Но он красоты не имел.

1933

180. СМЕРТЬ ГЕРОЯ

Шумит земляника над мертвым жуком,
В траве его лапки раскинуты.
Он думал о том, и он думал о сем, —
Теперь из него размышления вынуты.

И вот он коробкой пустою лежит,
Раздавлен копытом коня,
И хрящик сознания в нем не дрожит,
И нету в нем больше огня.

Он умер, и он позабыт, незаметный герой,
Друзья его заняты сами собой.

От страшной жары изнывая, паук
На нитке отдельной висит.
Гремит погремушками лук,
И бабочка в клюкве сидит.

Не в силах от счастья лететь,
Лепечет, лепечет она,
Ей хочется плакать, ей хочется петь,
Она вождельня полна.

Вот ягода падает вниз,
И капля стучит в тишине,
И тля муравьиная бегаёт близ,
И мухи бормочут во сне.

А там, где шумит земляника,
Где свищет укроп-молодец,
Не слышно ни пенья, ни крика —
Лежит равнодушный мертвец.

1933

181. НА ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ Т. Г. Г.

Вот птичка жирная на дереве сидит.
То дернет хвостиком, то хохолком пошевелит.
Мой грубый глаз яйцеподобный
В ней видел лишь предмет съедобный.

И вдруг однажды вместо мяса, перьев и костей
Я в ней увидел выражение божественных идей.

Перемените же и Вы по случаю рождения
Ко мне пренебрежительное отношение.

1933?

182. МУХА

Я муху безумно любил!
Давно это было, друзья,
Когда еще молод я был,
Когда еще молод был я.

Бывало, возьмешь микроскоп,
На муху направишь его —
На щечки, на глазки, на лоб,
Потом на себя самого.

И видишь, что я и она,
Что мы дополняем друг друга,
Что тоже в меня влюблена
Моя дорогая подруга.

Кружилась она надо мной,
Стучала и билась в стекло,
Я с ней целовался порой,
И время для нас незаметно текло.

Но годы прошли, и ко мне
Болезни сошлись толпой —
В коленках, ушах и спине
Стреляют одна за другой.

И я уже больше не тот.
И нет моей мухи давно.
Она не жужжит, не поет,
Она не стучится в окно.

Забутые чувства теснятся в груди,
И сердце мне гложет змея,
И нет ничего впереди...
О муха! О птичка моя!

<1934>

183. СУПРУТЕ НАЧАЛЬНИКА

(На рождение девочки)

На хорошенький букетик
Ваша девочка похожа.
Зашнурована в пакетик
Ее маленькая кожа.

В этой крохотной канашке
С восхищеньем замечаю

Благородные замашки
Ее папы-негодяя.

Негодяя в лучшем смысле,
Негодяя, в смысле — гений,
Потому что много мысли
Он вложил в одно из самых лучших
своих произведений.

Не позднее 1934

184. ПЕРЕМЕНА ФАМИЛИИ

Пойду я в контору «Известий»,
Внесу восемнадцать рублей
И там навсегда распрощаюсь
С фамилией прежней моей.

Козловым я был Александром,
А больше им быть не хочу!
Зовите Орловым Никандром,
За это я деньги плачу.

Быть может, с фамилией новой
Судьба моя станет иной
И жизнь потечет по-иному,
Когда я вернуся домой.

Собака при виде меня не заплачет,
А только замашет хвостом,
И в жакте меня обласкает
Сердитый подлец управдом.

.....

Свершилось! Уже не Козлов я!
Меня называть Александром нельзя.
Меня поздравляют, желают здоровья
Родные мои и друзья.

Но что это значит? Откуда
На мне этот синий пиджак?

Зачем на подносе чужая посуда?
В бутылке зачем вместо водки коньяк?

Я в зеркало глянул стенное,
И в нем отразилось чужое лицо.

Я видел лицо негодяя,
Волос напوماженный ряд,
Печальные тусклые очи,
Холодный уверенный взгляд.

Тогда я ощупал себя, свои руки,
Я зубы свои сосчитал,
Потрогал суконные брюки —
И сам я себя не узнал.

Я крикнуть хотел — и не крикнул.
Заплакать хотел — и не смог.
«Привыкну, — сказал я, — привыкну».
Однако привыкнуть не мог.

Меня окружали привычные вещи,
И все их значения были зловещи.
Тоска мое сердце сжимала,
И мне же моя же нога угрожала.

Я шутки шутил! Оказалось,
Нельзя было этим шутить.
Сознание мое разрывалось,
И мне не хотелось жить.

Я черного яду купил в магазине,
В карман положил пузырек.
Я вышел оттуда шатаясь,
Ко лбу прижимая платок.

С последним коротким сигналом
Пробьет мой двенадцатый час.
Орлова не стало. Козлова не стало.
Друзья, помолитесь за нас!

Не позднее 1934

185. ТАРАКАН

Таракан попался в стакан.

Ф. Достоевский.

Таракан сидит в стакане.
Ножку рыжую сосет.
Он попался. Он в капкане.
И теперь он казни ждет.

Он печальными глазами
На диван бросает взгляд,
Где с ножами, с топорами
Вивисекторы сидят.

У стола лекпом хлопочет,
Инструменты протирая,
И под нос себе бормочет
Песню «Тройка удалая».

Трудно думать обезьяне,
Мыслей нет — она поет.
Таракан сидит в стакане,
Ножку рыжую сосет.

Таракан к стеклу прижался
И глядит едва дыша...
Он бы смерти не боялся,
Если б знал, что есть душа.

Но наука доказала,
Что душа не существует,
Что печенка, кости, сало —
Вот что душу образует.

Есть всего лишь сочленень,
А потом соединенья.

Против выводов науки
Невозможно устоять.
Таракан, сжимая руки,
Приготовился страдать.

Вот палач к нему подходит,
И, ощутив ему грудь,

Он под ребрами находит
То, что следует проткнуть.

И, проткнувши, набок валит
Таракана, как свинью.
Громко ржет и зубы скалит,
Уподобленный коню.

И тогда к нему толпою
Вивисекторы спешат.
Кто щипцами, кто рукою
Таракана потрошат.

Сто четыре инструмента
Рвут на части пациента.
От увечий и от ран
Помирает таракан.

Он внезапно холодеет,
Его веки не дрожат...
Тут опомнились злодеи
И попятились назад.

Всё в прошедшем — боль, невзгоды.
Нету больше ничего.
И подпочвенные воды
Вытекают из него.

Там, в щели большого шкапа,
Всеми кинутый, один,
Сын лепечет: «Папа, Папа!»
Бедный сын!

Но отец его не слышит,
Потому что он не дышит.

И стоит над ним лохматый
Вивисектор удалой,
Безобразный, волосатый,
Со щипцами и пилой.

Ты, подлец, носящий брюки,
Знай, что мертвый таракан —

Это мученик науки,
А не просто таракан.

Сторож грубою рукою
Из окна его швырнет,
И во двор вниз головою
Наш голубчик упадет.

На затоптанной дорожке
Возле самого крыльца
Будет он, задравши ножки,
Ждать печального конца.

Его косточки сухие
Будет дождик поливать,
Его глазки голубые
Будет курица клевать.

Не позднее 1934

186. ИЗ ЖИЗНИ НАСЕКОМЫХ

В чертогах смородины красной
Живут сто семнадцать жуков,
Зеленый кузнечик прекрасный,
Четыре блохи и пятнадцать сверчков.
Каким они воздухом дышат!
Как сытно и чисто едят!
Как пышно над ними колышет
Смородина свой виноград!

Не позднее 1934

187. О НУЛЯХ

Приятен вид тетради клетчатой:
В ней нуль могучий помещен,
А рядом нолик искалеченный
Стоит, как маленький лимон.

О вы, нули мои и нолики,
Я вас любил, я вас люблю!

Скорей лечитесь, меланхолики,
Прикосновением к нулю!

Нули — целебные кружочки,
Они врачи и фельдшера,
Без них больной кричит от почки,
А с ними он кричит «ура».

Когда умру, то не кладите,
Не покупайте мне венки,
А лучше нолик положите
На мой печальный бугорок.

1934?

188. ПУЧИНА СТРАСТЕЙ

(Философская поэма)

Пролог

Вот вам бочка —
Неба дно.
Вот вам точка —
Вот окно.
Это звезд большая кружка,
А над ней
Нарисована игрушка —
Туз червей.
И сверкают в полумраке
Стекла — множители звезд.
Телескопы, как собаки,
У кометы ищут хвост.

1

Я стою в лесу, как в лавке,
Среди множества вещей.
Вижу смыслы в каждой травке,
В клюкве — скопище идей.

На кустах сидят сомненья
В виде черненьких жуков,
Раскрываются растенья
Наподобие подков,

И летят ко мне навстречу,
Раздуваясь от жары,
Одуванчики, как свечи,
Как воздушные шары.

Надо мной гудит машина —
Это шмель ко мне летит,
И шумит, шумит осина,
О прошедшем говорит.

И тебя, моя Наташа,
Вижу я в одном цветке.
У тебя на шее кашка
И настурция в руке.

Я сажусь и забываю
Всё, что было до меня,
И тихонько закрываю
Очи, полные огня.

2

Лампа — ласточка терпенья.
Желудь с веткою высок.
В деревьях столпотворенье,
Под водой лежит песок.

Над водой последний кормчий
Зажигает свой фонарь.
Птицы злей, тюленя зорче
Вылезает пономарь.

Распустив кусты и ветки,
На крыльце сидит павлин.
На окошке вместо клетки
Повисает георгин.

Рядом — мраморная ваза
И развесистый каштан.
Соловьем пропета фраза
О пришествии мидян.

Наклонил репейник шапку,
Где пчела шипит, как змей,

Шмель, захваченный в охапку,
Выползает из стеблей.

На дубовую вершину
Сели птица с мотыльком,
Превосходную картину
Составляючи вдвоем.

Дама, сняв свои пеленки,
Сделав доступ ветерку,
Поливает из воронки
Племя листьев табаку.

Прямо к дереву из мрака
Лошадь белая бежит.
Это конная атака —
Кавалерия спешит.

Налетают командиры,
Рубят травы и цветы,
На лошадаках; их мундыры
Полны высшей красоты.

Вот уже последний конный,
Догоняя их, спешит.
И опять низкопоклонный
Ветер травку шевелит...

Рядом с маленькой постройкой,
С невысокою стеной
Ходит с мутною настойкой
Человечек холостой.

3

Где под вывеской железной
Крест и ножницы висят,
Где на стуле бесполезный
Золотой лежит наряд,

Там внизу, в траве широкой,
В глубине стеблей сквозных
Жук сидит по воле рока,
Притаившийся, как мних.

И в цветка дворец открытый
Забирается с утра,
Словно в банку иль в корыто,
Золотая мошкара.

4

В замке с белыми стенами
За оградю сквозной,
Окруженною кустами,
Гусь спешит на водопой.

В той гостинице Елена,
Распустив свои власы
На роскошные колена,
Испугалася осы.

Спрятав крылья между плечик
И коленки подобрал,
На цветке сидит кузнечик,
Музыкант и костоправ.

На груди его широкой
Черный бархатный камзол.
Он под яблоней высокой
Стебелек себе нашел.

И к нему Мария-муха,
Задыхаяся, летит.
И, целуя его в ухо
(Непотребная старуха,
Но красавица на вид)
И целуя его в ухо,
Задыхаяся, кричит:

«Дайте мне, — кричит Мария, —
Дайте мяса и костей,
Дайте ключ времен Батыя
К отысканию путей!»

И, решетку распирая,
Отворивши ворота,
Он заходит в двери рая,
Позабыв свои лета...

Виснет ветвь с орехом грецким,
Камень падает на дно.
В светлом платице немецком
Вылетает жук в окно.

Позабыв свою тревогу
И сомнений целый ряд,
Выбегает на дорогу
Барабанщиков отряд.

«Здравствуй, здравствуй, — закричали
Барабанщики ему, —
Мы в конце, а вы в начале
Прибегаете к уму!»

И тогда лесная челядь —
Комары и мошкара, —
Закричавши, налетели
Громко с криками «ура».

И в роскошном отдаленье,
Шесть коленок вверх подняв,
Замирает в восхищенье
Знаменитый костоправ.

5

Геометрия — причина
Прорастания стеблей.
Перед бабочкой — пучина
Неразгаданных страстей.

Всё, что видел я и слышал,
Перевернуто в уме.

...И когда на люди вышел,
Не мечтал он о суме.

Легким циркулем прекрасным
Очертивши круг в цветке,
Он его платочком красным
Сделал в Катиной руке...

Тигры воют на поляне,
Стрекоза гремит как гром —

Это русские древляне
Заколачивают дом,

Это почерком превратным
Посетитель искушен,
Это вечер необъятный
Прихорашивает жен...

Поручители смеялись,
Банку пороха взорвав,
Потому что испугались
Стрекоза и костоправ.

Финал

Как букварь читает школьник,
Так читаю я в лесу.
Вижу в листьях — треугольник,
Колесо ищу в глазу.

Вижу, вижу, как в идеи
Вещи все превращены.
Те — туманней, те — яснее,
Как феномены и сны.

Возникают мир чудесный
В человеческом мозгу.
Он течет водою пресной
Разгонять твою тоску.

То не ягоды, не клюквы
Предо мною встали в ряд —
Это символы и буквы
В виде желудей висят.

На кустах сидят сомненья
В виде галок и ворон,
В деревьях — столпотворенье
Чисел, символов, имен.

Перед бабочкой пучина
Неразгаданных страстей...
Геометрия — причина
Прорастания стеблей.

Константин Константинович Вагинов (Вагенгейм) родился в Петербурге 4 (16) апреля 1899 года в семье жандармского офицера Константина Адольфовича Вагенгейма, обрусевшего немца, и его жены Любви Алексеевны, дочери богатого сибирского помещика. Образование Вагинов получил в петербургской гимназии Я. Гуревича, где проучился с 1908 по 1917 год. Весной 1917 года Вагинов поступил на юридический факультет Петроградского университета. После Октябрьской революции был мобилизован в Красную Армию, воевал на польском фронте и за Уралом. В начале 1921 года Вагинов вернулся в Петроград и до демобилизации в апреле 1922 года служил военным писарем. В 1923—1926 годах учился на Высших государственных курсах искусствоведения при Институте истории искусств.

Стихи Вагинов начал писать «в 1916 г. под влиянием „Цветов зла“ Бодлера»¹, печататься — с 1921 года. Осенью того же 1921 года в издательстве «Кольцо поэтов» (Пб) вышла его первая книга «Путешествие в Хаос». В начале двадцатых годов Вагинов, по собственному признанию, «состоял во всех петербургских поэтических организациях: „Цехе поэтов“, „Островитянах“, „Звучащей раковине“ и пр.»². Среди литературных учителей поэта были Н. Гумилев и М. Кузмин, однако в любой группе Вагинов стоял особняком, его самобытное творчество не вмещалось в рамки определенной литературной школы. В 1924 году Вагинов был избран в Правление вновь организованного Петроградского отделения Всероссийского Союза поэтов. В марте 1926 года в Ленинграде на средства ленинградских литераторов вышел его второй сборник — [«Стихотворения»]. В это же время Вагинов сблизился с будущими обэриутами, в особенности с Н. Заблочким и Д. Хармсом, и стал членом Объединения Реального Искусства; принимал участие в вечере «Три левых часа» в Доме печати и в ряде других обэриутских вечеров. В 1931 году в Издательстве писателей в Ленин-

¹Вагинов К. [Автобиография (1923)] // ПД. Р. I, оп. 4, № 2, л. 1.

²Там же.

граде вышел третий, и последний, сборник стихов Вагинова — «Опыты соединения слов посредством ритма».

Кроме стихотворений, Вагинов издал также три романа — «Козлиная песнь» (Л., 1928), «Труды и дни Свистонова» (Л., 1929) и «Бамбочада» (Л., 1931). Четвертый роман Вагинова, «Гарпагониада» (1933—1934), был впервые напечатан в США (Ани Арбор: «Ардис», 1983).

26 апреля 1934 года Вагинов умер от туберкулеза и был похоронен на Смоленском кладбище в Ленинграде.

189. ЮНОША

Помню последнюю ночь в доме покойного детства:
Книги разодраны, лампа лежит на полу.
В улицы я убежал, и медного солнца ресницы
Гулко упали в колкие плечи мои.
Нары. Снега. Я в толпе сермяжного войска.
В Польшу налет — и перелет на Восток.
О, как сияет китайское мертвое солнце!
Помню, о нем я мечтал в тихие ночи тоски.
Снова на родине я. Ем чечевичную кашу.
Моря Балтийского шум. Тихая поступь ветров.
Но не откроет мне дверь насурмленная Маша.
Стаи белых людей лошадь грызут при луне.

Март 1922

190

Я променял весь дивный гул природы
На звук трехмерный, бережный, простой.
Но помнит он далекие народы
И треск травы, и волн далекий бой.

Люблю слова — предчувствую паденье,
Забвенья смысла их средь торжищ городских.
Так звуки У и А приемлют шум трамвая
И завыванье проволок тугих.

И ты, потомок мой, под стук сухой вокзала,
Под веткой рельс, ты вспомнишь обо мне.
В последний раз звук *А* напомнит шум дубравы,
В последний раз звук *Е* напомнит треск травы.

Июль 1922

191

Бегу в ночи над Финскою дорогой.
России не было — колониальный бред.
А там, внутри, земля бурлит и воет,
Встает мохнатый и звериный человек.
Мы чуждых стран чужое наслоенье,
Мы Запада владыки и князья.
Зачем родились мы в стране звериной крови,
Где у людей в глазах огромная заря.
Я не люблю зарю. Предпочитаю свист и бурю,
Осенний свист и безнадежный свист.
Пусть Вифлеем стучит и воет: «Жизни новой!» —
Я волнами языческими полн.
Косым углом приподнятые плечи,
На черепе потухшее лицо:
Плывет Орфей — прообраз мой далекий
Среди долин, что тают на заре.
Даны мне гулким медным Аполлоном
Железные и воля, и глаза.
И вот я волком рыщу в чистом поле,
И вот овцой бреду по городам.
В сухой дремоте Оптинская Пустынь.
Нектарий входит в монастырский сад.
Рябое солнце. Воздух вишней пахнет.
Художники Распятому кадят.
Была Россия — церкви и погосты,
Квадратные сухие терема.
И человек умолк, и берег Финский хлещет,
Губернская качается луна.

< 1922 >

192

Один средь мглы, среди домов ветвистых
Волнистых струн перебираю прядь.

431

Так ничего, что плечи зеленеют,
Что язвы вспыхнули на высохших перстах.
Покойных дней прекрасная Селена,
Предстану я потомкам соловьем,
Слегка разложенным, слегка окаменелым,
Полускульптурой дерева и сна.

Ноябрь 1923

193

Поэзия есть дар в темнице ночи струнной,
Пылающий, неожиданный и глухой.
Природа мудрая всего меня лишила,
Таланты шумные как серебро взяла.
И я, из башни свесившись в пустыню,
Припоминаю лестницу в цвету,
По ней взбирался я со скрипкой многотрудной,
Чтоб волнами и миром управлять.
Так в юности стремился я к безумью,
Загнал в глухую темь сознание мое,
Чтобы цветок поэзии прекрасной
Питался им, как почвою родной.

Сентябрь—октябрь 1924

194

Не тщись, художник, к совершенству
Поднять резец искривленной рукой,
Но выточи его, покрой изящным златом
И со статуей рядом положи.
И магнетически притянутые взоры
Тебя не проглядят в разубранном резце.
А статуя под покрывалом темным
В венце домов останется молчать.
Но пролетят года, резец твой потускнеет,
Проснется статуя и скинет темный плащ
И, патетически перенимая плач,
Заговорит, притягивая взоры.

Октябрь 1924

О, сколько лет я превращался в эхо,
 В стоящий вихрь развалин тeneвых.
 Теперь я вырвался, свободный и скользкий,
 И на балкон взошел, где юность начинал.
 И снова стрелы улиц освещенных
 Марионетную толпу струили подо мной.
 И, мне казалось, в этот час отвесный
 Я символистом свесился во мглу,
 Седым и пережившим становление
 И оперяющим опять глаза свои
 На этот мир, насквозь метафизичный,
 На этот путь сияющих химер.
 И одиночество при свете лампы ясной,
 Когда не ждешь восторженных друзей,
 Когда поклонницы стареющей оравой
 На креслах наступившее хулят.
 Нет, я другой. Живое начертанье
 Во мне растет, как зарево, —
 Я миру показать обязан
 Вступление зари в еще живые ночи.

Декабрь 1924

196. К МУЗЕ

Любовь боролась с смертью духовной,
 И в стороне я молчаливо ждал,
 Когда опять сияющее жизнью
 Свое лицо ты обратишь ко мне.
 Шел третий год борьбы членораздельной,
 Твой лик бледнел, и покачнулся я,
 Мой грозный враг гремел десницей верной,
 Но с ним в борьбу вступила снова ты.
 И в этот час, закрыв лицо руками,
 Беспомощный, я в дóмы отбежал
 И вижу из окóн полузакрытых,
 Что гонишь ты, что побеждаешь ты.
 Не хлещет дождь зарей полузакрытых
 Развалин. Благоухание доносится.
 И сад цветет в убежище,
 Полуразбитом бурей.

Декабрь 1924

Пред разноцветною толпою
 Летящих пар по вечерам,
 Под брызги рук ночных таперов
 Нас было четверо:
 Спирит с тяжелым трупом
 Души своей,
 Белогвардейский капитан
 С неудержимой к родине любовью,
 Тяжелоглазый поп,
 Молящийся над кровью,
 И я, сосуд пустой
 С растекшейся во всё и вся душою.
 Далекий свет чуть горы освещал
 И вывески белели на жилищах,
 Когда из дома вышли трое в ряд
 И побрели по пепелищу.
 Я вышел тоже и побрел куда
 Глаза глядят с невыразимой жадной
 Услышать моря плеск и парусника скрип
 И торопливое деревьев колыханье.

Январь 1925

Я стал просвечивающей формой,
 Свисающей ветвью винограда,
 Но нету птиц, клюющих ранним утром
 Мои качающиеся плоды.
 Я вижу длительные дороги,
 Подпрыгивающие тропинки,
 Разнохарактерные толпы
 Разносящих людей.
 И выплывает в ночь Тентёлкин,
 В моем пространстве безызмерном
 Он держит Феникса сиянье
 В чуть облысевшей голове.
 А на Москве-реке далекой
 Стоит рассейский Кремль высокий,
 В нем голубь спит
 В воротничке,

Я сам сижу
На облучке,
Поп впереди — за мною гроб,
В нем тот же я — совсем другой,
Со мной подруга, дикий сад —
Луна над желтизной оград.

Осень 1925

199. ВОРОН

Прекрасен, как ворон, стою в вышине,
Выпуклы архаически очи.
Вот ветку прибило, вот труп принесло,
И снова тина и камни.
И, важно ступая, спускаюсь со скал
И в очи свой клюв погружаю.
И чудится мне, что я пью ясный сок,
Что бабочкой переливаюсь.

Январь 1926

200

На крышке гроба Прокна
Зовет всю ночь сестру свою,
В темнице Филомела.
Ни петь, ни прясть, ни освещать
Уже ей в отчет доме.
Закрываются двери на запор,
А за дверьми дозоры.
И постепенно, день за днем,
Слова позабывает
И пеньем освещает мрак
И звуками играет.
Когда же вновь открылась дверь,
Услышали посланцы,
Как колыханье волн ночных,
Бессмысленное пенье.

Щебечет Прокна и взлетает
В лазури ясной под окном.
А соловей полночный тает
На птичьем языке своем.

1926

И снова мне мерещилась любовь
 На диком дне, в взвивающемся свисте.
 К ней все мы шли. Но берега росли.
 Любви мы выше оказались.
 И каждый, вниз бросая образ свой,
 Его с своей мелодией связуя,
 Стоял на берегу, растущем в высоту,
 Своим же образом чаруем.

1926

Над миром рысцой торопливой,
 Бегу я, спокоен и тих,
 Как будто обтечь я обязан
 И каждую вещь осмотреть.
 И мимо мелькают и выются,
 Заметно к могилам спеша,
 В обратную сторону тени
 Когда-то любимых людей.
 Из юноши дух выбегает,
 А тело, старея, живет,
 А девушки синие очи
 За нею, как глупость, идут.

1926

В стремящейся стране в определенный час
 Себя я на пиру встречаю,
 Когда огни застигнуты зарей
 И, как цветы, заметно увядают.
 Иносказаньем кажутся тогда
 Ночь, и заря, и дуновенье,
 И горький парус вдалеке,
 И птиц сияющее пенье.

1926

204. ЭВРИДИКА

Зарю лунною, когда я спал, я вышел,
 Оставив спать свой образ на земле.
 Над ним шумел листвою переливной

Пустынный парк военных дней.
Куда идти легчайшими ногами?
Зачем смотреть сквозь веки на поля?
Но музыкою из тумана
Передо мной возникла голова.
Ее глаза струились,
И губы белые влекли,
И волосы сияньем извивались
Над чернотой отсутствующих плеч.
И обожгло: ужели Эвридикой
Искусство стало, чтоб являться нам,
Рассеянному поколению Орфеев,
Живущему лишь по ночам?..

1926

205. ПСИХЕЯ

Любовь — это вечная юность.
Спит замок Литовский во мгле,
Канал проплывает и вьется,
Над замком притушенный свет.
И кажется солнцем встающим
Психея на дальнем конце,
Где тоже канал проплывает
В дощатой ограде своей.

1926

206

Тебе примерещился город,
Весь залитый светом дневным,
И шелковый плат в тихом доме,
И родственников голоса.
Быть может, сочные луны
Мерцают плодов над рекой,
Быть может, ясную зрелость
Напрасно мы ищем с тобой!
Всё так же, почти насмехаясь,
Года за годами летят,
Прекрасные очи подруги
Всё так же в пространство глядят.

Мне что — повернусь, не замечу,
Как год пролетел и погас.

Но для нее цветы цветут,
К цветам идет она.
И в поднебесье голоса,
И голоса в траве.

1926

207

Я восполнения не искал.
В своем пространстве
Я видел образ женщины, она
С лицом, как виноград, полупрозрачным
Росла со мной, и пела, и цвела.
Я уменьшал себя и отправлял свой образ
На встречу с ней в глубокой тишине.
Я — часть себя. И страшно, и пустынно.
Я от себя свой образ отделил.
Как листья, скорчились и сжались мифы.
Идололатрией в последний раз звеня,
На брег один, без Эвридики,
Сквозь Ахеронт пронесся я.

1926

208. НОЧЬ

И мы по опустевшему паркету
Подходим к просветлевшим зеркалам.
Спит сад, покинутый толпою,
Среди дубов осина чуть дрожит,
И лунный луч, земли не достигая,
Меж туч висит.
И в глубине, в переливающемся зале
Танцуют, ходят, говорят.
Один сквозь ручку к даме гнется,
Другой медлительно следит
За собственным отображеньем,
А третий у камина спит
И видит Рима разрушенье.
И ночь на парусах стремится,
И самовольное встает
Полулетящее виденье:

«Средь вас я Феникс одряхлевший.
В который раз под дивной глубиной,
Неистребимая, я на костре воскресну,
Но вы погибнете со мной».

Сквозь дым и жар Психея слышит
Далекий погребальный звон.
Ей кажется, огонь чужое тело ломит.
Пред нею возникает мир
Сперва в однообразии прозрачном...

1926

209

Час от часу редет мрак медвяный,
И зеленеют за окном листы.
Я чувствую, желаньем полон мрамор
Вновь низвести прекрасные черты.
В несозданном, несотворенном мире,
Где всё полно дыханием твоим,
Не назову гробницами пустыми
Я образы тревожные твои.
Охваченный твоим самосожжением,
Не жду, что завтра просветлеешь ты,
И всё еще ловлю в дыму твое виденье
И уходящий голос твой люблю.

1926

210. МУЗЫКА

В книговращалищах летят слова,
В словохранилище блуждаю я.
Вдруг слово запоет, как соловей, —
Я к лестнице бегу скорей.
И предо мною слово точно коридор,
Как путешествие под бурную луной
Из мрака в свет, со скал береговых
На моря беспредельный перелив.
Не в звуках музыка — она
Во измененье образов заключена.
Ни О, ни А, ни звук иной —
Ничто пред музыкой такой.
Читаешь книгу, вдруг поет
Необъяснимый хоровод, —

И хочется смеяться мне
В нежданном и весеннем дне.

1926

211

За ночью ночь пусть опадает.
Мой друг в луне
Сидит и в зеркало глядится,
А за окном свеча двоится,
И зеркало висит, как птица,
Меж звезд и туч.

«О, вспомни, милый, как бывало
Во дни раздоров и войны, —
Ты пел, взбегая на ступени
Прозрачных зданий над Невой».

И, очи шире раскрывая,
Плечами вздрогнет, подойдет,
И сердце, в флейту превращаясь,
Унывно в комнате поет.

А за окном свеча бледнеет
И утро серое встает.
В соседних комнатах чиханье,
Перегородок колыханье,
И вот уже трамвай идет.

1926

212

Два пестрых одеяла,
Две стареньких подушки,
Стоят кровати рядом.
А на окне цветочки —
Лавр вышиной с мизинец
И серый кустик мирта.
На узких полках книги,
На одеялах люди —
Мужчина бледно-синий
И девочка-жена.
В окошко лезут крыши,
Заглядывают кошки
С истрепанною шеей

440

От слишком сильных ласк.
И дом давно проплеван,
Насквозь туберкулезен,
И масляная краска
Разбитого фасада,
Как кожа, шелушится.
Напротив, из развалин,
Как кукиш, между бревен
Глядит бордовый клевер,
И головой кивает,
И кажет свой трилистник.
И ходят пионеры,
Наигрывая марш.
Мужчина бледно-синий
И девочка-жена
Внезапно пробудились
И встали у окна.
И, вновь благоухая
В державной пустоте,
Над ними ветви вьются
И листьями шуршат.
И вновь она Психеей
Склоняется над ним,
И вновь они с цветами
Гуляют вдоль реки.
Дома любовью стонут
В прекрасной тишине,
И окна все раскрыты
Над золотой водой.
Пактол ли то стремится?
Не Сарды ли стоят?
Иль брег Александрийский?
Иль это римский сад?
Но голоса умолкли.
И дождик моросит.
Теперь они выходят
В туманный Ленинград.
Но иногда весною
Нисходит благодать —
И вновь для них не льдины,
А лебеди плывут,
И месяц освещает
Пактолом зимний путь.

1926

Мы, эллинисты, здесь толпой
 В листве шумящей вдоль реки
 Порхаем, словно мотыльки.
 На тонких ножках голова,
 На тонких щечках синева.
 Блестящ и звонок дам наряд,
 Фонтаны бьют, огни горят.
 За парой парюю скользим.
 И впереди наш танцевод
 Ступает задом наперед.

И волхвованье слов под выпуклой луной,
 И образы людей исчезли предо мной.

И снова выплыл танцевод,
 За ним толпа гуськом идет.
 И не подруга — госпожа
 За ручку каждого ведет,
 И каждый песенку поет:

«Проходит ночь,
 Уходим прочь,
 В свои дома —
 В подвалы.
 А с вышины,
 Из глубины
 Густых паров
 Глядит любовь
 И движет солнцем
 И землей,
 Зелено-красною луной,
 Зелено-красною водою».

1926

214

Мрак побелел, бледнели лица
 Полуоставшихся гостей.
 Казалось, город просыпался
 Еще ненужней и бойчей.
 Пред вознесенской Клеопатрой
 Он опьянение прервал,

Его товарищ на диване
Опустошенный засыпал.
И женщина огромной тенью,
Как идол, высилась меж них,
Чуть шевеля пахучей тканью
На красной пола желтизне.
А на столе сиял, как перстень,
Еще не допитый глоток.
Символ не-вечности искусства —
Быть опьяненными всегда.

1926

215

От берегов на берег
Меня зовет она.
Как будто ветер блещет,
Как будто бьет волна.
И с птичьими ногами
И с голосом благим,
Одега синим светом,
Садится предо мной:

«Плывем мы в океане,
Корабль потонет вдруг,
На острова блаженных
Прибудем, милый друг.
И музыку услышишь,
И выйдет из пещер
Прельщающим движеньем,
Сомнамбулой Орфей.
Сапфировые косы,
Фракийские глаза,
А на устах улыбка
Придворного певца.
В стране гипербореев
Есть остров — Петербург,
И музы бьют ногами,
Хотя давно мертвы».

И птица приумолкла.
— Чирик, чирик, чирик. —

А на окне над локтем
Герани куст возник.

1926

216

Не лазуревый дождь,
И не буря во время ночное,
И не бездна вверху,
И не бездна внизу.
И не кажутся флотом,
Качаемым бурной волною,
Эти толпы домов
С перепуганным отблеском лиц.

Лишь у стекол герань
Заменяла прежние пальмы,
И висят занавески
Вместо тяжелых портьер.
Да еще поднялись
И засели за книгу,
Чтобы стала поменьше
И уютнее жизнь.

В этой жизни пустынной,
О, мой друг темнокудрый,
Нас дома разделяют,
Но, как птицы, навстречу
Наши души летят
И встречаются ночью
На склоне цветущем,
Утомленные очи подняв.

1926

217

Дрожал проспект, стреляя светом,
Извозчиков дымилась цепь,
И вверх змеями извивалась
Толпа безжизненных калек.
И каждый маму вспоминает,
Вспотевший лобик вытирает
И в хоровод детей вступает
С подругой первой на лугу.

444

И бонны медленно шагают,
Как злые феи с тростью длинной,
А гувернеры в отдаленье
Ждут окончанья торжества.
И змеи бледные проспекта
Ползут по лестницам ослизлым
И видят клетки, в клетях лица
Подруг торжественного дня.
И исковерканные очи
Глядят с глубоким состраданьем
На вверх ползущие тела.
И прежним именем ласкают,
И в хоровод детей вступают
С распущенной косою длинной,
С глазами, точно крылья птиц.

1926

218

На лестнице я, как шаман,
Стал духов вызывать,
И появились предо мной,
И стали заклинать:
«Войди в наш мир,
Ты близок нам,
Уйди от снов земли,
Твой прах земной давно истлел.

.....
Пусть стянут вниз
Лишь призрак твой,
Пусть ходит он среди них,
Как человек, как человек, молчащий человек» —
И хохотали духи зло.
У лестницы толпа
Тянула вниз, тянула вниз
Мой призрак, хлопоча.

1926

219

Ангел ночной стучит, несется
По отвратительной тропинке
Между качающихся рож.

445

«Пусть мы несчастны, — размечает, —
Должны подруг мы охранить
И вопль гармонии ужасной
Сиянием света охватить».
И ноги сгибнувшей подруги
Он, плача, лобызгать готов.
Вот дверь открылась, и с цветами
Идет мне сон свой рассказать
И говорит: «Ты бледен странно,
Идем на кладбище гулять».
Вокруг могилки, и цветочки,
И крестики, и бузина,
И по могилкам скачут дети
И сердцевины трав едят.
И силуюсь увести подругу
Под опьяняющую ночь.
Столбы ограды забиваю,
Краду деревья — расставляю
И здание сооружаю.
И снится ей, что мы блуждаем,
Как брат с сестрой,
Что позади остался свист пустынной ямы,
Что вечно существуем мы.

1926

220

Звук О по улицам несется,
В домах затушены огни,
Но человека мозг не погасает
И гоголем стоит.
И удивляются ресницы:
«Почто воскреснул ты,
Иль на небе горят зеницы
И в волосах — цветы».
В венках фиалковых несется
Веселый хоровод:

«Пусть дьяволами нас считает
Честной народ.
В пустыне мы,
Но сохраняем

Свои огни.
И никогда мы не изменим,
Пусть нас когтят орлы,
Пусть будем жаждою томиться
И голодать.
К скале прикованный над нами
Прообразом висишь,
Твои мы дети, и иначе
Не можешь поступить».

1926

221. ПЕСНЯ СЛОВ

1

Старые слова поют:

Мы все сюсюкаем и пляшем
И крылышками машем, машем,
И каждый фиговый дурак
За нами вслед пуститься рад.

Молодые слова поют:

Но мы печальны, Боже мой,
Всей жизни гибель мы переживаем:
Увянет ли цветок — уже грустим,
Но вот другой — и мы позабываем
Всё, всё, что было связано с цветком:
Его огней минутное дыханье,
Строенье чудное его
И неизбежность увяданья.

Старые слова поют:

И, уши длинные у нас.
Мы слышим, как растет трава,
И даже солнечный восход
В нас удивительно поет.

Вместе старые и молодые:

Пусть спит купец, пусть спит игрок,
Над миром тяготеет рок.
Вкруг Аполлона пляшем мы,

В высокий сон погружены,
И понимаем, что нас нет,
Что мы словесный только бред
Того, кто там в окне сидит,
С молочницею говорит.

2

С л о в о в т е а т р а л ь н о м к о с т ю м е :

Мне хорошо в сырую ночь
Блуждать и гаснуть над водой
И думать о судьбе иной,
Когда одет пылью был,
Когда других произносил
Таких же точно мотыльков,
В прах разодетых дурачков.

Дай ручку, слово, раз, два, три!
Хожу с тобою по земли.
За мною шествуют слова,
И крылышки дрожат едва,
Как будто бы амуров рой
Идет во глубине ночной.

Куда идет? Кого ведет?
И для чего опять поет?
И тонкий дым, и легкий страх
Я чувствую в своих глазах.
И вижу, вижу маскарад.
Слова на полочках стоят —
Одно одето, точно граф,
Другое — как лакей Евграф,
А третье — верный архаизм —
Скользит, как будто бы трюкизм,
Танцует в такт и вниз глядит.

Там в городе бежит река,
Целуются два голубка,
Милицционер, зевнув, идет
И смотрит, как вода плывет.
Его подруга как луна —
Ее изогнута спина.
Интеллигентен, тих и чист,

Смотрю, как дремлет букинист.
В подвале сыро и темно,
Семь полок, лестница, окно.
Но что мне делать в вышине,
Когда не холодно здесь мне?
Здесь запах книг,
Здесь стук жуков,
Как будто тиканье часов.
Здесь время снизу жрет слова,
А наверху идет борьба.

1927

222. ЛЕНИНГРАДСКАЯ НОЧЬ

В разноцветящем полумраке,
В венке из черных лебедей
Он всё равно б развеял знаки
Минутной родины своей.
И говорил: «Усыновлен я,
Всё время ощущаю связь
С звездой, дышащей высоко
И, может быть, в последний раз.
Но нет, но нет, всем ясно, ясно,
Что умерло оно давно.
Но, как любовник, не внимаю
И жду — восстанет предо мной.
Друг, отойди, еще мгновенье...
Дай мне взглянуть на лоб золотой,
На нежно вспененные плечи,
На подбородок кружевной.
Пусть, пусть Психея не взлетает —
Я всё же чувствую ее.
И вижу, вижу — вылезает
И предлагает помело.
И мы летим над бывшим градом,
Над лебединою Невой,
Над поредевшим Летним садом,
Над фабрикой с большой трубой.
Всё ближе к солнечным покоем —
И плеч костлявых завитки,
Хребет синеющий, и крылья,
И хилый зад, как мотыльки.
Внизу всё спит в ночи стоокой —

Дом Отдыха, Дворец Труда.
Меж темно-синими домами
Бежит философ, точно хлыст,
В пальто немодном, в летней шляпе,
Из ножек выпускает свист:

«Все черти мы в открытом мире
Иль превращаемся в чертей.
Мне холодно, я пьян сегодня,
Я, может быть, последний лист».

Тептёлкин, встав на лапки, внемлет
И ну чирикать из окна:

«Бессмыслица ваш дикий хохот,
Спокоен я и снова сыт».

И пред окном змеей гремучей
Опять вознеся Филострат
И, сев на хвостик изумрудный,
Простором начал искушать.
Летят надзвездные туманы,
С Психеей тонкою несусь
За облака, под облаками,
Меж звездами и за луной...»

1927?

223

Война и голод, точно сон,
Оставили лишь скверный привкус.
Мы пронесли высокий звон,
Ведь это был лишь слабый искус.

И милые его друзья
Глядят на рта его движенья,
На дряблых впадин синеву,
На глаз его оцепененье.

По улицам народ идет,
Другое бьется поколенье,
Ему смешон наш гордый ход
И наших душ сердцебиенье.

1929?

Нам в юности Флоренция сияла,
 Нам Филострата нежного на улицах являла —
 Не фильтрами мы вызвали его,
 Не за околицей, где сором поросло.
 Поэзией, как утро сладкогласной,
 Он вызван был на улице неясной.

1929?

Ф и л о с т р а т

И дремлют львы, как изваянья,
 И чудный Вакха голос звал
 Меня в свои укромные пещеры,
 Где всё во всем открылось бы очам.
 Свое лицо я прятал поздней ночью
 И, точно вор, звук вынимал шагов
 По переулкам, донельзя опасным.
 Среди усмешек девушек ночных,
 Среди бродяг физических я чуял
 Отождествление свое с вселенной,
 Невыносимое мгновенье пережил.

*Прошли года, он встретился с собою
 У порога безлюдных улиц,
 Покой злоеущий он чувствовал в покоях
 Богатых. И казался ему еще огромней
 Город и еще ужасней рок певца,
 И захотелось ему услышать воркованье
 Голубей вновь. Почувствовать не плющ,
 А руки возлюбленной.
 Увидеть вновь друзей: разнообразных,
 Увенчанных бесславной смертью.
 Его на рынках можно было встретить,
 Где мертвые мертвечиной торгуют,
 Он скарб, не прикасаясь, разбирал,
 Как будто бы его все это были вещи.
 Тептёлкин на бумагу несет «Бесов»,
 Обходит шажком фигуру,
 Созерцающую бесконечность.*

Т е п т ё л к и н

А всё же я его люблю,
Он наш, он наш от пят и до макушки,
Ведь нас он вечностью дарит
Под фиговым листком воображенья.
Дитя, пусть тешит он себя,
Но жаль, что не на Шпрее, не на Сене
Сейчас. Тогда воспользоваться им всецело
Могли бы мы. И бред его о Фениксе
Мы заменили б явью.

Ф и л о с т р а т

Какая ночь и звезды, но звезда
Одна в моих глазах, Венера,
Иначе Люцифер, — носительница света.
Труднее нет науки, чем мифология.
Средь пыльных фолиантов я жизнь свою
охотно бы провел,
Когда со мной была бы ты, Психея.
Качаема волной, стояла ты,
Глядя на город полуночный,
На приапические толпы,
На освещенье разноцветное реклам,
В природе ежечасно растворяясь
И ежечасно отделяясь от нее.
Устал я жить в движенье торопливом
Толпы, погруженной в себя.
Всё снится мне, сияя опереньем,
Ты Фениксом взовьешься предо мной,
И что костер, толпы движенье,
И человек — костер перед тобой.
Что ж ты молчишь теперь,
Как будто изваянье, лишенное окраски,
С тяжелыми крылами.
Тебя не выставлю на перекрестке,
Пока ты вновь крылами не блеснешь
И розовостью крыл полупрозрачных.

* * *

Тептёлкин появляется на том месте, где должны были бы быть двери.

Вы здесь, маэстро,
 Фрагмент вы новый
 Готовите.
 За вещь большую я не советую
 Вам приниматься.
 Спокойствие и возраст вам нужны
 Для творчества спокойного течения.
 Теперь бы вам политикой заняться,
 Через огонь и кровь
 Необходимо вам пройти.

Наступает вечер, рынок замолкает, торговцы упаковывают свой скарб. На тележках видны японские вазы, слоновая кость, выключатели, подставки от керосиновых ламп.

* * *

Лавка книжника

К н и ж н и к

Вот «Ночи» Юнга. Дешево я уступлю
 Вам. Получите вы наслаждение сильнейшее.
 Зажжете вечером свечу или иное
 В наш век необычайное изобретете освещение,
 Повесите Помпей изображение,
 Заглянете в альбом Пальмиры,
 Вздохнете об исчезновенье Вавилона
 И о свинцовом скиптре мрачныя царицы
 Читать начнете.

Ф и л о с т р а т

Я не за ним. Другого автора
 Я как-то пропустил,
 Он мне сегодня снился ночью.
 Я вспомнил, года два тому назад он был
 У вас на нижней полке.
 Его «Аттические ночи» я ищу.
 Должны вы были настоять,
 Чтоб я купил их.
 Помните, в тот вечер,

Когда шел снег и дождь
И красною была луна,
Я забежал, в своей крылатке мокрой,
За Клавдианом в серых переплетах.

К н и ж н и к

Вы каждый день заходите.
В крылатке, насколько помню,
Не забегали вы. А книги
В мышинных переплетах все проданы.
Вот «Ночи» Юнга, редкий экземпляр,
С французского на итальянский,
Он вам необходим для постиженья душ.
Его для вас я выбрал в куче хлама.

(Филострат убегает.)

Б ы в ш е е Е г о П р е в о с х о д и т е л ь с т в о

Кто этот юноша?

* * *

*Свист бури, 6-й этаж, черный ход, перед дверью по-
мойное ведро. Стены увешаны потертыми и продран-
ными коврами. Прыгают блохи.*

Ц ы г а н к а

Так в Бога вы не веруете?

Ф и л о с т р а т

Нет.

* * *

*Улица. Цыганка с Тептёлкиным идет под ручку. Теп-
тёлкин несет под мышкой гитару в футляре.*

Цыганка

Скажите, он опасный человек?

Тептёлкин

Безумец жалкий.

Тептёлкин и цыганка входят в подъезд ярко освещенного дома.

* * *

Бал-маскарад. Тептёлкин под руку с Филостратом.

Тептёлкин

Поете вы,
Как должно петь, темно и непонятно.
Игрою слов пусть назовут глупцы
Ваш стих. Вы притворяетесь
Искусно. Не правда ли,
Безумие как средство изобрел
Наш старый идол Гамлет.
О, всё рассчитано и взвешено,
И каждый поворот,
И слово каждое,
Как будто вы искусству преданы,
Сомнамбулой как будто ступаете между землей и
небом.

О, вспоминаю, как мы играли
В бабки в детстве на дворе.
То есть играл лишь я,
А вы прохаживались, вдохновляясь
Прекрасным воздухом воображаемых рощи.
«Как Сад прекрасен, — говорили вы, —
Не то что садики голландские с шарами и гномами
С лоснящейся улыбкой.
Аллеи здесь прямые, и даже школы Алкамена
Я видел торс, подверженный отбросам
Ребятчих тел, сажаемых заботливою няней». —
Не мудрено, затем услышали вы море
В домашней передрыге.

Д а м а

Вы ищете неповторимого искусства,
Вы, чувствующий повторяемость всего,
Оно для вас прибежище свободы.
Идемте в сад, здесь так несносен шум.

Д а м а

Ах! Боже мой! Сияющие пары,
Подумать только, молодость прошла.
Я удивляюсь, как вы вне пространства
Из года в год сжигаете себя.

* * *

*Комната Филострата. Ф и л о с т р а т лежит.
Читает.*

«И одеяло дыр полно,
И в комнате полутемно,
И часовщик дрожит в стене,
Он времени вернейший знак,
Возникший и неожиданный враг.
Не замечая, мы живем
И вдруг морщины узнаём».
И Филострат с постели скок
И на трехногий стул присел.
Достал он зеркало. Увы!
Увидел за собой сады
И всплески улиц, взлет колонн,
Антаблементов пестрый хор.
Не тиканье часовщика,
А музыка в его груди.
«Прекрасна жизнь — небытие
Еще прекрасней во сто крат,
Но умереть я не могу,
Пусть говорят, что звонкий хор
Опасен для ума людей,
Что отрывает от станков
И от носящихся гудков.
Увы! Чем старше, тем скорей
Наступит молодость моя.

Сейчас я стар, а завтра юн
И улыбаюсь сквозь огонь».

* * *

Вербa

*Летит московский раскидай,
Весь позолочен, как Китай,
Орнаментальные ларцы
С собою носят кустари.
Тепёлкин важно, точно царь,
Идет осматривать базар.
«Вот наша Русь, — он говорит, —
Заморских штучек не люблю.
Советы — это наша Русь,
Они хранились в глубине,
Под византийскою парчой,
Под западною чепухой».*

* * *

Филострат идет с рукописью в театр.

1 акт. Темно.

«Страшнее жить нам с каждым годом,
Мы правим пир среди чумы,
Погружены в свои печали.
Сады для нас благоухают,
Мы слышим моря дальний гул,
И мифологией случайно
Мы вызываем страшный мир
В толпу и в город малолюдный,
Где мертвые тела лежат,
Где с грудью полуобнаженной
Стоит прекрасна и бела
Венеры статуя и символ.

— Садитесь, Сильвия, составил я
Стихотворение для вас:

„Стонали, точно жены, струны —
Ты в черных нас не обращай

И голубями в светлом мире
Дожить до растворенья дай,
Чтоб с гордостью неколебимой
Высокие черты несли,
Как изливание природы,
Ушедшей в бесполезный цвет,
Сейчас для нищих бесполезный».

С и л ь в и я

Мне с вами страшно.
Зачем беречь наши раны?
Еще не потеряли свет
Земля и солнце и свобода.
Возьмите книгу и пойдем
Читать ее под шелесты фонтанов,
Пока, еще охваченные сном,
Друзья покоятся.
Забудем город.

«Есть в статуях вина очарованье,
Высокой осени пьянящие плоды.
Они особенно румяны,
Но для толпы бесцветны и бледны,
И, как бы порожденье злобной силы,
Они опять стихией стали тьмы».

В конце аллеи появляется старик философ.

Увы, жива мифологема
Боренья света с тьмой.
Там, в городе, считают нас чумными,
Мы их считать обречены.
Оттуда я, ужасную Венеру
Там вознесли. Разрушен брак,
И семьи опустели, очаги замолкли.
Небесную Венеру вы здесь храните...
Но всё мифологема.

«Ушел старик, боюсь, он занесет заразу
В наш замок. С некоторых пор
Веселье как-то иссякает наше,

Всё реже слышны скрипки по ночам,
Всё реже опьянение нисходит.
И иногда мне кажется, что мы
Окружены стеной недобровольно».

Во дворе появляется человек.

Наш дивный друг, всегда такой веселый,
Повесился над Данта песнью пятой.
Нам Дант становится опасен,
Хотя ни в ад, ни в рай не верим мы.

Песнь оставшихся в замке

Любовь, и дружба, и вино,
Пергамент, песня и окно,
Шумит и воег Геллеспонт,
Как чернобурный Ахеронт.
На берегу стоим, глядим,
К своим возлюбленным летим.
Свеча горит для нас, для нас,
Ее огонь спасает нас
От смерти лысой и рябой,
В плаще и с длинною косою.

Песня Сильвии

Но не сирены — соловьи,
Друзья верны, друзья верны
И не покинут в горе нас,
Светить нам будут в бурный час,
Как маяки для кораблей,
Как звезды в глубине ночей.
Вода сияет, бьет вода,
Сижу я с пряжею над ней.
Вот сердце друга моего,
Заштопать сердце мне дано,
Чтоб вновь сияло и цвело
И за собой вело, вело!

Н а ч а л ь н и к ц е х а

Избрали греческие имена синьоры,
Ушли из города, засели в замке,
Поэзию над смертью развели
И музыкой от дел нас отвлекают.
То снова им мерещится любовь,
Наук свободных ликованье,
Искусств бесцельных разговор
И встречи в зданиях просторных.
Но непокорных сдавим мы
Как злобной силы проявленье.
Скульптор льет статую,
Но твердо знаем мы —
В ней дух живет его мировоззренья,
Должны ему мы помешать
И довести до иступленья.
Поэт под нежностью подносит нам оскал,
Под вычурами — мыслью жалит,
А музыкант, иною жизнью полн,
Языческой музыкой ласкает.
Ты посмотри, они бледны
И тщетно вырожденье прикрывают.
В одежды светлые облачены,
Змеиным ядом поражают.

Ю п и т е р

Меркурий, что видишь ты?

М е р к у р и й

Я вижу девушку в листве струистой.
Она готовится купаться в вихре света,
И с ней стоит толпа несчастных гномов.

В е н е р а

Ты зол на них, Меркурий,
Хоть век твой наступил,
В моем пребудут веке.

Ю п и т е р

Неподчинение судьбе карается жестоко.

В а к х

Я подкреплю их силой опьянения.

А п о л л о н

Искусства им дадут забвенье.

В е н е р а

Любовниками истинными будут.

Статуи прохаживаются. Одни идут гордо и <...>. Другие печально. Венеру ведут под руки Вакх и Аполлон, она идет пошатываясь и опустив голову. На лужайке музы исполняют простонародные песни и пляска.

Актеры снимают маски. Видны бледные лица.

* * *

В зале шум. Т е п л ё л к и н вскакивает.

Нам опять показали кукиш в кармане!

Июнь 1925

226

Он разлюбил себя, он вышел в непогоду.
 Какое множество гуляет под дождем народу,
 Как песик вертится и жалко и пестро!
 В витрине возлежит огромное перо.

Он спину повернул, пошел через дорогу,
 Он к скверу подошел с решеткою убогой,
 Где зелень нежная без света фонарей
 Казалась черною, как высота над ней.

Но музыка нежданная раздалась,
 И флейта мирная под лампой показалась,
 Затем рояля угол и рука
 Игравшего, как дева, старика.

Гулявший медленно от зелени отходит
 И взором улицу бегущую обводит.
 Он погружается всё глубже в непогоду,
 Любовь он потерял — он потерял свободу.

<1930>

227

Он с каждым годом уменьшался,
 И высыхал,
 И горестно следил, как образ
 За словом оживал.

С пером сидел он на постели
 Под полкою сырой,
 Петрарка, «Фауст», иммортели
 И мемуаров рой.

462

Там нимфы нежно ворковали
И шел городской,
Возлюбленные голодали
И хор спускался с гор,

Орфея погребали
И раздавался плач,
В цилиндре и перчатках
Серьезный шел палач.

Они ходили в гости
Сквозь переплеты книг,
Устраивали вместе
На острове пикник.

Май 1930

228

Уж день краснеет, точно нос,
Встает над точкою вопрос:
Зачем скитался ты и пел
И вызвать тень свою хотел?

На берега,
На облака
Ложится тень.
Уходит день.

Как холодна вода твоя
Летейская!
Забывать и навсегда забыть
Людей и птиц,
С подругой нежной не ходить
И чай не пить,
С друзьями спор не заводить
В сентябрьской мгле
О будущем, что ждет всех нас
Здесь на земле.

Март 1930

463

1

Черно бесконечное утро,
 Как слезы, стоят фонари.
 Пурпурные, гулкие звуки
 Слышны отдаленной зари.
 И слово горит и темнеет
 На площади перед окном,
 И каркают птицы, и реют
 Над черным его забытjem.

2

Нет, не расстался я с тобою.
 Ты по-прежнему ликуешь
 Сияньем ненаглядных глаз.
 Но не прохладная фиалка,
 Не розы, точно ветерок,
 Ты восстаешь в долине жаркой,
 И пламя лижет твой веноч.

И всё, что ты в себе хранила
 И, как зеницу, берегла, —
 Как уголь черный и невзрачный
 Ты будущему отдала.

Но в стороне,
 Где дым клубится,
 Но в тишине
 Растут цветы,
 Порхают легкие певички,
 Дрожат зеленые листья.

231

Прекрасен мир не в прозе полудикой,
 Где вместо музыки раздался хохот дикий.
 От юности предшествует двойник,
 Что выше нас и, как звезда, велик.

Но есть двойник другой, его враждебна сила —
 Не впереди его душа носилась.

Плетется он за нами по пятам,
Средь бела дня подводит к зеркалам
И речь ведет за нас с усмешкою веселой
И, за руку беря, ведет дорогой голой.

< 1930 >

232

На набережной рассвет
Сиреневый и неясный.
Плешивые дети сидят
На великолепной вершине.
Быть может, то отблеск окон
Им плечи и грудь освещает,
Но бледен, как лист, небосклон
И музыка не играет.

233

В повышенном горе
На крышах природы
Ведут музыканты
Свои хороводы.
Внизу обезьяны,
Ритма не слыша,
Пляшут и вьются
Томно и скушно.
И те же движенья,
И те же реченья,
И те же сомненья,
Как будто, как будто!
По градам и весям
Они завывают
И нежно и сладко
Себя уважают.

< 1930 >

234

Русалка пела, дичь ждала,
Сидели гости у костра,
На нежной палевой волне
Черт ехал, точно на коне.

Мне милый друг сказал тогда:
«Сидеть приятно у костра.

465

Как хорошо среди людей
Лишь видеть белых лебедей.

«Зачем ты музыку прервал?» —
Мучительно он продолжал.
«Из круга вышел ты, мой друг,
Теперь чертям ты первый друг.

Вкруг сосен майские жуки
Ведут воздушный хоровод.
На холмах дачные огни
Вновь зажигает мотылек».

«Вернитесь, нимфы! — он вскричал. —
Высокая мечта, вернись!
Зачем ты отнял жизнь мою
И погрузил меня во тьму?»

Вскочили гости: «Что, опять!
Как непристойно приставать.
Чего вам надо, жизнь проста,
Да помиритесь, господа».

Когда уснули все опять,
Мой друг чертей мне показал.
«Тебя люблю, — я отвечал, —
Хотел тебя я вознести,
В высокий храм перенести,
Но на пути ты изнемог,
От смеха адского продрог.
Я бился, бился и взлетал,
С тобою вместе в ров упал.
Но будет, будет вновь полет!»

В ночных рубашках мотыльки
Гасили в окнах огоньки.

Какою прихотью глупейшей
Казалась музыка ему.
Сидел он, праздный и нахальный,
Следил, как пиво пьют в углу.

Стал непонятен голос моря,
Вся жизнь казалась ни к чему.
Он вспоминал — всё было ясно,
И длинный, длинный коридор,
Там в глубине — сад сладкогласный,
У ног подруг Психеи ясной
Стоит людей тревожный хор.
Как отдаленное виденье,
Буфетчик, потом обливаясь,
Бокалы пеной наполнял,
Украдкой дымом наслаждаясь.
Передник перед ним сновал.

Февраль 1930

236

Хотел он, превращаясь в волны,
Сиреною блестеть,
На берег пенистый взбегая,
Разбиться и лететь,
Чтобы, опять приподнимаясь,
С другой волной соединяясь,
Перегонять и петь,
В высокий сад глядеть.

Март 1930

237

Звукоподобие проснулось,
Лицом к поэту повернулось
И медленно, как автомат,
Сказало:

«Сегодня вставил ты глаза мне Психеи
И сердце в грудь мою вогнал.
Уже я чувствую желанье,
Я, изваянье,
Перехожу в разряд людей.

И стану я, как все, загадкой,
И буду изменяться я,

467

Хоть волосы мои не побелеют,
Иначе будут петь глаза.

Быть может, стану я похоже
На жемчуг, потерявший цвет,
И полюбить меня не сможет
Эпохи нашей человек.

Я уйду, меня проклянешь
И постараться отнять
Глаза Психеи, сердце вынуть
И будешь в мастерскую звать.

Теперь враги мы. Безнадёжно
«Остановись!» — воскликнешь ты.
Звукоподобие другое
Ты выставишь из темноты.

Оно последует за мною,
Быть может — враг, быть может — друг,
Мы будем биться иль, ликуя,
Покажем мы пожатые руки».

1932

238

«Как жаль, — подумалось ему, —
Осенний вечер... ночь голубая...
Я разлюбил свою весну.
Перед судилищем поэтов
Под снежной вьюгой я стоял,
И каждый был разнообразен,
И я был как живой металл.
Способен был соединиться,
И золото, вобрав меня,
Готово было распусться
Цветком прекрасным.
Пришла бы нежная пора,
И с ней бы солнце появилось,
И из цветка бы, как роса,
Мое дыханье удалилось».

Март 1931

468

I

За годом год, как листья под ногою,
Становится желтее и печальней.
Прекрасной зелени никак не сохранить
И звона дивного любви первоначальной.

И робость милая, и голоса друзей,
Как звуки флейт, уже воспоминанье.
Вчерашний день терзает, как музей,
Где слепки, копии и подражанья.

II

Идешь по лестнице, но листья за тобой
Сухой свой танец совершают
И ласковой, но черною порой,
Как на театре хор, перебегают.

Апрель 1931

240. НОЧНОЕ ПЬЯНСТВО

И, точно яблоки, румяны,
И, точно яблоки, желты,
Сидели гости на диване,
Блаженно раскрывая рты.
Собрание пеньем исходило:

«Сперва Madame за ним ходила,
Потом Monsieur ее сменил...»

Декольтированная дама,
Как непонятный сфинкс, стояла,
Она держала абажур,
На нем Психея и Амур,
Из тюля нежные цветочки
И просто бархатные точки.
Стол был ни беден, ни богат.
Картофельный белел салат.
И соловей из каждой рюмки
Стремглав за соловьем летел.

Раскланиваясь грациозно,
Старик пленительно зашел:

«Зачем тревожишь ночью лунной
Любовь и молодость мою?
Ведь девушкою легкострунной
Своей души не назову.
Она, веселая, не знала,
Что ей погибель суждена,
И виноград друзьям срывала,
Вакханкой томною плясала
И, радостная, восклицала:
«Ах, я пьяна, совсем пьяна!»
И полюбила возноситься,
Своею легкостью кичиться,
Пчелой жужжащею летать, —
Безмолвной бабочкой порхать...
И вдруг на лестнице стоять.
Теперь, усталая, не верит
В полеты прежние свои
И лунной ночью лицемерит
Там, где свистали соловьи».

Старик пригубил.
Смутно было.
Луна над облаком всходила.
И стало страшно, что не хватит
Вина средь ночи.

241. ГОЛОС

Столица глядела
Развалиной.
Гражданская война летела
Волной.
И нэп сошел и развалился
В Гостином пестрою дугой.
Самодовольными шарами
Шли пары толстые.
И бриллиантами качали
В ушах.
И заедали анекдотом,
И запивали опереттой

Борьбу.
В стекло прозрачное одеты,
Огни мерцали.
Растраты, взятки и вино
Неслись, играя в домино.

Волнующий и шелестящий
И бледногубый голос пел,
Что чести нет.
И появлялся в кабинете
В бобры мягчайшие одет;
И превращался в ресторане
Он в сногшибательный обед.
И ночью в музыкальном баре
Нарядной девою звучал
И изворотливость веселую,
Как победителя, ласкал.

242

Пред Революцией громадной,
Как звезды, страны восстают.
Вбегают негр.

Высокомерными глазами
Его душа окружена,
Гарлема дикими ночами
Она по-прежнему пьяна.

Его мечты: разгладить волос,
И кожи цвет чтоб был белей,
Чтоб ласковый, ликерный голос
Пел о любви.

Неясным призраком свободы
Он весь заполонен.
Вино и карты и блужданье
Свободою считает он.

Идет, огромный, по проспекту,
Где головы стоят,
Где комсомольцы, комсомолки
Идут, как струнный лад,

И государственностью новой
Где человек горит,
Надеждою неколебимой,
Что мир в ответ звучит.

243

Психея дивная,
Где крылья голубые,
И легкие глаза,
И косы золотые?
Как страшен взгляд очей испепеленный,
В просторы чистые по-прежнему влюбленный, —
В ужасный лес вступила жизнь твоя.
Сожженная, ты вспыхивать обречена
И легким огоньком то здесь, то там блуждаешь
И путников средь ночи увлекаешь.

244. НАРЦИСС

Он не был пьян, он не был болен —
Он просто встретил сам себя
У фабрики, где колокольня
В обсерваторию превращена.

В нем было тускло и спокойно,
И не хотелось говорить.
Не останавливаясь, хладнокровно
Пошел он по теченью плыть.

Они расстались, но встречались
Из года в год. Без лишних слов
Неловко головой качали.
Прошла и юность, и любовь.

245

Золотые глаза,
Точно множество тусклых зеркал,
Поднимает прекрасная птица.
Сквозь туманы и свисты дождя
Голубые несутся просторы.

472

Появились под темным дождем
Два крыла быстролетной певички,
И томимый голос зажег
Бесконечно углые лица.

И запели пленительно вдруг
В обветшалых телах, точно в клетках,
Соловьи об убитой любви
И о встречах, губительно редких.

246

Он с юностью своей, как должно, распрощался
И двойника, как смерти, испугался.
Он в круг вступил и, мглою окружен,
Услышал пред собой девятиструнный звон.

Ее лица не видел он,
Но чудилось — оно прекрасно,
И хор цветов и голоса дверей
Вливались в круг, объятый ночью властной.

И появилось нежное лицо,
Как бы обвеянное светом.
Он чувствовал себя и камнем и свинцом,
Он ждал томительно рассвета.

247

Всю ночь дома дышали светом,
Весь город пел в сиянье огнем,
Снег падал с крыш, теплом домов согретый.
Невзрачный человек нырнул в широкий дом.

Он, как и все, был утомлен разлукой
С своей душой,
Он, как и все, боролся с зябкой скукой
И пустотой.

Пленительны предугранные звуки,
Но юности второй он тщетно ждет.
И вместо дивных мук — разуверенья муки
Вокруг него, как дикий сад, растут.

Кенгабрани восходят поколения,
И музыка гремит.
За леем, там полуденни нощи
Нелесно мир мисли.

Кенгабр, Кенгабр, зарен ти омазана
Който и прииде.
Зарен ти френту вода и гачера разума
Волну се и крути се.

Веселая негу в асарии дезде,
Кенгабр естели,
Задига ти дин ти украински,
Или не мисли ти?

Или соуди ти еболи на камне
И сургуте
Седи и мир, и звезд терени,
И размашило.

Кенга. Весели

Кентаврами восходят поколения,
И музыка гремит.
За лесом, там, полуденное пенье,
Неясный мир лежит.

Кентавр, кентавр, зачем ты оглянулся,
Копыто приподняв?
Зачем ты флейту взял и заиграл разлуку,
Волнуясь и кружась?

Веселья нету в жаркой бездне,
Кентавр, спеши.
Забудь, что был ты украшением,
Или не можешь ты?

Иль создан ты стоять на камне
И созерцать
Себя, и мир, и звезд движенье
И размышлять?

Подделки юную любовь напоминают,
Глубокомысленно на полочках стоят.
Так нежные сердца кому-то подражают,
Заемным опытом пытаются сиять.

Но первая любовь — она благоухает,
Она, безумная, не хочет подражать,
И копии и слепки разбивает,
И пеньем наполняет берега.

Но копии, но слепки, точно формы,
Ее зовут, ее влекут.
Знакомое предстанет изваянье,
Когда в музей прохожие войдут.

1933

Норд-ост гнул пальмы, мушмулу, маслины
И веллингтонию, как деву, колебал,

Ступени лестниц, словно пелерины,
К плечам пришиты были скал.

По берегу подземному блуждая,
Я встретил соловья, он подражал,
И статую из солнечного края
Он голосом своим напоминал.

Я вышел на балкон подземного жилища, —
Шел редкий снег и плавала луна,
И ветер бил студеным кнутовищем,
Цветы и травы истязал, —

И понял, что попал в Элизиум кристальный,
Где нет печали, нет любви,
Где отраженьем ледяным и дальним
Качаются беззвучно соловьи.

1933

251

Почувствовал он боль, в поток людей глядя,
Заметил женщину с лицом карикатурным,
Как прошлое уже, в ней узнавал
Неясность чувств и плеч скульптурность,

И острый взгляд, и кожи блеск сухой.
Он постоял, но не окликнул.
Он чувствовал опять акаций цвет густой
И блеск дождя и воробьев чириканье.

И оживленье чувств, как крепкое вино,
В нем вызвало почти головокруженье,
Вновь целовал он горький нежный рот
И сердце, полное волненья.

Но для другого, может быть, еще
Она цветет, она еще сияет,
И, может быть, тот золотым плечом
Тень от плеча в истоме называет.

1933

476

Как ночь бессонную зима напоминает.
И лица желтые, несвежие глаза,
И солнца луч природу обольщает,
Как незаслуженный и лучезарный взгляд.

Среди пытающихся распусться,
Средь почек обреченных он блуждал,
Сочувствие к обманутым растениям
Надулось в нем, как парус, возросло.

А дикая зима всё продолжалась, —
То падал снег, то дождь как из ведра,
То солнце принуждало распускаться,
А под окном шакалы до утра, —

Здесь пели женщиной, там плакали ребенком,
Вдруг выли почерневшею вдовой.
И псы бездомные со всех концов бежали
И возносили лай сторожевой.

Как ночь бессонную зима напоминает, —
Камелии стоят, фонарь слезу роняет.

1933

Вступил в Крым в зеркальную прохладу.
Под градом желудей оркестр любовь играл.
И, точно призраки, со всех концов Союза
Стояли зрители и слушали Кармен.

Как хороша любовь в минуту увяданья,
Невыносим знакомый голос твой,
Ты вечная, как изваянье,
А слушатель — томительно другой.

Он, как слепой, обходит сад зеленый
И трогает ужасно лепестки,
И в соловьиный мир, поющий и влюбленный,
Хотел бы он, как блудный сын, войти.

1933

В аду прекрасное селенье
И души не мертвы.
Но бестолковому движенью
Они обречены.

Они хотят обнять друг друга,
Поговорить.
Но вместо ласк посмотрят тупо
И ну грубить.

Декабрь 1933

Промозглый Питер легким и простым
Ему в ту пору показался.
Под солнцем сладостным, под небом голубым
Он весь в прозрачности купался.

И липкость воздуха, и черные утра,
И фонари, стоящие, как слезы,
И липкотеплые ветра
Ему казались лепестками розы.

И он стоял, и в северный цветок,
Как соловей, всё более влюблялся,
И воздух за глотком глоток
Он пил и улыбался.

И думал — молодость пройдет,
Душа предстанет безобразной
И почернеет, как цветок,
Мир обведет потухшим глазом.

Холодный и язвительный стакан,
Быть может, выпить нам придется,
Но всё же роза с стебелька
Нет-нет и улыбнется.

Увы, никак не истребить
Видений юности беспечной.
И продолжает он любить
Цветок прекрасный — бесконечно.

Январь 1934

256. ПАРША НА ОТМЕЛИ

ветер был сильный и раздул огонь. Огонь начал лизаться и причмокивать и морщась торопливо обхватывать дровяной склад. Ветер ветер закричали жалобно дрова. Огонь огонь запищали доски. Ты ломаешь нам тазобедренные суставы сказали дрова и коленные чашечки ДОБавили доски. Но огонь долизывая склад говорил: Не могу-с не хочу-с у меня жена РОДИЛА ей шипцы накладывали.

дВА фонаря стоят доска досочка дощечка дошка
 дощечкаА дошка дашка доска досченчик досочек
 ЧТО ЕСТЬ ДРОВА КОТОРЫЕ ГОРЯТ
 ТАКУШТО как ШИНКИЛЬ
 в карнафейку «ЕСТЬ ЗОЛОТОБОРОДЫЕ
 ПУПСЫ» в карнафейку
 есть хитрые дома и шинкари забуженные в старях
 лесах
 потому что для них кистень с надписью А есть слишком
 долгая тюремная подпись ВОДЯная волна при К. С.
 семечки емей ей е АТТОТТЫ емечки и е ай и ячики
 и а -ы-ы-ы ко запыр<?>
 лента лента лентатя НАСЕКОМОЕ летит насекомое
 КУВЫРКАЕТСЯ зяда

ГАННА твоя корзинка полна
 песочными сугробами

полна широких сковородок
хвостах полнели нелли по **КАРМАНАМ**

З Д Е С Ъ С Т О Н У Т З Я Б Л И К И

каста каста каста каста каста

ЗДЕСЬ ПЛАЧУТ КУРОЧКИ

аХ я на вытянутых вам руках несу вам плод махнатой
стрекозы

животная царица **КСИРА**

ее зовут

КОМАР здесь пеших не подточит

НУИЯМА полна вареников

веселько взамахнулось по водке по воде речной

кусты шелестелят

супруг с супругоЮ в кровати

она замужем

АОННА вате

здесь дремлет старый рукомойник

сосед по **ДАЧЕ** генерала

и свист идет и дым ползет и струп ф голое зало

ТАМ СТОИТ большая кушетка

А на ней сладко спит **ЗАДОПУЗ**

Шида Шида дикий голос **ХРОМОЙ** нос

как много свистков как много неуклюжих **ЗАДНИЦ**

ПУСТЕКИ пустеки как много пувуноф плывет

смотрите по тем стенам

ОНИ все **РАБЫКА** восах <в>оенных

УЖЕ темнеет что вы пристааете ко мне с вашими нелепыми предложениями гнусными как пятикопеечная марка клеенная под ситцевыми занавесками, сеенная на звонках

в **П О С Л Е О Б е д**

НЕ БЕДА лебеда что ты поперхнулась

плохо что ты оттататакнулась

три воробья сидели на ветке и клевали **ЖИЖИЦУ**
братцы сказал один воробей полетим к одним
пекарням, где сегодня **ПЕКУТ** много ситнаго
чем тут клевать собственную **ЖИЖИЦУ**. Два воро-
бья одного звали федором другого арбузом по-

чесались и сев на лампу сказали что они это
видели и знать ничего не хотят. трЕТий ЖЕ
полетел и наевшись досыта вернулся и стал
смеяться над своими товарищами
А они наХохлившись УЛЕТЕЛИ в
Т И Б Е Т

ИКРАЙБЕЛЫ

ХНОК

19 ФЕВРАЛ

Ь

1924 ?

257. ЗЕМЛЮ, ГОВОРЯТ, ИЗОБРЕЛИ КОНЮХИ

*Посвящаю тем, кто живет
на Конюшенной*

ВСТУП

вертану финикию
зёрном шельдону
бисерёла у заката
криволиким типунóm
полумёна зырыня
калитушу шельдону

НАЧАЛО

приоткрыла портсигары
от шумовок заслоня
и валяша как репейник
съел малиновый пирог
чуть услыша между кресел
пероченье рандаша
разгогулину повесил
варенцами на ушах
Ира маленькая кукла
хочет какать за моря
под рубашку возле пупа
и у снега фонаря
а голубушка и пряник
тянет крышу на пущу
живота островитяне
финикийские пишу

зеленó твое рýло
и трубá

и корыто зипунами
барабан
полетели панталоны
бахромой
чудотворная икона
и духи
голубятина не надо
überall¹
подарила выключатель
и узду

а куха́ми пижет а́лы-е
торопи́ покое был
... даже пальму строить надо
для руины каббалы
на цыганах уводи́ла
али жмыхи половя́
за конюшни и уди́ла
фараонами зовя
финикия наготове
переходы положу
магомета из конюшни
чепраками вывожу
валаамова ослица
породила окунят
везелóнами больница
шераму́ра окиня́
и ковшами гычут ла́до
землю пахари былин
... даже пальму строить надо
для руины каббалы

сы́на авраа́мова
о́ндрия гунты́
потом зашелóмила
бухнула гурты

ма́монта забу́ля
ле́да карабин
о́тарью капи́лища
о́трок на Руси
бусами ма́ланится

¹ Везде, повсюду (нем.). — *Ред.*

пѣнистая мовь
шлепая в предбаннице
лысто о порог

нѣне Португалия
тоже сапоги
рыжими колесами
тоже сапоги
уронила вырицу
тоже сапоги
калабала девочка
тоже говорит

а лен-ты
дан-ты
бур забор
ловѣ
хоро-ший
пѣ-реход
твоя колода
пѣ-региб
а пѣ-рохода
сѣ-поги

надо кѣкать лукоморье
для конюшенной езды
из-за острова Амбонья
винограда и узды
и рукой ее вертели
и руина каббала
и заказаны метѣли

золотые купола
и чего-то разбѣляет
кацавейкою вдали
а на небе кораблями
пробегали корабли

надо кѣкать черноземом
а накѣкавшись в трубу
кумачовую алѣну
и руѣну каббалу

не смотри на печенѣгу
не увидишь кочерги...

... а в залѣтах другѣми спѣржами
телеграммою на версты
алексан-дру так и кажется

кто-то ќикает за кусты
... целый день до заката в́ечера
от парчи до палёвок князевых
встанут ч́еляди изувеченно
тьмами синими полуазии
... Александра лозя́т ара́бы
целый остров ему бовёкой
Александр лозит́ корабль
минотáвра и челове́ка
... и апостола з́ыда ма́слом
ч́ерез шею опроки́нул
в море остров в море Па́тмос
в море ша́пка Финикии

Всё

Август или сентябрь 1925

258. КОМЕДИЯ ГОРОДА ПЕТЕРБУРГА

ЧАСТЬ II

<Действие I>

П е т р

Я помню день. Нева шумела в море,
пустая, легкая, небрежная Нева,
когда пришел и, взглядом опрокинув тучу,
великий царь, подумал в полдень тусклый,
и мысль нежная стянув на лбу морщину,
порхая над Невой, над берегом порхая,
летела в небо, реяла над скучным лесом,
тревожила далекий парус в чудном море.
Тогда я город выстроил на Финском побережье,
сказал: столица будет тут. И вмиг
дремучий лес был до корня острижен,
и шумные кареты часто били в окна хижин.

Н и к о л а й II

Ты Петр был царем.

О слава дней минувших!
взлети как пламя трепанное ввысь. А я
уйду. Уйду с болот жестоких,
прощай, Россия! навсегда прощай!
Но нет, я тут, я тут как черт иль печка.
Руби! стреляй и тысяча пик коли!
Очисти путь. И я, наследник Божий,
взойду, держась за сердце, на престол,
и годы длинные железного монарха
пройдут над жизнями кочующих племен.
Благословенна ты, Российская держава,
а я твой царь и Бог и властелин.
Да, Петр. Я живу. Ты мне смешон и жалок,
ты, памятник бездушный и скакун,
гляди, мне покорятся все народы. И царица
родит мне сына крепкого как бук,
но только силы у меня нет, Петр, силы,
брожу ли я у храма ль, у дворца ль,
мне всё мерещится скакун на камне диком.
!Ты, Петр, памятник бесчувственный, ты царь!!!

К о м с о м о л е ц В е р т у н о в

(указывая на Николая II)

Связать его.

Щ е п к и н

Закройте двери. Сквозняк невозможный. Царь просту-
дится.

С в и т а

(смеется)

Ха ха ха ха ха ха ха...

Б а л а л а е ч н и к

В лес ли девка бегала,
юбку ль девка дергала,
пила меда каточку
за царицу-матушку.

К о м с о м о л е ц В е р т у н о в

Э-э, мундирчик-то бумазейный. Царь, тебе холодно?

Н и к о л а й П

Отстаньте, комсомолец Вертунов, отстаньте!

К о м с о м о л е ц В е р т у н о в

Что? разговаривать? тебе же, дурак, добра желают. Пожалели тебя. Видно — человек избалованный. Ты мне скажи, чай, и плевал не иначе как в подушки в бархатные?

Щ е п к и н

Да закройте же вы двери. Простудится же.

К о м с о м о л е ц В е р т у н о в

Нет, ты мне скажи, в подушки плевал бархатные? а?

Н и к о л а й П

(безразлично)

Плевал.

К о м с о м о л е ц В е р т у н о в

Вишь ты! Ну а еще чего делал? Ты, парень, не пужайся, прямо говори, делал чего еще?

Н и к о л а й П

(безразлично)

Делал. *(Повысив голос.)* Не хочу я говорить с вами, я плясать хочу. Ей, музыка!

Б а л а л а е ч н и к

Царь танцует
ветер дует
люди плачут
слезы льют
всё танцую
ветер дует
царь не скачет
ходит лют.

Н и к о л а й П

О Петр, где твоя Россия?
где город твой, где бледный Петербург?
куда попал я, в Кострому, на небо иль в парламент?

скажи мне, Петр, внуку своему.
Меня спросили: не плевал ли я в подушку,
но я не знаю, я не помню, я забыл.
Забыл, мне память изменила, Петр, Петр,
скажи, куда плюются все цари?

Петр

В плевательницу или под стол.

Николай II

Позвать комсомольца Вертунова.

Дворецкий

Слушаюсь, Ваше величество!

Комсомолец Вертунов
Что прикажете, Ваше величество?

Николай II

Здрасьте. Как на улице, тепло или холодно?

Комсомолец Вертунов
Тепло, Ваше величество.

Николай II

А я под стол плевать умею!

Комсомолец Вертунов
Очень интересно, Ваше величество.

Николай II

Хочешь, покажу?

Комсомолец Вертунов
Ну покажи!

Николай II

тпфу!

Комсомолец Вертунов
Вот это здорово!

Н и к о л а й П
тпфу!

К о м с о м о л е ц В е р т у н о в
Замечательно!

Щ е п к и н
(вбегая)

Господа, закройте дверь. Оттепель — это самое опасное время! Моя тетя подарила мне перчатки, а папа сказал, что у меня и усы, и борода, и брови, и всё-всё рыжее, как у учительницы.

К о м с о м о л е ц В е р т у н о в
Беги в Москву, окаянный.

Щ е п к и н
(поет)

Я бегу верчу ногою
в небо прыгаю как лев
мне кричали: не сдавайся
не смотри по сторонам
ну-ка саблю вынь из ножен
и взмахни над голым пнем
твой удар и тих и нежен
рубит немца под сосну.

К о м с о м о л е ц В е р т у н о в
Беги, беги скорей!

Щ е п к и н
(поет)

Дремлет сокол в небе белом
я как птица в ночь бегу
звери под гору ложатся
рыбы спят на берегу
только ты моя царица
в поле круглое глядишь
только ты головку ниже
опускаешь и грустишь.

Комсомолец Вертунов
Ваня, Ваня, торопись! Еще немного. Перепрыгни канавку. Вон Москва блестит пуще озера, домики плывут. Церковки послушные виднеются. Торопись, Ваня!

Щепкин
(поет)

Я пришел к заветной цели
вот и пышная Москва
надо мной хлопочут люди
а кругом тоска тоска.

Николай II
Господи, какая проклятая жизнь!

Комсомолец Вертунов
Царь, опомнись!
Тебе ли падать духом!
Тебе ли выть! прислушайся гремучим ухом
и жизнь прошлую забудь навек.
Тебе не много жить осталось. А ты
зачем, зачем тревожил Ваню Щепкина,
зачем позвал меня и с хохотом промчался
мимо стана в поле крысой?
расплату Бог послал. Прими в гробу недавнем
ее. И щеки впадшие как букли осуши.

Николай II
Молчи. Не стоит говорить.
Я знаю всё. На этой стенке
повесился великий полководец,
когда прекрасная Мария горевала
и клавиши лежали под рукою.
Тут вечный Бисмарк об землю томился,
но дочь его казалась нам другой.
Смотри, как лань визжат телеги,
бегут погонщики. Смотри,
под звоны шустрые калеки
несутся пламенем с утра,
и всюду меч летит крылатый
над опрокинутой палатой,
смотри, тоскующие латы
висят как медные ветра.
Я знаю всё...

Комсомолец Вертунов

А помнишь день?
погода зимняя была и вьюги
шатались около Москвы,
трещала хижина, и дым не шевелился,
и птицы падали в безжалостный сугроб,
и чьих-то ног следы мелькали,
французская шумела речь.
Откуда вы? издалека ли
страну идете пересечь?
Ты помнишь, царь, Наполеона?
тебе гранитный вызов был,
Москва врагом была спалена —
ты помнишь это?

Николай II

Нет, забыл.

Комсомолец Вертунов

Забыл? Еще бы!
Хотя постой. Ты помнишь Фамусова?

Николай II

Помню.

Комсомолец Вертунов

А Катеньку?
Она тебя встречала поцелуем на Морской
и, зонтиком помахивая, шла под ручку.
Вы заходили в ювелирный магазин,
ты шел как подобает Императору,
а Катенька как виселица шла.

Николай II

Да да, мне Катенька знакома,
но где она?

Комсомолец Вертунов

Неважно.

Тише, к нам идут.

Вон Фамусов, а с ним Кирилл Давыдыч,
и даже... даже Катенька. Пойдемте, царь.

Ф а м у с о в

Друзья! мы снова в этом доме!
Я вам сейчас представлю комсомольца Вертунова —
такой почтенный... Катенька, вы покраснели?
и ты, Кирилл Давыдыч? Вот некстати!
Чего ты загрустил, смутившись, как дитя?

К а т е н ь к а

Нет, Павел Афанасьевич, я рада,
а покраснела просто так.

К о м с о м о л е ц В е р т у н о в

Скажите, Фамусов,
как поживает князь Мещерский?

Ф а м у с о в

Спасибо. В здравствии.
Разводит канареек.

К о м с о м о л е ц В е р т у н о в

А дочь его прекрасная Мария?

Ф а м у с о в

Мария? Мария Богу душу отдала.

К о м с о м о л е ц В е р т у н о в

Зачем же Богу? Вот чудак,
не можете оставить предрассудки.

О б е р н и б е с о в

Бог — это я!

Моя Мария!

Четырнадцать лет мы познакомились.

Она впорхнула в мой тихий домик.

Я лежал.

Смотрю, как будто дверь пошевелилась,

как будто дунул ветер в комнату,

и вдруг вошла Мария.

На стене кинжал. Ты видишь это?

Мария, видишь это? Она сказала:

«Нет, мне это всё равно!

люблю тебя, Кирилл Давыдыч,

бежим, мне здесь противно! Кира!

ты весь распух и злостью переполнен,

бежим на лошади, на шарике воздушном!
Нырнем под окиан и снова вдаль промчимся,
и легкой амазонкой через горы
задрезбежим в туманное окошко.
Мелькнет отец, мы крикнем: до свиданья!
!бежим! Кирилл Давыдыч, — мы свободны!»
А я сказал: ты видишь Бога?
Бог — это я,
а ты, Мария, — не двинешься от бренного испуга.
Очей не вскинешь. И как птица
умрешь от ласковой руки!

Щ е п к и н
(поет)

Жил разбойник под горою
в тихом домике с окном
люди разные боялись
к той горе детей водить
но лишь только звезды кинут
взоры нежные к ручью
над горой печальный житель
теплит белую свечу.

Н и к о л а й II

Свяжите его! это не человек, а береза какая-то!

Ф а м у с о в

Успокойтесь, Ваше величество. Ну, мы свяжем его,
уьем. Какая польза?

Он послезавтра оживет и снова
будет петь, как нищий у перил.
Не в жизни цель, а в песне,
как говорил мой друг Мещерский, князь.
Пройди всю землю, но хоть тресни
ты не найдешь такую грязь.

Н и к о л а й II

А как по-вашему,
Кирилл Давыдыч, злой Обернибесов,
он лучше, что ли, или как?

Ф а м у с о в

Свежей. Спросите князя,
он знаток души и тела.

Н и к о л а й П
Но где достать такого мудреца?

Ф а м у с о в
Мой князь живет в Швейцарии прилежной.
Пускай Кирилл Давыдыч нам гонцом послужит,
ему в дорогу дайте спирт и порученье.

Н и к о л а й П
Садись голубчик в аэроплан
лети голубчик через Монблан
на поворотах стягивай живот
ты прилетишь где князь живет
скажи ему чтоб он был здесь
скажи ему что я его тесть
и как-то будучи повешен
за мой язык среди орешен
я в руки брал перо стальное
макал, но мимо пузырька,
писал приветствие шальное
в кусты чихая изредка.
Лети в нему Обернибесов
аэроплан я тебе подарю
бутылку на, там спирт древесный
его положи в летучий трюм.
Ты им в пути себя согреешь
Монблан увидишь на заре лишь
тогда нажми вот эту кнопку
и выбрось прочь бутылку с пробкой.

К а т е н ь к а
Прощай, Кирилл Давыдыч!

Ф а м у с о в
Смотри как следует за элеронами!
Ниже трехсот метров не опускайся.
Когда прилетишь, спроси, куда попал.

(Убегает со сцены за аэропланом.)

К о м с о м о л е ц В е р т у н о в
Чудак.
Вообразил себя черт знает кем!
Зритель, какого ты мнения об этом человеке?

З р и т е л ь

А уж будьте покойны, вильнет хвостом, и ищите где хотите.

К о м с о м о л е ц В е р т у н о в

Ну да! Не хватает решимости. Ваня, что скажешь?

Щ е п к и н

Николай II кровью харкает. Доктора бы позвать. Кста-ти было бы.

К о м с о м о л е ц В е р т у н о в

Постой, не до этого.

З р и т е л ь

То-то и оно-то! Как не все дома, ничего и не попи-шешь.

К о м с о м о л е ц В е р т у н о в

Ну ты там, тебе волю дали, так ты и нахальничать. Мне лучше знать, что я делаю.

З р и т е л ь

А я маме пожалуюсь.

К о м с о м о л е ц В е р т у н о в

Иди и жалуйся. Жалко, что ли.

З р и т е л ь

Вот и пойду!

К о м с о м о л е ц В е р т у н о в

Вот и иди!

(Зритель уходит.)

К о м с о м о л е ц В е р т у н о в

Фу! будто камень с плеч сняли.

Ф а м у с о в

(входя)

А где же царь?

Комсомолец Вертунов
Черт их знает. Когда нужно, ни одного черта под рукой
не найдешь. Что, улетел?

Фамусов
Да уж скоро и назад будет. Катюша тоже ушла?

Комсомолец Вертунов
А ну их всех.

(Уходит.)

Фамусов
(один. Задумчиво)

раз два
раз два
раз два три
раз два три
раз два
Порр-тугалец

(По сцене пробегает человек.)

Эй куда бежишь!
раз два
раз два

Занавес.

<Действие II>

Князь Мещерский
Эй, отворите!
Я князь Мещерский,
приехал в Питер,
хочу поведать, кто тут мерзавцем
меня, светлейшего, назвал.
Всех разобью одной рукою
и к чертовой матери пошлю,
попробуй только выйди! Дважды
убью такого смельчака,
сожгу и пеплом разбросаю
по всей земле!

Ты кто такой?

С т о р о ж
Вы здесь потише! Не скандальте!

К н я з ь М е щ е р с к и й
Скажите? Он меня...
Нет, послушайте...
да ты-то знаешь,
вот эти руки гнут пятак!

С т о р о ж
А если вы сейчас не замолчите,
я вас могу арестовать.

К н я з ь М е щ е р с к и й
Арестовать? валяй попробуй!
Я это так и ожидал!

С т о р о ж
Вы арестованы! Пойдемте.

К н я з ь М е щ е р с к и й
Не толкайся!
Веди хоть к черту на рога.

К о м с о м о л е ц В е р т у н о в
(входя)

Ах, это вы!

К н я з ь М е щ е р с к и й
Да. Приехал. Тут проживает Николай II?

К о м с о м о л е ц В е р т у н о в
Тут, но сейчас он болен,
лежит в кровати как бревно.

К н я з ь М е щ е р с к и й
Эй, служивый! Чего глядишь?
Веди к нему!

С т о р о ж
К кому тоись.

Князь Мещерский
К царю, что как бревно лежит.
Четыре шага до ворот осталось,
а лужа тут валяется как черт!

Сторож

А вы ее с размаху перепрыньте!

Князь Мещерский
(прыгнув)

Куда идти,
направо или вбок?

Сторож

Сюда пожалуйста.

(Открываются ворота.)

Николай П

(в кровати)

Куда смотреть?
Везде злодеи. Вон один
открыл безумную рубашку
и слушает, зажмурясь, граммофон.
Вон рыцарь ходит с алебардой,
хранит покой чиновника.
Вон сторож, комсомолец Вертунов,
а с ними кто-то мне доселе не известный,
должно, какой-нибудь проситель.

Князь Мещерский
Здравствуй, царь!
Я прилетел на крыльях быстрых,
Кирилл Давыдыч мчался тут же.
Казань мелькнула, вышел Питер,
раздулся в голову и треснул,
Фонтанкой бился, клокотал
и шлепнулся к Неве у самого болота.
Мы вылезли и прочитали:
«Город Ленинград».

Н и к о л а й П

Да. Это правда.
Боже, Боже!
Еще совсем недавно
я бегал мальчиком
и кушал апельсин,
таскал невинные конфетки из кармашка
и падал в ужасе при виде мужика.

К о м с о м о л е ц В е р т у н о в
Но мало ли что было!
Я однажды купался в речке.
Вдруг смотрю плывет как будто рыба.
Но вглядевшись — я крикнул как сарыч
и выскочил на берег.

К н я з ь М е щ е р с к и й
Что же это было?

Н и к о л а й П

Ну?

К о м с о м о л е ц В е р т у н о в
Это был простой комочек
нежных прутиков и мха
я кричал что было мочи
испугавшись как блоха
а потом четыре ночи
жизнь казалась мне плоха.

Н и к о л а й П

Вот это здорово! Ты трус. И все вы такие. Испугался
прутика! А если бы увидел палку?

К о м с о м о л е ц В е р т у н о в
(в сторону)

Каждый день вижу дубину тупоголовую. И ничего! Не
страшно.

К н я з ь М е щ е р с к и й

Ну, к делу господа!
Зачем вы меня вызвали?

Н и к о л а й П

Твой ум понадобился.

К о м с о м о л е ц В е р т у н о в

Решите нам. Кто лучше,
Ваня Шепкин или этот
Кирилл Давыдыч Обернибесов, —
один печальный и ненужный,
другой с корзинкой на плече.

К н я з ь М е щ е р с к и й

По-моему, лучше тот,
который из пеленок
уже кричал «брависсимо»
и дергал за усы
папашу или дядю,
когда они, покашливая
в сторону или в тряпочку,
пели ирмосы.

Н и к о л а й П

Восхитительно!

Какая мощь бесстрастного сужденья.
Мы позовем Кирилл Давыдыча
и спросим,
каков он был в младенчестве своем.

Щ е п к и н

(вбегая)

Сейчас только что из Москвы. Прибежал туда, а там всё так же, как и у нас. Такие же дома и люди. Говорят только наоборот. «Здравствуйте» — это значит у них «прощайте». Я и побежал обратно. Только где-то, по моему, окно открыто — дует. Я бежал — так вспотел.

Н и к о л а й П

А! нам-то тебя и нужно. Скажи, пожалуйста, когда ты был еще в пеленках, дергал ли ты папашу или, ну, скажем, дядюшку своего за усы?

Щ е п к и н

Что?

Н и к о л а й П

Ты дергал за усы папу или маму?

Щ е п к и н

Зачем?

Н и к о л а й П

Значит, не дергал?

Щ е п к и н

Ваше величество, не погубите.

Н и к о л а й П

Ну ладно, ступай себе.

А что, Кирилл Давыдович пришел?

К о м с о м о л е ц В е р т у н о в

Нет, его всё еще нету. Вон идет Фамусов, но, кажется, один. Павел Афанасьевич, где же ваш друг?

Ф а м у с о в

(входя)

Он отказался идти сюда!

Я говорил ему: Послушай! Пойдем!

а он, в накидку завернувшись,

стоял у входа.

Я тотчас же всё понял.

Он тоскует.

В его руках виднелась книга,

он пальцем заложил страницу.

Молчал. И только грудь качалась

да плащ казался мне крылом.

Щ е п к и н

Смотрите, он идет сюда.

К о м с о м о л е ц В е р т у н о в

Что, Фамусов?

Не вышло дело?

Хотел прикинуться ягненком?

Вон щеки выкрасил шафраном,

но выстричь когти позабыл.

Н и к о л а й П

Ну, где же он?

Щ е п к и н

Вон там шагает по мосту.

К н я з ь М е щ е р с к и й

По-моему, это лошадь.

Щ е п к и н

Нет, вон там.

Н и к о л а й П

Ах да, теперь я вижу,
в руках он держит колокол.

К н я з ь М е щ е р с к и й

Не колокол, а выстрелы!

Щ е п к и н

Бежим же, господа!

К о м с о м о л е ц В е р т у н о в

Постой, куда бежать?

Царь, не волнуйся.

Я приказал стоять у входа Крюгеру.

Он смел и безобразен,

мальчишка не пройдет

и ветер не промчится,

он всякого поймает за рукав,

толкнет в кибитку,

свистнет пальцем,

не бойтесь!

Крюгер — это воин.

Он хранит.

Щ е п к и н

(поет)

У дверей железный Крюгер

саблей немцу погрозил

но всплеснув руками падал

выстрел Крюгера сразил.

Комсомолец Вертунов
Как, его убили?!

Сторож
(вбегая)

Ваше величество! Стоящий на посту Эммануил Крюгер
только что убит неизвестной женщиной.

Николай II

Что же это такое?

Сторож

Не смею знать, Ваше величество!

Николай II

Измена! или ты, мерзавец, лжешь!
Подать мне Крюгера!
Хочу, чтоб все ушли!
Я с ним наедине желаю разговаривать.
Поставьте самовар
и заварите чай.

Князь Мещерский

Но ведь его, кажись, прихлопнули?

Николай II

Молчи и не пытайся...
Я буду ждать, пока он не придет.
Пускай шагает по мосту Обернибесов,
не в этом дело. Он злодей.
А ты лети к себе в Швейцарию,
там лучше.
Уйди от солнца, скройся от людей.
Мне нужен Крюгер.
Кто сказал: «Он умер»?
Где Крюгер? Петр! Крюгер где?
Вон Щепкин говорит: его убили!
Где Крюгер? Петр, где?!
Я жду!

Комсомолец Вертунов
Напрасно ждешь.

Не слышит Петр,
и Крюгер в комнате лежит,
его рука бездумно машет,
свисая тучей со стола,
не подходи к нему, он тих,
он сочинил последний стих.

Ф а м у с о в

Что же, мы будем ждать Обернибесова или пойдем?

К н я з ь М е щ е р с к и й
Вот город! Вот страна!
Я прилетел на родину,
и что же —
не родина,
а ящик из-под шляп.
На улице танцуют мандарины,
в окошко залетает борода.
Я вижу лес, квадратные долины,
а сбоку приютились города,
и там сидят еще цари,
играют в карты до зари,
потом ложатся. Боже мой!
Улечу-ка я домой.

Ф а к е л ь щ и к и

(вносят Крюгера, [поют])

Умер Крюгер как полено
ты не плачь и не стони
вон торчит его колено
между дырок простыни.

Он лежит и не вздыхает
он и фыркает и рад
в небе лампа потухает
освещающая Ленинград.

Обернибесов и Сторож на мосту.

С т о р о ж

Кто идет!
Откликнись, кто идет!
Эй слушай, кто ты такой!

Стой, не пушу!
Ответь, куда идешь и как зовут.

О б е р н и б е с о в

Меня зовут Обернибесов,
иду в пространство. Я один.
На пароходе плыл сегодня в пустую гавань.
Был обед.
Я сел на палубе за столик одинокий.
Смотрю, идет Мария.
Я кадет.
Но я сказал: «Мария, ты прекрасна,
иди ко мне за мой печальный стол.
Иди сюда». Но было всё напрасно.
Она прошла. И суп остыл.

С т о р о ж

Ай, ай, караул!

О б е р н и б е с о в

Молчи.
Я создал мир.
Меня боятся.
Но ты, мой друг, не бойся. Я поэт,
схвачу тебя за ножки
и как птицу
ударю с возгласом о тумбу головой.

С т о р о ж

(вырывается и бежит)

Караул! Грабитель!

О б е р н и б е с о в

(бежит за ним)

Ах — ыр рар, рар — ррр —

Второй план.

П е т р

С тех пор как умер Крюгер,
я опечален. Хожу по городу
в рубахе. Всё коряво!

и ты, двубортный замок, тем не блещешь,
что пыль хранишь и чувствуешь царя,
и ты, на мостике голодная избушка,
не чудо кутаешь в солому средь коней.
Пройдет ли мимо князь —
ну ладно! ты хромаешь,
взлетит ли туча быстрая к нему потолку.
Опять зима! на улице смятенье.
Вон баба щелкает орехи на суку.
Тогда у Зимнего дворца, печален,
стоит как прежде Крюгер на часах,
глядит в безоблачное небо Крюгер...
тпфу-ты!
не Крюгер в небо посмотрел,
а ты.

Ч а с о в о й

Который час?

П е т р

Четыре.

Да! нечего сказать, кругом
лохань безбожная! Вон Катенька спешит,
должно быть, на свиданье с комсомольцем

Вертуновым.

Россия, где же ты!

О б е р н и б е с о в

Тут. В кулаке.

Красиво? Схватил, и всё тут.

Я пришел сюда на трубочках.

Я Бог.

Вон, хочешь эта девка обернется?

Я брошу камень в мельницу, и он
распухнет от тоски нечеловеческой. А девка
свернет в кусты и ляжет на траву.

Мне это всё знакомо. Я копыто.

Не веришь? Посмотри сюда.

В моих глазах шумит водичка далеко.

Мария как-то увидела птицу
и говорит: Кирилл Давыдович,
убей на память! —

и тут же посмотрела мне в глаза.

С тех пор я всё тоскую. Мне не скучно,

но некого ударить по зубам.

Петр

Я тоже всё искал,
кого бы изнеможить,
кому бы хрустнуться.
Но тоже без следа.

Обернибесов

А я нашел.
Смотри, как пуделю обрежу подбородок
и, вздохнув,
среди бела дня тебя перекалечу.
Беги!

(Петр бежит.)

Обернибесов

(бежит за Петром)

Ага! я Бог но с топором!

Первый план.

Князь Мещерский

(сидясь в аэроплан)

Ну ладно! прочь из этих мест.
Какой позор!
Я больше тут не буду повторяться.
Мерзавцы! Вызвали меня,
светлейшего и мудрого как черт,
судить какого-то Обернибесова и Ваню Щепкина.
Эх, тети! Куда уж вам!

І — І

(Входит Катенька.)

Вонjour¹.

¹Добрый день (франц.). — *Ред.*

К а т е н ь к а

Я так ужасно торопилась,
что даже юбку порвала.

К н я з ь М е щ е р с к и й
Катенька! скажите мне на милость,
откуда здесь у вас на кофточке трава.

К а т е н ь к а

Соринка выпала из глаза.

К н я з ь М е щ е р с к и й
Я не видал еще ни разу
таких зеленых попереч.

К а т е н ь к а

Вон петушок идет по реч.

К н я з ь М е щ е р с к и й
Но вы, прелестная кокотка,
передо мной чуть-чуть коротка.

К а т е н ь к а

Не говорите глупости. Я млею
и целоваться не умею.

К н я з ь М е щ е р с к и й
Ого, стоп стоп, не уходите

(Входит комсомолец Вертунов)

и не жардар пр пр.

К о м с о м о л е ц В е р т у н о в
Чего это вы тут друг друга обнимаете?

К а т е н ь к а

Я вся в слезах.
Он так нахален
и так безумен, как свинья.

К н я з ь М е щ е р с к и й
Позвольте, я пробовал на искренних струнах...

Комсомолец Вертунов

Довольно!

Мне ложь противна!

Лети откуда прилетел!

Мы с Катей по-другому обойдемся.

Обернибесов

(входя)

На крыше ходит кот.

Он мясо нюхает в амбаре,

идет в катушку. Я смотрю —

кипят жерла. Дороден мир!

Ликуй, черкешенка! Сверкает.

Базиль повойники несет,

то кучер, сани запрягая,

скулит в убогие уста.

А я, владыка над Москвою,

Марию в кухне целовал,

ложился в ямочки с тоскою

и руки в мыльницу совал.

Она умрет. Я сверху вижу,

вонзаю ножик под бока.

Я в колыбель бросаю ложку,

еще холодную пока.

Она поет: Кирилл Давыдыч,

ну обернись еще разок.

А я подумал: это чудо —

и повернулся как зрачок.

Князь Мещерский

Улетаю под небесья

Катя сумочкой маши

и поклон ему отвеса

мне любовную пиши.

Катя

Мой жених меня бросает

он другую полюбил

я приду к тебе босая

только б ты его убил.

Князь Мещерский

Я как птица над горою

говорю тебе: блесни.
Видишь, холодно, закрой
двери настежь и усни.

(Улетает.)

К о м с о м о л е ц В е р т у н о в
Закатилася гора.
Катя, поздно. Спать пора.

(Комсомолец Вертунов и Катя уходят.)

О б е р н и б е с о в

(один)

Да. Лучше не смотреть.
Ну что это за люди?
Я создал их в поспешности.
Теперь я понял.
Когда я проходил с улыбкой по Пассажу,
мне вдруг мелькнула мысль:
«Верно, ты меня, Мария, позабыла»,
но тут же спохватился
и, вынув папиросу, закурил.
«Не может быть, — сказала казначейша, —
не в наше время забывать его».
Тогда пробило десять вечера.
Я посмотрел в чуланчик.
А там Мария волосы плетет
и называет Бога: «Мой хороший»,
и на меня глядит как зверь.
Я понял — это хитрость небольшая,
потом сказал: «Бог это я,
а ты, Мария, дитя бесславное». Казалось,
она молчит. Но это ложь.
Она тихонько попадала
в бездонный город Петербург.
И взоры нежные кидала,
и улыбалась наверху,
а я стоял как на помостах,
трубил в подкову горячо,
потом совсем по-детски просто
я целовал ее плечо:
она визжала и носилась,

мне ночью кораблем приснилась,
и я, схватив железный меч,
рубил сырую мачту с плеч.

Занавес.

< Действие III >

1 - й о ф и ц е р

Ох и время. Всё клопы.
Баня грязна. Я брезглив.
Лучше в море окунусь,
ноги потные заголив.
Не спасет меня мундир,
буйной молодости сувенир,
женских ласок покоритель,
царской милости свидетель.

2 - й о ф и ц е р

Ты смешон и старомоден,
рассуждаешь невпопад,
ручеек из самовара
принимаешь за водопад.
Ты возьми с меня пример,
я среди житейских волн
стал хороший землемер
и работаю как вол.
Жизнь полная труда
мне приятна и мила,
так и ты иди туда,
куда всех революция привела.

1 - й о ф и ц е р

Оставь, я создан для другого,
я таю свечкой на дожде.
Ты помнишь Петю Пирогова?
Он мой товарищ по нужде.

2 - й о ф и ц е р

Как хочешь, поступай как знаешь.
Хотя, по правде говоря,
всё это ложь, а жизнь иная ж
придет в начале января.

1 - й о ф и ц е р
О если бы! О Невский! о кареты!
о княжеский покой, народа тихий ропот.
Россия! ты, владычеством согрета,
орлом двуглавым вознесешься над Европой,
твои сыны запрыгают как дети,
как юноши в подтяжках на снегу,
и буду я вдыхать минуты эти
с блаженством Божеским на невском берегу.

О б а
(поют)

Коммунистам и татарам
скоро крах, скоро крах.
Англичане ведь недаром
на парах, на парах.

(Пляшут, раскидывая ноги.)

1 - й о ф и ц е р
Что это?

2 - й о ф и ц е р
По-моему, это стол.

1 - й о ф и ц е р
Но он несется как покойник!

2 - й о ф и ц е р
Да, это призрак современный
летит в пивную. Вон и стул.
А вот и пьяница, и дама,
и мы с тобой, и вся земля!
Бежим на улицу, посмотрим,
бутылку выпьем и назад.

С т о л

Мне хлаблости недостаточно. Одной.

П ь я н и ц а

Вре-ешь врешь врешь.
Это ты врешь.

С т о л

Потому что ни для циво не употлебен.

Д а м а

Фу какие глупости говорите!

П ь я н и ц а

Это ему наше поведение не ндравится.

Д а м а

Сашка, мерзавец! не хватай меня...!

П ь я н и ц а

Подожди ж подожди ж...

Д а м а

Нельзя, не хочу.

(Отбивается. Пьяница целует ее.)

2 - й о ф и ц е р

Поцелуемся и мы!

1 - й о ф и ц е р

А! валяй!

(Целуются.)

2 - й о ф и ц е р

Какая чудная погода!

1 - й о ф и ц е р

Немножечко пресна.

2 - й о ф и ц е р

Но это лучшее время года:
петербургская весна.

1 - й о ф и ц е р

Давай поцелуемся.

2 - й о ф и ц е р

Давай поцелуемся.

(Целуются.)

(Комсомолец Вертунов едет на велосипеде.)

2 - й о ф и ц е р

Гражданин!

Вы что-то уронили.

(Комсомолец Вертунов останавливается и слезает.)

2 - й о ф и ц е р

С первым апрелем!

К о м с о м о л е ц В е р т у н о в
Как?

1 - й о ф и ц е р

Ну, мы просто пошутили!

2 - й о ф и ц е р

Первого апреля это так и полагается. (Молчание.) Мы с вами пошутили. (Молчание.)

1 - й о ф и ц е р

Потому что, когда хорошая погода... первое апреля... он вам крикнул...

(Комсомолец Вертунов молча уходит с велосипедом.)

Видел?

2 - й о ф и ц е р

Видел. Дело дрянь. Он понял, кто мы такие.

1 - й о ф и ц е р

Да, мы опасные люди!

(шепотом) мы опасные люди!

(с возвышения) мы опасные люди!

2 - й о ф и ц е р

Я уверен, что мы опасные люди.

(Идет Николай II с портфелем.)

2 - й о ф и ц е р

Здравствуйте, Николай Александрович.

Н и к о л а й II

Добрый день. Что нового?

1 - й о ф и ц е р

Плохи дела! Здравствуйте.

Н и к о л а й II

Добрый день. Что же случилось?

2 - й о ф и ц е р

Вы знаете, какие мы с вами опасные люди. Большевики это прекрасно знают. Сейчас мы видели комсомольца Вертунова, он явно следит за нами.

1 - й о ф и ц е р

Еще бы. Народ на нашей стороне.

2 - й о ф и ц е р

Армия тоже. Я видел на днях, как солдаты, заметив меня, шли, опустив голову и кидая исподлобья такие взгляды на своих командиров, что я всё понял. Скажи я слово, и они как один умрут за освобождение отечества.

2 - й о ф и ц е р

Но нас могут выследить и самым спокойным образом убить.

Н и к о л а й II

Ничего. В больнице вместе со мной служит некий бывший человек Иван Аполлонович Щепкин. Он всюду имеет доступ. И уж в случае чего сказал бы мне, что у них там неладное.

1 - й о ф и ц е р

Дай-то Бог. Недолго и осталось. Я слышал, Николай Николаевич готовит стотысячное войско, вооруженное такими газами, от которых помрут только коммунисты.

Н и к о л а й П

Да, это правда. Мне Щепкин рассказывал уже.

(Закуривают и уходят. Голос за сценой.)

1 - й о ф и ц е р

Николай Александрович, — а скоро это всё-таки случится?...

(Входят Комсомолец Вертунов и Катя.)

К а т я

Что же это ты так долго?

К о м с о м о л е ц В е р т у н о в

Да вот, по дороге задержали меня два дурака. Еще издали — еду, смотрю, пляшут двое, ногами дрыгают. Когда я подъехал, один кричит: «Гражданин! Потеряли что-то». Я слез, а они в восторге, что надули с первым апрелем.

Интермедия

Взмахнули плечи круглые
девица ты недобрая
уйди Мария в просеку
кричи оттуда тетерем
маши оттуда зонтиком
скачи оттуда кренделем
танцуй оттуда в комнату
в чуланчик или в комнату

М а л ы й Х о р

в том чулане
в том чулане
залетала

птица рыжая
на скамейке
дева желтая
расплетала
косу черную

Б о л ь ш о й Х о р
проходили
звери дутые
закрывались
окна с трепетом

М а л ы й Х о р
проходили
звери дутые
разбивалася
птица рыжая
а по морю-то по согнутому
плыли дружные разбойнички
подплывали ночью к домику-то те
бессердечные разбойнички
всё-то ручками они да перещупывают
за волосы деву сонную захватывают
просыпалася голубка потревоженная
матка плакала и в горницу заглядывала.

Р а з б о й н и к и
(хором)

Ну-ка девка пошевеливайся ты
Левка по полу притопнет каблуком
зашатается по городу кабак
опрокинутся дороги в пустоту.

М а р и я
Я... прошу... отпустить... меня...

Р а з б о й н и к и
Ты по воздуху от нас не убежишь
опрокинулись дороги в пустоту.

М а л ы й Х о р
Стены кубарем поплавали в моря
и уплыли звери дутые домой.

1 - й р а з б о й н и к
Хочешь нам варить мясо?

М а р и я
Нет, не хочу.

2 - й р а з б о й н и к
Хочешь нам завязывать галстуки?

М а р и я
Нет, не хочу.

3 - й р а з б о й н и к
Хочешь нам рассказывать о тучах?

М а р и я
Нет. Я с воздухами не знакома
и в тучах птицей не была
я косы черные плела
меня искал Обернибесов
стучал в кривую дверь порой
и тихо плакал на колесах
над горой
он точил о камни ножик
тепил белую свечу
человек летать не может
он же крикнул: полечу!
Он умчался из окна
я осталась одна.
Не была я птицей в тучах
был мой друг
был мой друг
вейтесь бубы и лучи!
он придет и постучит
вдруг!..

(Значит, улетает.)

Р а з б о й н и к и
Стой! Стой! Стой! Стой!
Возврати твою цидулину душа
Левка по полу притопнет каблуком

зашатается по городу кабак
опрокинутся дороги в пустоту.

М а л ы й Х о р

Улетела девка соколом от них
и разбойники танцуют без нее
матка плачет и приплясывает: эх!
всё откидывает голову назад
проплывает мимо горницы топор
а за ним Иван Иваныч Самовар
Левка падает в кривое решето
тухнет солнышко как свечка на ветру...

(Свет тухнет, и музыка затихает.)

ЧАСТЬ III

Щ е п к и н

(вбегая)

Закройте двери! Сквозняки-то какие! Вон и то окно
надо закрыть. Тут и простудиться немудрено.

Ф а м у с о в

Бумажка по ветру летит
колышутся портьеры, шторы
взвьется пыль из-под ковра
гусары шепчутся: пора.
Сейчас гофмейстер сняв покров
чуть слышно скажет: будь готов
и машет вдруг на колокольню.
Уже в дверях собачий лай
скрипенье санок звон пальба —
отбросив двери Николай
ступает в комнату. Тогда
бегут в погоню канделябры
лучи согнутые трясутся
мелькнет карета, обожжется
глядишь! под голову ныряет
и криком воздух оглашая
ворвется в дом струя большая.
Дудит в придворные глаза
в портьеры в шторы в образа

колышет перья, фижмы, пудру
вертится, трогает струну
дворцы ломает в пух и к утру
потокотом льется на страну.
Летит волна, за ней другая
царицу куклой кувырка
козлиный комкая платок
царя бросаю в потолок.

Щ е п к и н

(поет)

Вьются шторы, вьются перья
дует ветер вдоль плетня
я пойду закрою двери
только ты подожди меня.

Ф а м у с о в

Да брось ты мы окна закроем
ты видишь: я иду иду
толкаю раму танцуют запоры
и винтики глянь заскользили по льду.

Щ е п к и н

(поет)

Закройте раму закройте двери
ветер не злися и к нам не лети
темною ночью выйдут звери
выйдут крылатые нас найти.

Ф а м у с о в

Не бойся Ваня
пройдет ликование
звериные тысячи
круглая барыня
чудо кошачье
горе лежачее.

Щ е п к и н

(кричит)

Не боюсь я Павел
не страшусь я Афанасьевич
я ружье направил

на врага летучего
на врага презренного
без копыт и паруса.

З в е р ь

Пропади мерзляк
я за мерелю каля
вбью плю на кулю коку
дулю в каку кiku пулю.

Щ е п к и н

Да это что же такое?

Ч е л о в е к п о х о ж и й н а к о л б а с у

Он без зубов потому что.

Щ е п к и н

А ты-то кто?

Караул!

(Роняет ружье.)

*(Из ящика выскакивает пугалка с головой на длинной
пружинке.)*

П у г а л к а

Молчать-чать-чать-чать-чать.

Ч у д о в и щ а х о р о м

Мы любимцы сквозняка
сквозняка сквозняка
мы летим издалека
далека ка.

Ф а м у с о в

Убирайтесь вон!

Здесь я хозяин.

А вы ничто, пустое, миф,
вы плод фантазии досужной
живете солнце осрамив.

Ч у д о в и щ а х о р о м

(с музыкой)

О любезный Фамусов

І — І І — І

ты киргиз но без усов

І — І І — І

(Влетает Мария.)

М а р и я

Ах, куда я попала?

Щ е п к и н

Батюшки.

Ф а м у с о в

Гм.

М а р и я

Я тихо по морю каталась
но потеряла вдруг весло
тут паруса мои надулись
и лодку ветром понесло
ко мне пришла теперь идея
она проста: скажите где я?

Щ е п к и н

Вы в городе Лепетбурге.

М а р и я

Где?

Ф а м у с о в

В Ленинграде.

М а р и я

В столицу я значит попала,
прекрасно! очень хорошо.
Здесь на Неве живет хороший мой знакомый,
Трехэтажный, он служит в банке,
старший счетовод.

Его зовут Кирилл Давыдыч Трехэтажный,
он ходит, милый мой, с корзинкой на плече.

Ф а м у с о в

Скажите, Трехэтажный вам не дядя?

М а р и я

О нет. Он мне жених и друг.

Щ е п к и н

Странно, он мне кого-то напоминает.
Вот так в глазах и вьется,
так и вьется.

Ф а м у с о в

Он верно пуп земли?

Ч е л о в е к п о х о ж и й н а к о л б а с у
Растительность природы?

З в е р ь

Квулячья куманда?

М а р и я

Нет, просто человек.

Щ е п к и н

Но всё же вьется в ухо
в глаза проклятый вьется
и память растревожив
не сходит с языка
какой-то Трехэтажный
Кирилл Давыдыч как-то
он вьется так и вьется
на выюгу на выюгу.

Н и к о л а й П

(входя)

Ба! вся честная компания!

Щ е п к и н

Здраво желаю Ваше величество.

Н и к о л а й П

Поклон.

А это кто?

М а р и я

Меня зовут Мария,
я с бабушкой жила в чулане,
гуляла в парке, ездила в Казань,
потом вскочила в лодку и веслом кружа
умчалась в поцелуй ножа.

Летела к вам на шарике воздушном,
держа канат в простуженной руке,
и вдруг увидя золотые башни,
шипенье труб и щелканье ракет,
подумал: вот это город. Уплывает море.

Наступает утро. В небе синева.

А сквозь колышется Нева.

П е т р

Да, это я построил город здесь на Финском побережье,
сказал: столица будет тут. И вмиг
дремучий лес был до корня острижен
и шумные кареты часто били в окна хижин.

Н и к о л а й П

Ты, Петр, был царем

а я брожу как дева,

шатаюсь вдоль реки. О бражная Нева!

Пройдут года, недели пронесутся,

но ты красавица в моря не уплывешь.

Варяга ли набег иль немца крик досчатый,

иль ярость кбсая Урал перелетит,

тебя красавица

и гром не потревожит,

и город не падет на берегу твоём.

А я, прощай,

прощай моя подруга,

уйду с болот в бесславии своём.

Прощай, Россия.

Потухает жизнь... —

Ну что ж, Мария, что же скажешь ты?

М а р и я

Здесь мой жених, Кирилл Давыдыч,

он служит в банке. Я люблю.

Его фамилия как будто Трехэтажный,
а ходит он с корзиной на плече.

Н и к о л а й П

Ах, как же, знаю, знаю,
вот так штука!

Кирилл Давыдыча не знать!

Мы даже спорили, и Щепкин в том свидетель...
А, мое почтение!

К о м с о м о л е ц В е р т у н о в

Здравствуй, царь.

Моя жена — позвольте вам представить,
зовут ее Катюша.

Н и к о л а й П

Очень рад.

К о м с о м о л е ц В е р т у н о в

А это Павел Афанасьевич Фамусов.

К а т ю ш а

Но мы уже знакомы!

К о м с о м о л е ц В е р т у н о в

А это Ваня Щепкин.

Щ е п к и н

Ваш слуга.

К о м с о м о л е ц В е р т у н о в

А это кто?

Н и к о л а й П

Мария Павловна,
приехала в столицу к жениху.

К о м с о м о л е ц В е р т у н о в

В какую столицу?

Н и к о л а й П

В Петербург.

Щ е п к и н
В Ленинград, Ваше величество.

К о м с о м о л е ц В е р т у н о в
В какой такой Петербург?

Н и к о л а й П
В город Пе—тер—бург.

Февраль—сентябрь 1927

259. НОЧНЫЙ ОБЫСК

П р о л о г

1 сцена. Два матроса.

1 - й м а т р о с

Что летит под небом там,
воет блеет и жужжит.
Перекладина креста,
может, по небу бежит.
Дай-ка пулю.

2 - й м а т р о с

Нет, не дам.
Ты убьешь меня ей-Богу
этой пулей как быка.
Я не дам тебе ей-Богу
эту пулю. Отвяжись!

1 - й м а т р о с

Если пулю я прошу,
зная буквы имени твоего наперечет,
а ты не дашь, то я прибегну к палашу,
что так метко головы сечет.

2 - й м а т р о с

Конечно, сталь острее чем свинец,
и смерть стальная мной не победима,
но стоит мне спустить курок,
ты, штурман и детина,

почувствуешь конец
и рухнешь на порог.
Да здравствует свинец!

1 - й м а т р о с

А видел черта в рукаве?
Сунься!

1930

260

Короткая молния пролетела над кучей снега
зажгла громовую свечу и разрушила дерево
тут же испуганный баран
опустился на колени
тут же пронесли дети олени
тут же открылось окно
и выглянул Хармс
а Николай Макарович и Соколов
прошли разговаривая о волшебных цветах и числах
тут же прошел дух бревна Заболоцкий
читая книгу Сковороды
за ним шел позвякивая Скалдин
и мысли его бороды
звенели. Звенела хребта кружка
Хармс из окна кричал один
где ты моя подружка
птица Эстер улетевшая в окно
а Соколов молчал давно
уйдя вперед фигурой
а Николай Макарыч хмурый
писал вопросы на бумаге
а Заболоцкий ехал в колымаге
на брюхе лежа
а над медведем Скалдиным
летал орел по имени Сережа.

Март 1931

261

Дни дни клонились к вечеру
и утро было точно обрезано
отсутствовало при начале дня
сразу сразу зацветало солнце
поднимая растения в надземные местности

раскрывая чашечки цветов
и заставляя воду из рек испаряться в надземные
местности
то человек спал видя сон
то сразу шел в мохнатой, войлочной шапке
продавать свое имущество
или по иному какому делу
или просто удил рыбу приговаривая: удись удись
голубая сестра

день становился добрым
и вдруг на Неве грохотала пушка называя полдень
так страшно неожиданно,
что на мосту два дровосека подпрыгнули ударив
тяжелыми сапогами по камню
а в эти дни дьявол разгуливал по улицам в образе
часовщика предлагая свои услуги

28 июня 1931

262. ДОН ЖУАН

Действующие лица:

Духи.	Командор.
Один дух.	Дон Октавио.
Другой дух.	Донна Анна.
III, IV, V, VI, VII духи.	Первый кавалер.
Проходящие облака.	Второй кавалер.
Расцветающие цветы.	I дама.
Пролетающие журавли.	Супруг.
Озера и реки.	II, III дамы.
Заходящее солнце.	Нисета.
Соловей в роще.	Боабдил.
Голос.	I приятель Дон-Жуана из Кадикса.
Сатана.	II приятель.
Инквизитор.	Дон Цезарь.
Фискал.	I, II и III солдаты.
Член священного трибунала в Севилье.	Офицер.
II член.	Слуга.
Лепорелло.	Музыканты
Шпион.	Пираты.
Дон Жуан.	Статуя.

Настоятель.
I монах.
II монах.
Хор монахов.

Пролетающие жуки.
Мальчик.
Девочка.
Гений Д. Х.

Пролог

Д у х и

Быть — это быть,
и тот, кто был, тот будет.
Быть — это радость,
и тот, кто хочет быть, — тот будь.
И в колыбель его кладут в младенчестве
и кормят молоком,
и с молоком впервые он вкушает радость.
А в детстве он идет
и посещает школу,
а в школе получает знание,
и в знаниях он видит радость.
А в юности он сильно любит
и чувствует большую радость.
А в старости он получает мудрость,
и мудростью он произносит слово,
и это слово — радость.

Д у х Ф и р м а п е л и у с
Тому, кто хочет быть и стал,
тому всегда прилична глупость.

Д у х Б у с т а л б а л и у с
Быть это значит быть умом.
И тот, кто хочет быть,
тот будет умным.

Д у х Ф и р м а п е л и у с
А тот, кто хочет быть и будет,
того сейчас же одолеет глупость.

Д у х Б у с т а л б а л и у с
А я твержу и утверждаю:
быть это значит быть неглупым.
И ты, приятель Фирмапелиус,
жестоко ошибаешься.

Д у х Ф и р м а п е л и у с

Скажу тебе, друг Бусталбалиус,
что ты прямое доказательство
того, что значит быть.

Д у х Б у с т а л б а л и у с

Я не был и не буду никогда,
и ты не будешь никогда,
и никогда ты не был.

П р о х о д я щ и е о б л а к а

А потому и разговор небывших
мы будем называть небывшим.

Р а с ц в е т а ю щ и е ц в е т ы

А размышление проходящих
мы называем проходящим.

З а х о д я щ е е с о л н ц е

Что не успело расцвести,
то не успело мудрости приобрести.

О з е р а и р е к и

Течение всегда приятно
и радостен покой.

Когда мы пристально глядим на что-нибудь,
то наши мысли быстро несутся,
и мы, не в силах оглянуться,
летим с порога на порог,
журчим рекой на поворотах
и поднимаем вверх волну.

Но вот затихло быстрое течение,
мы видим шире, больше,
видим сразу много

и не спешим, а тихо разливаемся
и делаем свою поверхность гладкой.

И гладкая поверхность отражает небо.

А в небе, ночью, светят звезды,
а днем летят по небу птицы
и отражаются в воде.

П р о л е т а ю щ и е ж у р а в л и

В этих водах, наши крылья
очень черны, журавли.

В этих водах, наши крики
очень громки, журавли.

В этих водах, наши ноги
могут быстро обмануть.
В этих водах, наши дети
могут быстро утонуть.
Эти воды, нашим детям
очень гладки, журавли.
Эти воды, нашим детям
не годятся, журавли.

Г о л о с

Эй, тварь,
живая и неживая,
такая и не такая,
от племени и не от племени,
во времени и не во времени,
расступись
перед ним, перед самим,
господином
и таким и не таким!

С а т а н а

Вселенная, стой!

ЧАСТЬ I

И н к в и з и т о р

Стой!
Я еще не всё тебя спросил.
Ты не сказал мне,
как зовут его слугу.

Ф и с к а л

Сейчас скажу.
Я только справлюсь в этой книжечке.
Тут у меня всё нужное записано.
Вот перечень главнейших книг,
а вот литература,
которая меня интересует;
всё больше, кажется, по математике.
А вот таблица чисел,
их свойства и значения.
Вот непонятные слова,
которые мне приходилось слышать.
Вот перечень породы бабочек...

И н к в и з и т о р

Довольно!
Эти глупости меня не занимают.
Мне нужно имя,
или я пушу в тебя четыре пули.

Ф и с к а л

Вот имена погибших.
Вот имя Дон-Жуана,
а вот его слуги.

И н к в и з и т о р

Ну как же?

Ф и с к а л

Лепореллю.

Август 1932

Курск

263

Г л о б

Я руку протянул. И крикнул:
«Вот потеха!»
Стоял тут некогда собор,
а ныне вежа.
А тут когда-то был пустырь,
а ныне школа.
А там — когда-то монастырь
Святителя Николы,
а ныне только сад фруктовый
качает сонные плоды.
Да храм Святителя Николы
стоит в саду без головы.

С е л л е й

Молчи, молчи, безумный Глоб,
не то пушу тебе я пулю в лоб.
Довольно ныть. И горю есть предел.
Но ты не прав. Напрасно ноешь.
Ты жизни хобы проглядел.
Ты сам себе могилу роешь.

Какие жизни хобы?
 Селлей, Селлей!
 Нам не открыть закон природы,
 Селлей, Селлей!
 Пройдет с годами увлечение,
 устанет ум,
 Селлей, Селлей!
 Забудет мир свое ученье
 и сладость дум,
 Селлей, Селлей!

С е л л е й

Молчи, несносное создание,
 Унылых мыслей философ.
 Хотя бы раз в твоё сознание
 проник ли жизни мощный зов?

Август 1937

Гнев Бога поразил наш мир.
 Гром с неба свет потряс. И трус
 не смеет пить вина. Смолкает брачный пир.
 Чертог трещит, и потолочный брус
 ломает пол. Хор плачет лир.
 Трус в трещину земли ползет как червь.
 Дрожит земля. Бег волн срывает вервь.
 По водам прыгают разбитые суда.
 Мир празднует порока дань. Сюда
 ждет жалкий трус, укрыв свой взор
 от Божьих кар под корень гор, и стон
 вой псов из душ людей как сор
 несет к нему со всех сторон, —
 сюда ждет жалкий трус удар,
 судьбы злой рок, ход времени и пар,
 томящий в жаркий день глаз, вид, зовущий вновь
 зимы хлад, стужами входящий в нашу кровь.
 Терпеть никто не мог такой раскол небес —
 планет свирепый блеск и звездный вихрь чудес.

Конец 1937

265

1

Пошли на вечер все друзья.
Один остался я усопший.
В ковше напиток предо мной,
и чайник лезет вверх ногой,
вон паровоз бежит под Ропшей, —
и ночь настала. Все ушли,
один на вечер, а другие
ногами рушить мостовые
идут, идут... глядят, пришли:
какая чудная долина —
кусок избушки за холмом
торчит задумчивым бревном,
бежит вихрастая скотина,
и, клича дядьку на обед,
дудит мальчишка восемь лет.

2

Итак, пришли. Одной ногою
стоят в тарелке бытия,
играют в кости, пьют арак,
гадают — кто из них дурак.
«Увы, — сказала дева Там, —
гадать не подобает вам.
У вас и шансы не равны —
вы не Горфункеля сыны».

3

— Все в ужасе свернулись в струнку,
тогда приходит сам Горфункель.
«Здорово, публика! Здорово
испьем во здравие Петрово.
Данило, чашку подавай,

ты, Сашка, в чашку наливай,
а Вы, Тамара Алексанна,
порхайте около и пойте нам: Осанна!!!»

4

И вот начался страшный ад:
друзья, испуганны донельзя,
сидят на корточках, кряхтят,
испачкали от страха рельсы,
и сам Горфункель, прыгнув метко,
сидит верхом на некой ветке
и нехотя грызет колено,
рыча и злясь попеременно.

5

Наутро там нашли три трупа.
Лука... простите, не Лука, —
Данило, зря в преддверье пупа,
сидел и ждал, пока, пока,
пока... Всему конец приходит,
писака рифму вдруг находит,
воришка сядет на острог,
солдат приспустит свой курок,
у ночи не иссякнут жилы,
и всё, о чем она тужила,
присядет около нее,
солдатское убрав белье...

6

Придет Данило, а за ним
бочком, бочком проникнет Шурка.
Глядят — столы. На них окурки.
И стены шепчут им: «Усни,
усните, стрекулисты, это —
удел усопшего поэта». —
А я лежу один, убог,
расставив пальцы сонных ног,
передо мной горит лампада,
лежат стишки и сапоги,
и Кепка в виде циферблата
свернулась около ноги.

Н. Заболоцкий

12 III 27

Даня, жалко тебя будить — ты спишь с большим аппетитом. Я уйду. Прощай. Видишь — что я тут наделал. Обрати внимание на стихотворный совет в рамке. Потом изорви.

Н. З.

Бросьте, бросьте, стрекулисты,
разные стишки писать —
если на руку нечисты,
это нечего скрывать.
Занимайся лучше делом,
специальность избери,
поворачивайся смело,
а лениться — черта с три.
Данька будет генералом,
Шурка будет самоваром.
Шурка будет жечь да жечь —
генералу негде лечь.
Игорь будет бонвивантом
с некоторым — к-ха! — талантом,
Заболоцкий у него
будет вроде как трюмо:
повернул — извольте видеть,
как любить и ненавидеть,
а поставил вверх ногой —
будет окорок лихой.
Так трудясь понемногу,
проживем — и слава Богу.
А теперь скорее в путь,
папиросы не забудь!

266. ПОЭЗИЯ ОБЭРИУТОВ

Кто мы? И почему мы? Мы, обэриуты, — честные работники своего искусства. Мы — поэты нового мироощущения и нового искусства. Мы — творцы не только нового поэтического языка, но и создатели нового ощущения жизни и ее предметов. Наша воля к творчеству универсальна: она пережестывает все виды искусства и врывается в жизнь, охватывая ее со всех сторон. И мир, замусоленный языками множества глупцов, запутанный в тину «переживаний» и «эмоций», — ныне возрождается во всей чистоте своих конкретных мужественных форм. Кто-то и посейчас величает нас «заумниками». Трудно решить, что это такое, — сплошное недоразумение или безысходное

непонимание основ словесного творчества? Нет школы более враждебной нам, чем заумь. Люди реальные и конкретные до мозга костей, мы — первые враги тех, кто холостит слово и превращает его в бессильного и бессмысленного ублюдка. В своем творчестве мы расширяем и углубляем смысл предмета и слова, но никак не разрушаем его. Конкретный предмет, очищенный от литературной и обиходной шелухи, делается достоянием искусства. В поэзии — столкновение словесных смыслов выражает этот предмет с точностью механики. Вы как будто начинаете возражать, что это не тот предмет, который вы видите в жизни? Подойдите поближе и потрогайте его пальцами. Посмотрите на предмет голыми глазами и вы увидите его впервые очищенным от ветхой литературной позолоты. Может быть, вы будете утверждать, что наши сюжеты «не-реальные» и «не-логичны»? А кто сказал, что «житейская» логика обязательна для искусства? Мы поражаемся красотой нарисованной женщины, несмотря на то что, вопреки анатомической логике, художник вывернул лопатку своей героини и отвел ее в сторону. У искусства своя логика, и она не разрушает предмет, но помогает его познать.

Мы расширяем смысл предмета, слова и действия. Эта работа идет по разным направлениям, у каждого из нас есть свое творческое лицо, и это обстоятельство кое-кого часто сбивает с толку. Говорят о *случайном* соединении *различных* людей. Видимо, полагают, что литературная школа — это нечто вроде монастыря, где монахи на одно лицо. Наше объединение свободное и добровольное, оно соединяет мастеров, а не подмастерьев, — художников, а не маляров. Каждый знает самого себя, и каждый знает — чем он связал с остальными.

А. ВВЕДЕНСКИЙ (крайняя левая нашего объединения) — разбрасывает предмет на части, но от этого предмет не теряет своей конкретности. Введенский разбрасывает действие на куски, но действие не теряет своей творческой закономерности. Если расшифровать до конца, то получается в результате — *видимость* бессмыслицы. Почему — *видимость*? Потому что очевидной бессмыслицей будет заумное слово, а его в творчестве Введенского нет. Нужно быть побольше любопытным и не полениться рассмотреть столкновение словесных смыслов. Поэзия не манная каша, которую глотают не жуя и о которой тотчас забывают.

К. ВАГИНОВ — чья фантазмагория мира проходит перед глазами как бы облеченная в туман и дрожание.

Однако через этот туман вы чувствуете близость предмета и его теплоту, вы чувствуете наплывание толп и качание деревьев, которые живут и дышат по-своему, по-вагиновски, ибо художник вылепил их своими руками и согрел их своим дыханием.

ИГОРЬ БАХТЕРЕВ — поэт, осознающий свое лицо в лирической окраске своего предметного материала. Предмет и действие, разложенные на свои составные, возникают обновленные духом новой обэриутской лирики. Но лирика здесь не самоценна, она — не более как средство сдвинуть предмет в поле нового художественного восприятия.

Н. ЗАБОЛОЦКИЙ — поэт голых конкретных фигур, придвинутых вплотную к глазам зрителя. Слушать и читать его следует более глазами и пальцами, нежели ушами. Предмет не дробится, но наоборот — сколачивается и уплотняется до отказа, как бы готовый встретить ощупывающую руку зрителя. Развертывание действия и обстановка играют подсобную роль к этому главному заданию.

ДАНИИЛ ХАРМС — поэт и драматург, внимание которого сосредоточено не на статической фигуре, но на столкновении ряда предметов, на их взаимоотношениях. В момент действия предмет принимает новые конкретные очертания, полные действительного смысла. Действие, перелицованное на новый лад, хранит в себе «классический» отпечаток и в то же время представляет широкий размах обэриутского мироощущения.

БОР. ЛЕВИН — прозаик, работающий в настоящее время экспериментальным путем.

Таковы грубые очертания литературной секции нашего объединения в целом и каждого из нас в отдельности, остальное договорят наши стихи.

Люди конкретного мира, предмета и слова — в этом направлении мы видим свое общественное значение. Ощущать мир рабочим движением руки, очищать предмет от мусора стародавних истлевших культур — разве не реальная потребность нашего времени? Поэтому и объединение наше носит название ОБЭРИУ — Объединение Реального Искусства.

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ И ВАРИАНТЫ

Вот еще несколько вариантов
этого стиха, которые
я встречал в разных местах.

Вот еще один вариант
этого стиха, который
я встречал в разных местах.

Вот еще один вариант
этого стиха, который
я встречал в разных местах.

Вот еще один вариант
этого стиха, который
я встречал в разных местах.

Вот еще один вариант
этого стиха, который
я встречал в разных местах.

Вот еще один вариант
этого стиха, который
я встречал в разных местах.

АЛЕКСАНДР ВВЕДЕНСКИЙ

2

С. 64
автограф ПД

посидят-поседеют, [еще посидят] они взойдут
закон [судьбы] я знаю вновь
что шишка тетерев [маман]
и он [семьей] уже стоит

Поезд [подходит]

donnez [moi] доску с маком.

(указав кием на дв[ух] лежащих)

Г р е к о в [с этажерки]

который чем [утес] спасет

С. 69
«Костер»

то — знали львы — не знали вы

П л е б е й к и н [с этажерки]

С. 75
автограф ПД

Эти стихи вовсе не прапорщик читал. [О что
за грусть.] И я к тебе стоял спиной.

Подыметься [будто] кактус — опустится флейта.

а в [больнице] пострашнее

П е т р о в в [духовном] платье

а ужин, подарю я вам муфту и седьм[ого сам]

Плeбeйкин не сидят. [И они не правы] Вам птички
людские пора бы присесть.

[лежу] однажды виден в ряд

М и н и н, указав на покойного спящ[его]

П о ж а р с к и й [с этаж <ерки>]
[и с] усмешкой видит Ригу

5

113
маш. список РНБ

соберитесь в темной зале

8

7—8
маш. список РНБ

если я и есть намек
я полковник и намек

15

после ст. 15
автограф РНБ
(бел.)

[я думаю волны
благословить
и стал недовольный
тучу ловить]

21

34
автограф РНБ

[Люди] бегали за мной

53

[и поднялась] в кольцо Сатурна

66

и [рогатых] размноженье

67

[мчится бешеный] тапир

22

59
автограф РНБ

[Приведи] меня Создатель.

64

[Он был огонь.]

24

5
автограф РНБ

[лес летает] ночи тень

после 12

[Но при чем тут сон и тьма.]

25

[и посвистывает уж.]

после 25

[О н а. Я не могу открыть задвижки у окна,
понимаешь, эта задвижка очень упрямая.
Задвижка никак не открывается. С этой
задвижкой что-то случилось. Задвижка,
задвижка, что с тобой?]

после 29

[Мы не верим, что звезда
поднимается над нами.
Мы слышим, что вода
плещет синими волнами]

- 53 Я нашел их [порожние] границы.
 98 в руке как [корзину]
 103 [и стонала све < кровь >]
 113 Мы видели [бедное] тело
 220 в камышах [ночных] шурша.

25

- 23 [понятия на [седьмом небе],
автограф РНБ
 40—41 [Мы слышим один звук
 нашим нищим ухом.]
 67 а) [в них энергично] жизнь гасла
 б) мы [видели] жизнь всюду гасла

26

- после 30* [Мне жалко что я не питание,
автограф РНБ не тишина и не море к вечеру]
после 32 [Где лось идет бумажный
 дорогой будто Бог
 где бьет фонтан отважный
 мы видим сколько блох]

29

- авториз. маш.* *Строфы «лесенкой»:*
список Осматривая гор вершины,
(Л. Г. Шпет) их бесконечные аршины,
 вином налитые кувшины,
 весь мир, как снег, прекрасный,
 Я видел темные потоки,
 я видел бури взор жестокий,
 и ветер мирный и высокий,
 и смерти час напрасный и т. д.

5

- авториз. маш.* я видел темные потоки
список (Л. Г. Шпет);
списки Я. С. Дру-
скина
(РНБ), Вс. Н. Петрова,
В. В. Стерлигова
(далее — «все списки»)

9

автограф РНБ Где воин, закусив навагой

10

исполнен важною отвагой

все списки

13

автограф РНБ Вот конь в волшебные ладони
 где конь в безумные ладони

- 17 где листья носятся сухие
 18 в ночей несложные уборы
 все списки
 21 в пустом смущенье чувства прячем
 31 нам, тем что как зола остыли
 автограф РНБ
 38 и день, и тень и наслажденье
 все списки
 список Вс.Н. и день, и ночь и наслажденье
 Петрова [и даже слова восхожденье]
 39
 автограф РНБ.
 50—51 халаты их блестят, как спицы,
 список Я.С. их развеваются косицы
 Друскина
 62 в вечерний час зари сонливой
 все списки гони без промедленья
 64
 список Я.С.
 Друскина
 71 на смерть! на смерть! держи равненье
 автограф РНБ
 72 поэт и всадник бедный
 все списки

30

- 23—24 [дубов и жирных елок
 автограф РНБ дубов и мощных пчелок.]
 37 [дубы как выстрелы умели]
 46 [Скала морская скучной уткой]

ДАНИИЛ ХАРМС

32

- перед 1 [Она как мех или баранок
 автограф РНБ на солнце высохла шестая
 и в окна темного барака
 четыре посоха довольно.]
 на полях перед 1 Там быстро щелкает рубанок
 ?а дни минутами летят?
 там пни растут. Там спит дитя.
 Там бьет лесничий в барабаны.
 после 19 [и поджидать свою подругу.
 Я знаю бедная Наташа
 канун расщелины глухой
 где человек плечами дышит
 и дети рбдятся хулой]

31
автограф РНБ
48
автограф РНБ
69

и ловкий крик блестящих дам
но ветра стих моряк не слышит
ковер распахнутых саней

35

загл.

отсутствует

2

сообщил Н.И.
Харджиев

Сидит Велимир. Он жив.

37

27—34
автограф РНБ

Как народ ему лепечет
и трясется на него
осудя руки калачик
непокорного раба.
Как монах затылок точит
а потом в пустые ночи
шлет по крышам босяка.
Дух усталый так влечется
чрево Божие стучится
у кривого косяка.
Видишь в пальцах путь ежовый
убегает в лес тяжелый
и иконник за сохой
встал руками польхая
носом тучи выдыхая
длиннолобый и сухой.

Что ты выплакала дева
что ты к берегу, надела
шубу лисью, и спешишь.
Ведь солдаты молодую
звоном шпоры заколдуют
на винтовку опершись.

Ты выиграла тучей к небу
где Суворов даже не был
с тучи грохнулся в прожим
на восторженные перси.
Мотыльком взлетает персик
и рука твоя дрожит.
Этот вызов мне не страшен
имя гордое Наташа
не забудет меня вокруг.
Я смотрю как он отчаян
очи тусклые качая
на тебя взлезает вдруг.

В с ё

24 мая

- 10 автограф РНБ то бабушка [дрожала]
- 18 а дочь соскучилась в [дали же]
- 20 но дочь отсутствует [как осень]
- 26 скромно [жарится] в аду
- после 30 [очи тусклые овцы
становятся прекрасны
в тайгу забредшие ловцы
над кабанами властные
трубит Сокольский на конях
мечтают псы на полонях
сквозь деревья попрыщет ночь
старуха бабка рыщет дочь
где же ты о дочь беглянка
тебя французы стерегут
возвратись домой смуглянка
папа скажет верри гуд
траву бросает на огни
клянется запятой
чертей старуха прогони
творя молитву над плитой
над палатой дождик прыщет
Лукиан невесту рыщет
то во Францию летит
отдыхая на скале
то покойником лежит
длинный весь и на столе]
- 34—35 чихает мелким [взрывом]
француза ловит за [воротник]
- 41 он улыбается [волкам]
- 46 [Сокольского дочь] свободна

вместо загл.
автограф ПД
(первая ред.)

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

- 3 съедает кашку. Наверху
- 7 бегут отцы.

О т ц ы

Пожар!

- 11 вместо сына?! вместо стен
вон мелькнут его сапожки
тьень промчится и усы
вьются с присвистом на крышу
дом качает как весы
[Петя крикнет: папа папа!
мне противен няньки зов]
- вместо 18—26

взгляд ее, большая лапа
рожа длинная без усов]
Нянька бегаёт в испуге

33 [что же?] комната пустая

вместо 38

Люди в касках золотых
топорами воздух бьют
и брандмейстер на машине
воду плёскает в кувшине.
Нянька к ним: вы не видали
Петю, мальчика. Не дале
как вчера его кормила.

Б р а н д м а й о р

Как это мило!

Н я н ь к а

Боже мой! но где ж порядок!
где хваленая дисциплина?

Б р а н д м а й о р

Твой Петя рядом
он лежит у цеппелина.
Он сгорел и папа стонет:
жалко сына.

Н я н ь к а

Ох
он сгорел и тихо стынет
тихо падает на мох.

20 февраля

40

после 12
автограф РНБ

[Ты с размаху с потолка
падал в ванну. Не долга
жизнь поэта.]

41

посвящение
автограф ПД
9

Посвящаю К. С. Малевичу

10 и 12

[распрощаемся подруги]
скинем плечи с [костьяка]

15—16

Поверну[лись мы] к востоку
видим [снежные] следы

после 16

[шейки вытянулись прямо
только шаг еще ступаем]

после 20

[К л у м б а

я засохла в жарком поле
пришли четыре девушки

- сказали тут же около:
тебя никто не полил
сказала клумба: Евушки]
- аместо 21—26* [ты взойди на холмик рядом
лампу круглую тушу]
- после 26* **Ч е т ы р е д е в к и** (исчезнув):
- аместо 28—42* а) [кру-гом! шагом марш!
ёрш прш крш мрш
все уходят]
- б) [п о л к о в н и к о д и н
хотел сказать, но <дух> уходит
ёрш прш крш мрш
!Занавесь!]
- 29—35* прикини сабля к моим бокам
ты гребень волос расчеши
а я российский кавалер
не двинусь. Лень мне или что
не знаю сам. Вертись хохол
- 40* но есть [одна] надежда
- 47—53* Хотите в лес? там сосны жутки...
иль может в оперу? Тогда
я выпишу из Англии кареты
и даже кучера. Куплю билеты
смотреть [царицу] в апельсине
- 55*
- аместо 69—70* а) [мы девицы погремушки
поднимаем кверху ушки
развалились на подушке]
- б) [значит мы тебе не подруги
ну мы ошиблись. Прощай сестра]
- дата* *18 февраля 1927 года*
Петербург
- 42*
- загл.* *отсутствует*
автограф ПД
- 3* а мы [наверху] забежав на балкон
- 13* но смотришь [печально] за дерево ты
- 20* я только пройду [улыбнувшись] тебе
- 23—24* Мария [боится, глядит в пустоту
и вдруг поклонившись бежит на крыльцо
потом рукавом вытирает глаза]

после загл.
автограф ПД

I

- 1 Средь нас [кукушка появилась]
 4 в своей игрушечной руке
 12 сидела в [напряжены] жил
 19 он с малолетства был [проказник]
 23 Иван Матве[ича] свело
 27 от[куда] выросли рога
 31—32 стыдливо кута[ясь] в меха
 [(кругом искала жениха)]
 после 32 [но к ней кукушка наклонясь
 летела в форточку глядеть
 сося чубук жених и князь
 пытался в воду улететь]

52

перед 1

[Грамоту кто хочет?
 истину кто видит?
 Кто откроет твердый шкаф
 вынет ваточный жилет
 окружит себя полой
 долгопятым сюртуком
 проживет всю жизнь в нем
 не снимая даже днем
 в твердом он сидит шкапу
 круглым страхом напряжен
 с пистолетом на боку
 позабыт и напряжен]

54

перед 1
автограф РНБ

а) [Архимед сажаясь в ванну
 произнес:
 вода чиста
 в ней скопились инфузории
 я их сейчас раздавлю
 коли сяду тяжело
 плюхнусь в воду
 упаду.]

б) [Поскидав свои одежды
 ловко в воду влез Ахмет.
 Да, забудь свои надежды
 молвил старче Архимед]

после 18

[Ну, давай брат экспериментировать —
 сказал Архимед вновь довольный.
 Предположим ты мотыга,
 я же камень краеугольный.
 Нет, сказал Махмет, я буду
 лучше дом изображать,
 а вы изобразите болото,

значит под водой лежать.
 Гм, — промолвил муж ученый,
 я задохнусь под водой,
 лучше ты прикинься драчёной,
 а я тебя съем с головой.
 Впрочем довольно!
 Что за шалости!
 Бить и гнать
 надо этого негодяя
 безо всякой жалости.
 Эй Махмет!
 Неси мочало.
 Мыло дай сюда Махмет!
 крикнул тря свои чресала
 в ванне сидя Архимед.]

после 22

[Я чувствую во всем теле
 блаженную сладость,
 я чувствую будто в самом деле
 обрёл я новую младость.
 Даже в брюхе ощущаю
 неземную легкость,
 будто телом я качаю
 как снежинка на лету.
 Аще жизни бысть начало,
 возвратися сладкий мед! —
 вдруг воскликнул, тря чресала
 в ванне сидя Архимед.
 Тру в пределах поясницы,
 эй Махмет подай кувшин.
 Тут Махмет подобно спице
 вылез длинный как аршин.
 Вот к примеру]

вместо 27—30

[Архимед схватил корыто
 и облил себя водой
 но, прибавил он, закрыто
 всё в науке молодой.]

вместо 35—38

[Как же было, вот умора!
 я читал среди обеда,
 вдруг читаю: выйдет скоро
 сборник «Ванна Архимеда».]

48

[формалистов, белых вшей,]

50

[к ним искусства не пришей]

после 55

[но не смыть вам вашу грязь.]

55

*первонач. чтение
 автограф РНБ*

Вс[я]	вс[я]	вс[я]	[природа]	пиф
все	все	все	[деревья]	паф
все	все	все	[каменя]	пиф.
Все	все	все	девицы	пиф
все	все	все	мужчины	паф
все	все	все	[ребята]	пиф.
Все	все	все	[театры]	пиф
все	все	все	[журналы]	паф
вс[ѣ]	вс[ѣ]	вс[ѣ]	[искусство]	пиф.

после 8
автограф РНБ

[их ловят червяком
игрункой, лесбй
и сортируют щук
там чешуей скользит прелестной]

вместо 37

[идем на набережную Невы
сравниваем ее с Китаем
к нам склонясь идете вы]

вместо 41

[наших юношей невест
вглядываемся в признаки течения вод
там дома стоят окрест
академия тут вот.]

после 4
автограф РНБ

[Давайте же сядем на наших коней
и в тучу вонзимся летящих камней
только б наши пелерины
не слетали б с наших плеч
наши бы очи орлины
девичьи сердца продолжали бы печь (жечь).]

вместо 11—12

[ты погиб
ты высок
слышен скрип
тебя перетирают в песок.]

после 12

[О д. Б е д у и н

где ж ты птичка соловей
ты крылатый муравей
та на дереве сидел
и в пустыню ты глядел
11 янв.

муравей со свистом ты
попадаешь на плиту
ты летишь в пустынь Сахару
пропадаешь на лету
лучше путь ворочай крут
не то в песок тебя перетрут.

Х о р

Эх ухнем по песку
расшвыряем глупую тоску!
4 января

загл.
автограф РНБ
Чукоккала

ПРОБУЖДЕНИЕ ЭЛЕМЕНТОВ

4
автограф РНБ

держим ухо. Вышел сон.

- 4 Чукоккала держим ухо. Слышим стон.
- 7 Чукоккала это сонный обомлев
- 9 автограф РНБ Чукоккала Спит двуногая коза
- 16 держит очи. Смотрит день
- 19 смотрит: мы стоим в горах
- 69
- подзаг. автограф РНБ а) [логика небы<тия>]
б) [логика бесконечного небытия]
- 70
- перед 1 автограф РНБ [Вот и Вут два бойца.
Один говорит всё время вот, а другой
говорит всё время вут.]
- после 1 [Вут час лег в чашку.
Вот он взял час.
Вут час пал ниц.]
- 72
- 16 автограф РНБ сосчитай [твердое и] двигающееся
- 20 или быстрые говорят. [наскучило движение]
- после 25 [не покроет и мышцы ладонь твоя]
- 41 неудо[бозримая] печаль свидетельства моего
- 73
- после 34 автограф РНБ [скажите еврею
как можно скорее
где вода и земля.]
- 44—50 [вот в поле дева
гуляет в шляпе
с пером и с мехом
залейся смехом
хромая дева!
я твой валет
я твой валет
мне двадцать лет
мне двадцать лет
твоих ли жуков
<нрзб.>]
- 160—165 [ибо к Богу мчатся Власти
ибо к Богу мчатся Силы]

163

после 223

ибо мечутся Господства
в дыры неба аллилуйя
бо Власти пора
бо Силы пора
бо Господства пора]

[в дыры неба ускользают]

[М а р г а р и т а

дом вверх и дом вниз
заяц трус бежит в лесу

А п о с т о л ы

стыдно встать и лень сидеть
скучно спать легко лететь

П и с а т е л и

мудрость феф голоса тихи
хороши только песни и стихи

Ф а у с т *проваливается в колодец*

22-23 августа

75

*первонач. вар.
автограф РНБ*

а) Неужели это фон
Пантелей сказал угрюмо
неужели это пон.

Каблуков сказал увы
на плечах его висело
три десятых головы

Пантелей вскричал урча
не губите этот ландыш
я племянник сургуча,

я висел прибит к волам
те паслись на Москворечьи
вдруг жестянка пополам.

О промолвил Каблуков
сунул лампу под кровать
я конечно не таков.

Густо кругло полно врать
всё похоже на ковьель
прокричала громко мать.

б) Каблуков сказал увы
на плечах его висело
три десятых головы.

Тут вошла его жена
с петухом на подбородке
в сапоги наряжена.

Каблуков сказал ги ги
ты не думай о плотенцах
ты себя побереги.

За окошком хлопал ветер парусин
в это время из комода
вышел заяц керосин.

77

после 35
автографы РНБ
черн. и бел.

О н
Фу ты! треснула оправа!
я ослеп.
Дорогу в Клонки
не найду.

80

12
автограф РНБ

[пришивая рукава
он ли ты ли мы ли я ли]

после 16

[дула смелая железка
импопутный корешок
и от шума и от плеска
солнце сжалось на вершок]

27

прочь прочь [бродяги и свиные ослы]

после 27

[вы непомерно злы
напоминаете мне поле]

после 32

[волшебные волки кукуют
волшебный цветок покупает гитару]

34

волшебный старик [принимает хинин]

после 34

[волшебный идет почтальон в коленкоре]

82

первонач. на-
бросок
зап. кн. № 21

О к н о

Я дыра в стене домов
сквозь меня текут лучи

загл.

[УРОК ПАРООБРАЗОВАНИЯ ЧЕРЕЗ
ОКНО]

12

непрерывной сетью опытов

25

зап. кн. № 21
автограф РНБ
(1931)

а) припоминаю. [Что за штука]
б) припоминаю. Ах ты мать честная!

после 28

[Ч а с ы

зап. кн. № 21

Половина второго
половина второго

ку ку
впредь впрдь
половина второго
.....]

после 35

[Учитель

Прости но я теперь тебя не слышу
ты теперь душа в раю
вот окно ведет на крышу
голубь ходит на краю]

после 43
автограф РНБ
(1931)

Всё

83

первая ред.
автограф РНБ

ОКНОВ—ХАРМС—ОКНО

О к н о в

Ну дорогой товарищ
хочешь века молоток?

Х а р м с

Нет спасибо я предпочел бы
молока холодного глоток.

О к н о в

Вы забываете газет высокое значение.

Х а р м с

Это мыслей вокруг пальца верчение.
Помните когда цыпленку объяснили значение секунды
цыпленок понял только сек
а унду топориком своего клюва быстро отсек.

О к н о в

Зато в газетах глубина
и торжество политики.

Х а р м с

И неизвестно чья вина
что нет науки но много гитики.

[О к н о в]

Ну дорогой товарищ
довольно мы с тобой ругались
я баночку тебе припас
коровой лососины
на кушай на здоровье.

Х а р м с

[Спасибо сыт.
Наелся до отвалу котлетами]

*набросок
продолжения
первой ред.*

с ума сошествие
и О и А
в живот сошествие
и Э и У
вот банка машиниста
а вот хижина врача Карасева
там тачка и тарелка
там улица чернил
тут крылья гибкие крылья
тут зонтики видите ль зонтики
сказали мы робко
ответила пробка

*вар. окончания
первой ред.*

Х а р м с

Спасибо сыт.
Наелся до отвалу котлетами.
Со мной сидел Евгений Львович
[и Николай Макарович Олейников
они свирепо грызли кости
руками курицу деря
в своем лохматом сюртуке
всё время рассказывая [прочитанную] повесть]

*вместо 35—39
автограф РНБ
вторая ред.*

[тот же кто в папаше рока
раб работы и порока
всё несет копьём на шкалу
тот подобен знать шакалу
в поле темною ночугой
воет в звезды пред лачугой
астрономов астронома
целый мир ему хороба
и не видит он предметы
и природу и приметы]

40

[Ах вот как ты думаешь товарищ]

45

[вот и время вот и фан...]

после 53

О к н о в

(прыгая в окно)

Наука умееет много гитик!

Всё

22 марта
Весеннее равноденствие

84

*14—29
автограф РНБ
черн.*

[ноги барышни по травам
ступают и мнут
на левом глазу василек
а на правом
сияет лунная горка.]

после 21

[наш язык река согласных
куча ддр колоколов
много звуков есть прекрасных
среди гласных соколов
каждой буковки законы
с морем брр обручены
моря дикого флаконы
буквам прр подчинены
если встанешь на утес
крикнешь морю архалу!
то завоюет моря пес
влезет рыба на скалу.]

26

его дочь [Альла] во мне утонула

после 29

[Альла
уплыла
двоя это не троя
двоя это не троя]

после 45

[Р ы б а к

Ты светлая дочь моя
черемуха бороды мой
хрен духа моего
соха живота и горла фю
всрещочка сети для ловли голубых сигов
очки для чтения Библии
стакан вечности
свеча радости
фараон чести кажется ты
часы с картинкой кажется ты
бутылочка с маленькими ручками кажется ты
Хню хню хню

Х н ю

А вот мой жених Никандр.

Н и к а н д р

мэ мэ мэ.]

после 46

[Р ы б а к

О Никандр скрипачей
Пукандр улицы мира
Фукандр небесного умножения
Стокандр полевых цветов
Кукандр палки о двух концах
Микандр коротких молний
Дукандр свечи залетевшей в дом
Трр трр трр]

после 55

[Р ы б а ч о к

а) Ну вот спасибо
это я не забуду
но подари мне гибкую уду
подсекать голубых сигов
я сломал свою уду

еще в 1887 году
с тех пор ловлю сигов руками
но посудите сами
как это трудно.]

- б) [Помню
помню совсем точно
это было не нарочно
еще в 1887 году
я сломал свою уду
с тех пор ловлю сигов руками
но посудите сами
как это сложно.
Конечно можно
ловить сигов электрическими путями
но этого я не умею
многие ловят просто сетями
но я сетей не имею.]

85

- после 10*
зап. кн. № 21 [еще не утихла боль падения
или в виде зерна прилетел на хребте мохнатой
мухи]
- 87 меня преследовал [с баночкой]
- 105 покинул ясень [молодости]

86

- 1 и 9*
зап. кн. № 21 [Отвечу] вам грозно:

87

- 4*
автограф РНБ а) ела ягоды малины
б) [жаркой ягоды малины]
- 7 в поле ехали телеги.
- 9—10* воздушного неба и ветра злой гнев
и люди выкупавшись в речке
лежали все окаменев.
- вместо 19—20* [жирные пия щи
медведь шатался вопящий
крича о правосудии кузнечиков.]
- после 37* [разрушившие Помпею, Саратов и Питер]
- после 59* [Хню пела. Твердые мечети
кололи небо минаретами.
Хню пела. Звезды и лампы
располагались ровными каретами]
- вместо 63* Хню хлопала в ладоши, [крича: ты сорока —
как куропатка,
видя как мужики сеяли злаки]

перед 69
(*после пробела*)

[Никто не видел Бога
и описать Его нет слов
опасна темная дорога
по которой ходит зверолов.]

109—111

А ныне пять обзриутов: [Хармс и Соколов и
Хармс]
еще раз повернувшие ключ в
[темной скважине] веры,
[гонимы круглыми скотами]

122

достигнув [чудного] предела

143

и если жуки несут в своих котомочках ноты
[небесной музыки]

88

перед 1
автограф РНБ
черн.

Морковь (*выскакивая из земли*) —

12

англичан [кровавый завтрак]

после 16

[Моё тело станет значительно подвижнее
когда]

21

[Лучше если нашим]

23

помнишь наверно [их древние песни]

24

автограф РНБ
бел.

а) Не говорится ли в них о нашествии [ножиков?]
б) Не говорится ли в них о нашествии
[книжных знаков?]

33

автограф РНБ
черн.

Я за тобой помчусь, [фисташка]

35—36

[уймись пчела Наташка
чтобы не умереть два раза подряд.]

после 40

[то родители то кошки
поднимают моё тело
в землю прячутся картошки
вон редиска полетела]

96—97

повторяю [сотни раз.]
Не сводите с неба [глаз.]

89

первонач. вар.
автограф РНБ

Я знаю зачем дороги
отрываясь от земли
играют с птицами.
Мне хорошо известно
куда умирает солдат
крикнув последнее слово.
Оловянные пуговицы его шинели
стали отметками
новопреставленного.

Тонкая веточка ветра
 дует в могилу.
 Солдат огромными взмахами ребер
 ловит воздушные колеса
 вертящие кровь для продолжения жизни.
 Совсем нетрудно высчитать
 сколько раз в минуту в минуту бьется сердце
 врага и война
 Еще хотел бы я открыть вам способ
 исследовать небесные балконы
 в них маятник шестого времени
 кладет земные поклоны.
 Хочу вам указать на путь спасения

94

1
 зап. кн. № 25

[Бьется] путник в час полночный

6—7

в том цветке [из ничего
 бьется путник]

15

птица больше не летела

98

1
 автограф РНБ

Вот [Кюхельбекер] пробегает

12

какой [является] позор!

100

первонач. набр.
 автограф РНБ

Рыцарь

Запутался в системах черных знаков
 и помощи не вижу. Мир шатается

1—2

[Рыцарь]

Запутался в системах я:
 К чему же ум и быстрая смекалка?

после 5

[Глаза покрыло поволокой
 вчера в двенадцати местах]

13

Барбара
 [(дочь рыцаря)]

103

первонач. набр.
 зап. кн. № 26
 (июнь? 1933)

Звук железа нам невнятен
 в нем не слышно звуков лир.

Загл.
 письмо Н. И.
 Колубакиной
 первая
 ред.

отсутствует

б)
автограф РНБ
черн.

загл. отсутствует

2 [один поклонник Баха,
другой за Моцарта готов отдать весь мир.]

после загл. 9—12, затем — 1—8 окончательного текста
(«Олейникову» —
также вписано)

1 [Донских степей казак, стремлений] злой
насмешник,

4 и Соколов твой Бог, и [Бунин твой кумир.]

после 8 И ты, семейный жрец, кондуктор совершенства,
спасет ли от беды тебя твой верный вкус?
Поймешь ли слово ты, достигнешь ли блаженства
с усами, без усов, в усах и вновь безус...

оконч. вар.
автограф РНБ
2-й бел.

после 12 — четыре строчки отточий

115

загл.
автограф РНБ
черн.

ПОСЛАНИЕ К НИКОЛАЮ

автограф РНБ
бел.

ПОСЛАНИЕ К КАЗИМИРУ

1
автограф РНБ
черн.

[Памятью не растворил тебя]

3—4

а) Имя [толкующего] солнце спасения твоего.
б) Имя тебе Николай, [меркнет] солнце
спасения твоего.

3
автограф РНБ
бел.

Имя тебе [Николай].

6
автограф РНБ
черн.

а) Нет площади поддержать [красоту и силу
первую]
б) Нет площади поддержать [силу ног твоих
Друзья прибегают в дом. Отвечают
стражники: не пропустим.]

7

автограф РНБ
бел.

а) [Лопни] глаза [мои!]
б) Дай мне глаза твои! Растворю окно на
[твоей] башке!
в) Дай мне глаза твои! Растворю окно на
[твоей голове!]

- 10 автограф РНБ черн. [Нет, нет, отвечают стражники, не] блеснит солнце спасения твоего.
- 14 [Граммфон] — тощая память твоя.
- 15 оба автографа РНБ Ей [Николай]! Где твой [стул]?
- 17 Ей [Николай]! Где [супруга] твоя?
- 20 автограф РНБ черн. пятьдесят минут [протрещало в желудке] у тебя,
- после 23 [Вот разбойники минуты подсекли мою прическу. Подрубили мою славу как березку как березку.]
- подпись и дата Шардам
5 мая 1935 года

118

- после 1 автограф РНБ [читают обе, впрочем нет,]
- после 3 [и видят сон, как будто свет, как будто свет уже потух, как будто ночь уже прошла и на дворе пропел петух. И видят дамы страшный сон]
- 4—5 как будто в дверь вошел [матрос] а за [матросом] управдом,
- вместо 12—13 [Вошел Иван, держа топор, и трах Толстого по башке.]

119

- 15 автограф РНБ а) Семен [лягал] Наталь[ю]
б) Семен плевал [в] Наталь[ю]
- 18 [А собаки ели суп.]

123

- первонач. вар. автограф РНБ Григорий, студнем подавившись, прочь от стола бежит с трудом, на гостя хама рассердившись, хозяйка плачет за столом. Одна, над чашечкой пустой, рыдает бедная хозяйка. Хозяйка милая, постой, на картах лучше погадай-ка. Ушел Григорий. Срам и стыд. На гостя нечего сердиться. Твой студень сделан из копыт, им всякий мог бы подавиться.
- 20 февраля 1937 года
Чармс

перед 1
автограф РНБ

[в густом лесу
в густом лесу
колышется камыш.]

В большом глазу
в большом глазу
отражается свеча.]

6 а) в пустынях [чистят ключ.]
б) в пустынях [воду пьют.]

после 6

[Стоит скала
стоит скала
в скале стучит мотор]

НИКОЛАЙ ОЛЕЙНИКОВ

153

ШВАРЦУ

Загл.
машинопись ПД

11
ИС

Дай, о дай им возможность иметь

дата
машинопись ПД;
ИС

1929

154

1—2
Чукоккала

а) Жареная рыбка,
Бедный мой карась

ИС

б) Маленькая рыбка,
Жареный карась —

2
машинопись ПД

Маленький карась,

6

Бедный мой карась —

20

И ваш рыбий глаз.

51

Вы считались страстным

63

Свою любовь «корюшкой»

155

посвящение
Список

Ирине Щеголевой

156

4
Список

Я воспылал.

после 16
ЛО

[Скажите ль прямо —
Да или нет?
Милая дама
Томно в ответ:

— Я не весталка,
Мой дорогой.
Разве мне жалко?
Боже ты мой!]

157

загл.
машинопись ПД
Список

а) ГЕНРИЕТТЕ ДЫВЫДОВНЕ (ГРУНЕ)

б) ГРУНЕ

14—15
машинопись ПД

Ему только бы женщин губить...
А слуга ваш покорный — добряк и красавец —

159

17
машинопись ПД

Потому что обаяния от тебя дымок идет.

161

2
автограф ПД

Я птиц изобразил в разрезах [надлежащих]

4

[Твоих бровей и блеск зрачков твоих скользящих.]

12

Меня [интересует мирозданье.]

168

загл. и
подзаг.
машинопись ПД;
ИС

НАТАШЕ ШВАРЦ
(Послание, одобряющее стрижку волос)

169

загл.
авториз.
машинопись ПД

ЛИЗЕ

загл. и
подзаг.
машинопись ПД;
ИС

ЕЛИЗАВЕТЕ ИСАЕВНЕ ДОЛУХАНОВОЙ
Послание, бичующее ношение одежды

11

Доверься, змея, техноруку —

ИС

16

А стройностью торсов близки мы к орлам.

авториз.
машинопись ПД;
машинопись ПД

23

Отбросивши брюки, часы и рубашку —

загл.
машинопись ПД
посвящение
21
машинопись ПД;
ЛО

БЫЛЬ, СЛУЧИВШАЯСЯ С АВТОРОМ
В Ц. Ч. ОБЛАСТИ

[Генриху Левину]

В нем тихо вянет косточка-блоха,

171

загл. ЛО
машинопись ПД
Список

- а) ВЛЮБЛЕННОМУ В ШУРОЧКУ
(НАДКЛАССОВОЕ ПОСЛАНИЕ)
б) ГЕНРИХУ ЛЕВИНУ ПО СЛУЧАЮ
ВЛЮБЛЕНИЯ ЕГО В ШУРОЧКУ
в) X—У ... ПО СЛУЧАЮ ВЛЮБЛЕНИЯ
В ШУРОЧКУ
г) НАДКЛАССОВОЕ ПОСЛАНИЕ
ВЛЮБЛЕННОМУ В ШУРОЧКУ
д) НАДКЛАССОВАЯ ПОЭМА. ГЕНРИХУ,
ВЛЮБЛЕННОМУ В ШУРОЧКУ

[В сердце вроде как бы мать]

4
автограф ПД

173

загл.
машинопись ПД
6
машинопись ПД;
ЛО

ОЛЬГЕ МИХАЙЛОВНЕ

Я быстро чажну, сам не свой,

8

Ты ж отрицательно качаешь головой.

14

Под волосами двигаясь, они кишмя кишат.

174

загл.
машинопись ПД;
ИС

ШУРОЧКЕ ЛЮБАРСКОЙ

7
автограф и ма-
шинопись ПД

Твои ногти-шалунишки,

41
автограф ПД

Видишь, как природа внемлет

45
дата

Птица с красными глазами
21 / VI — 1932.

179

1
машинопись ПД;
ЛО

Чарльз Дарвин, великий ученый,

- 3—4 Ее красотой потрясенный,
Он долго ее наблюдал.
- 7 В движениях нечто мышиное
- 10 Однако синичка мила.
- 19 Был Дарвин великий ученый,
- 182
- 19 В коленях, ушах и спине
- ТД
- 25 Забытые чувства стучатся в груди,
- машинопись ПД
- 183
- 2 [Майя Левина похожа.]
- ЛО
- 6 Без труда я подмечаю
- машинопись ПД
- 184
- подзаг.
Список (Баллада)
- 6 Но больше им быть не хочу!
- 8 Я деньги за это плачу.
- 185
- 25—26 Есть лишь только сочлененья,
машинопись ПД И затем соединенья.
- 38 Уподобившись коню.
- 187
- 4 Стоит, как выжатый лимон.
- Список

КОНСТАНТИН ВАГИНОВ

189

отсутствует

загл.
автограф ПД,
Изборник, ПН,
АФ

1—12
автограф ПД,
Изборник, ПН

разбито на четверостишия

12 Стая белых людей лошадь грызет при Луне.
ПН
Дата отсутствует
Изборник, ПН

192

1 а) Один среди мглы, среди домов тенистых
ЖИ, Тетр.
автограф (И. М. б) среди домов слоистых
Наппельбаум)
автограф (И. М. пробел
Наппельбаум)
после 4
ЖИ, Тетр., оба
автографа

12 Полускульптурой гения и сна.
автограф (А. Н.
Рашковская)

дата 4 ноября 1923
Тетр.

193

10 а) Загнал в глухую тень познание мое,
Л
АФ, Опыты б) Загнал в глухую тень познание мое,
дата а) Сентябрь 1924.
АФ, Опыты б) 29 сент.—10 окт. 1924
Тетр.

194

9 а) И, лишь когда резец твой потускнеет,
Тетр, Л б) (Когда)? слетятся дни: резец твой потускнеет,
Тетр. 4 окт. 1924 г.
дата

195

4 И на балкон взошел, где юность [начинал].
Тетр.
7 И мне казалось в этот час [отверстый]
17 Нет, я [не тот], живое [начинанье]

196

загл. вписано
Тетр.

4 Свое лицо ты [повернешь] ко мне.

- 10 [Встревоженный] я в дома [у]бежал
13—14 Не хлещет дождь зарей полуоткрыт[ой]
[В] развалин[ах]. Благоухание доносится.
- 198
- 2 Свисающей веткой винограда
автограф РНБ
после 4, 8, 12 пробелы
и 16
автограф СЛ
7—8 Разносящие толпы
Разнохарактерных людей.
17—18 один стих
дата отсутствует
автограф СЛ,
«Костер», Зв.
- 199
- загл. отсутствует
автограф ПД,
КБ, К
- 1 Как ворон прекрасен стою в вышине,
после 4 пробел
КБ
- 5 И важно, как царь я спускаюсь со скал,
автографы ГПБ
и
ПД, КБ, К
- 200
- загл. МУЗЫ
автограф РНБ,
КБ
- 4 Ни пряться, ни петь, ни освещать
КБ
- 9—11 Слова позабывают
И пеньем освещают мрак
И звуками играют.
- 202
- 1 Над [жизнью] рысцой торопливой
КБ
- 203
- после 4 пробел
автограф СЛ, КБ
- 5 Иносказаньем кажется тогда

2—3
автограф РНБ

11
КБ

после 16
автограф РНБ

Оставив спать свой облик на земле.
За ним шумел листвою переливной

И волосы, мерцая, извивались

Ужасна ночь. Сквозь все заставы
Ее должны мы провести,
Чтоб города гармонией сияли,
Как мироздания цветы.

205

загл.
Зв.

отсутствует

206

после 18
КБ

И этот свист и яркий свет
В соотношении с ней —
Уйдет она и вновь земля
Исчезла предо мной.
Вне времени и вне пространств
Бесплотен, словно дух,
Я метеором промелькнул,
Когда б не тихий друг.

207

1
автограф РНБ

5

11

13

после 13

Я восполнения не искал:

Со мной росла, и пела, и цвела.

Идололатрия в последний раз звенит.

Сквозь Ахеронт стремглав пронесся я.

Казалось мне, — я видел, вниз бросаясь,
Как образ мой остался надо мною,
Как он живет, вздыхает, ожидает
В венке фиалковом своем.
И с ним прозрачная подруга,
Вспорхнувшая из тьмы моей,
Как равноправная супруга
Блуждать навек обречена.

208

загл.
черн. автограф
(Тетр.)

вместо 1—13 —
ст-ние 209,
после которого

ПСИХЕЯ — ФЕНИКС

И вновь я заостряю очи.
И для меня прекрасна ты,
И мать и дочь одновременно,

Средь ключев дыма и огня,
На ложах, точно сна виденья,
Сидим недвижны и белы
Неотторжимое явление.

16
после 20

— Спокойны мы, за огненной заставой
Ты временно забудешь нас.
Не в глубине глухих пещер
Стоит твоё изображение,
Оно рассеяно везде
И связано с тобою нераздельно.
Куда б не залетела ты.
Ты свой состав не переменишь
Пред нею выступает мир

24
вар. приведенных
выше фрагмен-
тов:

после «Ты
временно...»

вар. на полях:
«И связано...К

а) — Спокойны мы, за огненной [волною]
б) [Древа не помнят лист опавший,
Но ты не древо, мы не лист]
в) (и во дворцах и в подземельях)

209

[ПОЭЗИЯ]

загл.
черн. автограф
(Тетр.)

1

Час от часу редет мрак [багряный]

3

Я чувствую желаньем [изваяний]

4

Вновь низвести [небесные] черты

210

отсутствует

загл.
СССт, Зв.

211

Прозрачных зданий над рекой.

10
Борисов

а) И сердце, флейтой обращаясь,

13
Зв.
Борисов

б) И сердце, в скрипку превращаясь

дата

29/VIII 1926

212

ФИЛОСОФ

загл.
автограф РНБ
черн.

после 6

А на стене — святитель,
Блюститель очага.

13

С потрепанною шеей

15 И дом давно проп[авший]
19, 21 и 22 —
недоработаны
(есть только
первые слова
каждой
из строк)

20 Напротив же развалин
вместо 26 Наяривают марш[и].
И кошки перед ними,
Здрав свои хвосты,
Перебегают спешно
Нагретый тротуар.

39—42 а) после 43—56
б) после 46

40 — недорабо-
тан (вместо
«прекрасной» —
пропуск)

дата

Конец лета 1925 г.

214

загл.
КБ

[ВОЗНЕСЕНСКАЯ КЛЕОПАТРА]

после 4, 8 и 12 пробелы

13

А на столе стоял, как перстень,

215

загл.
автограф СЛ, КБ

ОРФЕЙ

после 4, 8 и 24
Ларь

пробелы

13

И музыку услышим,

КБ

19

И на устах улыбка

216

1--16
Ларь

два четверостишия

8
автограф РНБ,
Зв.

С перепуганным отблеском
Лиц.

после 8 и 16
автографы РНБ,
СЛ
и СТН. Опыты

пробела нет

- 15
автографы СЛ
и СТН
- 16
Опыты
- 21
Зв. цензурный
вар.?
- 217
- после 4, 8, 12,
16 и 19
автограф СЛ
- 13
«Костер»
- 20
- после 22
КБ
- Перед 1, 5, 13,
17 и 25
Зв., машинопись
СТН
- после 4, 12, 16,
31 и 37
- 18
Зв.
- после 24
машинопись СТН
- 48
Зв.
- 15
список СТН
- 29
- Чтобы стала спокойней
- Почютнее жизнь.
- Наши мысли летят.
- пробелы
- И змеи длинные проспекта
- Веселым именем ласкают,
- 219
- [Чтоб вопль, гармония детей,
Не достигал ее ушей.]
- 221
- ремарки отсутствуют
- пробелов нет
- Над нами тяготест рок.
- 2
- «Я девой нежною была,
Шлейф смысла за собой вела».
Любовь, — вскричали мотыльки
И пали ниц как васильки
И слово под строкой плывет,
Вдруг повернется и уйдет,
Затем появится опять,
Возьми его и будешь тать,
Что взять никак не мог всего
И взял, что годно для него.
Танцует вдруг и вниз глядит.
- 222
- На [детски-мраморные] плечи,
Внизу всё спит в ночи [глубокой] —

- 31—32 [Над белоснежную Невою]
Бежит философ, точно [лист],
- 34—35 [И, ножкой топнув, говорит:]
— Все черти мы в [подлунном] мире
- 41 — Бессмыслица ваш дикий [голод],
- 47—50 —
позднейшая
приписка

225

- С. 000 *машинопись СТН* Ведь [он нас] вечностью дарит
- С. 000 Бывшее Его Превосходительство
Кто этот юноша?
(В сб. «Звукоподобие» строки пропущены)
- С. 000 Пусть говорят, что [старый мир]
- С. 000 Любовниками <пропуск> будут.
- С. 000 Одни идут гордо и <пропуск>
- С. 000 Актеры снимают маски. Видны бледные лица.
(В сб. «Звукоподобие» строка пропущена)

231

- 8
«Звезда» Средь бела дня толкает к зеркалам

233

- загл.
«Звезда» ОБЫВАТЕЛИ
- 12 в две строки

237

- загл.
Зв., СС БАЛЛАДА
- 5 а) — Сегодня вставил ты глаза мне,
автограф (О. Н. б) — Сегодня вставил ты глаза мне
Гильдебрандт) Психеи,
- 18 Я ужожу, себя проклянешь
Зв., автограф
- дата (возможно, а) 16/IV 32
записи в альбом)
автограф б) 1932
СС, список

разг.
Зв.

ОТРЫВОК

239

2
Зв.

Становятся желтее и печальней.

4

И звона нежного любви первоначальной.

список

А. И. Вагиновой

240

13

машинопись СТН

И просто [шелковые] точки

248

3
Звук

За лесом, там, [летающее] пеньё

15

автограф

Себя и мир и звезд теченье,

251

11

машинопись
СТН

а) [Он] целовал [опять] и горький нежный рот
б) И целовал опять и горький нежный рот

ПРИЛОЖЕНИЯ

ДАНИИЛ ХАРМС

257

1—30

автограф РНБ
(зап. кн. № 4)

отсутствуют

35—54

разбиты на четверостишия

66

лысто о порок

75—76

даны в одну строку

78—79

даны в одну строку

82

пе-ре-гиб

107

от ура до

108

от парчи до малёвок князевых

3—4
автограф РНБ

[что как бабочка дрожит!
что как бабочка бежит]

вместо 10

пулю [эту вот пока
ты не сделаешь улыбки
как махровая гвоздичка
чтобы слезы покатались
покатились как водичка
чтобы пуля эта ввысь
не летела за предел
чтобы... Впрочем оглянись!
Небо чисто! Улетел.

*I матрос глядит в небо, открыв рот.
Плывет «Аврора».*

после 21

[И матрос

Да здравствует «Аврора»!]

260

первонач. набр.
автограф РНБ

[Опущусь на колено
и увижу мир покрытый. снегом
короткая молния растопит кучу снега
зажжет громовую свечу и разрушит дерево.
Дом сотрясаясь от огня
откроет окна. Когда погода
переменится к лучшему
выбежит заяц и над озером пролетит поднос]

3

тут же испуганный баран (барс)

10

тут же прошел [Дойвбер Левин]

после 11

[и на скворешне сидел Бахтерев без бороды]

после 14

[веселых дней верная подружка]

262

первый вар.
начала
автограф РНБ

*Гений Д. Х. смотрит в окно на двор. На дворе
мальчик и девочка играют в мяч вазой.*

набр. начала
Пролога (мо-
нолог Духов)

а) Мы из разного металла
смотрим в землю как столбы.
Баба землю подметала
пыли подняла клубы.
Мы от пыли расчихались
сотрясая землю каждый раз.
Люди страшно чертыхались
обвиняя в этом нас.
А на башне звон часов
раздавался десять раз
а в дверях скрипел засов
и смотрел оттуда глаз.
И над башней раздавался
страшный крик мохнатых сов

и поспешно запирался
вход на башню на засов.

- б) Смехом, смехом, смехом,
смехом, смехом, смехом,
смехом.
А где? А где? А где? А где?
Среди, среди, среди, среди
дома, поля, моря, леса
может каждый, кто захочет видеть беса.
[Я хочу увидеть беса
среди дома, поля, моря, леса
в длинном образе тюльпана,
или в шапке меховой,
или с пикой атамана
дикой банды верховой.]

263

4
автограф РНБ

А ныне [стреха].

21

Всё это лишь дыханье моды

29—32

[Ты судишь, Глоб, о людях ложно.
Не думать — просто невозможно.
Мы нашей мыслью с миром связаны,
и значит думать мы обязаны.]

264

перед 1
автограф РНБ

Первонач. вар.
[(П о э т с веслом в руках)]

Я готов, по струнам звучным
быстро бегая рукой,
снова петь монахам тучным,
восхваляя мир другой.
Пусть объедки нашей пищи]

6

Трус в трещину земли скрывается как червь

после 6

[Уже исчезла грудь. Нога чертит песок]

9

Мир празднует порока дань. Суда

вместо 14—19

- а) [Блаженство обещая рая,
над миром в воздухе играя
огнем среди лиловых туч,
пронзает землю солнца луч.
И трав таинственные руки
с мольбою ловят ветра звуки

Г о р ш к о в
обрывая речь поэта

Стой, довольно, что заврался,
топчешь буквы зря губой.

Д а м а в ш л я п е

Ах, рассказ какой прервался!
Чтоб он дальше продолжался,
я пожертвую собой.]

б) Г о р ш к о в *перебивая поэта*

Довольно! Ваша речь немая
меня замучила. Народ,
словам бессмысленным внимая
стремится жить наоборот.
Похвально ль это? Нет, зазорно.
Смущать народную молву —
позорно это! Ах, позорно!..
Прочти вторую нам главу.

П о э т *разбивая об пол карманные часы*

К черту времени прибор,
счет минут пора забыть.
Кем я был до этих пор,
тем и дальше буду быть.
Я случайно превращался
то в перчатку, то в быка.
То над лесом я качался,
точно шар надув бока.

Настоящее издание впервые собрало под одной обложкой творчество шести поэтов, входивших в группу ОБЭРИУ, что позволяет читателю познакомиться с поэзией не только каждого из них, но и всей группы как единого целого. Таким образом, реализуется замысел самих обэриутов, неоднократно безуспешно пытавшихся издать свой коллективный сборник. Добавим, что многие публикуемые произведения печатаются на родине поэтов впервые.

Издание по праву открывается произведениями Александра Введенского, наиболее радикального поэта группы. Его поэзия дана в настоящем томе практически полностью: за пределами тома остались его ранние ст-ния и ст-ния, написанные «на случай», фрагменты не дошедших до нас произведений и два крупных драматических сочинения — «Некоторое количество разговоров» (1937—1938) и «Елка у Ивановых» (1938). Даниил Хармс представлен избранными ст-ниями 1926—1938 гг., составляющими около трети всего поэтического наследия поэта. Николай Заболоцкий и Игорь Бахтерев представлены весьма ограниченно, поскольку творческое наследие Заболоцкого издано в последние годы едва ли не в академически полном объеме; творческий же путь Бахтерева — единственного ныне здравствующего участника группы — еще далек от завершения.

Особо следует сказать о Николае Олейникове и Константине Вагинове. Олейников, формально в ОБЭРИУ не входивший, однако связанный с его участниками и дружеским, и творческим общением, в каких-то аспектах стоял к ним ближе, чем Вагинов, бывший членом и группы, и предшествовавших ей объединений. Ст-ния Николая Олейникова и Константина Вагинова представлены избранно, но с достаточной полнотой.

Таким образом, читатель получает возможность оценить широкий спектр творчества всех поэтов ОБЭРИУ, за вычетом лишь Юрия Владимировича (1908—1931), чьи ст-ния, помимо написанных для детей, полностью утрачены.

В отличие от Заболоцкого и Вагинова, активно печатавшихся при жизни, Введенскому и Хармсу удалось опубликовать только по два ст-ния, Олейникову — три, Бахтереву — ни одного¹. Рукописи Введенского и Олейникова, хранившиеся у Хармса, спас, как и рукописи самого Хармса, после его ареста в 1941 г., Я. С. Друскин. В настоящее время большая часть архива Хармса находится в РНБ² и ПД. Архив Олейникова сохранила его вдова, Л. А. Олейникова. Архив Вагинова, понесший значительные потери в годы блокады Ленинграда, сохранила также его вдова, А. И. Ва-

¹ Первая — зарубежная — публикация Бахтерева состоялась только в 1978 г.

² Условные сокращения, принятые в разделах «Другие редакции и варианты» и «Примечания», см. на с. 585.

гинова. Некоторые автографы и авторизованные списки произведений Введенского, Хармса, Олейникова и Вагинова находятся в других государственных архивах (РГАЛИ и др.) и в частных собраниях.

Все тексты печатаются в последних авторских редакциях; даты опубликованных произведений уточняются по рукописным либо косвенным источникам. Явные описки и (или) опечатки устраняются; цензурные купюры (у Хармса в ст-нии № 36 и у Вагинова в ст-нии № 195) восполняются по рукописям. Особую сложность представляет пунктуация собранных в томе произведений. Если Вагинов, Заболоцкий и Олейников пользовались практически нормативной пунктуацией, то Введенский и Хармс приблизительно до 1931 г., а Бахтерев и по настоящее время пунктуации избегали. Введенский до 1931 г. сохранял лишь отдельные смысловые знаки (вопросительный, восклицательный, двоеточия, кавычки, иногда точки и т. п.) и принципиально не употреблял заглавных букв, кроме как в именах собственных; Хармс пользовался пунктуацией все же чуть более упорядоченно. Постепенно в их рукописях намечается переход к нормативной пунктуации, хотя и не полностью. В принципе, пунктуацию Введенского и Хармса можно определить как минимальную: оба опускают запятые, как правило, в сравнительных оборотах, а Введенский — и при обращениях. Все вышесказанное составляет один из характернейших элементов поэтики Введенского, Хармса и Бахтерева — наследников русского футуризма. Эти непривычные для широкого читателя, но принципиально выражающие авторскую волю особенности мы по возможности сохраняем.

Поэты ОБЭРИУ, несмотря на то что их объединяли общие поэтические установки, в своем поэтическом выражении были крайне индивидуальны. Поэтому к примечаниям, относящимся к каждому автору, мы даем развернутые преамбулы. В примечаниях указываются: первая публикация текста; те прижизненные издания, в которых текст подвергся изменениям; источник печатаемого текста; наличие автографов, авторизованных списков и (или) копий и их местонахождение. В тех случаях, когда ст-ния печатаются по автографам (как в подавляющем большинстве) или по последней прижизненной публикации, источник текста специально не оговаривается.

Первоначальные редакции и наиболее значимые варианты ст-ний приводятся в разделе «Другие редакции и варианты», что отмечается звездочкой при номере ст-ния в примечаниях.

Тексты А. Введенского и Д. Хармса собраны и подготовлены М. Б. Мейлахом и В. И. Эрлем, примечания к ним сделаны М. Б. Мейлахом (к Д. Хармсу — совместно с В. И. Эрлем). М. Б. Мейлахом также составлен раздел «Николай Заболоцкий», он подготовил и прокомментировал тексты, представленные И. Бахтеревым. Произведения Н. Олейникова собраны, текстологически подготовлены и прокомментированы А. Н. Олейниковым. Тексты К. Вагинова подготовлены В. И. Эрлем, примечания принадлежат Т. Л. Никольской.

При комментировании учтены разыскания и отдельные наблюдения, а также воспоминания и свидетельства О. Н. Арбениной-Гильдебрандт, И. В. Бахтерева, А. И. Вагиновой, Б. М. Ванталова, Г. С. Гора, Я. С. Друскина, В. А. Каверина, Г. Н. Кацмана, А. Г. Левинтона, Т. А. Липавской, Б. В. Останина, С. В. Поляковой,

В. И. Ракитина, И. И. Ревзина, В. Н. Сажина, Б. Ю. Улановской и Л. Н. Черткова.

Составители выражают благодарность за предоставленные материалы, советы и помощь в работе С. Г. Бочарову, А. И. Вагиновой, П. А. Введенскому, Г. Б. Викторовой, Т. Н. Глебовой, Л. С. Друскиной, Н. Г. Князевой (Лесман), Т. А. Липавской, И. Ф. Мартынову, И. М. Наппельбаум, В. Н. Петрову, А. И. Порет, Е. В. Сафоновой, В. В. Стерлигову, А. Б. Устинову, Л. К. Чуковской, Л. Г. Шпет.

Особую благодарность составители выражают Н. И. Харджиеву, предоставившему ряд материалов из своего собрания, внесшему ряд ценных указаний и оказывавшему постоянную помощь.

**Список условных сокращений,
принятых в примечаниях и в разделе
«Другие редакции и варианты»**

- А-1, 2 — альм. «Абракасас». Пб., 1922. Кн. 1; Пг., 1922. Кн. 2.
АБ — личный архив И. В. Бахтерева.
Ап — альм. «Аполлонь-77». Париж, 1977.
АПД — автографы и авториз. машинописи Н. М. Олейникова в ПД.
АФ — Вагинов К. А. Федоровой: [Стихотворения]. Л., 1926.
Борисов — Борисов Л. Родители, наставники, поэты: Книга в моей жизни. М.: Книга, 1969.
БП — Заболоцкий Н. А. Стихотворения и поэмы. М.; Л.: Сов. писатель, 1965 (Б-ка поэта. Большая серия).
ВДЛ — Заболоцкий Н. Вешних дней лаборатория. М.: Мол. гвардия, 1987.
ВЛ — журн. «Вопросы литературы».
ДП-64 (65, 66, 67, 88) — альм. «День поэзии». Л.: Сов. писатель, 1964 (1965, 1966, 1967, 1988).
ЖИ — журн. «Жизнь искусства» (Петроград).
Зап. кн. — записные книжки Д. И. Хармса (частное собрание и РНБ).
Зв. — журн. «Звезда» (Ленинград).
«Звезда» — «Звезда»: Лит.-худож. альм. Л.: Прибой, 1930.
Звук. — Вагинов К. Звукоподобие: Ст-ния. Л., 1934. Машинопись.
ЗСС — Заболоцкий Н. Собрание сочинений: В 3-х томах. Т. 1. М.: Худож. литература, 1983.
Изборник — [Вагинов К.]. Изборник, составленный для Марии Неслуховской. 21 июля 1922 г. Автограф (СТН).
Избр. — Хармс Д. Избранное. Würzburg: Jal-Verlag, 1974.
Избранное — Введенский А. Избранное. München: Otto Sagner, 1974.
ИС — Олейников Н. Иронические стихи. Нью-Йорк: Серебряный век, 1982.
КБ — Вагинов К. Кликалице благоутешное: [Стихотворения]. Пб., 1926 (май).
КО — газ. «Книжное обозрение».
«Ковш» — альм. «Ковш». М.; Л.: ГИЗ, 1926. Кн. 4.
«Костер» — сб. «Костер». Л.: [Ленинградский Союз поэтов], 1927.
КП — Вагинов К. Козлиная песнь: Романы. М.: Современник, 1991.
Л — журн. «Ленинград».

- ЛА — копии беловых автографов Н. А. Олейникова, находящихся в личном архиве Л. А. Олейниковой
- Ларь — альм. «Ларь». Л.: Academia, 1927.
- ЛГ — газ. «Литературная газета».
- ЛР — газ. «Литературная Россия».
- М — сб. «Материалы XXII научной студенческой конференции: Поэтика. История литературы. Лингвистика». Тарту: ТГУ, 1967.
- Машинопись-1, 2 — машинописные списки ст-ний Н. М. Олейникова (ПД).
- МК — газ. «Московский комсомолец».
- Н — журн. «Нева».
- Опыты — Вагинов К. Опыты соединения слов посредством ритма. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1931.
- ПД — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН.
- ПН — Вагинов К. Петербургские ночи. Пб: Островитяне, 1922. Наборная рукопись — автографы (СЛ).
- ПС — Олейников Н. Пучина страстей: Ст-ния и поэмы. Л.: Сов. писатель, 1991.
- ПСП — Введенский А. Полное собрание произведений: В 2-х томах. М.: Гилея, 1993.
- ПСС-1, 2 — Введенский А. Полное собрание сочинений. Анн Арбор: Ардис, 1980. Т. 1. 1984. Т. 2.
- РНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки.
- С — Олейников Н. Стихотворения. Времен: K-Press, 1975.
- СГ — список ст-ний Д. Хармса, сделанный Г. С. Гором (собр. семьи Гора). Копия списка предоставлена для наст. издания А. Б. Устиновым.
- СЛ — собрание М. С. Лесмана.
- СО — собрание Л. А. Олейниковой: копии беловых автографов Н. М. Олейникова.
- СП-1, 2, 3, 4 — Хармс Д. Собрание произведений. Времен: K-Press, 1978. Кн. 1 и 2. 1980. Кн. 3. 1988. Кн. 4.
- Список — списки ст-ний Н. М. Олейникова (так называемые «ходячие списки») из частных собраний.
- СС — Вагинов К. Собрание стихотворений. München: Otto Sagner, 1982.
- ССт — сб. «Собрание стихотворений». Л.: Л[енинградское] о[тделе-ние] В[сероссийского] С[юза] п[оэтов], 1926.
- СТН — собрание Н. С. Тихонова и М. К. Неслуховой.
- Столбцы — Заболоцкий Н. Столбцы. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1929.
- ТД — журн. «Тридцать дней» (Ленинград).
- Тетр. — тетрадь ст-ний К. Вагинова: авториз. списки рукой А. И. Вагиновой и автографы (собр. А. И. Вагиновой: ПД).
- Транспонанс — журн. «Транспонанс». [Ейск], 1984, № 2 (21).
- Чукоккала — «Чукоккала»: Рукописный альм. Корнея Чуковского. М.: Искусство, 1979.
- Ю — журн. «Юность».

АЛЕКСАНДР ВВЕДЕНСКИЙ

При жизни Введенского им было опубликовано всего два стихотворения — в сб. ССт и «Костер» в 1926 и в 1927 гг. В дальнейшем он работал без всякой надежды на издание своих произ-

ведений. Это наложило отпечаток на судьбу наследия Введенского: поэт жил только очередным сочинением и относился к своим рукописям достаточно небрежно. Имеются, однако, сведения, что по просьбе Л. С. Липавского Введенский в тридцатые годы составил рукописное собрание собственных сочинений. Другую такую попытку он, как представляется, предпринимал или собирался предпринять перед войной, когда взял все свои стихи у Н. И. Харджиева. О лакунах в его наследии можно судить, например, по сохранившемуся в записных книжках Хармса «Оглавлению Шуркиной (т. е. Введенского. — *Ред.*) тетради» (1927): из тридцати шести перечисленных в нем произведений до нас дошло только пять (сама тетрадь, насчитывавшая свыше трехсот страниц, утрачена), а от семи других сохранились лишь отдельные строки. Не дошла до нас и существовавшая, по словам Я. С. Друскина, еще в тридцатые годы тетрадь, заполненная стихами, написанными до 1922 г., — сегодня из этого периода известно лишь семь стихотворений. Эмигрировавший в 1928 г. в Италию, потом во Францию Павел Мансуров увез с собой один печатный лист произведений Введенского — однако в архиве художника, хранящемся в частной галерее в Ницце, этих материалов не оказалось. В 1926 г. Введенский и Хармс приложили свои стихи к письму, которое они написали Пастернаку, — письмо сохранилось, а стихи нет. Произведения того же времени, оставшиеся в «корзине Лефа» и почти до войны хранившиеся Н. И. Харджиевым, были отданы им Введенскому, по просьбе поэта, в 1940 г. и, конечно, исчезли без следа. Известно, что рукописи середины тридцатых годов погибли у А. С. Ивантер, в то время жены поэта, которая их сожгла, когда узнала о его аресте. Не дошла до нас имевшая, казалось бы, много шансов сохраниться, поскольку была переписана для актеров во многих экземплярах, рукопись ставившейся на театре «Радикс» пьесы «Моя мама вся в часах». Точно так же утрачена рукопись романа «Убийцы вы дураки», о котором вспоминает В. А. Каверин. Почти все сохранившиеся произведения Введенского находились в составе архива Хармса, который Я. С. Друскин спас после ареста последнего. В середине 1960-х годов Друскин вернул нам работу по его изданию и, когда она была закончена, передал архив в РНБ (ф. 1232)¹.

Из всего сказанного очевидно, что до нас дошло в полном виде не больше четверти всех так или иначе известных сочинений Введенского, около восьмидесяти известны только названиями или отдельными строками, и о достаточно большом числе его произведений мы не знаем вообще ничего.

В 1966 г. несколько важных рукописей, в том числе последней пьесы «Где. Когда», было обнаружено в Харькове у вдовы поэта Г. Б. Викторовой. Публикацией, по инициативе Г. Г. Суперфина, двух стихотворений и небольших заметок о Введенском и Хармсе в изданных на ротапринтере «Материалах» (М) состоявшейся в Тарту

¹ В хранящемся в РНБ собрание вошла небольшая по объему, однако ценная имеющимися в них авторскими правками часть рукописей, хранившаяся Г. Б. Викторовой, вдовой поэта. Рукописи и списки отдельных произведений сохранились также и у других лиц (ныне покойных) — Л. Г. Шпет, А. И. Порет, В. В. Стерлигова, В. И. Петрова, как это указывается в соответствующих примечаниях.

в 1967 г. студенческой конференции открывается история посмертных изданий Введенского. Произведения Введенского стали распространяться в списках, часто дефектных. В Москве энтузиасты выпустили целую серию самиздатовских публикаций под общим названием «ОБЭРИУ».

В последующее время лишь небольшое количество текстов Введенского публиковалось в периодике. Между тем в те же шестидесятые годы интерес к имени Введенского стал возрастать и на Западе — несколько научных журналов перепечатали доступные материалы, однако уровень этих публикаций часто оставлял желать лучшего. Весьма неточные и случайно подобранные тексты вошли и в вышедшее в 1974 г. первое собрание произведений поэта под ред. В. Казака: Введенский А. Избранное. München: Otto Sagner. В 1979—1984 гг. под редакцией М. Б. Мейлаха вышло ПСС — первое полное и текстологически обоснованное издание всех сохранившихся произведений Введенского (за вычетом юношеских стихов, посланных Блоку, тогда недоступных); его переиздание, исправленное и дополненное, вышло в 1993 г. (см.: ПСП).

Иные задачи, которые ставит том «Поэты группы ОБЭРИУ» в «Библиотеке поэта», определили и иной принцип отбора текстов. В собрание включены все законченные произведения Введенского (кроме ранних стихов). Издание традиционно открывается первым напечатанным самим Введенским в 1926 г. произведением — «Начало поэмы»; стихотворение «Парша на отмели», относящееся к раннему, «футуристическому», периоду Введенского, вынесено, согласно воле душеприказчика и хранителя архива Введенского Я. С. Друскина, в Приложения.

Сохранившиеся произведения Введенского представлены частично автографами, частично машинописями, выполненными в подавляющем большинстве случаев Т. А. Липавской. Именно эти рукописи воспроизводятся в настоящем издании; зачеркнутые автором фрагменты вынесены в раздел «Другие редакции и варианты».

1. ССт. С. 14—15. Как и во всех произведениях этого и предшествующего времени (см. № 2, 3 и 4), авторство обозначено поэтом так: *Чинарь Авто-ритет бессмыслицы александрведенский*. В принадлежащем В. И. Эрлю экземпляре ССт, содержащем ряд исправлений неизвестной рукой, имеется очевидная поправка в одном из последних стихов: «на гуслях смерть играет в рясе...» (вместо неправильного — «смерти»). Исправлены также две явные опечатки: 1) «стенкой» вместо неправильного «степкой» в ст. 16; 2) перенесены кавычки, заключающие прямую речь (выделенную разрядкой), строкой ниже.

2*. Автограф (ПД, ф. 172, № 960). Впервые — отдельное издание: Vvedenskij A. Minin i Pożarskij. München, 1978. Монолог Грекова «*Но вопли трудных англичан...*» — «Костер». С. 23—25, с нормативной пунктуацией. Слова ЧИНАРЬ и АВТО в подписи автора выделены прописными буквами. Минин и Пожарский. Речь идет о Кузьме Миниче Минине (ум. 1616) и князе Дмитрие Михайловиче Пожарском (1578—1642), возглавивших в 1611—1612 гг. в Москве народное ополчение против польско-шведской интервенции. Князь Меншиков (правильно: Меншиков) Александр Данилович (1673—1729), ближайший сподвижник Петра I, полково-

дец, строитель Петербурга; с 1707 г. — светлейший князь. *Чуден Днепр при тихой погоде* — цитата из «Страшной мести» (1831) Н. В. Гоголя. *Мних* — монах (устар.). *Свеча пошла дымить конец*. «Свеча упоминается иногда по несколько раз почти в половине из 40 сохранившихся вещей Введенского... Свеча обычно ритуальный или религиозный иероглиф, для Введенского иногда и эсхатологический, связанный с тремя темами, которые, по его собственным словам, интересовали его еще в двадцатые годы: Время. Смерть. Бог» (ПСС-2. С. 263)¹. Соединение эсхатологических мотивов с эротическими (а точнее, антиэротическими) в непосредственно следующем за этим фрагменте (*Варварова...*) получает впоследствии развитие в «Куприянове и Наташе» (№ 20). *Ржев* — город в Тверской губернии. *Требник* — богослужебная книга, содержащая молитвы для треб. *Робеспьер* Максимильтен (1758—1794) — один из вождей французской революции конца XVIII в., вдохновитель якобинского террора. *Робеспьер Робеспьер Катенька* — пародия на популярную песенку «Соловей, соловей, пташечка...». *Печора* — река в Архангельской губернии. *Припять* — река на Украине, правый приток Днепра. *Тагор* Рабиндранат (1861—1941) — индийский писатель, философ и общественный деятель. *Сион* — один из холмов, на которых построен Иерусалим; на холме Сион был воздвигнут город царя Давида; шире — символ Иерусалима и Иудеи (Израиля). *Дон Жуан* — герой европейской литературы, символ мужской неверности. *Граф Шереметев* (правильно: Шереметев) Борис Петрович (1652—1719) — полководец, дипломат, один из ближайших сподвижников Петра I. *Юпитер* — верховный бог-громовержец древнеримского пантеона. *В <...> гугенотском чреве*. Гугеноты — прозвище французских протестантов времен религиозных войн XVI в. *Нерон* (37—68) — римский император. *Ермолов* Алексей Петрович (1777—1861) — генерал, участник Отечественной и кавказских войн. *Разин* Степан Тимофеевич (ок. 1630—1671) — вождь крестьянской войны 1667—1671 гг., донской атаман. *Галич* — древний город на сев.-зап. склонах Карпат, с X в. — столица Галицкого, затем Галицко-Волынского княжества, ныне — городок в Ивано-Франковской обл. (Украина). *Вятка* — город на сев.-вост. России, областной центр; расположен на одноименной реке. *Житель водочки спросил...* и т. д. — пародия на детскую песенку-дразнилку «Рыжий красного спросил: Чем ты бороду красишь...». *Борис Годунов* (ок. 1552—1605) — русский царь с 1598 г. *Городничий*, *Хлестаков* и *Марья Антоновна* — персонажи комедии Гоголя «Ревизор» (1834—1835). *Ловелас* — герой романа С. Ричардсона «Кларисса Гарлоу» (1748), в нарицательном значении — обольститель. *С волками жить, рот не разевай* — пародийная контаминация двух пословиц: «С волками жить — по-волчьи выть» и «На чужой каравай рот не разевай». *Мономах* — Владимир II Мономах (1053—1125), с 1113 г. — великий князь Киевский. *Тит* (39—81) — римский император, разрушивший Иерусалим. *Детинец* — то же, что впоследствии «кремль», внутреннее укрепление в русском средневековом городе вокруг резиденции князя. *Ватерпруф* (от «водонепроницаемый», англ.) — плащ-дождевик. *Мейн шеллер замочек Гус-*

¹ Здесь и далее цитируются комментарии Я. С. Друскина, как отдельные, так и входящие в его обширную работу «Звезда бесмыслицы».

тав — искаж. немецкие слова «мой быстрый...». *Гала Петер* — марка шоколада. *Князь Курбский от царского гнева бежал* — первая строка ст-ния А. К. Толстого «Василий Шибанов» (1840-е гг.). *Роллан Ромен* (1866—1944) — французский писатель, общественный деятель. *Царь Эдип* — герой трагедии Софокла «Эдип-царь». *Покойник лежит такой бородатый, что видно всё время борода растёт*. Мотив бородатого покойника встречается в «Страшной мести» Гоголя. *Вообразим числа и фигуры сна*. Ср. назв. ст-ния Заболоцкого «Фигуры сна» (1928). *Отец! мундишук! кричат Тарасу*. Введенский пародийно обыгрывает эпизод потери «люльки» (трубки) Тарасом Бульбой из одноименной повести (1834) Гоголя. *Свицкий* — обычно офицер, входящий в придворный штат (свиту) царя.

3. Авториз. машинопись без даты (РНБ). Впервые — ПСС-1. С. 22—23. Датируется по составленному Хармсом «Оглавлению Шуркиной тетради», в котором следует за «Гробовым небесным видением» — не сохранившимся ст-нием Введенского, упомянутым Хармсом в другой записи, сделанной в феврале 1927 г. «„Седьмое стихотворение“, написанное, я думаю, в 1927 году, воспринимается, несмотря на довольно еще усложненную звезду бессмыслицы, как описание жизни человека. Оно и начинается с прихода человека в мир — *трехлистный свет*. Главное действующее лицо, названное здесь *человеком*, дальше обозначается местоимением *он*. Стихотворение относится к первому роду (т. е. к числу произведений без обозначения действующих лиц, условно называемых Я. С. Друскиным лирическими. — *Ред.*), и только в конце, когда *он* уже умер, действующее лицо обозначается сбоку, как в драматических вещах. Как и в других вещах Введенского, жизнь не кончается смертью — продолжается за-смертная жизнь умершего» (Друскин Я. С. ПСС-2. С. 264—265).

4. Авториз. машинопись, без года (РНБ). Впервые — ПСС-1. С. 24—26. *Теософка* — последовательница Е. П. Блаватской, организовавшей Теософское общество, призванное к исследованию и популяризации эзотерических тайн мироздания. *Сион* — см. примеч. 2. *Пиндар* (518—442 до н. э.) — древнегреческий поэт, автор торжественных праздничных од для хорового исполнения.

5*. Машинопись с авторской правкой (РНБ). Впервые — ПСС-1. С. 27—29. Машинопись с вар. (там же). Произведение, название которого перекликается с названием оперы Вагнера «Гибель богов», пародирует сюжет другой его оперы — «Лоэнгрин». Имени Ортруда здесь соответствует *Гертруда*, а лебедю, влекущему ладью с рыцарем, — *гусь*. *Звали первую светло*. Я. С. Друскин замечает: «Интересно, что такие имена девиц, как *светло* и *помело*, не нуждаются в специальных объяснениях, зато прозвище *татьяна* мотивируется тем, что она *дочка капитана*. Один из приемов Введенского: бессмысленное событие или факт объясняется, но его объяснение еще более бессмысленно, чем сам бессмысленный факт» (ПСС-2. С. 265). *Я хочу дахин дахин* — пародийная реминисценция песни Миньоны из «Вильгельма Мейстера» (1829) Гете. *Брел и цвел и приобрел*. Два последних слова — часть приводимого в старых учебниках грамматики списка слов, требующих в написании буквы «ять», может служить примером организации бессмысленной последовательности по внеположной ей модели. *Прибежал конец*

для чувства начинается искусство. В связи с первоначальной установкой Введенского на искусство антиэмоциональное и позднейшей переоценкой категории «чувства» см. вступ. статью, с. 20. *Еду еду на коне; я везу с собой окно* — ср. № 13: *человек на коне появляется в окне*. Окно, наряду с конем и всадником (см. примеч. 22), — один из наиболее употребительных образов Введенского, имеющих эсхатологическую окраску. В сходном значении этот образ используется Хармсом (см., например: «Окно», «Окнов и Козлов»).

6. Машинопись (РНБ). Впервые — ПСС-1. С. 30—33. Название представляет собой вынесенную в заголовок концовку произведения, как ее обозначали в середине 1920-х годов Введенский и Хармс (см., например, «Пророк с Аничкина моста») и к которой Введенский возвращается в своем последнем произведении «Где. Когда». *Н. Заболоцкому* посвящена также пьеса «Зеркало и музыкант» (см. вступ. статью, с. 33). *Во имя Русския державы* — церковнослав. форма родительного падежа. *Шато* (франц. *château*) — замок. *Столыпин* Петр Аркадьевич (1862—1911) — русский государственный деятель.

7. Машинопись без даты (РНБ). Впервые — ПСС-1. С. 34—36. Датируется по одному из перечней в записных книжках Хармса. *Где водит курицу червяк; он членист он ог; ну что вы мне твердите право про паука и честь и траву; клещи муравьеды и пчелки*. В связи с насекомыми, населяющими поэтический универсум не только Введенского, но и других поэтов его круга, в частности, Заболоцкого и Олейникова, см. вступ. статью, с. 26. *Семирамида* — царица Ассирии в конце IX в. до н. э., с именем которой связано сооружение «висячих садов» в Вавилоне — одного из «семи чудес света». *Тициан* (ок. 1476—1576) — итальянский живописец, глава венецианской школы Высокого Возрождения. *Орфей* — в др.-греч. мифологии фракийский певец, изобретатель музыки и стихосложения.

8*. Авториз машинопись с правкой (РНБ). Впервые — ПСС-1. С. 37—43. Неполная машинопись (первые 194 стиха) с опечатками и разночтениями (там же). Датируется по записной книжке Хармса (№ 18). В неизданной статье Т. А. Липавской «Пять или шесть Александра Введенского» убедительно доказывается, что отношение «пять или шесть» определяет различные уровни структуры произведения — от колеблющегося списка действующих лиц, числа их снов и т. п. и вплоть до состава синтаксических периодов, включающих от пяти до шести членов или стихотворных строк (принцип этот определяет до двух третей объема произведения), до структуры рифм, наконец, до тематического членения на «пять или шесть» частей обоих разделов стиха. *Сераль* — европейское название султанского дворца (гарема) в Османской империи. *Изотов*. Это имя упоминается в записных книжках Хармса в эпоху «Левого фланга»; согласно свидетельству И. Бахтерева, это был бандит-налетчик. *Локоны* — контаминация слов «локоны» и «кони». *Ловелас* — см. примеч. 2. *Либерти* — мягкая блестящая шелковистая материя.

9. Машинопись с лакуной в ст. 101 (РНБ). Впервые — Из-

бранное. С. 86—90 (неточный текст). В ст. 57 и 139 нами выправлены опечатки: *значения и слова* (вместо *значение*) и *куда бежать им от судьбы* (вместо *бежать они*). Исключительно интересны здесь мотивы понимания-непонимания и выяснения значения действия и слова, в позднейших произведениях Введенского играющие ключевую роль, а также поэтическая разработка концепции «тяжелеющего слова» и превращения слова в предмет (ср. № 22 и 26). Интересно, что тема смерти, первоначально связанная здесь, как и в предыдущем тексте, с мотивом утопленничества (*плыл утопленник распух*), актуализируется и приобретает эсхатологическую окрашенность одновременно в связи с мотивами и воды, и моря (см. примеч. 16), и огня. Тема «огненной смерти» как конца мира получает развитие в поэме «Кругом возможно Бог».

10. Машинопись с авт. правкой (РНБ). Впервые — «Время и мы». (Нью-Йорк). 1978, № 29 (неточный текст). Идентичная машинопись (РНБ) без правки. *Н. Заболоцкому* посвящено также стихотворение «Всё» (см. вступ. статью, с. 33). *Кант* Иммануил (1724—1804) — родоначальник немецкой классической философии. *Часто мысли вышимаю...* и т. д. Мотив гипостазирования мыслей, их независимого от их носителей существования, часто встречается у Введенского. Ср.: «Мысли бегают отдельно» (№ 11). *Кушай польку пей цветы* — переключается со знаменитыми эпатажирующими строками Хармса: «Пейте кашу и сундук» (№ 31).

11. Машинопись без даты с лакуной в ст. 76 (РНБ). Впервые — Избранное. С. 79—81. Идентичная неполная машинопись (ст. 1—15. Там же). *Протуберанц* (правильно — протуберанец) — плазменный выброс в солнечной короне. *Обер* (Оберт) Герман (р. 1894) — один из пионеров ракетной техники.

12. Бел. автограф без даты (РНБ). Впервые — «Время и мы». (Нью-Йорк). 1978, № 29 (неточный текст). Датируется по записной книжке Хармса (запись 18 янв. 1930 г.). *Меркурий* — ближайшая к Солнцу планета Солнечной системы.

13. Машинопись без даты (РНБ). Впервые — ПСС-1. С. 56—60. Датируется по записи двух первых стихов в записной книжке Хармса (запись 11 марта 1930 г.). *Либава* (ныне — Лиепая) — приморский город в Латвии. *Я думаю что это трус... Русь... ветчина... посторонняя картошка*. Прием, характерный для поэтики Введенского, состоящий в том, что тот или иной формальный элемент или грамматическая категория служит матрицей при порождении бессмысленного текста в последовательности от первого, еще осмысленного члена к бессмысленным, организованной как серия однородных подчиненных предложений, скрепленных рифмой. В рубрике *Человек на коне* мы встречаем полную рифмованную парадигму с тем же развитием (см. подробнее: Мейлах М. Семантический эксперимент в поэтической речи // *Russian Linguistics*. 1974, № 1. Р. 271—276). *Севиля* — город в Испании на р. Гвадалquivир.

14. Бел. автограф (РНБ). Впервые — ПСС-1. С. 61—63. Машинопись с авт. правкой (там же). *Факт, Теория и Бог*. Невозможности теоретического познания Бога противопоставляется «аб-

солютный факт» — эсхатологическое «окончательное наступление» Бога, которое здесь снова связывается со смертью через потопление (ср. № 8 и 16). Вероятно, поэтому здесь так часто встречается излюбленный прием Введенского — дискредитация самой возможности рационалистической постановки вопроса через его форму (*куда умрешь?*) или форму ответа (*Ответы*). *Я вижу ночь идет обратно*. Стих вводит одну из ключевых тем поэзии Введенского, в которой архетипический мотив вечного возвращения соединяется с мотивами зеркальной отраженности, антимира, шире — перевернутого мира (см. примеч. 22). *Луга* — небольшой город к югу от Санкт-Петербурга. *Будда* (просветленный — санскр.) — имя, данное основателю буддизма Сиддхарте Гаутаме (623—544 до н. э.).

15*. Бел. автограф без даты (РНБ). Впервые — «Время и мы». (Нью-Йорк). 1978, № 29 (неточный текст). В ст. 66 очевидная описка: *и едва открыв глазок*. Датируется по месту в перечне произведений Введенского в записной книжке Хармса. *Малютка вина*. «Последнее слово не в родительном падеже, а в именительном» (Друскин Я. С. ПСС-2. С. 274). *Два бойца, два конца* — парафраз известной загадки: «Два кольца, два конца, посередине гвоздик». «Подобные пародии и перифразы встречаются у Введенского и в других вещах, особенно много их в большой поэме «Минин и Пожарский». Этот отрывок не так бессмыслен, как может показаться при первом чтении. Напомню начало «Битвы»: *мы двое воюем*, поэтому — *два бойца; два конца* — может быть, это рождение и смерть, о которой говорит *Человек* в приведенной выше цитате» (Друскин Я. С. Там же).

16. Машинопись без даты с авт. правкой (РНБ). Впервые — М. С. 109—112. *Значенье моря*. В этом и следующем ст-нии, как бы посвященном выяснению «значения моря» (см. также начало и конец № 17), обычные для Введенского эсхатологические мотивы соединены с архетипическим образом морской стихии, в мировой мифологии связанной с первоначальным хаосом, из которого все происходит и к которому все возвращается. Проблема выяснения «значения моря», помимо своей метапоэтической функции (ср. примеч. 9), имеет, в свою очередь, корни в архаической символике моря как непостижимости, бездонности истины, а в юнговской терминологии — как коллективного бессознательного; непознаваемая морская стихия, связанная с началом и концом света, таит в своей глубине чудовищ, представленных в «Кончине моря» *Морским демоном*, здесь, кстати, вообще отрицающим за морем какое-либо значение. Любопытно, что тема сражения морских животных в эсхатологическом контексте встречается в ст-нии Хармса «Что делать нам?» (1934). *Надо жить начать обратно* — см. примеч. 14 и 22. *Мы как соли просим знака*. Возможно, контаминация двух евангельских фрагментов: «Вы соль мира...» и т. д. (Мф, 5, 12—13 и 16, 1—4). Ср. также соположение *значения* и *соли* в № 9.

17. Машинопись без даты с авт. правкой (РНБ). Впервые — Избранное. С. 23—26 (неточный текст). *Вот я стою на этих скалах*. Монолог *Охотника*, образ которого может быть интерпретирован в контексте ст-ния как традиционно-символический образ «охот-

ника за знанием», в большой мере предвосхищает последнее произведение Введенского «Где. Когда».

18. Машинопись без даты с авт. правкой (РНБ). Впервые — ПСС-1. С. 74—76. Отношение Введенского к суду выражено в его высказывании, зафиксированном в «Разговорах» Л. Липавского: «Это дурной театр. Странно, почему человек, которому грозит смерть, должен принимать участие в представлении. Не только должен, но и хочет, иначе бы он не удавался» (ПСС-2. С. 276). *Фанагорийцы* — жители Фанагории, древнегреческой колонии, входившей в состав Боспорского царства (V—IV вв. до н. э.).

19. Машинопись без даты с авт. правкой (РНБ). Впервые — «Эхо». (Париж). 1978, № 2. С. 114—137. Датируется по устным воспоминаниям Т. А. Липавской и Я. С. Друскина, который называл поэму «эсхатологической мистерией», весной 1931 г.; начиная с этого времени Введенский пользуется более или менее нормативной пунктуацией. Поэма может быть сопоставлена со средневековым жанром посмертного хождения и с наибольшей полнотой выявляет «двухступенчатую эсхатологическую ситуацию», намечавшуюся в более ранних произведениях Введенского (см. вступ. статью): после смерти вторая, окончательная смерть приходит с концом мира, *накаляемого Богом*, и с *огненным превращением предметов*. Загробное странствие героя составляет сюжет писавшегося в это же время произведения Хармса «Лапа», герой которого, тоже анонимный (он обозначен как «земляк», т. е. житель Земли), посещает разные области неба. *Эф.* Герой поэмы первоначально обозначен названием первой буквы своей фамилии, которая расшифровывается только после его смерти (*Его фамилия Фолин*). *Валтасар* — сын последнего вавилонского царя Набонида. Описание «Валтасарова пира», на котором он получил пророчество о гибели Вавилона, — в Библии (Дан., 5). *Мазепа* Иван Степанович (1644—1709) — гетман Украины, стремившийся к отделению Украины от России, во время Северной войны перешедший на сторону Карла XII. *Аида* — героиня одноименной оперы (1870) Дж. Верди. *Появляется царь. Царь появляется. Темнеет в глазах.* Отрывок навеян народной драмой «Царь Максимилиан», известной Введенскому в обработке Ремизова. *Несть эллин и несть иудей* — цитата из Нового Завета (Колосс. 3, 11); в этом Послании апостол Павел говорит: «Нет ни Эллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос». *Рюрик* — легендарный вождь варяжского отряда, призванный княжить Новгородом в IX в., основатель династии Рюриковичей. *Болиды* — исключительно большие и яркие метеориты. *Ты как Енох на небо взятый.* Имеется в виду один из праотцов (Быт., 5, 18—24), по преданию взятый живым на небо, что описано в апокрифической «Книге Еноха». *Арбры* (arbres — франц.) — деревья. *Франс* Анатолий (1844—1924) — французский писатель, лауреат Нобелевской премии (1921). *Пассаты* — устойчивые ветры в тропический широтах океана. *Муссоны* — устойчивые сезонные ветры, направление которых меняется дважды в году. *Венера* — богиня любви в античной мифологии. Сцена соотносится с поэмой Хлебникова «Шаман и Венера» (1912). *Маркс* Карл (1818—1883) — немецкий философ и экономист, один из основателей коммунистического движения. *Бехтрев* Владимир Михайлович (1857—

1927) — русский ученый, невролог, психиатр и психолог. *Ом* Георг Симон (1787—1854) — немецкий физик, автор закона, названного его именем. *Важнее всех искусств я полагаю музыкальное*. Парафраз высказывания В. И. Ленина: «Из всех искусств для нас важнейшим является кино». *Перун* — в славянской мифологии бог-громовежник, перуны — его молнии; нариц.-поэтич. — громовой удар. *Дормир* (dormir — франц.) — спать. *И начал превращенье* (см. ниже реплику *Народов*: *Мы не можем превращенья вынести*). «Слово *превращенье* здесь имеет уже явно эсхатологический смысл. И тем же словом обозначает Введенский отождествление двух членов оппозиции „слово — предмет“ (в ст-нии «Гость на коне», № 22. — *Ред.*). Это не случайно. Во всяком случае это не случайная случайность. Логос у Введенского объединяется с аналогичным словом, с превращением предметов, с остановкой времени» (Друскин Я. С. ПСС-2. С. 279). *Штосс* — карточная игра. *Быть может только Бог*. Я. С. Друскин, вслед за Т. А. Липавской, ставит поэтическое ударение на первом слове.

20. Машинопись без даты (собр. А. И. Порет). Впервые — «Аполлонь-77». Париж, 1977. С. 28—30 (неточный текст). Датируется по воспоминаниям Т. А. Липавской, а также по записи Хармса на обороте его собственного ст-ния «Узы верности ломашень...» (8 сент. 1931г.). *И будем мы подобны судакам*. Ср. у Н. Олейникова: «И если я судак, то ты подобна вилке» («Блестит вода холодная в бутылке...»). *И шевелился полумертвый червь*. Сложная эсхатологическая библейская цитата (Мк., 9, 43—44, восходит к Ис., 66, 24). *Мы здесь одни да на иконе Спас*. «Введенский как-то по-особенному увидел алчность и смрад греха: судаки, механизация греховного акта, отвращение, бездушность и мертвенность, пустынность, и все это — исчезающая видимость. Куприянов даже не умирает, а постепенно исчезает, рассеивается, как дым. И остается природа, предающаяся одинокому наслаждению. А над всем этим, отрицая всё это, отрицая обман, хитрость природы и смерть, — „на иконе Спас“» (Друскин Я. С. ПСС-2. С. 284). *Я превращаюсь в лиственницу... она дерево — необычный вариант фольклорной трансформации «женщина — дерево»* (Th. Mot. D. 225).

21*. Автограф без даты (РНБ). Впервые — Избранное. С. 20—22 (неточный текст). Ст-ния № 21—24 датируются по устным воспоминаниям Я. С. Друскина — периодом между 1930 и 1934 гг. Обозначения персонажей необязательно вводят прямую речь, служа скорее как бы заголовком или подписью к тексту. *Иуда Искариот* — по Евангелию, один из апостолов, предавший Иисуса Христа. *Шантан* (от франц. café-chantant) — музыкальное кафе. *Кольца Сатурна* — плоские концентрические кольца, состоящие из космических обломков и вращающиеся вокруг планеты Сатурн. *Тапир* — одно из «магических» обзорных слов: в 1935—1936 гг. Хармс предполагал выпустить рукописный журнал «Тапир», с участием Введенского; тапира он изображает на гербе своего *Ордена равновесия с небольшой погрешностью*, в который принимал друзей (1937).

22*. Автограф без даты (РНБ). Впервые — Избранное. С. 101—103 (неточный текст). *Вечер был на расстоянии от меня на много*

верст. Отметим характерное для поэтического универсума Введенского переплетение пространственных и временных категорий. *Опыт превращения предмета* — см. примеч. 19. *Боль мою пронзила кость*. Тема перехода в «обратный мир» тонко выражена Введенским на уровне «грамматики поэзии»: подлежащее и дополнение различимы здесь только интонационно и исходя из порядка слов, который мы здесь находим инвертированным. «Целая цепь семантических инверсий дана в стихотворении „Гость на коне“. Инверсии эти начинаются со стиха *Боль мою пронзила кость* — вместо „нормального“ „кость мою пронзила боль“. — Далее, эхо — отражение звука; в последующих стихах различаются два мира, один мир над рекою, другой отражается в реке, как в стекле, один наш мир, другой — антимир. Тогда закономерно и то, что в поэтической модели антимира медаль носят не на груди, а на спине; закономерна и обратная рука: в зеркале правая рука становится левой, т. е. другой или обратной; это не номинальное, а реальное преобразование пространства. <...> Наконец, *человек из человека* — это, по-видимому, античеловек. <...> Этот отрывок из „Гостя на коне“ — поэтическое интуитивное предчувствие физической теории антимира» (Друскин Я. С. ПСС-2. С. 287—288).

23. Автограф без даты (РНБ). Впервые — Избранное. С. 27—36 (неточный текст). Отметим связь произведения с рассказом Толстого «Три смерти» (1858). Имена *Зумира*, *Тумира* и *Чумира* («потусторонних вестников»), вероятно, соответствуют обозначениям 3-го (третьего) и 4-го *умир.(ающих)*. «Каждое из четырех описаний заканчивается актом смерти и указанием года. Это не случайно: „Чудо возможно в момент смерти. Оно возможно потому, что смерть есть остановка времени“ (Введенский. „Время и смерть“, 1932). <...> Они уже умерли и они же — *умир.(ающие)* — рассказывают о своей смерти: они живые в акте смерти, когда время останавливается. Здесь снова оппозиция жизни, т. е. продолжающегося во времени действия — и акта смерти. Но не только оппозиция: если они живы в акте смерти, то оба члена оппозиции отождествляются, — при этом для каждого из умирающих важен именно его акт смерти; не случайно каждый упоминает год своей смерти, когда время для него остановилось; все четыре смерти различны, хотя уже и „нет разницы годов“» (Друскин Я. С. ПСС-2. С. 289). *Перемышль* — город в Польше, в 1915 г. был взят русскими войсками. *Осовец* — крепость на р. Бобре близ г. Гродно, театр военных действий во время первой мировой войны. *Река течет одновременно покорная своей судьбе*. Ср.:

К чему невольнику мечтания свободы?

Взгляни: безропотно текут речные воды

В указанных берегах, по склону их русла...

(Баратынский Е. А. Полное собрание стихотворений. Л., 1989. С. 164). *Мопассан* Ги де (1850—1893) — французский писатель, творчество которого насыщено эротическими мотивами. *Фельдфебель Путята*. Абсурдное сочетание воинского звания с именем киевского тысяцкого Путяты, воеводы Святополка II (ок. 1100). *Оставлена Варшава и Рига, Минск и Павел Павлович Кавказ* — события первой мировой войны даются в абсурдной форме, что подчеркивается добавлением имени и отчества к названию Кавказа. И

Айседору без чулков. Айседора Дункан (1878—1927), американская танцовщица, одна из основоположниц танца модерн, обыкновенно танцевала босиком. *Бальмонт* Константин Дмитриевич (1867—1942) — русский поэт, принадлежавший к старшему поколению символистов. *Блока дивные стихи.* Строка пародирует обывательское восторженно-пренебрежительное отношение к творчеству Александра Александровича Блока (1880—1921), оказавшего влияние на Введенского. *Теософ* — см. примеч. 4. *Тогда писатель граф Толстой уж не ложился с дамой спать.* Пародийно-сниженное изображение морализма Льва Николаевича Толстого (1828—1910).

24*. Автограф без даты (РНБ). Впервые — Избранное. С. 44—49 и 41—43 (неточный текст; заключительная *Сцена на шестом этаже* опубликована в виде самостоятельного произведения). *Входит Лиза или Маргарита.* Эти «романтические» имена встречаются в «гетевских» произведениях Хармса этого же времени — «Месь» и «Гвидон». В последней, «сниженной», сцене героиня меняет имя на более «приземленное», становясь *Катей*. *Костюмаров* Николай Иванович (1817—1885) — известный русский историк и этнограф. *Тут нигде не сказано, что она прыгнула в окно, но она прыгнула в окно.* Один из наиболее выраженных примеров авторской отсылки к некоторому тексту, по отношению к которому текст произведения является метаописанием. Это произведение особенно богато подобными метатекстовыми ремарками. *Нам больше думать нечем. У него отваливается голова.* Мотив «безголовости», центральный в поэме «Кругом возможно Бог», предстающий здесь в балаганном контексте, связан у Введенского с идеей кризиса дискурсивного мышления.

25*. Бел. автограф без даты (РНБ). Впервые — Избранное. С. 104—105 (неточный текст, в частности ошибочно разделенный на строфы). Датируется по воспоминаниям Я. С. Друскина: «Когда в 1933, может быть, в начале 1934 года, я прочел Введенскому „Классификацию точек“, зашел разговор о расстоянии между понятиями и словами. (Ср.: *Понятия на небе высоко; от утра до вечера далеко? от слова разумеется до слова цветок большое ли расстояние пробежит поток?*) Введенский возразил мне: расстояние — пространственное понятие, но потом согласился, что есть и логическая смысловая близость между словами, значит, и логическое смысловое расстояние. Поэтому возможно, что „Приглашение...“ написано не раньше 1933—1934 г., скорее всего — до „Гортензии“ (т. е. № 26. — *Ред.*)» (Друскин Я. С. ПСС-2. С. 299). *Мы видим лес шагающий обратно стоит вчера сегодняшнего дня вокруг.* По поводу мотива «обратности» см. примеч. 14, 16 и 22. Мотив шагающего леса, может быть, заимствован из «Макбета» Шекспира, где осуществление пророчества ведьм — шестые Бирнамского леса на Дунсинан — является знаком приближающегося падения и смерти Макбета, подобно тому как в данном тексте в этих строках имплицирована картина конца мира.

26*. Машинопись без даты (РНБ). Впервые — Избранное. С. 98—100 (неточный текст). Автограф с утраченными ст. 65—85 и идентичная машинопись (там же). Датируется по записи высказывания Введенского в «Разговорах» Л. Липавского (1933—1934): «Это стихотворение, в отличие от других, я писал долго, три дня,

обдумывал каждое слово. Тут все имеет для меня значение, так что о нем можно было бы написать трактат. Началось так: мне пришло в голову об орле, это я и записал у тебя, помнишь, в прошлый раз. Потом явился другой вариант. Я подумал, почему выбирают всегда один, и включил оба. О гортензии мне самому неловко было писать, я сначала даже вычеркнул. Я хотел кончить вопросом: почему я не семья. Повторений здесь много, но, по-моему, лишнего нет, все они нужны, если внимательно присмотреться, они повторяются в другом виде, объясняя. И „свеча-свеча“, и „травя-травя“ — все это для меня лично важно...». Другая запись высказывания Введенского в «Разговорах» сделана несколько месяцев или полгода спустя написания произведения: «Я считаю теперь, что стихи надо писать редко. Я, например, до сих пор живу все тем же стихотворением о гортензии; чего же мне писать новое, если старое, так сказать, приносит проценты» (ПСС-2. С. 300). «В 1939 году Введенский учил Т. Липавскую, как надо читать его стихи. При чтении „Ковер Гортензия“ надо, сказал Введенский, выделять местоимения, во-вторых, выделять повторяющиеся обороты — „мне жалко...“, „мне трудно...“ и другие, подобные им, в-третьих, к концу некоторых разделов и особенно к концу всего стихотворения замедлять „темп“ чтения. Замечания Введенского, как вспоминает Т. Липавская, относились не только к стихотворению „Ковер Гортензия“, но и к другим его стихам» (Друскин Я. С. Там же). *На этих листьях я не увижу незаметных слов, называющихся <...> вид основ.* Слова здесь сами имеют «названия», связанные с некоторыми основными сущностями: *случай, бессмертие, вид основ.*

27. Машинопись (РНБ). Впервые — Избранное. С. 37—40 (неточный текст). *Вбегают ласточки.* Образ ласточки имеет в европейской литературе обширную историю и символику, колеблющуюся от inferнальной до мессианской. «Весенняя» символика ласточки, находящая богатое выражение в обряде, фольклоре и поэзии, в данном тексте может быть поставлена в связь с провозглашаемой ласточкой рассветной темой. *Ориша* — город в Витебской области. *Не есть ли море лучший мир.* Этот вопрос является одновременно как бы формулировкой «проблемы» двух более ранних произведений Введенского — «Значенья моря» и «Кончины моря» (см. № 16 и 17). *Безупречная вода* и т. д. — наиболее развернутое выявление «водяной темы» в этом ст-нии, связанной со временем и представленной также мотивами моря, снега, ручья, волн, рос, влаги, рыбы и чрезвычайно значимой в развертывании сюжетной основы ст-ния. Ср.: «Глядите вся вода сутки» (№ 19). *Листья ответ.* Интересно, что в предыдущем ст-нии говорится именно о невозможности увидеть «на ничтожных листьях незаметных слов», связанных с основными сущностями.

28. Машинопись (РНБ). Впервые — «Russian Literature Triquarterly». 1975, № 11. Р. 481—487. Темой произведения является выяснение сыновьями значения слова «потец», причем значение это заранее им уже известно, в чем можно видеть еще одно проявление, в новом контексте, мифологемы «вечного возвращения», с которой мы уже встречались у Введенского в связи с категорией «обратности» (см. примеч. 22). *Им хочется всё повторить.* Этот мотив и в более широком плане выделяется на уровне

структуры произведения, строящегося на бесконечном варьировании вопроса «о том, что такое есть Потец» с сопутствующими мотивами. Вопросы сыновей к отцу призывают его на них ответить в вербальной форме (*обнарудуй, скажи-ка, расскажите, ответь, отвечай, давай ответ, объясни ли*), однако ответ они получают практически, в форме отцовской смерти, составляющей, очевидно, тот самый «непрямой ответ», который они понять не в состоянии. *Потец это холодный пот, выступающий на лбу умирающего*. Некоторое дополнительное остранение этого не засвидетельствованного ни в одном словаре экзотизма, форму и семантику которого Введенский обыгрывает с необычайной тонкостью лингвистического чувства, возникает за счет эпитета «холодный», противоречащего глубокой этимологической мотивировке слова, связанного с понятиями «теплый, горячий». *Брут Римлянин чудесный*. Марк Юний Брут (85—42 г. до н. э.), в Древнем Риме — один из руководителей заговора против Юлия Цезаря в 44 г. до н. э. *Он галл*. Галлы — название кельтов, населяющих с VI в. до н. э. территорию Галлии (часть современной Франции).

29*. Список Н. И. Харджиева (собр. Н. И. Харджиева) с поправками, продиктованными автором в 1940 г. Впервые — М. С. 113—115. Черн. автограф (ст. 9—16 и 30—72) и список Я. С. Друскина (РНБ). Авториз. машинопись (собр. Л. Г. Шпет). Списки В. Н. Петрова (собр. М. В. Петровой) и В. В. Стерлигова (собр. Е. В. Сперанского). Эпиграф — измененные строки из «Элегии» Бахтерева: «Заканчиваю элегию. Там — на своей телеге я». По свидетельству художницы Т. Н. Глебовой, Введенский перед чтением «Элегии» сказал ей, что «Элегия» отличается от всех его прежних вещей. «Элегия» реминисцирует огромные пласты образности предшествующей поэзии Введенского. *Не плещут лебеди крылами над пиришественными столами, совместно с медными орлами в рог не трубят победный*. «Строки воспроизводят образность, во-первых, „Слова о полку Игореве“; во-вторых, к тому же „Слову“ восходящую образность „На поле Куликовом“ Блока „Над вражьим станом, как бывало, / И плеск, и трубы лебедей...“). Учитывая значение традиции „Медного всадника“ для Блока и особенно для романа, восходящего непосредственно к „Полю Куликову“ — „Петербурга“ А. Белого, существенны для сопоставления и последние строки той же строфы Введенского: „певец (поэт) и всадник бедный“, где Медный всадник сконтаминирован с рыцарем бедным (также играющим большую роль в семантическом контексте цикла „На поле Куликовом“) и с бедным Евгением — может быть, через посредство огаревской пародии „Жил на свете рыцарь модный“, которая отразилась в блоковской трактовке „рыцаря бедного“ в одном из наиболее „фольклорных“ стихотворений — „За гробом“: „Был он только литератор модный“» (Левинтон Г. А. ПСС-2. С. 332).

30*. Черн. автограф, местами испорченный, без даты (РНБ). Впервые — ПСС-1. С. 176—178. Датируется по воспоминаниям Е. В. Сафоновой, которой Введенский читал это произведение в свой последний приезд из Харькова, временем до конца лета 1941 г. Название <Где. Когда> — условное, Введенским озаглавлены соответственно только обе части произведения. Заглавия эти, по первому слову каждой части, имеют концептуальное значение

пространственно-временного универсума, фиксируемого в предчувствии смерти. Еще в большей степени, чем «Элегия», произведение является как бы ретроспективным путеводителем по поэтическому универсуму Введенского, мотивы и образы которого воспроизведены здесь в прощальном взгляде самого поэта, предчувствовавшего, по словам близких, надвигающуюся гибель. *Где он стоял опершись на стацию — подобные незавершенные предложения, начинающиеся союзом «где», определяют и структуру «Зверинца» (1909) Хлебникова. Здесь грамматическая эллиптичность (ср.: внушали и нам и вам и ему) приобретает особое концептуальное значение в связи с категориями умолчания, воздержания. Он сам обращался в стацию. Наряду с мотивом превращения, трансформации у Введенского (трансформации в поэме «Кругом возможно Бог»; в «Куприянове и Наташе»; «превращение предмета» в «Госте на коне»; превращение отца «в детскую колясочку» в пьесе «Потец») отметим фольклорный мотив окаменения (Лотова жена, Ниобей): он цепенеет; леденеет; каменеет; превращения в столп, стацию и т. п. Прощайте темные деревья; прощайте скалы полевые — реминисценция стихотворения Пушкина «Простите, верные дубравы! Прости, беспечный мир полей» (1817). Как сладко мне входить в тебя и снова выходить. Как сладко было мне входить в себя и снова выходить. Очевидно, парафраз известнейшего высказывания Гераклита: «Гераклит говорит, что все движется и ничего не стоит, и, уподобляя суше течение реки, прибавляет, что дважды в одну и ту же реку войти невозможно» (Платон. «Кратил»). Затрубили где-то. Ср. заключительную строфу «Элегии». Когда он приотворил. Формальное начало «когда» имеет корни в русской поэзии (ср. хотя бы многочисленные зачины Пушкина), восходя к классической французской поэзии, в частности к классической французской оде. Когда он приотворил распухшие свои глаза, он глаза свои приоткрыл. На смену эллипсисам и неопределенным конструкциям здесь приходит избыточно распространенная тавтология. Тут он вспомнил, он припомнил весь миг своей смерти. Ср. воспоминания о моменте смерти в «Четырех описаниях». О «двуступенчатой эсхатологической ситуации» у Введенского см. вступ. статью, с. 28. Вся рифму... Ах Пушкин, Пушкин... Появление имени Пушкина, уже цитированного в этом произведении, в описании самого момента смерти связано с экзистенциально переживаемой судьбой поэта (ср.: бежит судьба, бежит беда). Формула «О Пушкин, Пушкин» встречается также в одном из ранних произведений Введенского (№ 2). Тут тень всеобщего отвержения <...>. Тут тень всеобщего <...>. Тут тень. В контексте произведения может быть истолковано как метаописание поясняемой в нем редукции (воздержания от суждения) — см. вступ. статью, с. 43. Все. Этой формулой оканчивались ранние — «чинарские» — произведения Хармса и Введенского.*

ДАНИИЛ ХАРМС

Хармс, опубликовавший при жизни только два своих стиха (ССст и Костер), очень педантично относился к своим рукописям, составившим колоссальный архив; он тщательно помечал дату (иногда даже час) и место написания того или иного произведения. Кроме того, в 1920-е годы Хармс готовил несколько своих сбор-

ников, к сожалению до нас не дошедших, — в том числе «Управление вещей. Стихи малодоступные», и замышлял несколько коллективных сборников с участием обзериутов (см. вступ. статью, с. 10).

Начиная с середины 1960-х годов наследие Хармса вызывает колоссальный интерес в России и на Западе, однако интерес публикаторов был прикован в первую очередь к прозе Хармса; из-за малой доступности архивов страдало и качество публикаций. Так, большое количество ст-ний, вошедших в первый сборник Хармса, подготовленный Дж. Гибианом (Даниил Хармс. Избранное. Würzburg: jal-Verlag, 1974), основываются текстологически на распространявшихся в самиздате «бродячих» списках. К сожалению, совершенно неудовлетворительным приходится признать издание (также включающее стихотворный раздел) «Полет в небеса» (Л.: «Советский писатель», 1988), составленное и подготовленное А. Александровым (рецензии: «Вопросы литературы», 1990, № 6; Литературное обозрение, 1990, № 9 и др.). В 1978 г. нами была начата публикация Собрания произведений Хармса, первые четыре книги которого представляют его поэтическое наследие (Времен: Kafka-Presse, 1978—1988). Это издание, при подготовке которого мы стремились к возможной полноте, также не лишено недостатков из-за недоступности в то время материалов, хранящихся в государственных архивах (ПД) и некоторых частных собраниях.

При подготовке настоящего издания тексты были сверены с автографами, находящимися в Отделе рукописей Российской Национальной библиотеки в Петербурге (ф. 1232), куда они были переданы Я. С. Друскиным, и в Рукописном отделе Пушкинского Дома. Местонахождение источников, хранящихся вне РНБ, оговаривается в примечаниях к соответствующим ст-ниям. Корпус стихотворных сочинений Хармса открывается первым напечатанным (в 1926 г.) ст-нием — «Случай на железной дороге». Пример более ранних сочинений, которые мы считаем экспериментальными, дан в приложении. Пунктуация в значительной мере сохраняется авторская, так же как и датировка. В тех случаях, когда дата отсутствует, произведение датируется по косвенным свидетельствам — местоположению в рукописи или записной книжке.

Объем настоящего издания не позволяет, к сожалению, опубликовать поэтическое наследие Хармса в его исчерпывающей полноте. При составлении пришлось пожертвовать рядом стихотворений, преимущественно ранних, и двумя поэмами — «Лапа» и «Гвидон».

Вопрос о завершенности тех или иных произведений Хармса часто вызывает трудности. Хармс сохранял, как сказано, все свои бумаги, включая черновики и ранние редакции, но иногда даже помеченный завершающей датой (а в ранних произведениях и словом «всё») текст откладывал для дальнейшей доработки. С другой стороны, некоторые беловые автографы Хармса остались недатированными; кроме того, Хармс оставлял иногда незачеркнутыми подвергшиеся замене варианты, а фрагменты, которые предполагал заменить, заключал в скобки и даже перечеркивал. В силу всего перечисленного, в некоторых случаях полной уверенности в том, что текст завершен, быть не может.

В настоящее собрание включено несколько и заведомо незавершенных вещей, представляющих значительный интерес и важ

ных для осмысления творчества Хармса в целом. Эти произведения также вынесены в Приложение.

31. ССт. Автограф (РНБ) — с иным делением на строфы. В ССт под фамилией автора помета: «Чинарь-взиральник». Скобки в загл. — авторские. *Палеандра*. Возможно, измененное др.-греч. полиандрион (кладбище). Ср. далее в тексте — *покойник, тело*.

32*. Автограф (РНБ). Впервые — СП-1. *Акафист* — христианское хвалебное церковное песнопение.

33*. Бел. автограф (ПД, собр. В. Н. Петрова). Черн. автограф (РНБ) с вар. и позднейшей (1928) правкой. Впервые — Избр. (неточный текст). *Алатырь* — старинный город в Чувашии. *Софокл* (ок. 496—406 до н. э.) — древнегреческий поэт-драматург. *Имя;* *имянем* — авторское написание. *В позор* — здесь в значении: «для зрелища» (*устар.*). *Келейник* — служба при монахе.

34. Бел. автограф (ПД, собр. В. Н. Петрова). Впервые — СП-1. Ср. запись на листке со ст-нием № 32: «Написать: Пророка». *Аничкин мост* — просторечное название Аничкова моста в Петербурге. *Где скакуны поводя рвут*. Речь идет о знаменитой конной группе П. Клодта на Аничковом мосту.

35*. Бел. автограф (РНБ). Копия — СГ. Оба текста с опиской: *на ногу*. Впервые — СП-1. Н. И. Харджиев сообщил, что ст-ние было вписано Хармсом под воспроизведенным во втором томе «Собрания произведений» Хлебникова (Л., 1930) карандашным портретом работы Бориса Григорьева. *Хлебников Велимир (Виктор Владимирович, 1855—1922)* — русский поэт-футурист.

36. Бел. автограф (ПД). Впервые — «Костер», под загл. «Стих Петра-Яшкина».

37*. Автограф (РНБ). Впервые — СП-1.

38*. Автограф (зап. кн. № 8). Впервые — СП-1.

39*. Автограф (ПД). Впервые — СП-1 (первонач. вар.). Черн. автограф — ПД.

40*. Автограф (зап. кн. № 8). Впервые — СП-1. *Коростель* (дергач) — птица семейства пастушковых.

41*. Бел. автограф (собр. Н. И. Харджиева). Впервые — СП-1 (первая ред.) и СП-4 (вар. окончат. текста). Черн. автограф — ПД. Копия окончат. текста — СГ. *Малевич* Казимир Северинович (1878—1935) — художник, создатель школы супрематизма в живописи. О посвящении ему — см. вступ. статью, с. 10. *Смотреть принцессу в апельсине*. Имеется в виду опера С. Прокофьева «Любовь к трем апельсинам» (1919).

42*. СГ. Впервые — ДП-65. Черн. автограф — ПД.

43. СГ. Впервые — СП-1. Эйдельман *Эрика* (1910—1937?) —

дочь известной книгоиздательницы Марии Малых, приятельница Хармса и Бахтерева, также посвятившего ей ст-ние (№ 140). Подробнее о ней см.: Блинов А. С., Пострелова Т. А. Мария Малых. Л., 1976. С. 164—168.

44. Автограф (зап. кн. № 11). Впервые — СП-1. Ранее *Заболоцкий* посвятил Хармсу ст-ние «Восстание» — см.: ЗСС. С. 378—380.

45. Автограф (зап. кн. № 11). Впервые — СП-1. Это ст-ние — едва ли не единственное однострочие Хармса.

46*. Автограф (ПД). Впервые — Избр. (неточный текст). СГ — с описками.

47. Автограф (РНБ). Впервые — СП-1.

48. Бел. автограф (собр. Н. И. Харджиева). Впервые — Избр. (неточный текст). Автограф первоначальной ред. (РНБ) и копия — СГ. Фамилии *Тюльпанов* и *Пятаков* первоначальной ред. заменены в белом автографе, посланном в «Новый Леф», на *Степанов* и *Малахов*, соответствующие реальным лицам — критику Н. Л. Степанову (1902—1972) и С. А. Малахову (1902—1973), напостовцу, писавшему погромные статьи против И. Терентьева и К. Вагинова.

49. Бел. автограф (собр. Н. И. Харджиева). Впервые — Избр. (неточный текст). Машинопись (с посвящением Тамаре Александровне Мейер) — в РНБ. *Осса* — гора в Греции, близ Олимпа, которую титаны угрожали взгромоздить на соседнюю гору Пелион, чтобы взять приступом небо; либо — персонификация молвы, вестница Зевса (греч. миф.). *Каратыгин* — один из представителей знаменитой актерской династии; здесь, вероятно, имеется в виду русский трагик В. А. Каратыгин (1802—1853). *Стоп. Михайлы* — *начали расти*. Речь идет, вероятно, о произведении Хармса «Наброски к поэме „Михайлы“» (1925). *Тамара* — Т. А. Липавская (1903—1982), урожденная Мейер, к которой обращено ст-ние (см. о ней вступ. статью, с. 20, а также примеч. к № 8 и 20). *Альдюмениум* — заумное слово по аналогии с латинским названием алюминия.

50. Автограф (зап. кн. № 14). Впервые — СП-1. Ср. позднейшее ст-ние Мандельштама «Да, я лежу в земле, губами шевеля...» (1935) со строками: «На Красной площади всего круглей земля... На Красной площади земля всего круглей». *О ночь китова!* — образ восходит к библейской Кн. пророка Ионы, гл. 2.

51. СГ. Впервые — СП-1. Тема полета, вознесения на небо — одна из сквозных тем Хармса. *Ракал* — от «ракаля» — плут, негодяй.

52*. Автограф (РНБ). Впервые — СП-1. *Она поёт ему лежит* и т. д. — ср. ст-ние Введенского «Святой и его подчиненные» и примеч. 13.

53. Автограф без даты (РНБ). Впервые — СП-1. Датируется

по местоположению в тетради Хармса. *Овца* (Овен), *Козерог* — зодиакальные созвездия. Астрологические мотивы ст-ния имеют аналогии в фольклоре.

54*. Автограф (РНБ), с ошибкой в дате: «1927». Впервые — СП-2. *Ванна Архимеда* — название неизданного сб. (см. вступ. статью, с. 15, а также: Гинзбург Л. Заболоцкий двадцатых годов // Воспоминания о Н. Заболоцком. М.; 1984. С. 145—146). Это же название было дано Хармсом другому сб., где, в отличие от первого, участвуют только поэты-обэриуты Заболоцкий, Хармс, Введенский, Олейников, а также Е. Шварц (зап. кн. № 19; оглавление составлено в октябре 1929 г.). *Формалисты* — представители формального метода в литературоведении (1910-е—1920-е гг.).

55*. Автограф без даты (РНБ). Впервые — СП-2. Датируется по местоположению в тетради Хармса.

56*. Автограф без даты (РНБ). Впервые — СП-2. Датируется по местоположению в тетради Хармса. *Академия* — здание Академии наук на Университетской наб. в Петербурге. *Гельголанд* — большой остров в юго-вост. части Северного моря. *Море Финское* — Финский залив Балтийского моря.

57. Автограф (РНБ). Впервые — СП-2. Л. Флейшман (см.: Об одном загадочном стихотворении Хармса // Stanford Slavic Studies. I. 1987. P. 247—258) установил, что ст-ние связано с введением календарной реформы — переходом на пятидневную неделю. Реформа была введена с 1 октября 1929 г., отменена 23 июля 1931 г.

58. Автограф (РНБ). Впервые — СП-2.

59*. Автограф (РНБ). Впервые — СП-2.

60. Автограф (РНБ). Впервые — СП-2.

61. Автограф без даты (РНБ). Впервые — СП-2. Датируется по местоположению в тетради Хармса.

62. Автограф (РНБ). Впервые — СП-2. Ст-ние воспроизводит с позиции гностицизма евангельский эпизод, где каждый из апостолов спрашивает Иисуса Христа, не он ли Его предаст (Мк. 14, 19). *Мост как полванта*. Вант — стальной трос, употребляемый в несущей конструкции висячих мостов. *Атлант* — статуя, поддерживающая выступающие части здания.

63*. Бел. автограф 1935 г. (РНБ). Впервые — СП-2. Два автографа 1930 г.: РНБ и Чукоккала (с. 390).

64. Автограф (РНБ). Впервые — СП-2. *Бык помнут* — т. е. помят. *Кика, Кока* — персонажи, отсылающие к раннему ст-нию Хармса «Кика и Кока» (1925 г. — ПД, ф. 491, д. 5).

65. Автограф (РНБ). Впервые — СП-2. *Полатина* — от палаты

(устар. полаты). *Штопот* — слово, контаминированное Хармсом в футуристической традиции от «шепот» и «топот».

66. Автограф (зап. кн. № 20). Впервые — СП-2. *Перфeрация* — возможно, не вполне правильное образование от лат. *perfero*: исполнять, доводить до конца, либо измененное «перфорация».

67. Автограф (РНБ). Впервые — СП-2.

68. Автограф (РНБ). Впервые — СП-2.

69*. Автограф без даты (РНБ). Впервые — СП-2. Это и следующее ст-ния датируются предположительно. Именно весной 1930 г. Хармс пишет своеобразный цикл художественно- и логико-философических произведений («Одиннадцать утверждений...» — 18 марта, «трактат» о дочери Патрулева — март, «Нéтеперь» — 29 мая и «Мыр» — 30 мая), в который входит и данное ст-ние. *Цисфинитная*. Буквально — «посюсторонне-конечная» (логика); вероятно, неологизм Хармса, образованный по аналогии с математическими понятиями «финитный» и «инфинитный», т. е. «конечный» и «бесконечный».

70*. Автограф (РНБ). Впервые — СП-2. *Цисфинитная логика* — см. примеч 69. *Вот и Вут*. Представляется аналогией к словообразовательным моделям семитских языков.

71. Автограф (РНБ). Впервые — СП-2. В этом, как и в двух предыдущих ст-нии использована философская терминология ранних трактатов Я. С. Друскина (см. его «Трактат об этом и том», «Формула Бытия» и др.).

72*. Автограф (РНБ). Впервые — СП-2. Ст-ние посвящено Эстер Русаковой, первой жене Хармса. Посвящение обозначено монограммой, образованной Хармсом из латинской транскрипции ее имени; эту монограмму Хармс называл «окном». Язык ст-ния стилизован под др.-вост. тексты, входившие в круг чтения Хармса. Ср. ст-ния «Мeсть» (№ 73), «Колесо радости жено...» (№ 97) и «На смерть Казимира Малевича» (№ 115). *Пе, тю, су, тю, дото, фы, фе* — подражания словам др.-вост. языков, выполняющие здесь функцию заумных магических слов. *Спут* — измененная форма глагола «спят». *Начала и Власти* — ангельские чины.

73*. Автограф (РНБ). Впервые — СП-2. О группе поэм, к которым примыкает произведение, см. вступ. статью. *Эф или Ка*. См. примеч. 72. *Воистину бе начало богов*. Парафраз Евангелия от Иоанна, 1, 1: «Въ началъ бѣ слово, и слово бѣ къ Богу, и Богъ бѣ слово». *Смотрите сукины писатели*. Ср. запись Хармса конца 1929 г. (зап. кн. № 19): «Я более позорной публики не знаю, чем Союз писателей. Вот кого я действительно не выношу». *Маргарита* — персонаж первой части «Фауста» Гете. *Фридрих*. Хармс ошибается: имя Фауста — Генрих. *Силы, Господства* — ангельские чины. *Хепи, тю* — см. примеч. 72. *Куф куф куф Престол гелинеф Херуф небо и земля Сераф славы Твоя*. В речи Бога имитируются слова др.-евр. и церк.-слав. языков, включающие цитату из литургии: «Престол небо и земля слава Твоя». *Престолы* — ангельский

чин. *Арон* (Аарон) — в Библии — первый ветхозаветный первосвященник, старший брат Моисея. *Олег* — вероятно, имеется в виду «вещий» Олег (?—912), первый князь Киевской Руси.

74. Автограф (РНБ). Впервые — СП-2.

75*. Автограф без даты (РНБ). Впервые -- СП-2. Датируется по записанному на том же листе ст-нию для детей «Фадеев Калдесв и Пепермалдесв...» (18 ноября 1930 г.)

76. Автограф (РНБ), расширенный вар. Впервые — СП-2. В автографе — два вар. окончания ст-ния, первый из которых оканчивается ст. 141-м. Другой автограф РНБ (вторая половина 1930-х гг.) — вар. ст. 86—101. «*Сафо*» — сорт папирос. *Канеб* — заумное имя. *Карповка* — речка на Петроградской стороне в Петербурге. *Пуришкевич* Владимир Митрофанович (1870—1920) — депутат Государственной Думы (1907—1917 гг.); министром черносотенцев Пуришкевич не был. *Голова на двух ногах*. Образ встречается в живописи голландского художника Иеронима Босха (ок. 1460—1516). *Алларих* (ок. 370—410) — вестготский король, в 410 г. захвативший Рим. *Ахерон* (греч. миф.) — река в Аиде, подземном царстве. *Эй душа колпак стихов... вижу я стихов колпак*. О метапоэтическом обэриутском слове *колпак* см. вступ. статью, с. 32. *Пи* — возможно, название буквы греческого алфавита.

77*. Бел. автограф (РНБ). Впервые — СП-2. Черн. автограф (РПБ), с вар. ст. 36—43, датированных 28 декабря, но в белой автограф не внесенных. Однако на полях окончательной ред. записано: «Внести эпизод, где Он просит Мельницу, чтобы она позволила ему поцеловать ее в бедро. Д. Х.». *Мельница* — здесь: дочь мельника — неологизм Хармса. Очевидна связь ст-ния с фольклорным балладным сюжетом, получившим распространение в немецком романтизме, о дочери мельника, обольщаемой рыцарем, князем и т. п. Сюжет обрабатывался Гете, Пушкиным, Набоковым и многими другими. Сохранился набросок января 1931 г. (РНБ), где название ст-ния обыгрывается в немецкой передаче как «Ohne Мельница» (т. е. «без мельницы»). Ср. также ст-ние № 60.

78. Автограф (РНБ). Впервые — СП-2. *Катыбр* (котыбр) — характерный прием смыслоразрушающей зауми у Хармса (ср. № 86).

79. Автограф (РНБ). Впервые — СП-2.

80*. Автограф (РНБ). Впервые — СП-3. *Импонутный* — неологизм (сдвиг) Хармса. *Шатая словарь*. «Расшатывание словаря» составляет наряду с «битвой со смыслами» одну из категорий поэтики Хармса. *Вошебный... дворник*. См. примеч. 105.

81. Автограф (зап. кн. № 21). Впервые — СП-23. В этом ст-нии впервые вводится тема «науки», которая сюжетно реализуется в следующем ст-нии («Окно») и разрабатывается в ряде других (№ 72, 90). *Печенеги* — тюркоязычные племена (VIII—XI вв.). *Они чибу, чибу... табунами*. В зап. кн. № 20 (1930) Хармс описывает, как подзывать различных животных, в том числе жеребенка («чибу-чибу»). Отсюда же — заумное слово *чибирей*.

82*. Бел. автограф 1935 г. (РНБ). Впервые — Избр. (неточный текст). Автограф первонач. ред. (зап. кн. № 21). Автограф 1931 г., с вар. (РНБ). *Окно* — один из ключевых образов Хармса (ср. № 83, 90 и др.) с широкой семантикой, от эротической до, как здесь, мистической. См. также примеч. 72.

83*. Бел. автограф. Впервые — СП-3. Автографы первой и второй (недоработанной) ред. — в РНБ. Те же персонажи — в драматическом рассказе «Охотники» (1934?) из «Случась». *Наука умеет много гитик*. Искусственная фраза из карточного фокуса с «угадыванием» задуманной карты: фраза состоит из десяти дважды повторяющихся букв. *О к н о: Я внезапно растворилось...* и т. д. Конец ст-ния воспроизводит последние строки предыдущего.

84*. Автограф (РНБ; 2-й лист — со ст. 35 — утрачен). Впервые — СП-3. *Принадлежит Н. М. Олейникову* — т. е. ему посвящено ст-ние. *Хню* — героиня ст-ний № 85 и 87, а также неоконченного рассказа «Однажды Андрей Васильевич...» (зап. кн. № 21, 1931 г.). *Там, за поворотом* — используется заключительная строка ст-ния № 81. *Никандр* — возможно, имя знакомого и в какой-то мере ученика Хармса Н. А. Тювелева. *Бутурлинский край*. Название, произведенное Хармсом от русской аристократической фамилии.

85. Автограф (зап. кн. № 21). Впервые — СП-3. Помета после даты позволяет определить ст-ние как импровизацию на музыку. *Порет Алиса Ивановна* (1902—1984) — художница, ученица Филонова, приятельница Хармса и автор воспоминаний о нем (см.: «Панорама искусств». Вып. 3. М., 1980. С. 345—359). *Юдина Мария Вениаминовна* (1899—1970) — известная пианистка, связанная дружбой со многими философами, художниками и поэтами. *Лампа* — еще один повторяющийся мотив Хармса (см., например, ст-ние 1930 г. «Я глядела на контуру...», где действует *Лампа Саши* (СП-2. С. 147—148), и ст-ние, опять-таки связанное с музыкальной темой, «Лампа о словах, подносящих укромную музыку» (СП-3. С. 31—32). *Тора* — др.-евр. название Пятикнижия Моисеева. *Доски небесных... Чисел*. Возможно, Хармс вспоминает «Доски судьбы» Хлебникова, сочинение, в котором исследуются законы пространственно-временных отношений, находящихся в связи с космическими ритмами Вселенной.

86*. Автограф (зап. кн. № 21). Впервые — СП-3. *Катыбр* — см. примеч. 78.

87*. Автограф (РНБ). Автограф ст. 1—11 (РНБ). Бел. автограф (ИРЛИ, утерян). Впервые — СП-3. *Соколов Петр Иванович* (1892—1938) — художник, друг Хармса и Н. М. Олейникова. *Летяги* — здесь: летучие мыши. *Свидригал* — неологизм от фамилии Свидригайлов, одного из персонажей романа Достоевского «Преступление и наказание» (1866). *Профессор Чебышев Пафнутий Львович* (1821—1894) — знаменитый математик, автор работ по теории чисел, известный также своими парадоксами. *Галилей Галилео* (1564—1642) — итальянский ученый, сторонник гелиоцентрической системы. *Пять обзриутов* — имеются в виду Введенский, Заболоцкий, Дойвбер Левин, Бахтерев и сам Хармс; в одном

ряду с ними в черновой редакции назван и П. Соколов. Тут мертвый лев сильнее живой собаки. Парафраз библейского: «Псу живому лучше, чем мертвому льву» (Еккл., 9, 4).

88*. Бел. автограф (РНБ). Впервые — СП-3. Черн. автограф (РНБ). *Осязание... Обоияние... Вкус* и т. д. — ср. пьесу Хлебникова «Госпожа Ленин» (1909), где пять чувств также являются действующими лицами. *Иегова* — искусственное чтение непроизносимо-го имени Бога, др.-евр. Яхве.

89*. Автограф (РНБ). Впервые — СП-3. Автограф первонач. ред. — РНБ.

90. Бел. автограф (РНБ). Впервые — СП-3. Ст-ние написано по старой орфографии, которой Хармс пользовался с июня по конец 1931 г. *Говорил Даниил с окном* — см. примеч. 82. *Тким... драми... дхания*. Редукция гласных в этом квази-магическом тексте стилизована под церк.-слав. графику.

91. Автограф (РНБ). Впервые — СП-3. *Филонов* Павел Николаевич (1883—1941) — русский художник, основатель аналитической школы живописи. Хармс был связан с Филоновым через его учеников. *Я всё обдумал, взвесил, пересчитал и перемножил* — вольный парафраз библейских слов: «Мене, мене, текед, упарсин...» (Дан., 5, 25—28).

92. Автограф без даты (РНБ). Впервые — СП-3. Датируется по местоположению в тетради Хармса. Одна из хармсовских пародийных басен (ср. ст-ние 1930 г. «Виталист и Иван Стручков» — СП-2. С. 86). *Кондратьев*. Возможно, Хармс использует фамилию художника Павла Михайловича Кондратьева (1902—1985), одного из учеников Филонова.

93. Автограф без даты (РНБ). Впервые — СП-3. Датируется по местоположению в тетради Хармса. *Тамара* — Т. А. Липавская (см. примеч. 49).

94*. Автограф (зап. кн. № 25). Впервые — СП-3.

95. Автограф (РНБ). Впервые — Избр. (неточный текст).

96. Бел. автограф (собр. Л. С. Друскиной). Впервые — СП-3. Автограф, как и другие тексты, сочиненные в июле 1933 г., представляет собой каллиграмму.

97. Автограф (РНБ). Впервые — СП-3. Датируется по тем же особенностям рукописи, что и предыдущее: см. примеч. 72 и 73. *Растворить окно* — см. примеч. 90 и 115.

98*. Автограф (РНБ). Впервые — СП-3. *Кондратьев* — см. примеч. 92.

99. Автограф без даты (РНБ). Впервые — Транспонанс. Дата уточняется по черновому автографу, записанному на одном листе со ст-ниями № 98 и «Мчится немец меж домами...» (второе закончено 22 августа). *О. Л. С.* — «Огонь любит свободу»: расшифровка Хармса на отдельном листке, приложенном к беловому автографу.

100*. Автограф без даты. Впервые — Избр. (неточный текст). Датируется по местоположению в тетради Хармса.

101. Автограф (РНБ). Впервые — Транспонанс. Набросок (первые две строки) — в зап. кн. № 26.

102. Автограф (РНБ). Впервые — «Аврора». 1973, № 3 (неточный текст).

103*. Беловой автограф 1935 г. (РНБ). Впервые — ДП-65. Другие автографы (все в РНБ): первоначальная ред. в письме к Н. И. Колюбакиной от 21 сентября 1933 г.; вторая ред. — в собр. рукописей, помеченных «Стихи с 12 авг. по 28 сент.»; окончательная ред. — в письме к К. В. Пугачевой от 9 октября 1933 г. Первоначальный набросок ст-ния — в зап. кн. № 28. Копия окончательной ред. — список Н. И. Харджиева. В названных выше письмах содержится автокомментарий к ст-нию: «Я считаю, что в них (стихах. — *Ред.*) есть стройность и тот грустный тон, каким человек говорит о непонятном ему предназначении человека в мире» (Н. И. Колюбакиной); «подруга довольно страшного вида, с кругами на лице и лопнувшим глазом. Я не знаю, кто она. Может быть, как это ни смешно в наше время, это Муза. <...> „Подруга“ не похожа на мои обычные стихи...» (К. В. Пугачевой).

104. Автограф (РНБ). Впервые — Избр. (неточный текст). Ст-ние, возможно, является позднейшей переработкой одного из фрагментов не дошедшего до нас первого акта «Комедии города Петербурга» (см. № 258), а вероятнее всего — своеобразным воспоминанием о ней. *Вальтазар* — Хармс наделяет слугу именем вавилонского царя (Кн. пророка Дан., 5). *Стасов* Владимир Васильевич (1824—1906) — критик и историк искусства; Хармсу, возможно, было известно, что Стасов жил в том же доме № 11 по Надеждинской улице, что и он. *Шлафрок* — домашний халат.

105. Автограф (РНБ). Впервые — СП-4. *Дворник с черными усами* — один из зловещих персонажей поэзии и прозы Хармса (ср. № 80). Дворники издавна состояли в тесной связи с полицией и обычно присутствовали при обысках и арестах.

106. Автограф (РНБ). Впервые — СП-4. Подпись: *Дандан*, как в большинстве произведений сентября—октября 1934 г.

107. Автограф (РНБ). Впервые — СП-4. Ср. ст-нис М. Кузмина «Пришел издалека жених и друг...» (1908).

108. Автограф (РНБ). Впервые — СП-4. *И на лбу твоём выскоком* — ср. конец ст-ния «Подруга» (№ 103).

109. Автограф (РНБ). Впервые — Транспонанс.

110. Автограф (РНБ). Впервые — ВЛ. 1987, № 8.

111. Автограф (РНБ). Впервые — Избр. (неточный текст).

112*. Бел. автограф (РНБ). Впервые — Избр. Другие автографы (РНБ): автограф окончательной ред., с вар.; белой и черновой автографы первоначальной ред. *Кондуктор чисел*. Хармс имеет в виду занятия Олейникова математикой — теорией чисел. *Дружбы злой наследишник* — Олейников был известен своим остро- и злоязычием. Л. Пантелеев вспоминает фразу Е. Шварца: «Мой лучший друг и закадычный враг Николай Макарович Олейников» (см.: «Мы знали Евгения Шварца». Л.; М., 1966. С. 50). Ср. также эпиграмму Маршака:

Берегись
Николая Олейникова,
Чей девиз —
Никогда не жалея никого!

(ДП-64. С. 155). В других редакциях ст-ния (см.) упоминаются «поклонник Баха» — Я. С. Друскин и сам Хармс, предпочитающий Моцарта; Олейников, уроженец станицы Каменской на Северном Донце, назван здесь «донских степей казак».

113. Автограф (РНБ). Впервые — Транспонанс. *Лук-пырей* — постоянно употребляемое Хармсом написание (вместо правильного «порей»).

114. Автограф (РНБ). Впервые — СП-4.

115*. Бел. автограф (воспроизведен в кн.: Andersen T. Malevich. Amsterdam, 1970. P. 16), подписанный «Даниил Хармс-Шардам». Перепечатано — Избр. (неточный текст). Бел. и черн. автографы первоначальной ред. — в РНБ. Н. И. Харджиев сообщил в беседе с составителями, что ст-ние «Послание к Николаю» было переслано в его присутствии «Казимиру», переписано, а затем прочитано Хармсом на квартире умершего Малевича, где еще стоял гроб художника. О Казимире Малевиче см. примеч. 40. См. также примеч. 72. *Растворю окно на своей башке!* — ср.: *Во лбу окно стыдливо растворилось* (№ 87).

116. Автограф (РНБ). Впервые — СП-4. Это и следующее ст-ние обращены к М. В. Малич, второй жене Хармса; *Фефюлинька* (*Фефюля*) — домашнее имя, данное ей Хармсом.

117. Автограф (РНБ). Впервые — СП-4. *Фефюля* — см. примеч. 116.

118*. Автограф (РНБ). Впервые — Транспонанс. *Толстой упал... в ночном горшке*. Ср. отрывок из рассказа «Судьба жены профессора», написанного двумя днями позже: «Идет она и спит. И видит сон, будто идет к ней навстречу Лев Толстой и в руках ночной горшок держит. Она его спрашивает: „Что же это такое?“ А он показывает ей пальцем на горшок и говорит: „Вот, — говорит, — тут я кое-что наделал и теперь несу всему свету показывать. Пусть, — говорит, — все смотрят!“» («Russica-81»: Лит. сборник. New York, 1982. С. 355).

119*. Автограф (РНБ). Впервые — «Грани». 1971, № 81 (неточный текст, среди произведений, произвольно объединенных составителем в цикл и озаглавленный «Сюита»). Автограф находится в так называемой «Голубой тетради» (РНБ) — собрании рассуждений, рассказов, ст-ний и дневниковых записей. Каждая запись имеет здесь порядковый номер; данное ст-ние стоит под номером 12.

120 Автограф (РНБ, «Голубая тетрадь», № 13). Впервые — «Грани». 1971, № 81 (неточный текст, в том же цикле).

121. Автограф (РНБ, «Голубая тетрадь», № 14). Впервые — «Грани». 1971, № 81 (неточный текст, в том же цикле).

122. Автограф (РНБ, «Голубая тетрадь», № 15). Впервые — «Грани». 1971, № 81 (неточный текст, в том же цикле).

123*. Автограф (РНБ). Впервые — Транспонанс. Автограф первоначальной ред. (там же), опубликован: ВЛ. 1987, № 8. Обе ред. подписаны: Чармс.

124. Автограф (РНБ). Впервые — Избр. (неточный текст). На обороте листа запись Хармса, своеобразный автокомментарий к ст-нию: «Сиюю опять на веранде и смотрю на деревья, но уже нет в душе той радости, которая была несколько лет тому назад. Моя душа слишком загрязнена. Лень и вялость наполнили душу мою. Не хочу даже больше писать об этом».

125. Автограф (РНБ). Впервые — МК. 1978, 30 июня. *Бергсон* Анри (1859—1941) — французский философ, создатель школы интуитивизма.

126*. Автограф (РНБ). Впервые — Избр. (неточный текст).

НИКОЛАЙ ЗАБОЛОЦКИЙ

В отличие от Хармса и Введенского, Заболоцкий активно печатался при жизни. К собственно обэриутскому периоду его творчества относятся сборник «Столбцы» (1929) и не увидевшая света книга «Стихотворения 1926—1932». Первый из них, изданный небольшим тиражом (1200 экз.) Изд-вом писателей в Ленинграде, не прошел незамеченным, вызвав интерес у любителей поэзии (см., напр.: Степанов Н. [Рец.] // «Звезда». 1929, № 3) и ругань официальной критики («На лит. посту». 1929, № 15; «Печать и революция». 1930, № 4; «Стройка». 1930, № 1). Полностью перепечатан в изданиях: Заболоцкий Н. Стихотворения / Под общей ред. Г. П. Струве и Г. А. Филиппова. Inter-Language Literary Associates, 1965; ЗСС. Корректурa второй книги (1933), сохранившаяся в архиве поэта, воспроизведена в сборнике: Заболоцкий Н. Вешних дней лаборатория. М.: Молодая гвардия, 1987. Хотя в поздние годы Заболоцкий перерабатывал свои стихи, включив их в свод 1958 г., который лежит в основе всех последующих изданий, мы, вслед за составителем ВДЛ, сыном поэта Н. Н. Заболоцким, считаем оправданным и в нашем издании поэтов-обэриутов при-

вести подлинные тексты Заболоцкого того времени, подготовленные им для книжных изданий. Это представляется тем более мотивированным, что после 1933 г. Заболоцкий все более отходит от обэриутской поэтики.

Ввиду того что на протяжении последних десятилетий стихи Заболоцкого переиздавались множество раз, мы ограничились включением лишь тринадцати его стихотворений в основной раздел; еще одно — шуточное письмо Д. Хармсу — приводится в Приложении (там же дается написанная Заболоцким глава «Поэзия обэриутов» из программной статьи «ОБЭРИУ», 1928). Все они, за вычетом позднего поэтического обращения к соратникам по ОБЭРИУ («Прощание с друзьями», 1952), относятся к обэриутскому периоду Заболоцкого. Поскольку по крайней мере четыре издания Заболоцкого снабжены подробным текстологическим аппаратом, мы воздержались от приведения других редакций и вариантов его ст-ний.

127. Столбцы. Печ. по ВДЛ.

128. Столбцы. Печ. по ВДЛ. *Паникадило* — висячий или стоячий церковный канделябр на 12 и более свечей. *Свечка-пятерик* — церковная свеча весом 1/5 фунта (около 80 г.).

129. Столбцы. Печ. по ВДЛ.

130. «Лен. правда». 1928. Лит. приложение. № 2. *Поприщин* — герой повести Н. В. Гоголя «Записки сумасшедшего» (1834), считавший себя *Фердинандом*, королем испанским. *Крылатка* — широкое пальто, плащ с пелериной. *Севиля* — см. прим. 13. *Меджи* — собачка дочери директора департамента, начальника Поприщина.

131. БП. *Будда* — см. примеч. 14.

132. Зв. 1929, № 2. Датируется по БП. *Сытный* (правильно: Сытный) *рынок* — рынок на Петроградской стороне в Петербурге.

133. БП. Ср. одноименное ст-ние Хармса, посвященное Малевичу (№ 40), и ст-ние Введенского «Снег лежит» (№ 12).

134. Зв. 1933, № 2/3. *Кекуок* — танец американских негров, популярный в начале века. *Гамадрилы* — обезьяны, род павианов.

135. «Тарусские страницы». Калуга, 1961. Печ. по ВДЛ. *Саваоф* — в Библии одно из имен, заменяющих произносимое имя Бога.

136. «Лит. Грузия». 1962, № 6. Ср. ст-ния №16 и 17.

137. «Лит. Грузия». 1962, № 6. Печ. по ВДЛ. *Монблан* — одна из самых высоких в Европе вершин (4807 м), расположенная в Зап. Альпах. *Силлогизм* — форма дедуктивного умозаключения, выводимого из двух посылок; пример классического силлогизма: «Все люди смертны. Иван — человек. Следовательно, Иван смертен».

138. БП. Е. В. Заболоцкая и Л. Шубина комментируют, ссылаясь на слова из письма Липавского («Заболоцкий, Хармс, Олейников и я решили встречаться каждое воскресенье». — См.: Воспоминания о Н. Заболоцком. М., 1984. С. 52): «Эти встречи Липавский называл „Клубом малограмотных ученых“». В ст-нии шутливо изображено заседание «клуба». Вероятно, *Ираклий* — Олейников, *Тихон* — Липавский, *Лев* — Хармс, *Фома* — Заболоцкий» (ЗСС. С. 608). «Византийская» окраска имен соответствует сюжету произведения — своеобразному «пиру», на котором решается проблема времени. *Андромеда* — созвездие Сев. полушария. *Конь* — созвездие, выдуманное Заболоцким.

139. «День поэзии». М., 1956. Ст-ние обращено к друзьям-обэриутам — А. Введенскому, Д. Хармсу, Н. Олейникову. *Синклит* — собрание.

ИГОРЬ БАХТЕРЕВ

Бел. автографы всех произведений Бахтерева предоставлены автором специально для настоящего издания.

140. Автограф (АБ). Посвящение — *Эрике Эйдельман*, которой посвящено также ст-ние Хармса «Жизнь человека на ветру» (№ 42, см. примеч.).

141. Автограф (АБ). Впервые — «Искусство Ленинграда». 1990, № 2. По сообщению автора в беседе с составителями, первоначальное название «Натюрморт» было заменено по предложению Хармса; произведение использовалось в спектакле «Моя мама вся в часах», ставившемся на театре «Радикс» (см. вступ. статью, с. 8). *Па ге ге* — от *pas de deux* (франц. па-дс-де). *Поль де пух... пель де пик... поль де нэр* — образования от имени Поля де Кока (1793—1871), популярного в России XIX в. французского писателя. *Меер веер* — *кольд и гольд* — обыгрывание фамилии Мейерхольда (1874—1940); ср. ниже: *всеволод потогенез*. *Потогенез* — от *патогенез* (развитие болезни). *Гиндук* — Гос. институт художественной культуры в Ленинграде (1923—1926).

142. Автограф (АБ). Ст-ние читалось автором во время поэтической части вечера «Три левых часа» в Доме печати (см. вступ. статью, с. 14). Посвящение — семье Георгия Николаевича *Кацмана* (р. 1908), сокурсника И. В. Бахтерева по Институту истории искусств, режиссера театра «Радикс» (см. вступ. статью, с. 8). *Шуми-шуми богов стихия*. Реминисценция строки Пушкина «Шуми, шуми, послушное ветрило» из ст-ния «Погасло дневное светило» (1829). *Заканчиваю элегию. Там — на своей телеге я*. Строки в переназначенном виде взяты Введенским эпиграфом к его «Элегии» — см. № 29.

143. Автограф (АБ).

144. Автограф (АБ). *Соляной городок* — квартал на берегу реки Фонтанки в Петербурге, где в XVIII в. занимались переработкой и продажей соли. *Капельдинер* — служащий театра или концертного

зала, билетер. *Капельмейстер* — первоначально дирижер хоровой или инструментальной капеллы, впоследствии и военного оркестра. *Аничкин мост*. См. примеч. 34. *1934 и далее*. Автор указывает, что ст-ние в дальнейшем перерабатывалось.

145. Автограф (АБ). *Екатерина II Алексеевна (1729—1796)* — российская императрица. *Зимняя канавка* — канал в Петербурге, соединяющий Мойку с Невой.

146. Автограф (АБ). Впервые — «Родник» (Рига). 1987, № 12.

147. Автограф (АБ). Впервые — Soviet Union / Union Soviétique. 1976, № 5 (2). *Петр Соколов* — см. примеч. 87. *Малевич* — см. примеч. 40. Описание художника и его живописи могло быть навеяно его «крестьянскими» холстами. *Юдин, Эндер и Стерлигов*. Речь идет об *Эндере* Борисе Владимировиче (1893—1960), *Юдине* Льве Александровиче (1903—1941) и *Стерлигове* Владимире Васильевиче (1904—1973) — художниках, сотрудничавших в 1920-е гг. в ГИНХУКе. Оба последних — ученики Малевича; Эндер — ученик Матюшина.

148. Автограф (АБ).

149. Автограф (АБ). Впервые — «Искусство Ленинграда», 1990, № 2. Первоначальное название ст-ния — «Аракчеев». *Аракчеев* Алексей Андреевич (1769—1834) — граф, временщик при Александре I, объект пушкинских эпиграмм. *Я вижу Минкиной конец. Убийца точит... стальной тесак*. Речь идет о Настасье Федоровне Минкиной, домоправительнице графа Аракчеева в Грузии, на реке Волхов, авантюристке, ставшей его любовницей. Сама крестьянка, Минкина проявляла садистскую жестокость по отношению к дворовым и крестьянам и была в 1825 г. зарезана одним из них. *Аналой* — подставка для богослужебных книг и икон. *Граф, девке преданный без лести*. «Без лести предан» — девиз в гербе Аракчеева.

150. Автограф (АБ). *Там вольный челн по воле волн* — цитата из оперы Планкета «Корневильские колокола» (1877). *Диана* (рим. миф.) — богиня охоты, то же, что греч. Артемида. *Ках-чай* — напиток, распространенный в Средней Азии: чай с добавлением масла и соли. *Д. Х. — посвящаяю*. Посвящение Д. Хармсу, необычным образом поставленное под ст-нием, связано с тем, что тот предложил дописать «Опасное путешествие», первоначально более короткое.

151. Автограф (АБ). *Психея* (греч. миф.) — супруга Эроса (Амура); в лит. традиции — олицетворение души.

152. Автограф (АБ).

НИКОЛАЙ ОЛЕЙНИКОВ

При жизни Николая Олейникова под его именем была опубликована единственная подборка стихов: «Тридцать дней». 1934,

№ 10. Известно также, что ряд стихов был опубликован анонимно в детских журналах. Однако с полной достоверностью его авторство устанавливается лишь для одного четверостишия («Еж», 1928, № 11):

Кто я такой?
Вопрос нелепый.
Я — верховой
Макар Свирепый.

После смерти поэта его стихи неоднократно печатались в ленинградском «Дне поэзии» и различных периодических изданиях. Нескольким стихотворениям Н. Олейникова приведено в книге «Мы знали Евгения Шварца» (Л.; М., 1966), в альманахе К. Чуковского «Чукоккала» (М., 1979), в воспоминаниях И. Рахтанова «Рассказы по памяти» (М., 1966).

Отдельными — посмертными — изданиями к настоящему времени вышло пять сборников стихов Николая Олейникова: «Стихотворения» / Сост. Л. Флейшман. Времен: «Kafka-Presse», 1975 (ротационное издание); «Иронические стихи» / Сост. Л. Лосев. Нью-Йорк: «Серебряный век», 1982; «Перемена фамилии» / Сост. В. М. Глоцер «Правда», 1988 (Б-ка «Крокодила»); «Я муху безумно любил» / Сост. В. М. Глоцер. «Прометей», 1990; «Пучина страстей» / Сост. А. Л. Олейников. «Сов. писатель», 1991.

Перечисленные выше зарубежные сборники составлены по неизвестным спискам, имеющим, скорее всего, самиздатское происхождение (множество таких списков ходило по стране в 1940—1970-е гг.), и содержат многочисленные неточности и искажения авторского текста. Наиболее полным изданием стихотворных произведений Олейникова является последнее из названных отечественных.

При выборе источника текста предпочтение отдавалось, как правило, архивным материалам, поскольку в большинстве посмертных публикаций имеются различного рода неточности. В качестве источников текста были использованы: собрание автографов Н. Олейникова, хранящееся в Рукописном отделе Института русской литературы Российской АН (Пушкинский Дом) (Р. 1, оп. № 150); сохраненные вдовой поэта Л. А. Олейниковой копии автографов (подлинники погибли в годы репрессий), представляющие наиболее позднюю авторскую редакцию текстов; а также хранящиеся в Пушкинском Доме машинописные копии под общим названием «Олейников Николай Макарович. Стихотворения. Авторизованная машинопись» (Р. 1, оп. 21, № 151), переданные туда Я. С. Друскиным. Следует, однако, отметить, что авторскую правку содержат только первые 6 листов этого собрания. Остальные 19 листов, принятые к хранению под № 151, представляют собой два списка. Они напечатаны на бумаге иных форматов и не имеют следов авторской правки. Этот материал, обозначаемый в дальнейшем как «Машинопись-1» (или -2) используется в качестве вспомогательного.

В представленную подборку вошли произведения из числа тех, которые Н. Олейников предполагал включить в свой поэтический сборник. В отличие от авторской композиции, стихотворения размещены в хронологической последовательности; датировка осуще-

ствляется, как правило, по автографам, в отдельных случаях — по косвенным сведениям. Опечатки исправлены.

153*. ЛА. Впервые — ВЛ. 1963, № 3. В Машинописи-2 с ошибочной датой: 1929. Датируется по свидетельству Л. А. Олейниковой о том, что ст-ние было вручено Е. Л. Шварцу в день его тридцатилетия (21 октября 1926 г.).

154*. ЛА. Впервые — С (др. ред.). *Болдырева Н. С.* (род. в 1906 г.) — редактор детского отделения Госиздата в Ленинграде.

155*. ЛА. Впервые — ВЛ. 1963, № 3.

156*. ЛА. Впервые — ЛГ. 1968, 17 июля. По свидетельству Л. А. Олейниковой, ст-ние имело продолжение, впоследствии снятое автором.

157*. ЛА. Впервые — С. Левитина *Генриетта Давыдовна* (1903—1961) — секретарь редакции журналов «Еж» и «Чиж». *Индей*. Некий инспектор записывал со слов Е. Л. Шварца его биографические данные. На вопрос о национальности Шварц ответил: «Иудей». Инспектор записал: индей.

158. ЛА. Впервые — ЛГ. 1968, 17 июля. По свидетельству Л. А. Олейниковой, было первоначально посвящено Евгении Берж, машинистке Госиздата. *Ремингтон* — марка пишущей машинки.

159*. ЛА, без даты. Впервые — ВЛ. 1987, № 1. Датируется по Машинописи-2. *Глебова Татьяна Николаевна* (1900—1985) — художник, иллюстратор детской литературы, ученица П. Н. Филонова.

160. ТД. 1934, № 10. По сведениям Л. А. Олейниковой, ст-ние написано не позднее 1932 г.

161*. ТД. 1934, № 10. Датируется по АПД. *Тимпан* — древний ударный музыкальный инструмент; литавры.

162. АПД (бел. автограф). Впервые — Н. 1981, № 10.

163. ЛА. Впервые — ЛГ. 1968, 17 июля.

164. АПД (бел. автограф). Впервые — ДП-64.

165—166. АПД (бел. автограф). Впервые — ДП-64.

167. ЛА. Впервые — ВЛ. 1969, № 3. *Лиза* — Долуханова Елизавета Исаевна, жена художника В. В. Дмитриева; репрессирована в 1937 г.

168*. ЛА. Впервые — ВЛ. 1969, № 3.

169*. ЛА, без даты. Впервые — ВЛ. 1970, № 7. Датируется по АПД. *Лиза* — см. примеч. 167.

170*. АПД (авторизованная машинопись). Впервые — С. Датируется по ЛА. ЦЧО — Центральная Черноземная область.

171*. АПД (бел. автограф). Впервые — С. Левин Генрих Зиновьевич (1903—1971) — художник-график, художественный редактор журналов «Еж» и «Чиж». *Шурочка* — Любарская Александра Иосифовна (род. в 1908 г.) — редактор детской литературы.

172. ЛА. Впервые — ВЛ. 1987, № 1. *Генрих* — см. примеч. 171. *Бонвиван* (франц. — bon vivant) — прожигатель жизни.

173*. АПД (бел. автограф). Впервые — ЛГ. 1970, 11 нояб. Фрейденберг *Ольга Михайловна* (1890—1958) — филолог-классик, кузина Б. Л. Пастернака. *На голове моей орлы гнезда не вили*. Ср. у Тютчева в цикле «Наполеон» (1850): «В его голове — орлы парили». *Клеврет* — верноподданный, готовый на все для своего властителя.

174*. ЛА. Впервые — С. Датируется по АПД, где указана точная дата. *Шура Любарская* — см. примеч. 171. *Муха с красными глазами* — дрозофила, объект генетических экспериментов.

175*. АПД (бел. автограф). Впервые — С.

176. АПД (бел. автограф). Впервые — Н. 1981, № 10.

177. ЛА. Впервые — С. По свидетельству Л. А. Олейниковой, было адресовано Лидии Корнеевне Чуковской.

178. ЛА, без даты. Впервые — ЛР. 1983, 2 дек. Датируется по ЛР. Композитор Н. В. Богословский сопроводил свою публикацию этого стихотворения в ЛР следующим воспоминанием: «Как-то раз, в 1933 году, мы поздним летним вечером возвращались от Д. Хармса. Была теплая белая ночь, спать не хотелось, и я пригласил Олейникова зайти ко мне. И с этим удивительным собеседником мы проговорили до утра (думаю, что эта беседа для меня была значительно интересней, чем для него). На прощание Николай Макарович подарил мне тут же, экспромтом написанное шуточное стихотворение. Я бережно хранил его много лет, но при моем переезде в Москву перед войной часть моего архива осталась в Ленинграде и пропала в блокадные дни. Однако эти стихи я помню до сих пор». *Расстанная* — улица на периферии центральной части Петербурга. *Мошков переулок* — соединяет Дворцовую набережную в Петербурге с набережной реки Мойки. От Расстанной до Мошкова — около семи километров.

179*. АПД (бел. автограф). Впервые — ЛГ. 1968, № 1.

180. АПД (бел. автограф). Впервые — ВЛ. 1960, № 3.

181. ЛА. Впервые — С. Т. Г. Г. — Габбе Тамара Григорьевна (1903—1960) — редактор, драматург, критик; друг и соратник С. Я. Маршак.

182*. ТД. 1934, № 10.

183*. ЛА. Впервые — С. *Начальник*. Имеется в виду Г. З. Левин (см. примеч. 171), который занимал в журналах «Еж» и «Чиж» должность заведующего художественной частью. Ст-ние написано по случаю рождения его дочери, Майи Левиной.

184*. ЛА. Впервые — ДП-66. Импульсом для создания ст-ния явилось обнаруженное женой автора, Л. А. Олейниковой, объявление в газете о том, что «Иван Петрович Гнида меняет имя на Владимир». С *последним коротким сигналом*. Московская радиостанция имени Коминтерна несколько раз в сутки давала в эфир сигналы проверки времени: два длинных и один короткий.

185*. ЛА. Впервые — ДП-66. Эпиграф — реминисценция первой строфы басни капитана Лебядкина — персонажа романа Ф. М. Достоевского «Бесы» (1871—1872). Ср. также с «Фантастической высказкой» (1833) И. П. Мятлева:

Таракан
Как в стакан
Попадет —
Пропадет,
На стекло
Тяжело
Не всползет.
Так и я...

Вивисекторы — естествоиспытатели, практикующие вивисекцию (живосечение) — вскрытие живого существа для изучения его внутренних органов в действии. *Лекпом* — помощник лекаря. «*Тройка удалая*» — распространенное искажение слов народной песни «Вот мчится тройка почтовая...». *Его глазки голубые*. С. Полянина отмечает: «Может быть, не случайно глаза у таракана голубые, т. е. цвета, типичного для русских, главных объектов социального эксперимента». (см.: Две заметки о поэзии Олейникова // «Neue Russische Literatur», 1979—1980, № 2—3. S. 229).

186. ЛА. Впервые — МК. 1967, 14 апр.

187*. ЛА. Впервые — ВЛ. 1963, № 3.

188. ЛА. Впервые — Ю. 1988, № 1. *Мидяне* — народы Мидии, древней страны, располагавшейся в западной части Иранского нагорья. *Мних* — монах. *Древляне* — др.-слав. племена, населявшие район Приднепровья.

КОНСТАНТИН ВАГИНОВ

Как и Заболоцкий, Вагинов, в отличие от Введенского, Хармса и Олейникова, много печатался при жизни: в 1921, 1926 и 1931 гг. вышли три книги его ст-ний, а многие ст-ния из неизданных книг «Петербургские ночи» и «Звукоподобие» были опубликованы в периодике. Публикации Вагинова не проходили незамеченными — о них (большой частью благожелательно) писали Г. Адамович, Б. Бухштаб, В. Брюсов, Д. Выгодский, И. Груздев, М. Кузмин,

И. Оксенов, Н. Оцуп, А. Рашковская, Вс. Рождественский, И. Садофьев, В. Ходасевич и другие, а также (с «напостовских» позиций) А. Манфред, Р. Мессер и С. Малахов.

С 1935 по 1967 г. имя Вагинова в отечественной печати почти не встречается; положение стало меняться только в 1980-е гг. В 1982 г. в Мюнхене вышло «Собрание стихотворений» Вагинова, а в 1991 г. изд-во «Книга» выпустило факсимильное переиздание книги «Опыты соединения слов посредством ритма».

Из примерно двухсот ст-ний Вагинова для настоящего издания выбраны практически все, относящиеся ко времени его участия в группе ОБЭРИУ и предшествующих ей объединений, а также несколько ст-ний 1922—1925 гг., концептуально важных для творческого пути поэта.

Ст-ния 1922—1929 гг. расположены в хронологическом порядке (ст-ния 1926 и 1927 гг., датированные автором только годом, даются в порядке их расположения в итоговой книге Вагинова «Опыты...», также построенной по хронологическому принципу). Ст-ния 1930—1934 гг., составившие посмертный сборник «Звукоподобие», в большинстве не датированные и датировке не поддающиеся, печатаются в том порядке, в каком они расположены в машинописи сборника.

Ст-ния 1922—1929 гг. печатаются по текстам первых прижизненных публикаций, совпадающим с последующими перепечатками; ст-ния 1930—1934 гг. — по машинописи книги «Звукоподобие». Отдельные опечатки, а также цензурная купюра в ст-нии «О, сколько лет я превращался в эхо...» (№ 195, см. примеч.) устраняются по автографам и авториз. спискам.

189*. АФ.-.-Опыты. Автографы, с вар. — ПД, Изборник и ПН. *Книги разодраны, лампа лежит на полу.* Речь идет об одном из обысков в доме родителей Вагинова в 1917—1918 гг. *Я в толпе сермяжного войска.* В 1918 г. Вагинов был мобилизован в Красную Армию. *В Польшу налет — и перелет на Восток.* Вагинов участвовал в военных действиях на польском фронте и за Уралом (см. биографическую справку). *Стаи белых людей лошадей грызут при луне* — воспоминание о голоде начала 1920-х гг. Ср. запись в «Петербургских дневниках» Зинаиды Гиппиус: «На Николаевской улице вчера оказалась редкость: павшая лошадь. Люди, конечно, бросились к ней. Один из публики, наиболее энергичный, устроил очередь» (Гиппиус З. Н. Живые лица. Тбилиси, 1991. Кн. 1. С. 216).

190. Альм. «Петербургское Объединение Обновленного Искусства». (Пб.), 1922, № 1.

191. А-1. Противопоставление язычества и христианства как культуры и цивилизации — характерный мотив раннего творчества Вагинова. Подробно авторская концепция выражена в его повести «Монастырь Господа нашего Аполлона», опубликованной в этой же кн. А (см. также КП). *Финская дорога.* Имеется в виду побережье Финского залива, шире — Петроград и его окрестности. *Виффлем* — город в Иудее, место рождения Христа. *Орфей* — см. примеч. 7. *Аполлон* (греч. миф.) — бог солнечного света, гармонии и музыки, покровитель Муз. *Оптинская пустынь* — монастырь в Ка-

лужской губ., Козельский уезд, основанный в XIV в. бывшим разбойником Оптою (в монашестве — Макарий). *Нектарий* (в миру Н. В. Тихонов, 1856—1928) — последний настоятель Оптиной Пустыни.

192*. ЖИ. 1924, № 1.-АФ.-Опыты. Автографы — собр. И. М. Наппельбаум и альб. А. Н. Рашковской (частн. собр.). Авториз. список — Тетр. Ст-ние дало повод критику С. А. Малахову назвать Вагинова «соловьем уходящего времени» (см.: Зв. 1931, № 9). *Селена* (греч. миф.) — богиня Луны.

193*. Л. 1925, № 13.-АФ.-Опыты. Авториз. список — Тетр.

194*. Л. 1924, № 23.-АФ.-Опыты. Авториз. список — Тетр.

195* Авториз. список (Тетр.). Впервые — АФ, с цензурным изъятием ст. 11—12.

196*. Авториз. список (Тетр.). Печатается впервые.

197. Авториз. список (Тетр.). Впервые — СС (неточный текст).

198*. «Костер». Одновременно — Зв. 1927, № 4 (только ст. 1—8). Автографы — РНБ и СЛ. *Тептёлкин* — имя одного из персонажей ст-ния № 222, драматической поэмы о Филострате (№ 225), а также романа «Козлиная песнь». По устным воспоминаниям современников, фамилия Тептёлкин была изобретена литературоведом Л. В. Пумпянским (1891—1940), который обозначал ею «всемирного пошляка». Любопытно, что в «Козлиной песни» Тептёлкину приданы некоторые внешние черты самого Пумпянского. *Феникс* (греч. миф.) — вечно живущая птица, раз в 500 лет сжигающая себя на костре и воскресающая из пепла вновь юной. Для Вагинова Феникс — символ вечно возрождающейся поэзии (см. ст-ния № 208 и 209).

199*. «Ковш».-Опыты. Автографы — ПД и РНБ. Авториз. список — КБ.

200*. Опыты. Автограф — РНБ. Авториз. список — КБ. *Прокна... Филомела*. По греч. миф. Прокна — дочь афинского царя Пандиона, жена Терей. Терей, изнасиловав сестру Прокны Филомелу, отрезал ей язык, но Филомела выткала на одежде рассказ о случившемся. Мстя за сестру, Прокна убила своего сына Итиса и накормила его мясом Терей. Терей пытался убить обеих сестер, но Зевс обратил Прокну в соловья, Филомелу — в ласточку, а Терей — в удода. Этот сюжет изложен в «Метаморфозах» Овидия, возможном источнике ст-ния. В цитированной в биографической справке автобиографии 1923 г. Вагинов назвал «Метаморфозы» — наряду с «Цветаеми зла» Бодлера и рассказами Э. По — одной из любимых книг своей юности.

201. «Ковш».-Опыты.

202*. ССт.-Опыты. Авториз. список — КБ.

203*. «Костер».-Опыты. Автограф — СЛ, авториз. список — КБ.

204*. Опыты. Автограф — РНБ, авториз. список — КБ. *Эвридика* (греч. миф.) — жена Орфея, умершая от укуса змеи. Чтобы вернуть Эвридику, Орфей безуспешно спустился за ней в Аид.

205*. Зв. 1927, № 4.- Опыты. *Психея* (греч. миф.) — жена бога любви Эроса; олицетворение души. *Спит замок Литовский*. Речь идет о здании, построенном на Офицерской ул. (ныне ул. Декабристов) архитектором И. Е. Старовым в 1798—1799 гг. и получившем название от разместившегося в нем Литовского мушкетерского полка. С 1826 г. — городская тюрьма. В феврале 1917 г. Литовский замок сгорел. *Канал проплывает и вьется*. Имеется в виду Екатерининский канал (ныне канал Грибоедова), где в доме № 105 жил Вагинов. *Психея на дальнем конце*. Речь идет о так называемом «Доме-сказке», построенном на Английском проспекте (ныне пр. Маклина) в 1909 г. архитектором А. А. Бернардацци. По фасаду дом был украшен майоликой, один из сюжетов которой был посвящен Психее. *Где тоже канал проплывает* — точнее, река Пряжка.

206*. Опыты. Авториз. список первоначальной ред. — КБ. Публикации первоначальной ред.: *Равноденствие*. М., 1989, № 3; *Русская мысль*. Париж, 1991, 28 июня (Лит. приложение. № 12).

207*. Опыты. Автограф — РНБ. *Идололатрия* (точнее — идолатрия, греч.) — идолопоклонство. *Эвридика* — см. примеч. 204. *Ахеронт* (Ахерон) — см. примеч. 76.

208*. 31 рука. Л.; М., 1927.- Опыты. Черн. автограф — Тетр. *Феникс* — см. примеч. 198. *Психея* — см. примеч. 205.

209*. Черн. автограф (Тетр.). Впервые — СС (неточный текст). Ст-ние выделено Вагиновым в самостоятельное из начала первоначальной ред. ст-ния № 208 (см. «Другие редакции и варианты»).

210*. ССт.- Опыты. Авториз. список — КБ, по которому исправляется опечатка в ст. 2. *Книговращалища... словохранилище* — неологизмы Вагинова. *Ни О, ни А* — ср. ст-ние № 190.

211*. Зв. 1928, № 7.- Опыты.

212*. Опыты. Черн. автограф ранней ред. — РНБ. Ст-ние обращено к философу и литературоведу М. М. Бахтину (1895—1975), с которым Вагинов дружил. *Психея* — см. примеч. 205. *Пактол* — река в Лидии, древнем государстве в Малой Азии. *Сарды* — главный город Лидии, царская резиденция.

213. «Костер».- Ларь.- Опыты. Автографы — РНБ. и Тетр. Авториз. список — СТН. *Эллинисты*. Ст-ние обращено к филологам-классикам А. В. Болдыреву, А. И. Доватуре, А. Н. Егунову и А. М. Миханкову, с которыми Вагинова связывали дружеские отношения.

214*. «Звезда». Авториз. список — КБ. В Опытах ст-нию предшествуют ст. 1—11 драматической поэмы о Филострате (см. № 225 и примеч. к нему). *Пред вознесенской Клеопатрой* — речь

идет об уличной женщине с Вознесенского проспекта; имя египетской царицы Клеопатры употреблено иронически, так как Вознесенский проспект был известен как центр дешевой проституции.

215*. Ларь.- -Опыты. Автограф — СЛ. Авториз. список — КБ. *Орфей... Фракийские глаза*. Орфей (см. примеч. 7) был уроженцем Фракии. *Гипербореи* (греч. миф.) — народ, живущий на Крайнем Севере и принадлежащий, наряду с эфиопами, к любимцам богов.

216*. Зв. 1927, № 4.- -Ларь.- -Опыты. Автографы — РНБ, СЛ и СТН. Авториз. список — КБ. Опечатка в ст. 1 исправляется по автографам. *И не бездна вверху, И не бездна внизу* — аллюзия на символистскую теорию двух бездн, разработанную в статьях писателя и теоретика символизма Д. С. Мережковского (1866—1941).

217*. «Костер».- -Опыты. Автографы — РНБ и СЛ. Авториз. списки — КБ и СТН. Сохранено авторское написание слова *ослизлым* в ст. 14, к которому в автографе СЛ дана сноска: «К выпущено, так как слово *ослизлый* бытует в определенной социальной среде <и> разрушило бы ткань стихотворения».

218. Авториз. список (КБ). Впервые — Родник (Рига). 1989, № 6.

219*. Авториз. список (КБ). Впервые — Родник (Рига). 1989, № 6. Ст. 10—11 уточнены (в оригинале — неверная разбивка на строки).

220. Авториз. список (КБ). Впервые — Родник (Рига). 1989, № 6. *К скале прикованный* — речь идет о Прометее, по греч. миф. похитившем у Зевса огонь и принесшем его людям. Прометей также научил людей различным ремеслам и искусствам. В наказание Прометей был прикован в Колхиде к скале, где орел, посланный Зевсом, много лет ежедневно выклевывал ему печень, пока не был убит Гераклом.

221*. Зв. 1927, № 8.- -Опыты. Авториз. машинопись — СТН. *Трюкизм* — неологизм Вагинова: контаминация слов «трюк» и «трюизм».

222*. Авториз. список (СТН). Впервые — СС (неточный текст). Автограф сокращенной ред. в собр. А. И. Вагиновой (ПД). Ст-ние использовано Вагиновым во второй ред. романа «Козлиная песнь» (см.: КП. С. 128) как сочинение Неизвестного поэта, alter ego автора. *Психея* — см. примеч. 205. *Философ* (в «Козлиной песни» — «философ с пушистыми усами» Андрей Иванович Андриевский) — имеется в виду М. М. Бахтин (см. примеч. 212). *Превращаемся в чертей*. Ср. в «Козлиной песни»: «Победители всегда чернят побежденных и превращают <...> в чертей. Так было во все времена, так будет и с нами» (КП. С. 57). Ср. также мысль Неизвестного поэта о том, что произошла смена религий, «что большевизм огромен, что создалось положение, подобное первым векам христианства» (там же. С. 27). *Тептёлкин* — см. примеч. 198. *Филострат*. Здесь, как и в «Козлиной песни», — собирательный образ блестящего юноши, придворного писателя, служащий в некотором смысле

идеалом для Тептёлкина и Неизвестного поэта. Воображаемый Неизвестным поэтом Филострат отчасти соотносится с реальным лицом, Флавием Филостратом Страшим (II—III вв.), автором «Жизнеописания Аполлония Тианского». Может быть, Вагинов имел в виду и юношу Филострата, персонажа «Комедии о Евдокии из Гелиополя, или Обращенной куртизанки» (1907) М. Кузмина.

223. Автограф (собр. А. И. Вагиновой, ПД). Впервые — КП. С. 143.

224. Автограф (собр. А. И. Вагиновой, ПД). Впервые — КП. С. 145. Это и предыдущее ст-ния написаны Вагиновым для второй ред. романа «Козлиная песнь» как сочинения Неизвестного поэта. *Филострат* — см. примеч. 222. *Фильтр* (франц. *philtre*) — приворотный напиток, колдовское зелье.

225*. Авториз. машинопись (СТН). Впервые — Опыты (ст. 1—11, в виде вступления к ст-нию № 214 — см. примеч.). Отрывки — Альманах библиофила. Вып. 4. М., 1977 Впервые полностью — СС (неточный текст). Копия — Звук., где поэма составляет первый раздел сборника, снабженный колонтитулом-датой «1925», ошибочно принятым сост. СС за загл. Копия имеет несколько опечаток, в частности пропущена одна реплика и одна ремарка. Поэма служит связующим звеном между ранней прозой Вагинова «Звезда Вифлсема» (А-2 и КП), в которой впервые появляется Филострат, и романом «Козлиная песнь» (Л, 1928 и КП), один из героев которого носит фамилию Тептёлкин. См также ст-ния № 198 и 222 и примеч. к ним. Проблема гибели искусства в тоталитарном обществе, поставленная в поэме, впервые в творчестве Вагинова появляется в метапоэтической повести «Монастырь Господа нашего Аполлона» (А-1 и КП). *Филострат* — см. примеч. 222. Здесь, однако, Филострат — скорее будущий Неизвестный поэт «Козлиной песни». *Вакх* (Дионис — греч. миф.) — бог вина, виноделия и празднеств. *Тептёлкин* — см. примеч. 198. *Несёт «Бесов»*. Речь идет о романе (1871—1872) Ф. М. Достоевского. *Не на Шпрее, не на Сене* — то есть не в Берлине и не в Париже, иначе говоря — не в эмиграции. *Феникс* — см. примеч. 198. *Люцифер* — буквально «светоносец» (лат.); здесь — назв. «утренней звезды» (планеты *Венера* — устар.). *Психея* — см. примеч. 205. *На приапические толпы* — то есть телесно-чувственные (от имени Приапа — в греч. миф. бога плодородия и сладострастия). *Рынок замолкает...* и т. д. Прообразом рынка Вагинову послужил Александровский рынок на Вознесенском проспекте, между Садовой ул. и наб. реки Фонтанки, где в начале 1920-х гг. по смешотворно низким ценам распродавались старинные книги и антиквариат. Александровский рынок неоднократно описывается в романах Вагинова. *Вот «Ночи» Юнга*. Имеется в виду поэма английского поэта-сентименталиста Э. Юнга (1683—1705) «Жалобы, или Ночные думы». *Помпеи* — античный город, погибший в 79 г. при извержении Везувия. *Пальмира* — древний город в оазисе Сирийской пустыни. *Вавилон* — древний город в Месопотамии, столица Вавилонии, позже — Халдеи. *Аттические ночи* — книга римского писателя Авла Геллия (130—180), составленная им из отрывков и изложений произведений различных античных авторов. *Клавдиан* Клавдий — римский поэт IV в. *Гамлет* — герой одноименной тра-

гедии (1601) У. Шекспира. *Алкамен* — греч. скульптор второй половины V в. до н.э. *Антаблемент* — один из элементов классического архитектурного ордера: верхняя часть сооружения, лежащая на колоннах или на стенах. *Верба* — вербный базар, устраивавшийся в Вербное воскресенье, шестое воскресенье Вербного Поста, где помимо прочего продавались ветки вербы, символизирующие масличные ветви, которыми народ устилал дорогу, приветствуя Христа при Его въезде в Иерусалим. *Летит московский раскидай...* и т. д. Ср. ст-ние Фредерики Наппельбаум «Когда московский раскидай...» из ее кн. «Стихи» (Л., 1926. С. 33). *Советы — это наша Русь*. Тептёлкин излагает сменовеховскую идею о Советах как исконно русской, допетровской форме правления. *Стонали, точно жены, струны — Ты в черных нас не обращай; Есть в статуях вина очарованье, Высокой осени пьянящие плоды*. Эти строки Вагинов цитирует в романе «Козлиная песнь» как отрывки из поэмы Неизвестного поэта; там же Неизвестный поэт пересказывает поэму: «<...> в городе свирепствует метафизическая чума; синьоры избирают греческие имена и уходят в замок. Там они проводят время в изучении наук, в музыке, в созидании поэтических, живописных и скульптурных произведений. Но они знают, что они осуждены, что готовится последний штурм замка. Синьоры знают, что им не победить; они спускаются в подземелье, складывают в нем свои лучезарные изображения для будущих поколений и выходят на верную гибель, на осмеяние, на бесславную смерть, ибо иной смерти для них сейчас не существует» (КП. С. 58). *Повесился над Данта песнью пятой*. В пятой песни «Ада» рассказана история любви Паоло и Франчески; ср. смерть Джексона в пушкинском «Пире во время чумы» (1830). *Геллеспонт* — др.-греч. название пролива Дарданеллы. *Ахеронт* — см. примеч. 76. *Юпитер* (римск. миф.) — верховное божество римского пантеона, греч. — Зевс. *Меркурий* (римск. миф.) — бог торговли (греч. — Гермес). *Венера* (римск. миф.) — богиня любви (греч. — Афродита). *Аполлон* — см. примеч. 191. *Одни идут гордо и <...>* — лакуна в тексте.

ЗВУКОПОДОБИЕ

226. Звук. Впервые — «Звезда».

227. Звук. Впервые — Ап (неточный текст). *Он с каждым годом уменьшался*. Здесь, как в подавляющем большинстве ст-ний, вошедших в Звук., Вагинов пишет о себе в третьем лице. *Петрарка Франческо* (1304—1374) — итальянский поэт, один из первых европейских гуманистов. «*Фауст*» (1808—1832) — трагедия Гете. *Им-мортели (франц.)* — цветки бессмертника, сохраняющие, высушая, форму и цвет. *И мемуаров рой*. Ср. рассуждения Свистонова, разбирающего в романе «Труды и дни Свистонова» свою библиотеку: «Прежде всего он занялся мемуарами. Мемуарам он отвел три полки. Но ведь к мемуарам можно причислить и произведения некоторых великих писателей: Данте, Петрарки, Гоголя, Достоевского, — все ведь это в конечном счете мемуары, так сказать, мемуары духовного опыта. Но ведь сюда же идут произведения основателей религий, путешественников... и не является ли вся физика, география, история, философия в историческом разрезе

одним огромным мемуаром человечества!» (КП. С. 239). *Орфей* — см. примеч. 7.

228. Звук. Впервые — Ап (неточный текст). *Вода... Летейская!* — вода Леты (греч. миф.), «реки забвения» в Аиде, подземном царстве мертвых.

229—230. Звук. Впервые — Ап.

231* Звук. Впервые — «Звезда».

232. Звук. Впервые — Ап.

233*. Звук. Впервые — «Звезда».

234. Звук. Впервые — Ап (неточный текст). *Милый друг*. Возможно, имеется в виду Филострат: ср. ст-ние № 222 и примеч. к нему.

235. Звук. Впервые — Ап. *Психея* — см. примеч. 205.

236. Звук. Впервые — Ап (неточный текст). *Сирены* (греч. миф.) — полуженщины-полуптицы, увлекающие волшебным пением мореходов, а затем убивающие их.

237*. Звук. Впервые — Зв. 1933, № 1. Автограф в альб. О. Н. Арбениной-Гильдебрандт (частн. собр.). Копия — список А. И. Вагиновой. *Психея* — см. примеч. 205.

238*. Звук. Впервые — Зв. 1933, № 1. *Перед судилищем поэтов... я стоял*. Неизвестный поэт в «Козлиной песни» также оказывается в своих видениях на Страшном суде перед поэтами — Данте, Гоголем, Ювеналом, Горацием и Персием (см.: КП. С. 73).

239*. Звук. Впервые — Зв. 1933, № 1. Копия — список А. И. Вагиновой.

240*. Звук. Впервые — Ап (неточный текст). Авториз. машинопись — СТН. *Сперва Madame за ним ходила, Потом Monsieur ее сменил* — цитата из «Евгения Онегина». *Психея* — см. примеч. 205. *Амур* — лат. имя *Эроса* (см. примеч. 205). *Вакханки* (греч. миф.) — спутники бога вина и виноделия Вакха (Диониса), участницы вакханалий — празднований в его честь. *Ах, я пьяна, совсем пьяна!* — слова из арии Перикола, героини одноименной оперетты (1868) Ж. Оффенбаха.

241. Звук. Впервые — Ап. Авториз. машинопись — СТН. *Гостинный* — имеется в виду Гостинный двор, торговый центр в Петербурге (построен в 1761—1785 гг. архитекторами Растрелли и Валлен-Деламотом).

242. Звук. Впервые — Ап. Авториз. машинопись — СТН. *Гарлем* — негритянский квартал Нью-Йорка.

243. Звук. Впервые — Ап (в виде окончания ст-ния № 241). *Психея* — см. примеч. 205.

— 244. Звук. Впервые — Ап. *Нарцисс* (греч. миф.) — сын речного бога Кефиса, влюбившийся в свое отражение и умерший от этой неразделенной любви. Был превращен в цветок. Теме встречи с самим собой посвящено еще одно ст-ние Вагинова — «Слова из пепла слепок...» (Опыты. С. 54—55).

245. Звук. Впервые — Ап.

246. Звук. Впервые — Ап (неточный текст). Ср. ст-ние № 244 и примеч. к нему.

247. Звук. Впервые — Ап.

248*. Звук. Впервые — Ап (неточный текст). Автограф — СТН (в наст. время — в частн. собр.). *Кентавры* (греч. миф.) — полулюди-полукони, спутники Вакха (см. примеч. 25 и 240); обладали диким нравом и пристрастием к вину. В ст-нии, возможно, имеется в виду ученый кентавр Хирон, наставник Ахилла и друг Геракла. *Зачем ты флейту взял.* Вероятно, Вагинов вспоминает картину нем. художника Франца фон Штука (1863—1928) «Kentaurengiit» («Танцующий кентавр», 1906), изображающую кентавра, играющего на флейте. Репродукция этой картины была опубликована в журн. «Die Kunst» (1913, October), хорошо известном в России.

249. Звук. Впервые — Лит. современник. 1934, № 11.

250. Звук. Впервые — ДП-67. Копия — список А. И. Вагиновой. Известен отзыв Мандельштама об этом ст-нии, приведенный С. Б. Рудаковым в письме жене из воронежской ссылки (8 апреля 1935 г.): «Читал Осипу Эмильевичу Вагинова, он страшно протестовал против него, кроме последнего стихотворения (про ветер, снег и умиранье соловья), которое ему чрезвычайно понравилось: „Вот это настоящие по с м е р т н ы е стихи“» (см.: Герштейн Э. Г. Новое о Мандельштаме. Paris, 1986. С. 215). *Мушмула* — кустарник с грушевидными плодами. *Веллингтония* — то же, что секвойя, вечнозеленое хвойное дерево, одно из самых высоких и долговечных. *Элизиум* (греч. миф.) — Поля блаженных (ср.: «острова блаженных» — ст-ние № 215) в загробном мире, где обитают праведники.

251*. Звук. Впервые — Ап. Авториз. машинопись — СТН.

252. Звук. Впервые — Ап (неточный текст).

253. Звук. Впервые — Лит. современник. 1934, № 11. В СС — уточнение даты: «Декабрь 1933. Ялта». Копия — список А. И. Вагиновой с ее позднейшим примеч. к ст. 3: «*И, точно призраки...* Ст-ние это написано в туберкулезном санатории, где кругом были тяжело больные. А. В.». *Слушали Кармен.* Имеется в виду популярнейшая ария Кармен из одноименной оперы (1874) Ж. Бизе.

254. Звук. Впервые — Ап. В Ап и СС — неверная дата: «Февраль 1934» (возможно, дата записи ст-ния). Копия (с правильной датой) — список А. И. Вагиновой (СТН). *В аду прекрасное селенье.*

Имеется в виду туберкулезный санаторий в Крыму, где Вагинов находился до первых чисел января 1934 г.

255. Звук. Впервые — Лит. современник. 1934, № 11. Копия — список А. И. Вагиновой (СТН). Это ст-ние — последнее произведение Вагинова (если не считать еще одного ст-ния «на случай», написанного по настоянию Н. С. Тихонова примерно в это же время, — см.: СС. С. 106).

П Р И Л О Ж Е Н И Я

АЛЕКСАНДР ВВЕДЕНСКИЙ

256. Авториз. машинопись (РНБ). Впервые — ПСС-2. С. 195—197. Поскольку ст-ние явно ориентировано на классические футуристические образцы, сохраняем все особенности как авторской графики, так и орфографии, исправляя лишь явные опечатки. Последнее слово ст. 18, пострадавшей на сгибе, читается предположительно. К. С. — возможно, Введенский приводит инициалы Малевича (см. примеч. 40). *Царица КСИРА* — вероятно, парафраз арии Демона из одноименной оперы (1871) А. Г. Рубинштейна: «И будешь ты царицей мира». *Ф голое зало* — фонетическое письмо в манере Ильязда (И. М. Зданевича, 1894—1975); ср. ниже: *пувуноф* (= певунов?). *ИКРАЙБЕЛЫ ХНОК* — т. е. воробьи «улетели в ТИБЕТ и коай белых ног». Ср. выше: *ТАКУШТО* (так уж что), *АТТОТТЫ* (а то ты), *АОННА* (а он на).

ДАНИИЛ ХАРМС

257*. Бел. автограф (ПД, ф. 491, д. 5). Впервые — Wiener Slawistischer Almanach. Bd. 27, 1991. S. 190—193. Впервые — СП-1 и СП-4 (по черн. автографу). Черн. автограф без ст. 1—30 — в зап. кн. № 4 (РНБ). В этой же зап. кн. запись Хармса: «Если от незаумной поэзии можно требовать национальность, то от зауми тем более». Титул тетради, содержащей бел. автограф: «Даниил Хармс. 1925. Направление ВЗИРЬ ЗАУМИ» (ср. поместу «чинарь-взиральник», сопровождающую подпись Хармса в его первой публикации, — см. примеч. 31). *Живет на Конюшенной*. На Большой Конюшенной жила Э. А. Русакова, будущая жена Хармса (см. примеч. 77). *Валяша* — форма III лица, ед. ч. прош. времени от глагола «валать» (старослав.). *Чепрак* — нарядная попона на лошади. *Валамова ослица* — в библейской кн. Чисел (22, 21—34) есть рассказ об ослице жреца Валаама, которой Господь «отверз уста», чтобы она могла обратить его внимание на Ангела Господня, которого она видела, а ее хозяин — нет. *Шерамур* (от фр. *cher amour*) — здесь: «милый». *Малажится* — здесь, вероятно: «пугается», «сбивается» (Даль). *Тоже сапоги*. В бел. автографе примеч. Хармса: «Рефрен „Тоже сапоги“ звучит одним тоном. Прочеркнутое место — речитатив» (имеются в виду строки *даже пальму строить надо* и т. д.). *Каббала* — средневековое мистическое учение в рамках иудаизма. *Вырица* — дачный поселок близ Гатчины под Петербургом. *Кикать* — ср. ст-ния № 33 и «Полька Затылки» (ПД, ф. 491).

Минотавр (греч. миф.) — чудовище с головой быка, обитавшее в Лабиринте на о. Крит. *Апостола... Патмос*. Речь идет об о. Патмос в Эгейском море, где апостол Иоанн написал «Откровение Иоанна Богослова», составляющее последнюю книгу Нового Завета.

258. Черн. автограф (РНБ). Впервые — СП-1. «Комедия...» дошла до нас в неполном виде — сохранились только 2-я и 3-я ее части. 2-я часть состоит из трех действий (последнее помечено в рукописи как *Третий акт*, первое — не обозначено, а второе заканчивается двумя *планами*); 2-я и 3-я части разделены *Интермедией*. 1-я часть «Комедии...», до нас не дошедшая, была закончена в ноябре 1926 г. (см. запись Хармса в его зап. кн. № 8). Беловая рукопись всей «Комедии...», завершенная в 1931 г., находилась у Заболоцкого и, вероятно, погибла в 1938 г. при его аресте. Большая часть персонажей «Комедии...» восходит к историческим личностям или персонажам литературным. *Петр* (Петр Великий) — см. примеч. 144. *Памятник бездушный и скакун*. Имеется в виду «Медный всадник» — памятник Петру Первому работы Фальконе, открытый в 1782 г. на Сенатской площади в Петербурге. *Бисмарк Отто фон Шёнхаузен* (1815—1898) — политический и государственный деятель Германии. *Наполеон* (Наполеон Бонапарт, 1769—1821) — франц. император в 1804—1815 гг. *Фамусов* — персонаж комедии Грибоедова «Горе от ума» (1822—1824). *Морская* (Большая Морская) — улица в Санкт-Петербурге, где были расположены ювелирные магазины, в частности Фаберже. *Князь Мещерский* — может быть, имеется в виду Владимир Петрович Мещерский (1839—1914), издатель «Гражданина»; скорее всего, однако, здесь — распространенная аристократическая фамилия. *Обернибесов* — имя, по-видимому, заимствовано из повести «Неуемный бубен» (1909) А. М. Ремизова, одного из любимых писателей Хармса. *Монблан* — см. примеч. 137. *Элероны* — подвижные части самолетных крыльев, служащие для управления креном. *Сарыч (устар.)* — коршун. *Ирмосы* — песнопения, входящие в канон утрени. *Шафран* — растительная краска темно-оранжевого цвета. *I — I*. Ритмические знаки, которые Хармс употребляет также в пьесе «Елизавета Бам» (декабрь 1927). *Николай Николаевич*, Младший (1856—1926) — великий князь, главнокомандующий русской армией в 1914—1915 гг. и короткое время в момент отречения Николая II в 1917 г. *Летербург* — контаминация слов «Лета» (см. примеч. 228), «ветер» и «Петербург».

259*. Автограф (РНБ). Впервые — СП-2. Загл. — измененное ударением название поэмы Хлебникова (1921). *Перекладина креста*. В этом же, 1930, году Хармс планировал написать «вещь» под названием «Перекладина», имея в виду перекладину креста, «на котором был распят Христос» (РНБ). Это же название встречается еще раз в перечне задуманных произведений (май 1931 г., РНБ).

260*. Автограф (РНБ). Впервые — СП-3. *Николай Макарович* — Олейников. *Соколов* — см. примеч. 87. *Заболоцкий... Сковороды*. Украинский философ Григорий Саввич Сковорода (1722—1794) упоминается в ст-нии Заболоцкого «Вчера, о смерти размышляя» (ЗСС. С. 11). *Скалдин* Алексей Дмитриевич (1885—1943) — поэт и прозаик, автор романа «Странствия и приключения Никодима стар-

шего» (Пг., 1917); в 1910-е гг. сотрудничал в изд-ве «Оры»; умер в ссылке. *Эстер* — см. примеч. 72.

261. Автограф (РНБ). Впервые — СП-3.

262*. Автограф (РНБ). Впервые — СП-2 с неверной датой. О «Дон Жуане» Хармс писал 10 августа 1932 г. из курской ссылки А. И. Пантелееву: «Сейчас пишу большую вещь под названием „Дон-Жуан“. Пока написан только пролог и кусок первой части. Тем, что написано, я не очень доволен. Зато написал два трактата о числах. Ими доволен вполне» (см.: «Михаил Кузмин и русская культура XX века». Л., 1990. С. 130). См. также примеч. 73.

263*. Автограф (РНБ). Впервые — СП-4. *Стоял тут некогда собор, а ныне вежа*. Имеется в виду обезглавленный в 1930-е гг. собор Иоанна Предтечи в Царском Селе (Пушкине), где писалось ст-ние.

264*. Бел. автограф (РНБ). Впервые — СП-4. Черн. автограф — РНБ.

НИКОЛАЙ ЗАБОЛОЦКИЙ

265. Автограф (собр. Т. А. Липавской; в наст. время в собр. семьи Заболоцкого). Впервые — ПСС-2. Ст-ние представляет собой шуточное послание Д. И. Хармсу. *Вон паровоз бежит за Ропшей*. Ропша — дачное место близ Петергофа. *Дева Там; Тамара Алексанна* — Тамара Александровна Мейер, в то время жена Введенского. *Вы не Горфункеля сыны*. Горфункель — вымышленный персонаж, один из центральных персонажей театра «Радикс» (см.: «Воспоминания о Н. Заболоцком». М., 1977. С. 57—58 и 78—79). *Данило... Данька* — Даниил Хармс. *Саишка... Шурка* — Александр Введенский. *Наутро там нашли три трупа. Лука...* — цитата из рукописной поэмы (первая половина XIX в.), приписываемой И. С. Баркову. *Солдат прислушит свой курок... солдатское убрав белье*. Заболоцкий вспоминает свое недавнее прохождение военной службы. *Кепка* — Кепи (Кеппи), собачка Хармса. *Стихотворный совет в рамке*. Стихотворная часть постскриптума заключена автором в рамку. *Игорь* — Бахтерев. *Папиросы не забудь!* Последняя строка обращена к Введенскому, постоянно теряющему свои папиросы.

266. Афиши Дома Печати. (Л.), 1928, № 2. Автограф не сохранился. Текст представляет собой вторую главку статьи «ОБЭРИУ»; всего в статье четыре главки: «Общественное лицо ОБЭРИУ», «Поэзия ОБЭРИУТОВ», «На путях к новому кино» и «Театр ОБЭРИУ». Первые две главки написаны Заболоцким, третья — А. В. Разумовским, четвертая — Дойвбером (Борисом Михайловичем) Левиным (1904—1942) и Бахтеревым. См. также вступ. статью, с. 13, «Воспоминания о Н. Заболоцком» (М., 1977. С. 86—88) и ЗСС (с. 643—644).

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

1. С. 210. Автограф ст-ния А. Введенского «Приглашение меня подумать». (РНБ).

2. С. 231. Последняя записка (из тюрьмы) А. Введенского Харьков, 1941.

3. С. 244. Обложка книги К. Малевича «Бог не скинут» (1922) с дарственной надписью автора Д. Хармсу.

4. С. 322. Автограф ст-ния Д. Хармса «Ноты вижу...» (собр. Л. С. Друскиной).

5. С. 337. Автограф ст-ния Д. Хармса «Олейникову» (РНБ).

6—21. Между с. 352 и 353.

Костя (слева) и Алеша Вагенгеймы. Санкт-Петербург, начало 1910-х гг. (ПД, собр. А. И. Вагиновой).

А. Введенский-гимназист. Петроград, 1921 (фрагмент групповой фотографии; собр. М. Б. Мейлаха).

К. Вагинов среди ленинградских писателей. Ленинград, 1924. Фотография М. С. Наппельбаума (собр. И. М. Наппельбаум).

Д. Хармс. Ленинград, 1925 (ЦГАЛИ СПб.).

И. Бахтерев. Ленинград, конец 1920-х гг. (собр. И. В. Бахтерева).

К. Вагинов. Ленинград, 1929(?). Фотография М. С. Наппельбаума (собр. Л. М. Наппельбаум).

Н. Заболоцкий. Ленинград, 1920-е гг. Шарж Д. И. Хармса (собр. семьи Н. А. Заболоцкого).

Пригласительный билет на театрализованный вечер обэриутов «Три левых часа». 24 января 1928 г. (собр. В. И. Эрля).

Афиша вечера «Три левых часа» в Доме печати (собр. И. С. Цимбал).

Н. Олейников. Ленинград, 1931 (собр. семьи Н. М. Олейникова).

Н. Заболоцкий. Ленинград, начало 1930-х гг. (ЦГАЛИ СПб.).

Н. Олейников. Ленинград, начало 1930-х гг. Портрет (рисунок) Г. М. Неменовой (Музей истории Санкт-Петербурга).

Д. Хармс. Ленинград, середина 1930-х гг. (альманах «Аполлонь-77»).

А. Введенский. Харьков, 1941. Фотография из следственного дела (Архив КГБ).

Д. Хармс. Ленинград, 1941. Фотография из следственного дела («Театр». 1991, № 11).

И. Бахтерев. Ленинград, 24 октября 1987 г. Выступление в Ленинградском государственном музее театрального и музыкального искусства. Фотография В. А. Немтинова (собр. И. В. Бахтерева).

22. С. 474. Автограф стихов К. Вагинова «Кентаврами восходят...» (собр. Н. С. Тихонова и М. К. Неслуховской).

ИЗДАНИЕ ПЕРВОЕ

10	Введение	10
11	Содержание	11
12	Список сокращений	12
13	Список сокращений	13
14	Список сокращений	14
15	Список сокращений	15
16	Список сокращений	16
17	Список сокращений	17
18	Список сокращений	18
19	Список сокращений	19
20	Список сокращений	20
21	Список сокращений	21
22	Список сокращений	22
23	Список сокращений	23
24	Список сокращений	24
25	Список сокращений	25
26	Список сокращений	26
27	Список сокращений	27
28	Список сокращений	28
29	Список сокращений	29
30	Список сокращений	30
31	Список сокращений	31
32	Список сокращений	32
33	Список сокращений	33
34	Список сокращений	34
35	Список сокращений	35
36	Список сокращений	36
37	Список сокращений	37
38	Список сокращений	38
39	Список сокращений	39
40	Список сокращений	40
41	Список сокращений	41
42	Список сокращений	42
43	Список сокращений	43
44	Список сокращений	44
45	Список сокращений	45
46	Список сокращений	46
47	Список сокращений	47
48	Список сокращений	48
49	Список сокращений	49
50	Список сокращений	50
51	Список сокращений	51
52	Список сокращений	52
53	Список сокращений	53
54	Список сокращений	54
55	Список сокращений	55
56	Список сокращений	56
57	Список сокращений	57
58	Список сокращений	58
59	Список сокращений	59
60	Список сокращений	60
61	Список сокращений	61
62	Список сокращений	62
63	Список сокращений	63
64	Список сокращений	64
65	Список сокращений	65
66	Список сокращений	66
67	Список сокращений	67
68	Список сокращений	68
69	Список сокращений	69
70	Список сокращений	70
71	Список сокращений	71
72	Список сокращений	72
73	Список сокращений	73
74	Список сокращений	74
75	Список сокращений	75
76	Список сокращений	76
77	Список сокращений	77
78	Список сокращений	78
79	Список сокращений	79
80	Список сокращений	80
81	Список сокращений	81
82	Список сокращений	82
83	Список сокращений	83
84	Список сокращений	84
85	Список сокращений	85
86	Список сокращений	86
87	Список сокращений	87
88	Список сокращений	88
89	Список сокращений	89
90	Список сокращений	90
91	Список сокращений	91
92	Список сокращений	92
93	Список сокращений	93
94	Список сокращений	94
95	Список сокращений	95
96	Список сокращений	96
97	Список сокращений	97
98	Список сокращений	98
99	Список сокращений	99
100	Список сокращений	100

СОДЕРЖАНИЕ

«Я испытывал олово на огне и на стуже...» <i>Вступительная статья М. Б. Мейлаха...</i>	5
--	---

СТИХОТВОРЕНИЯ

АЛЕКСАНДР ВВЕДЕНСКИЙ

<i>Вступительная заметка</i>	61
1. Начало поэмы	62
2. Минин И Пожарский	64
3. Седьмое стихотворение	88
4. На смерть теософки	91
5. Ответ богов	93
6. Всё	97
7. Большой который стал волной	100
8. Пять или шесть	104
9. Две птички, горе, лев и ночь	112
10. Зеркало и музыкант	116
11. «человек веселый Франц...»	120
12. «снег лежит...»	123
13. Святой и его подчиненные	125
14. Факт, теория и Бог	131
15. Битва	135
16. Значенье моря	138
17. Кончина моря	140
18. Суд ушел	144
19. Кругом возможно Бог	147
20. Куприянов и Наташа	180
21. Мир	186
22. Гость на коне	189
23. Четыре описания	191
24. Очевидец и крыса	201
25. Приглашение меня подумать	209
26. «Мне жалко что я не зверь...»	212
27. Сутки	214

28.	Потец	219
29.	Элегия	227
30.	<Где. Когда>	229

ДАНИИЛ ХАРМС

<i>Вступительная заметка</i>		234
31.	(Случай на железной дороге)	235
32.	«В репей закутанная лошадь...»	236
33.	Конец героя	237
34.	Пророк с Аничкина моста	239
35.	Виктору Владимировичу Хлебникову	240
36.	Стих Петра-Яшкина-Коммуниста	240
37.	«Берег правый международный...»	241
38.	Дочь Сокольского	242
39.	Пожар	245
40.	«В смешную ванну падал друг...»	246
41.	Искушение	246
42.	Серенада	249
43.	Жизнь человека на ветру	250
44.	В гостях у Заболоцкого	253
45.	«плачь мясорубка вскачь...»	254
46.	Фокусы	254
47.	Мама Няма аманя	255
48.	Падение с моста	256
49.	Осса	257
50.	«Чтоб шар уселся у Кремля...»	259
51.	Полет в небеса	259
52.	«До того ли что в раю...»	261
53.	Овца	262
54.	Ванна Архимеда	263
55.	«Все все все деревья пиф...»	264
56.	«Нева течет вдоль Академии...»	265
57.	I разрушение	266
58.	«Соловей, скатываясь в ящик...»	267
59.	«Одинокий Бедуин, глядя на летящий песок...»	267
60.	«Жил мельник...»	268
61.	«Всё наступает наконец...»	269
62.	Злое собрание неверных	269
63.	Утро (<i>Пробуждение элементов</i>)	269
64.	Ужин	270
65.	«Вам поверить...»	271
66.	Перфорация	272
67.	Скавка	273
68.	«Пришла весна...»	273
69.	Звонить — лететь (<i>Третья цисфинитная логика</i>)	273
70.	Третья цисфинитная логика бесконечного небытия	275
71.	Нетеперь	275
72.	Вечерняя песнь к имением моим существующей	276
73.	Месть	278
74.	«Лоб изменялся...»	286

75. «Пантелей сказал: пупу...»	287
76. [Разговоры за самоваром]	287
77. Он и мельница	293
78. «Ряд вопросов пронёсился...»	295
79. «Человек устроен из трех частей...»	296
80. Андор	297
81. «А ну-ка покажи мне руку...»	298
82. Окно	299
83. Окнов и Козлов	301
84. Вода и Хню	303
85. Хню — друг лампы	306
86. Выбор дней	309
87. Хню	309
88. От знаков миг	313
89. «Я знаю почему дороги...»	317
90. «На сиянии дня месяца июня...»	317
91. «Скажу тебе по совести...»	318
92. «Однажды господин Кондратьев...»	319
93. «К тебе, Тамара, мой порыв...»	319
94. «Ходит путник в час полночный...»	319
95. Архитектор	320
96. «Ноты вижу...»	323
97. «Колесо радости жена...»	323
98. Знак при помощи глаза	324
99. О. Л. С.	324
100. «Теперь я окончательно запутался...»	324
101. «Я понял будучи в лесу...»	327
102. О водяных кругах	327
103. Подруга	328
104. «Я запер дверь...»	329
105. Постоянство веселья и грязи	332
106. Что делать нам?	333
107. Романс	334
108. «Горох тебе в спину...»	334
109. Песнь («Мы закроем наши глаза...»)	335
110. Физик, сломавший ногу	336
111. Неизвестной Наташе	336
112. Олейникову	338
113. «Однажды утром воробей...»	338
114. Страшная смерть	338
115. На смерть Казимира Малевича	339
116. Заумная песенка	339
117. Хорошая песенка про Фефюлю	340
118. Сон двух черномазых дам	341
119. «Некий Пантелей ударил пяткой Ивана...»	341
120. «Одна девочка сказала: „гвя“...»	342
121. «Брейте бороду и усы!..»	342
122. «Ведите меня с завязанными глазами...»	343
123. «Григорий студнем подавился...»	343
124. «Я долго смотрел на зеленые деревья...»	344
125. «Шел Петров однажды в лес...»	344
126. Смерть дикого воина	345

НИКОЛАЙ ЗАБОЛОЦКИЙ

<i>Вступительная заметка</i>	346
127. Офорт	346
128. Новый быт	347
129. Движение	349
130. Поприщин	349
131. На лестницах	350
132. Цирк	352
133. Искушение	355
134. Меркнут знаки Зодиака	357
135. Искусство	359
136. Вопросы к морю	360
137. Битва слов	360
138. Время	362
139. Прощание с друзьями	366

ИГОРЬ БАХТЕРЕВ

<i>Вступительная заметка</i>	367
140. Тихайшая из пиес	367
141. Натюреля	368
142. Элегия	370
143. Потусторонний разговор	372
144. Варвара (или Сатира из ее квартиры)	372
145. Археологическая любовь	376
146. Один старик, вместо лампы себя повесивший	377
147. Знакомый художник	379
148. Деревенские картины	380
149. Построение чувств	381
150. Опасное путешествие	383
151. Утверждение	386
152. Рыба пык или Колб колопень и щека	387

НИКОЛАЙ ОЛЕЙНИКОВ

<i>Вступительная заметка</i>	389
153. Начальнику отдела	390
154. Карась	391
155. Посвящение	393
156. Короткое объяснение в любви	393
157. Генриетте Давыдовне	394
158. Машинистке на приобретение пелеринки	395
159. Татьяне Николаевне Глсбовой	395
160. Хвала изобретателям	396
161. Служение науке	397
162. Озарение	398
163. Наука и техника	399
164. Неблагодарный пайщик	399

165—166. Б а с н и	
1. Несходство характеров	399
2. Дружба как результат вымогательства	399
167. Послание артистке одного из театров	400
168. Послание, одобряющее стрижку волос	400
169. Послание, бичующее ношение одежды	401
170. Быль, случившаяся с автором в ЦЧО	402
171. Генриху Левину по поводу влюбления его в Шурочку Любарскую	403
172. На выздоровление Генриха	406
173. Послание (<i>«Блестит вода холодная в бутылке...»</i>)	407
174. Шуре Любарской	408
175. Послание (<i>«На заболевание раком желудка»</i>)	410
176. Чревоугодие (<i>Баллада</i>)	410
177. Лиде	413
178. Прощание	413
179. Чарльз Дарвин	415
180. Смерть героя	415
181. На день рождения Т. Г. Г.	416
182. Муха	416
183. Супруге начальника (<i>«На рождение девочки»</i>)	417
184. Перемена фамилии	418
185. Таракан	420
186. Из жизни насекомых	422
187. О нулях	422
188. Пучина страстей (<i>Философская поэма</i>)	423

КОНСТАНТИН ВАГИНОВ

<i>Вступительная заметка</i>	429
189. Юноша	430
190. «Я променял весь дивный гул природы...»	430
191. «Бегу в ночи над Финскою дорогой...»	431
192. «Один среди мглы, среди домов ветвистых...»	431
193. «Поэзия есть дар в темнице ночи струнной...»	432
194. «Не тщись, художник, к совершенству...»	432
195. «О, сколько лет я превращался в эхо...»	433
196. К Музе	433
197. «Пред разноцветною толпою...»	434
198. «Я стал просвечивающей формой...»	434
199. Ворон	435
200. «На крышке гроба Прокна...»	435
201. «И снова мне мерещилась любовь...»	436
202. «Над миром рысцой торопливой...»	436
203. «В стремящейся стране в определенный час...»	436
204. Эвридика	436
205. Психея (<i>«Любовь — это вечная юность...»</i>)	437
206. «Тебе примерещился город...»	437
207. «Я восполненья не искал...»	438
208. Ночь	438
209. «Час от часу редет мрак медвяный...»	439

210.	Музыка	439
211.	«За ночью ночь пусть опадает...»	440
212.	«Два пестрый одеяла...»	440
213.	Эллинисты	442
214.	«Мрак побелел, бледнели лица...»	442
215.	«От берегов на берег...»	443
216.	«Не лазуревый дождь...»	444
217.	«Дрожал проспект, стреляя светом...»	444
218.	«На лестнице я, как шаман...»	445
219.	«Ангел ночной стучит, несется...»	445
220.	«Звук О по улицам несется...»	446
221.	Песня слов	447
222.	Ленинградская ночь	449
223.	«Война и голод, точно сон...»	450
224.	«Нам в юности Флоренция сияла...»	451
225.	«И дремлют львы, как изваянья...»	451

ЗВУКОПОДОБИЕ

226.	«Он разлюбил себя, он вышел в непогоду...»	462
227.	«Он с каждым годом уменьшался...»	462
228.	«Уж день краснеет, точно нос...»	463
229—230.		
	1. «Черно бесконечное утро...»	464
	2. «Нет, не расстался я с тобою...»	464
231.	«Прекрасен мир не в прозе полудикой...»	464
232.	«На набережной рассвет...»	465
233.	«В повышенном горе...»	465
234.	«Русалка пела, дичь ждала...»	465
235.	«Какою прихотью глупейшей...»	466
236.	«Хотел он, превращаясь в волны...»	467
237.	«Звукоподобие проснулось...»	467
238.	«Как жаль, — подумалось ему...»	468
239.	«За годом год, как листья под ногою...»	469
240.	Ночное пьянство	469
241.	Голос	470
242.	«Пред Революцией громадной...»	471
243.	«Психея дивная...»	472
244.	Нарцисс	472
245.	«Золотые глаза...»	472
246.	«Он с юностью своей, как должно, распрощался...»	473
247.	«Всю ночь дома дышали светом...»	473
248.	«Кентаврами восходят поколения...»	475
249.	«Подделки юную любовь напоминают...»	475
250.	«Норд-ост гнул пальмы, мушмулу, маслины...»	475
251.	«Почувствовал он боль, в поток людей глядя...»	476
252.	Южная зима	477
253.	«Вступил в Крым в зеркальную прохладу...»	477
254.	«В аду прекрасное селенье...»	478
255.	«Промозглый Питер легким и простым...»	478

ПРИЛОЖЕНИЯ

АЛЕКСАНДР ВВЕДЕНСКИЙ

256. Парша на отмели 481

ДАНИИЛ ХАРМС

257. Землю, говорят, изобрели конюхи 484
258. Комедия города Петербурга 487
259. Ночный обыск 528
260. «Короткая молния пролетела над кучей снега...» . . . 529
261. «Дни дни клонились к вечеру...» 529
262. Дон Жуан 530
263. «Я руку протянул. И крикнул...» 534
264. «Гнев Бога поразил наш мир...» 535

НИКОЛАЙ ЗАБОЛОЦКИЙ

265. «Пошли на вечер все друзья...» 536
266. Поэзия обэриутов 538

Другие редакции и варианты 541

Примечания 581

К иллюстрациям 630

П67 Поэты группы «ОБЭРИУ» / Вступ. ст.
М. Б. Мейлаха. Сост., подг. текста, биогр. спр. и
примеч. М. Б. Мейлаха, Т. Л. Никольский,
А. Н. Олейникова, В. И. Эрля. — СПб.: Сов. пи-
сатель, 1994. — 640 с., 16 л. ил. (Б-ка поэта.
Большая серия).

ISBN 5-265-02520-0

В книге впервые собрано поэтическое наследие группы поэтов-постфутуристов, составивших последнее объединение в русле русского авангарда. В 1930-е годы группа была разгромлена, почти все ее участники подверглись репрессиям и многие погибли.

П 4702910202 — 002
083(02) — 94

ББК 84.Р7

